

한국학센터
CENTER for KOREAN STUDIES
KazUIR&WL

KAZUIR&WL
KOREAN STUDIES

CIS 대학생 한국학 논문집 13

카자흐 국제관계 및 세계언어대
한국학센터

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО КОРЕЕВЕДЕНИЮ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СНГ ВЫПУСК 13

한국학센터
CENTER for KOREAN STUDIES
KazUIR&WL

КАЗУМОиМЯ им.Абылай хана

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО КОРЕЕВЕДЕНИЮ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СНГ

Выпуск 13

Алматы 2026

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

ЦЕНТР КОРЕЕВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ПО КОРЕЕВЕДЕНИЮ
СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СНГ
выпуск 13

Алматы, 2026

“This work was supported by the *Core University Program for Korean Studies* of the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service at the Academy of Korean Studies (AKS-2021-OLU-2250007).”

ББК 66.4 (519.5 Корея)

С 23

Редакционная коллегия «Сборника научных статей по корееведению студентов вузов СНГ (выпуск 13)»:

Главный редактор:

Пак Н.С., д.ф.н., профессор КазУМОиМЯ, Казахстан

Ответственный редактор:

Чан Ходжон, Ph.D., профессор КазУМОиМЯ, Казахстан

Члены редакционной коллегии:

Пэк Тхэхён, к.и.н., профессор КИЦА, Кыргызстан

Ко Хоюн, Ph.D., профессор Назарбаев Университет, Казахстан

Хан Н.Ч., Ph.D., профессор КазУМОиМЯ, Казахстан

Ким У.А., директор Центра корееведения КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Казахстан

Курманбекова В.А., Ph.D, КазУМОиМЯ, Казахстан

Борантаева Ф.Ж., КазУМОиМЯ, Казахстан

Аксаналиева Ж.Н., КазУМОиМЯ, Казахстан

Составители:

Жайлауова А.Т., КазУМОиМЯ, Казахстан

Слямгажиева Д.С., КазУМОиМЯ, Казахстан

С 23 «Сборник научных статей по корееведению студентов вузов СНГ» Вып. 13. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Казахстан. 2026. 346 с.

ISSN 2415-752X

В данном сборнике представлены статьи студентов вузов СНГ по различным областям корееведения. Статьи расположены в алфавитном порядке и публикуются на русском, корейском языках.

Данное издание выпущено при поддержке Академии Корееведения Республики Корея.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей – студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, преподавателей, ученых, исследователей, а также тех, кто интересуется Кореей и проблемами корееведения.

ISSN 2415-752X

ББК 66.4 (519.5 Корея)

© КазУМОиМЯ им. Абылай хана

СОДЕРЖАНИЕ

АҚТАНБЕРГЕН А., КИМ А. Отражение образа королевы Сондок в легендах и современной культуре Южной Кореи	5
АҚТАНБЕРГЕН А. Корей және казак тіліндегі лингвомәдениеттану терминінің қалыптасуы	14
АҚТАНБЕРГЕН А. Корейская империя (1897–1910): процессы модернизации и их исторические итоги	24
АЙТЖАНОВ Р., ҒҰМАР А. Киберкультура Южной Кореи и Казахстана: от геймеров до метавселенной.....	39
베케노바 아텔리아. 현대 한국 미디어에 나타난 사회문제: 불평등한 계층 구조와 다문화 인물 재현을 중심으로.....	78
ЧЕРНЫШОВ Т., ГРЕБЕНЩИКОВА Е. Стратегии Республики Корея на мировом рынке электромобилей в условиях усиления китайской конкуренции	87
ИСАЕВА С., ТЕГАЙ К. Стратегии перевода слэнга (на материале вебтунов)	100
КАИРЪБЕКОВА А.Б, ПЕН Я.В. Передача национально-культурных реалий в дипломатическом дискурсе: на примере выступлений представителей Республики Корея в ООН.....	115
КАЛИЛАЕВА Д. Имиджевая политика Южной Кореи: рост числа иностранных студентов как инструмент soft power	126
КАЛЫБАЕВА А., ЦОЙ А., БЕКСУЛТАНОВА Ж. Переводческие аспекты нулевой эквивалентности в корейско-русской языковой паре .	138
КИМ А., КИМ Е., СУЛАЙМАНОВА К. Феномен k-pop: мягкая сила, глобализация и влияние на культурное пространство Казахстана.....	149
КИМ МИ ЁН. Влияние «мягкой силы» Южной Кореи на ее экономические и политические позиции в мире.....	159
МИРОШИНА А. Культурная дипломатия КНДР на примере взаимодействия с СССР/Россией	170
ПАНОВА Е., МОЛДЫБАЕВА Т. Сравнительный анализ культурных характеристик корейских фамильных кланов и казахских ру.....	181
ПОСЫСАЕВА Е. Инновации в культурной политике - влияние современных тенденций на традиционные элементы культуры	194
SHIOSHVILI M. Loanwords and language influence: english borrowings in modern georgian and korean.....	207
ЦОЙ Я., СМАГУЛОВА С. Особенности заголовков новостных текстов южнокорейских сми и их перевод на русский язык	214
ВОЛКОВА А. Корейский буддизм: от Позднего Чосона до японской оккупации	225
ВОЛКОВА А. Буддизм на Корейском полуострове во второй половине XX века	236

<참고 1> 한국 인명 지명의 러시아어 표기	252
<참고 2> CIS (구 소련) 인명 지명의 한글 표기	253
<참고 3> 러시아어 외래어 표기법	254
<참고 4> CIS(구 소련) 인명의 한글 표기 용례	259
<참고 5> CIS(구 소련) 지명의 한글 표기 용례	311
참고문헌 작성 예시	342
목차	343

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА КОРОЛЕВЫ СОНДОК В ЛЕГЕНДАХ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Актанберген Аян, Ким Альбина
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 3 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Токтарбаева А. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: В статье рассматривается отражение образа королевы Сондок — первой женщины-правителя в истории Кореи, возглавившей государство Силла в VII веке. Особое внимание уделяется тому, как личность и деяния королевы, описанные в хрониках и легендах, стали частью культурного наследия и мифологического сознания корейского народа. В работе анализируется, каким образом этот образ, сочетающий мудрость, справедливость и духовную силу, сохраняется и переосмысливается в современной культуре Южной Кореи — в литературе, исторических сериалах и общественном восприятии. На основе легендарных сюжетов и современных интерпретаций выявляется, как фигура королевы Сондок превратилась в символ национальной гордости, мудрости и вдохновения для новых поколений.

Ключевые слова: королева Сондок, Силла, корейские легенды, культура Южной Кореи, история Кореи, символ мудрости, культурное наследие

Title: The Reflection of Queen Seondeok's Image in Legends and Contemporary South Korean Culture

Author: Aktanbergen Ayan, Kim Albina, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (3th grade), Almaty, Kazakhstan

Advisor: Toktarbayeva A., Ablai Khan University

Abstract: This article examines the reflection of Queen Seondeok's image — the first female ruler in Korean history, who governed the Kingdom of Silla in the 7th century. Special attention is given to how her personality and deeds, described in chronicles and legends, became part of Korea's cultural heritage and mythological consciousness. The study explores how this image, combining wisdom, justice, and spiritual strength, is preserved and reinterpreted in modern South Korean culture — through literature, historical dramas, and public perception. Based on legendary narratives and contemporary interpretations, the article reveals how Queen Seondeok has transformed into a symbol of national pride, wisdom, and inspiration for future generations.

Keywords: Queen Seondeok, Silla, Korean legends, South Korean culture, Korean history, symbol of wisdom, cultural heritage

*Предполагаемый портрет
королевы Сондок*

1. Введение

Королева Сондок (кор. 선덕여왕, правление 632–647 гг.) была первой царствующей королевой в истории древнекорейского государства Силла и первой женщиной-правительницей в истории Кореи [1]. Её правление пришлось на один из самых критических периодов Трёх королевств (Силла, Когурё, Пэкче), когда Силла боролась за своё выживание и будущую унификацию Корейского полуострова. Королева Сондок важна не только как исторический деятель, но и как символ женской власти и мудрости в конфуцианском обществе, где

доминировали мужчины.

Образ королевы Сондок интересен тем, что он сформировался на стыке исторических фактов и легенд, наделяющих её почти сакральной мудростью и способностью к пророчеству. Изучение этого образа требует внимания не только к сухим хроникам, но и к богатой мифологии, поскольку легенды и мифы часто отражают коллективное восприятие правителя и его роль в национальной идентичности. Именно мифологический контекст позволяет понять, как личность королевы Сондок была вписана в культурный код Кореи. В современном контексте, где наблюдается рост популярности корейской культуры (Халлю), фигура королевы Сондок, романтизированная и драматизированная в кинематографе, приобретает глобальное значение, выступая идеалом сильного женского лидерства.

Целью данной работы является комплексный анализ трансформации образа королевы Сондок, начиная с историографических источников («Самгук саги» и «Самгук юса») и заканчивая современной интерпретацией в массовой культуре, с особым акцентом на роль мифологических сюжетов в легитимации и популяризации её правления.

2. Источники формирования образа королевы Сондок: «Самгук саги» и «Самгук юса»

Образ королевы Сондок формировался на основе двух ключевых историографических источников периода Корё, а также более поздних текстов и устных преданий.

«Самгук саги» (Исторические записи Трёх государств, XII в.)

Это официальная хроника, составленная Ким Бусиком [1]. В этом труде Сондок представлена в первую очередь как политический и исторический деятель. Основное внимание уделяется факту её восшествия на престол из-за отсутствия наследников мужского пола в «священной кости» (сонголь), её дипломатическим усилиям с династией Тан и военным конфликтам с государством Пэкче. Хроника подчёркивает её роль как законной правительницы, хотя и упоминает о трудностях, связанных с её полом и внутренними конфликтами, такими как восстание Пидама. «Самгук саги» фиксирует реалии её правления: военные поражения, потерю территорий и необходимость поиска сильных союзников (Тан) для обеспечения выживания государства, что является исторически достоверным, но менее героическим описанием [2].

«Самгук юса» (Оставшиеся предания Трёх государств, XIII в.)

Этот сборник легенд, мифов, народных сказаний и жизнеописаний, составленный буддийским монахом Ирёном, кардинально отличается от официальной хроники. В «Самгук юса» исторические факты отходят на второй план, уступая место чудесам, знамениям и пророчествам. Именно здесь закрепляется образ королевы Сондок как мудрой и проницательной правительницы, наделённой особым, сверхъестественным даром. Легенды этого источника были жизненно необходимы для легитимации женской власти в патриархальной среде, так как они представляли королеву Сондок не просто как вынужденную преемницу, а как божественно избранную фигуру, чья мудрость превосходила мужскую логику [3].

3. Мифологическая конструкция образа: анализ «Трёх предсказаний»

Легендарный образ королевы Сондок, зафиксированный в «Самгук юса», строится вокруг трёх основных мифологических сюжетов, демонстрирующих её трансцендентную мудрость [3]. Эти «Три предсказания» стали ключевыми элементами национального мифа о королеве.

Легенда о пионах (Пророчество об отсутствии аромата)

Первое предсказание произошло, когда королева Сондок была ещё принцессой Токман.

Сюжет: «Китайский император Тай-цзун подарил её отцу — королю Чинпхёну — картину с изображением красных, пурпурных и белых пионов и три меры семян этих цветов. Увидев картину, принцесса приказала посадить их, но сказала так: «*Эти цветы, скорее всего, не пахнут*». Люди дождались цветения всходов, расцвели красивые пионы, но они, действительно, не пахли» [4].

Истолкование: Королева позже объяснила: «Если бы они пахли, то на картине были бы изображены парящие над ними пчёлы и бабочки. И вообще, китайский император хотел посмеяться надо мной из-за того, что у меня нет мужа». В другой интерпретации, она увидела отсутствие аромата как знак того, что у неё не будет мужа.

Эта легенда с ранних лет демонстрирует не только её наблюдательность, но и политическую проницательность — способность распознавать скрытые смыслы и дипломатические намёки (насмешка императора Тана над тем, что Силлой будет править незамужняя женщина). Таким образом, её мудрость представлена как интуитивная, но глубоко аналитическая.

Легенда о лягушках в пруду Озерного павильона (Пророчество о нападении)

Второе пророчество касается защиты государства от внешнего врага.

Сюжет: «Однажды люди пошли к королеве за разъяснениями происшествия в пруду *Окмунчжи* монастыря *Ёнмёса* в городе Кёнчжу. Дело в том, что в его окрестностях было слышно нескончаемое кваканье лягушек. Это продолжалось три-четыре дня» [4]. Королева, услышав кваканье жаб зимой в пруду *Йоньмо* (Озерный павильон), предсказала, что в пограничной крепости *Йоньмок* (*Йоньмок-сон*) будет нападение, и указала, что солдаты-нападающие будут спрятаны под корнями срубленного дерева.

Действие и Истолкование: Королева немедленно отправила верных подчинённых в указанное ущелье горы *Ёгынгок*. Там действительно нашли около 500 врагов, и генерала по имени *У Со*, который спрятался за скалой. Все были убиты солдатами *Силла* [5]. На вопрос людей о том, как она могла догадаться об этом, Сондок ответила: «Пруд *Окмунчжи* олицетворяет женщину. Женщина – это энергия *инь*, которая светит белым цветом. Белый цвет означает запад. А рассерженные лягушки – это военные. Поэтому я знала, что враги спрятались на западе страны». Таким

образом, жабы («божественный воин» — Ёксоль) ассоциировались с мужским началом и воинами, а их скопление у пруда указывало на скрытую опасность.

Эта легенда напрямую связывает мудрость правительницы с *небесным мандатом* и знанием космологических принципов (*инь/ян*, стороны света), превращая военный успех в результат божественного провидения.

Пророчество о собственном захоронении

Третье предсказание касается смерти и посмертного статуса королевы.

Сюжет: «Она точно предсказала место и время своей смерти и место захоронения *на вершине холма Торичхон (Небо 33-х богов)*» [6].

Истолкование: Спустя 10 лет после её смерти, прямо под местом её могилы был построен храм Сачхонванса (Храм Четырёх Небесных Царей). Таким образом, её могила оказалась прямо под буддийским храмом, что символизировало её переход в божественный ранг и защиту государства. *Торичхон* является одним из высших небес в буддийской космологии. Это предсказание обеспечивает сакрализацию её власти и личности, гарантируя её покровительство государству даже после смерти, что было крайне важно для буддийского государства Силла [4].

Чхонсондэ (кор. *첨성대*) — древняя астрономическая обсерватория в Инвандонг г. Кёнджу пров. Кёнсан-Пукто, Республика Корея.

Чхонсондэ и звёзды

К образу королевы Сондок также приписывают строительство *Чхонсондэ* (кор. *첨성대*, букв. «Башня для наблюдения за звёздами»), одной из старейших сохранившихся обсерваторий в Восточной Азии [7]. Это сооружение стало материальным символом её научной и астрономической мудрости, связывая её правление с небесными мандатами гармонией космоса.

4. Современная рецепция образа: от летописи к дораме

Современная культура Южной Кореи активно использует и трансформирует образ королевы Сондок, популяризируя его по всему миру.

Телесериал «Великая королева Сондок» (2009)

Самым известным примером является телесериал «Великая королева Сондок» (The Great Queen Seondeok, 2009). В этой драме исторический образ радикально романтизируется и драматизируется, смещая акцент с божественного провидения на личную борьбу и политическую интригу [8].

Трансформация наследования: Исторический факт отсутствия наследника мужского пола (необходимость правления женщины из «священной кости») превращается в пророчество о двойнях и необходимости воспитания Токман в изгнании как юноши-хварана. Этот сюжетный ход позволяет включить мотив личного роста, борьбы за идентичность и преодоления трудностей.

Антагонист: Вводится сильный, но, возможно, частично или полностью вымышленный антагонист — леди **Мисиль**. Мисиль служит контрастом, подчёркивающим моральные качества и легитимность Сондок, превращая историю в эпическую битву за трон и судьбу Силла.

Романтика: Добавляется сильная романтическая линия (например, с Ким Юсином и Пидамом), которой нет в исторических источниках. Это делает образ королевы более близким и понятным современному зрителю.

Сравнение легендарного и современного образа

Современный образ королевы Сондок, во многом сформированный популярной культурой, представляет собой значительную трансформацию её легендарного образа, смещая акцент с мистического на прагматический.

В первую очередь, это касается мотива мудрости. Если легендарный образ в «Самгук юса» трактует мудрость как

сакральное пророчество и сверхъестественную интуицию, подтвержденные «Тремя предсказаниями» (Пионы, Жабы, Погребение), то современный образ в дорамах трансформирует её гениальность в практический интеллект, стратегическое мышление, дипломатические способности и упорство в процессе обучения (например, через сюжет о хваранстве).

Мотив восхождения на трон также подвергся сильной драматизации. В то время как историческое восшествие было прямым наследованием в рамках системы «священной кости» при отсутствии наследников мужского пола, в современной интерпретации этот путь превращается в эпическую борьбу с антагонистом (леди Мисиль), преодоление изгнания, скрывание пола и выполнение мистического пророчества о двойнях.

Наконец, меняется и функция женской власти. Легенды акцентировали внимание на необходимости божественной легитимации её правления для преодоления гендерного барьера в патриархальном обществе, ставя в центр чудеса и знамения. Напротив, современный образ позиционирует её как идеал женского лидерства, равного или превосходящего мужское, смещая акцент на личность и компетенцию правительницы, а также на личностную драму, политические интриги и романтику, характерные для жанра исторического эпоса. В целом, современная интерпретация сохраняет мотив королевы Сондок как мудрой правительницы, но заменяет сакральное провидение на обоснованное стратегическое предвидение и личные заслуги.

Образ королевы Сондок сегодня выполняет несколько важных функций:

Национальная идентичность и гордость: Она является символом *золотого века Силла* и предвестницей объединения Кореи.

Популяризация истории: Дорамы служат мощным инструментом популяризации корейской истории и культуры (*Халлю*).

Идеал женской власти: В современном контексте Сондок является идеалом сильного, компетентного и просвещённого женского лидера, вдохновляя на преодоление гендерных стереотипов.

5. Заключение

Образ королевы Сондок представляет собой яркий пример того, как история и миф сплетаются, создавая мощный культурный

символ. Историческая королева Сондок, описанная в «*Самгук саги*», была дальновидной правительницей, столкнувшейся с серьёзными политическими и гендерными вызовами. Легендарная королева Сондок из «*Самгук юса*» стала воплощением сакральной мудрости и божественного провидения, необходимых для легитимации её беспрецедентного царствования в патриархальном обществе.

Современные интерпретации, в частности популярная дорама, трансформировали этот образ, заменив сакральное пророчество на личностный рост и политическую борьбу. Тем не менее, ключевые мотивы — мудрость, сила и выдающееся лидерство — остались неизменными. Благодаря легендам, образ королевы Сондок дошел до нас в форме более яркой и живой «личности», чем сухие исторические записи. Можно утверждать, что мифологический образ оказался более удобным для общественного дискурса и культурной памяти. Он позволил современникам связать прошлое и настоящее: фольклорная королева Сондок олицетворяет для корейцев идеал просвещённого лидера-женщины, который оправдывает и поддерживает современные ценности.

Образ королевы Сондок сегодня является не просто историческим фактом, но и живым, развивающимся идеалом женской власти, имеющим огромное значение для изучения корейской истории, культуры и её места в глобальном культурном пространстве. Устойчивая популярность легенды объясняется её культурной и политической «полезностью» — она предлагает удобный образ для национального самосознания.

Список использованной литературы:

1. Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи трех государств). В 3 т. Т. 1. Летописи Силла/ Ким Бусик; изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М.Н. Пака. Москва: Восточная литература, 2001. 384, VI, 202, VIII с. (Памятники письменности Востока; CXVI, 1).
2. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2002. 626 с.
3. Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Перевод с ханмуна, вступительная статья, комментарий и указатели Ю.В. Болтач. Санкт-Петербург: ИД «Гиперион», 2018. 894 с.
4. Самгук Юса. Глава 11. Три события, о которых заранее знала королева СонДок// Koryo-saram.site.

<https://koryo-saram.site/samguk-yusa-glava-11-tri-sobytiya-o-kotoryh-zarance-znala-koroleva-son-dok/>

5. Бутин Ю.М. От Чосона к Трем Государствам. (II в. до н.э. — IV в.). Новосибирск, 1984. 256 с.
6. Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее. Москва, 1985. 152 с.
7. Воробьев М.В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. Москва, 1961. 147 с.
8. The Great Queen Seondeok: [телесериал]/ реж. Пак Хон Гюн, Ким Гын Хон. Южная Корея: MBC, 2009.

КОРЕЙ ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ЛИНГВОМӘДЕНИЕТТАНУ ТЕРМИНІНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

Ақтанберген Аян
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, 3 курс
Алматы, Қазақстан

Ғылыми жетекші: Бүркітбай Г.Ж. (ҚазХҚжӘТУ)

Аңдатпа: Қазіргі заманғы гуманитарлық ғылымдарда тіл мен мәдениеттің өзара байланысы маңызды зерттеу тақырыптарының бірі болып табылады. Мақалада тіл мен мәдениеттің өзара байланысын зерттейтін лингвомәдениеттану ғылымының теориялық және салыстырмалы аспектілері қарастырылады. Лингвомәдениеттану ұлттық мәдениеттің тілдік көрінісін, дәстүрлі және заманауи құндылықтарын, халықтың дүниетанымын, әлеуметтік қатынастарын, этикалық және эстетикалық нормаларын тілдік бірліктер арқылы талдауға бағытталған. Мақала барысында қазақ және корей тіл біліміндегі лингвомәдени бірліктер салыстырмалы түрде зерттеледі: қазақ тілінде бұл сала дәстүрлі көшпелі өмір салтына, салт-дәстүрге, заттық және рухани мәдениетке негізделсе, корей тіл білімінде әлеуметтік иерархия, конфуцийлік этикет, отбасылық және қоғамдық қатынастарға қатысты тілдік бірліктерге басымдық беріледі. Мақалада тілдік бірліктердің мәдени-семиотикалық жүйе ретіндегі қызметі, ұлттық дәстүрлердің тілдегі көрінісі және олардың этнолингвистикалық маңызы талданады. Сонымен қатар, мақалада лингвомәдени концепттердің (мысалы, қазақ тіліндегі «бата», «қонақ – құт»; корей тіліндегі 호, 예, 정, 한) ұлттық мәдениет пен әлеуметтік тәртіпті бейнелеудегі рөлі ашылады. Лингвомәдениеттану саласының маңыздылығы тіл мен мәдениет арасындағы сабақтастықты, тарихи тәжірибені және мәдениетаралық коммуникацияны нығайту мүмкіндіктерін айқындауымен сипатталады.

Кілтті сөздер: Лингвомәдениеттану, тіл мен мәдениет, лингвомәдени бірлік, ұлттық мәдениет, қазақ тіл білімі, корей тіл білімі, дәстүр, этикет, мәдени код, салыстырмалы зерттеу

제목: 카자흐어의 언어문화학 개념

필자: 악탄베르겐 аян, 카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대 3학년, 알마티, 카자흐스탄

지도교수: 부르키트бай гаухар, 카자흐 국제관계 및 세계언어대

개요: 현대 인문학에서 언어와 문화의 상호 연관성은 중요한 연구 주제 중 하나이다. 본 논문은 언어와 문화의 상호 관계를 연구하는 학문인 언어문

화학의 이론적·비교적 측면을 고찰한다. 언어문화학은 민족 문화의 언어적 표상, 전통적·현대적 가치, 민족의 세계관, 사회적 관계, 윤리적·미학적 규범을 언어 단위를 통해 분석하는 것을 목적으로 한다. 논문에서는 카자흐어와 한국어 언어학에서의 언어문화 단위를 비교 연구한다. 즉, 카자흐어의 경우 전통적인 유목 생활 방식, 관습과 전통, 물질적·정신적 문화에 기반한 언어문화 현상이 중심이 되는 반면, 한국어의 경우 사회적 위계, 유교적 예절, 가족 및 사회적 관계와 관련된 언어 단위에 중점을 둔다. 또한 본 논문은 언어 단위가 문화적·기호학적 체계로서 수행하는 기능, 언어 속에 반영된 민족 전통, 그리고 그 민족언어학적 의의를 분석한다. 아울러 카자흐어의 「바타(bata)」, 「손님은 곧 복(қонақ – құт)」과 한국어의 효, 예절, 한과 같은 언어문화 개념들이 민족 문화와 사회 질서를 표상하는 데서 수행하는 역할을 밝힌다. 언어문화학의 의의는 언어와 문화 간의 연속성, 역사적 경험, 그리고 문화 간 의사소통을 강화할 수 있는 가능성을 제시하는 데 있다.

주제어: 언어문화학, 언어와 문화, 언어문화 단위, 국가 문화, 카자흐어 언어학, 한국어 언어학, 전통, 예절, 문화 코드, 비교 연구

Қазіргі заманғы гуманитарлық ғылымдарда тіл мен мәдениеттің өзара байланысын зерттеу — ең өзекті мәселелердің бірі. Тіл — тек қарым-қатынас құралы ғана емес, сонымен қатар белгілі бір этностың дүниетанымы мен мәдени құндылықтарының тікелей көрсеткіші. Осыған байланысты қалыптасқан «лингвомәдениеттану» термині тіл мен мәдениеттің бірлігін, олардың өзара әрекеттестігін және ұлттық ерекшеліктерді бейнелеудегі рөлін зерттейтін сала ретінде қарастырылады [1, 45 б.].

«Лингвомәдениеттану» (лат. *lingua* –тіл, *cultura* – мәдениет) термині тіл мен мәдениеттің өзара тығыз байланысын білдіреді. Бұл ұғым — лингвистика мен мәдениеттанудың тоғысқан саласы. Лингвомәдениеттану белгілі бір этнос өкілдерінің тілі арқылы берілетін ұлттық-мәдени ақпараттарды зерттейді. Кез келген тілдік құбылыс белгілі бір мәдени мәнге ие болады [2, 4 б.].

Бұл ғылымның негізгі мақсаты — ұлттық болмыстың тілдегі көрінісін, халықтың танымдық және рухани әлемін таныту. Ол ұлттық сипатқа ие әлеуметтік, танымдық, этика-эстетикалық және тұрмыстық қатынастарды тілдік құралдар арқылы зерттейді [3, 10 б.].

Лингвомәдениеттану тіл білімінің дербес саласы ретінде ХХ ғасырдың 90-жылдары қалыптасты. «Лингвомәдениеттану» термині ресейлік фразеологиялық мектеп өкілдері — В.Н. Телия,

Ю.С. Степанов, А.Д. Арутюнова, В. Воробьев, В. Шаклеин, В. Маслованың зерттеулерінде пайда болды. Дегенмен тіл мен мәдениеттің өзара сабақтастығы алғаш рет ХІХ ғасырда В. фон Гумбольдтің «Адам тілдері құрылысының айырмашылығы және оның адамзаттың рухани дамуына әсері туралы» атты еңбегінде айқындалды.

Гумбольдт осы еңбегі арқылы тіл білімінде антропологиялық бағыттың негізін қалады. Сондай-ақ «ұлттың тілдік санасы» ұғымын алғаш рет ғылыми айналымға енгізді. Ғалым өз зерттеуінде «Ұлттың тілдік санасы деп тілде көрініс тапқан халықтың дүниетанымы мен аялық білімін, түсінігін атау керек. Әрбір тіл ұлттың ішкі әлемінде сипатталады, себебі ол орта сол ұлтқа ғана тиесілі. Өзге мәдениетті игеру үшін сол халықтың рухын бойға сіңіру қажет» [4, 10-11 б.] деп, атап көрсеткен.

Сепир-Уорф гипотезасына сүйенсек, лингвомәдениеттану — әртүрлі халықтардың лингвомәдени кеңістігіне контрастивтік талдау жасаушы ғылым. Сондықтан бұл саланың негізгі нысаны — тіл мен мәдениеттің сабақтастығын біртұтас жүйе ретінде қарастырып, одан туындайтын интерпретацияларды зерттеу [5].

Лингвомәдениеттанудың негізгі бағыттары:

Нақты (жеке) лингвомәдениеттану: белгілі бір әлеуметтік топтың немесе этностың өзіне тән лингвомәдени жағдайын зерттейді.

Диакрондық лингвомәдениеттану: белгілі бір уақыт кезеңіндегі этностың лингвомәдени жағдайының өзгеру динамикасын қарастырады.

Салыстырмалы лингвомәдениеттану: әртүрлі этностардың лингвистикалық және мәдени ерекшеліктерін өзара салыстыра отырып зерделейді.

Лингвомәдени лексикография: мәдени аспектіні ескеретін лингвоелтанымдық және аймақтық сөздіктерді құрастырумен айналысады [6, 37 б.].

Лингвомәдениеттанудың зерттеу нысаны — лингвомәдени бірліктер. Бұл бірліктер ұлттық мәдениеттің құндылықтарын, ұстанымдарын, халықтың дүниетанымын, бағалау жүйесі мен қарым-қатынасын бейнелі түрде сипаттайтын сөздер мен тіркестерді қамтиды.

Мысалы, қазақ тіліндегі «бата» концептісі — халықтың ізгі ниеті мен сөзге деген сенімін, рухани құндылықтарын айқындайтын бірлік. Бата беру дәстүрі арқылы үлкен мен кіші арасындағы

байланыс, жақсылыққа ұмтылу және әлеуметтік келісім сипатталады. «Батамен ел көгереді» деген тәмсіл бұл ұғымның жай ғана сөз емес, ұлттық мәдени код екенін көрсетеді. Лингвомәдениеттану ғылымының дамуы тіл мен мәдениеттің ажырамас байланысын тереңірек түсінуге, сол арқылы әртүрлі халықтар арасындағы мәдениетаралық коммуникация мен өзара түсіністікті нығайтуға мүмкіндік береді [7, 56 б.].

Қазақ тіл білімінде лингвомәдениеттанымдық талдаулар әртүрлі деңгейде жүргізіліп келеді. «Лингвомәдениеттану» термині дербес сала ретінде бекітілгенге дейін-ақ, тіл мен мәдениеттің сабақтастығы, тіл арқылы ұлт болмысын тану мәселелері академик Ә. Қайдардың еңбектерінде көрініс тапты. Ғалымның «Қазақтар ана тілі әлемінде: Адам, қоғам, табиғат» атты этнолингвистикалық сөздігінде өзге мәдениетте баламасы жоқ, тек ұлтқа ғана тән мәдени атаулардың мағынасы айқындалып, қазақ сөзінің семантикасы жаңғыртылды [8, 19]. Бұл еңбек ұмытылуға айналған көне ұғымдардың қайта жаңғыруына негіз болды.

Лингвомәдениеттану саласының қажеттілігі мен маңыздылығы – ұлттың рухани және материалдық қазынасын таңбалаушы сөздердің ішкі мәнін (уәжін) сақтап қалу болып табылады. Тіл — жай ғана қарым-қатынас құралы емес, ол — халықтың тарихи жадының қоймасы. Егер белгілі бір дәстүр қолданыстан шықса, онымен бірге сол ұғымды сипаттайтын тілдік бірліктердің де «жаны» сөніп, олар тек сөздік қордағы құрғақ лексемаларға айналады. Көптеген көне жоралғылар, мәселен, «ашамайға мінгізу» дәстүрі бүгінгі күні қалалық өмір салтына байланысты сирек орындалып, ұмытылуға айналды. Бұл жоралғының өзіндік лингвомәдени мәні мен терең тәрбиелік астары бар. «Ашамай» — бала атқа еркін отыруы үшін арнайы жасалған, екі қапталы аша тәрізді кішкене ер. Бұл тек атқа мінгізу процесі емес, ұл баланың есею жолындағы ең алғашқы әлеуметтік статусын бекітетін «ер азамат болуға қадам» ритуалы болып табылады.

Лингвомәдени талдау аспектілері: «Ашамайға мінгізу» — баланың ат тізгінін алғаш рет өз қолына алуын сипаттайтын фразеологизм. Бұл жердегі «ат» символы — еркіндік пен жауапкершіліктің нышаны. Баланың «тізгін ұстауы» — болашақта өз өміріне, еліне ие болу қабілетін қалыптастырудың символикалық көрінісі. Бұл жоралғы кезінде айтылатын «байғазы» лексемасы да лингвомәдениеттану тұрғысынан маңызды. Ол тек сыйлық қана

емес, баланың жаңа жетістігін қоғамның (ағайын-туыстың) мақұлдауы мен қолдауының белгісі.

Егер бұл рухани мәдениеттің бөлшегі ұрпақтан ұрпаққа үздіксіз жалғасын тапқанда, тілдік жүйедегі «ашамай», «тізгін қағу», «тақымы қату» сияқты тіркестердің мағынасы бүгінгі жастарға түсінікті әрі жақын болар еді. Қазіргі көзқараспен қарасақ, бұл дәстүр тек этнографиялық жәдігер ретінде ғана қабылданады. Сондықтан лингвомәдениеттану ғылымы мұндай атаулардың астарындағы халықтық педагогика мен дүниетанымдық кодтарды ашып көрсетуімен құнды.

Қазақ тіл білімінде тіл мен мәдениеттің өзара сабақтастығын терең зерделеген ғалымдардың бірі — профессор Е. Жанпейісов. Ғалым өз зерттеулерінде қазақ халқының заттық және рухани мәдениетінің бірегейлігін дәйектеу үшін этнолингвистикалық және салғастырмалы әдістерді кеңінен қолданды. Лингвомәдениеттану саласының басты ерекшелігі де осында: мұндай талдаулар барысында ұлттық мәдени атаулардың өзге тілдердегі баламалары сараланып, олардың толық эквивалентті, жартылай эквивалентті немесе бейэквивалентті (тек бір ұлтқа тән) екендігі нақтыланады. Осы орайда Е. Жанпейісов төрт түлік мал шаруашылығына қатысты әбзелдерді, күтім мен жосын-жоралғыларды [9, 28] басқа түркі тілдерімен салыстыра зерттеді. Бұл ізденістер қазақтың төл материалдық мәдениетіне қатысты лексемалардың этно-мәдени мазмұны мен шынайы мән-мағынасын ашуға мүмкіндік берді.

Қазіргі кезеңде қазақ тіл білімінде лингвомәдениеттану дербес ғылыми пән ретінде орнығып келе жатқанымен, ұлттық мәдениеттің тілде көрініс табатын мағыналық қырларын айқындауға бағытталған зерттеулер жүйелі түрде жүргізіле бастады. Тіл, ұлт және мәдениет арасындағы өзара тығыз байланыс лингвомәдениеттану ғылымының негізгі зерттеу нысаны ретінде қарастырылады. Бұл сала қазақ халқының дүниетанымын ғана емес, өзге этностардың өмір салты мен мәдени ерекшеліктері туралы да құнды мәлімет береді. Сонымен қатар лингвомәдениеттану көрші халықтар арасындағы тарихи, мәдени сабақтастықты, салт-дәстүрлер мен наным-сенімдердегі ортақ белгілерді салыстыра зерттеуді мақсат етеді. Осы тұрғыдан алғанда, лингвомәдениеттану зерттеу ауқымының кеңдігімен тіл білімінің басқа бағыттарынан ерекшеленеді. Мысалы, қазақ дүниетанымында «қонақ – құт» деп есептеледі. Қонақжайлық ұғымы халықтың әлеуметтік қарым-

қатынасын, этикалық нормаларын айқындайтын мәдени құндылық ретінде қалыптасқан. Осыған байланысты қонақты төрге шығару, дәм ұсыну, сый-құрмет көрсету дәстүрлері қалыптасқан.

Қонақ келсе – ырыс келеді, Қонақ аз отырып, көп сынайды деген халық мақалдары қонаққа деген көзқарастың тек тұрмыстық емес, терең мәдени мағынаға ие екенін көрсетеді. Мұндай тілдік бірліктерде халықтың өмір тәжірибесі, әлеуметтік құндылықтары мен мінез-құлық нормалары жинақталған. Қонақжайлықтың қалыптасу себебі көшпелі өмір салтымен, табиғи орта жағдайымен және өзара көмекке негізделген қоғамдық қатынастармен тығыз байланысты.

Қазақ тіл білімінде лингвомәдени бірліктердің мағыналық табиғатын арнайы зерттеген ғалымдардың бірі – Нұргелді Уәли. Ғалым лингвомәдени ақпараттың адам санасында кодталған жүйе ретінде сақталатынын дәлелдейді:

«Тілдік таңбалар арқылы берілетін ақпарат пен мәдени мазмұндағы ақпарат кодталған семиотикалық жүйе ретінде танылады. Мұндай жүйедегі кодтың адресат тарапынан қалай қабылданып, қалай ашылатынын талдау лингвомәдени зерттеулердің маңызды бағыты [10, 6] болып табылады».

Зерттеуші бұл тұста халықтың тарихи жадында сақталған дүниетаным, сенім, ойлау жүйесі мен тұрмыс-тіршілігі қысқа әрі бейнелі тілдік құрылымдар арқылы берілетінін атап көрсетеді. Осылайша лингвомәдени бірліктер ұлттық мәдениеттің тілдегі көрінісі ретінде ерекше маңызға ие болады.

Әлемнің тілдік бейнесін қалыптастыратын архетиптер мен стереотиптер әр этностың тарихи тәжірибесі мен мәдени санасына тән ұлттық болмысты айқындайды. Бұл тілдік сананың құрамында көрініс табатын ұғымдар арқылы халықтың дүниені қабылдау ерекшелігі анықталады. Мәселен, қазақ халқының тілдік санасында «үлкенді құрметтеу», «төр», «бата» ұғымдары ұрпақтар сабақтастығын, дәстүрге адалдықты білдіретін мәдени құндылықтар ретінде орныққан. Корей халқының тілдік санасында иерархиялық қатынастарды білдіретін «хё» (ᄒᆞ) – ата-анаға құрмет, маңызды әлеуметтік-мәдени архетиптер ретінде танылады. Ал ағылшын халқының тілдік санасында тұлғалық еркіндік пен жеке шекараны сақтау ұғымдары басым болып, олар тілде прагматикалық және әлеуметтік қарым-қатынас нормалары арқылы көрініс табады.

Ал корей тіл білімінде лингвомәдениеттанымдық бағыттағы зерттеулер әртүрлі деңгейде жүргізіліп келеді. «Лингвомәдениеттану» термині дербес ғылыми сала ретінде бекітілмей тұрып-ақ, тіл мен мәдениеттің өзара сабақтастығы, тіл арқылы ұлттық болмысты тану мәселелері корей гуманитарлық ғылымында кеңінен қарастырылған. Әсіресе конфуцийлік дүниетанымға негізделген тілдік этикет, әлеуметтік иерархия мен мәдени құндылықтарды сипаттайтын еңбектерде тілдің мәдени қызметі айқын көрініс тапты [11]. Корей ғалымдарының тіл мен мәдениетті тұтастықта қарастыруға бағытталған зерттеулері ұлттық мәдени атаулардың мағынасын ашып, корей сөздерінің мәдени-семантикалық қырын жаңғыртуға негіз болды. Бұл еңбектер корей халқының тарихи санасында сақталған көне ұғымдардың ғылыми айналымға қайта енуіне жол ашты. Корей тіл білімінде лингвомәдениеттану дербес ғылыми бағыт ретінде 언어와 문화의 관계 (тіл мен мәдениеттің арақатынасы) мәселелерін зерттеу аясында қалыптасты. Қазақ тіліндегі «лингвомәдениеттану» терминіне мағыналас ұғымдар корей ғылымында 언어문화학 (eoneo munhwahak — тіл мәдениеті туралы ғылым) және 문화언어학 (munhwa eoneohak — мәдени-тілтаным) атауларымен қолданылады. Бұл терминдер тілдік бірліктер арқылы ұлттық мәдениет, дүниетаным, әлеуметтік құндылықтар мен тарихи тәжірибенің қалай таңбаланатынын зерттеуге бағытталған.

Корей лингвомәдениеттануының теориялық негіздері XX ғасырдың екінші жартысында этнолингвистика, прагмалингвистика және әлеуметтік лингвистика бағыттарының ықпалымен дамыды. Корей зерттеушілері тілдік таңбаларды тек грамматикалық немесе лексикалық жүйе ретінде емес, 문화적 기호 체계 (мәдени семиотикалық жүйе) ретінде қарастырады. Осы тұрғыдан алғанда, тіл — корей халқының тарихи жады мен рухани мәдениетінің сақтаушысы әрі жеткізушісі болып табылады [12].

Корей тіліндегі лингвомәдени талдауларда ұлттық дүниетанымды айқындайтын негізгі концепттер ерекше орын алады. Мәселен, 호 (huo — ата-анаға құрмет), 예 (ye — әдеп, рәсім, этикет), 정 (jeong — эмоциялық жақындық, адамаралық жылылық), 한 (han — тарихи жинақталған ішкі мұң, трагедиялық сана) сияқты ұғымдар корей тілдік санасының өзегін құрайтын лингвомәдени концепттер ретінде танылады [13]. Бұл сөздер тек сөздік мағынамен шектелмей, корей қоғамындағы мінез-құлық нормаларын,

моральдық жауапкершілік пен әлеуметтік қатынастарды реттейтін мәдени код қызметін атқарады.

Корей тіл білімінде лингвомәдениеттанудың маңызды нысандарының бірі — сөйлеу этикеті мен сыпайылық категориясы. Корей тіліндегі 존댓말 (jondaetmal — сыпайы сөйлеу) және 반말 (banmal — бейресми сөйлеу) формалары таза грамматикалық құбылыс қана емес, әлеуметтік иерархияны, жас ерекшелігін, туыстық және қызметтік қатынасты білдіретін лингвомәдени бірліктер болып табылады. Бұл формалар арқылы корей қоғамындағы «үлкен–кіші», «басшы–бағынушы» сияқты қатынастар тілдік деңгейде нақты айқындалады [14].

Корей лингвомәдениеттануында лингвомәдени бірлік 언어문화 단위 немесе 문화언어 단위 ретінде сипатталады. Мұндай бірліктер тілдік жүйеден тыс мәдени мазмұнды қамтып, ұлттық тәжірибені жинақтайды. Егер тілдік мағына сөздің семантикалық құрылымымен шектелсе, мәдени мағына халықтың тарихи жады, әлеуметтік институттары мен дүниетанымымен тікелей байланысты болады. Осы себепті корей тіл білімінде мақал-мәтелдер, тұрақты формулалар, этикет сөздер мен концептуалдық атаулар лингвомәдени талдаудың негізгі материалы ретінде қарастырылады. Фразеологизмдер мен мақал-мәтелдер халықтың ұлттық ойлау жүйесін, дүниетанымын бейнелейді. Корей тілінде көптеген мақал-мәтелдер бар, олардың мағыналары корей қоғамының өмір салтымен тікелей байланысты:

호랑이도 체 말 하면 온다 (*Жолбарысты айтсаң, ол келеді*) – қазақ тіліндегі *Аузыңды ашсаң, жүрегің көрінеді* мағынасына ұқсас.

가재는 게 편이라 (*Шаян өзіне жақындарға жақтасады*) – *Балық басынан шіриді* деген мағынаға жақын [11].

Сонымен қатар корей лингвомәдениеттануы салғастырмалы сипатта да дамып келеді. Корей ғалымдары ұлттық-мәдени атауларды қытай, жапон және батыс тілдерімен салыстыра отырып, олардың толық эквивалентті, жартылай эквивалентті немесе бейэквивалентті екенін анықтайды. Бұл зерттеулер корей мәдениетіне ғана тән ұғымдардың тілдегі шынайы мағынасын ашуға мүмкіндік береді.

Осылайша, корей тіліндегі «лингвомәдениеттану» термині тіл мен мәдениетті тұтас семиотикалық жүйе ретінде қарастыратын, ұлттық болмыстың тілдік бейнесін айқындауға бағытталған кешенді ғылыми сала болып табылады. Бұл бағыт мазмұны мен әдіснамасы жағынан қазақ лингвомәдениеттануымен тығыз

сабақтасып, салыстырмалы зерттеулер жүргізуге теориялық негіз қалайды.

Қазақ және корей тіл біліміндегі лингвомәдениеттанудың теориялық негіздері ұқсас: екі тілде де зерттеушілер тілдік бірліктерді тек грамматикалық немесе лексикалық жүйе ретінде емес, мәдени семиотикалық жүйе ретінде қарастырады. Бұл тұрғыдан алғанда тіл — ұлттық тарихи жадының және рухани мәдениеттің сақтаушысы.

Алайда айырмашылықтар да айқын көрінеді. Қазақ тіл білімінде зерттеулер көбіне дәстүрлі өмір салты, көшпелі мәдениет, тұрмыстық жоралғылар мен салт-дәстүрлерге бағытталған. Мысалы, қонақ – құт, қонақ аз отырып, көп сынайды сияқты мақал-мәтелдер қонақжайлық мәдениетінен туған тілдік бірліктер ретінде талданады [15]. Ал корей тіл білімінде зерттеулер конфуцийлік иерархиялық жүйе, этикет және әлеуметтік мінез-құлық нормаларына көбірек көңіл бөледі. 효 (ата-анаға құрмет), 예 (әдеп, рәсім), 정 (эмоциялық жақындық), 한 (трагедиялық сана) сияқты ұғымдар корей тілдік санасының негізгі лингвомәдени концептері болып табылады. Сонымен қатар, корей тіліндегі 존댓말 / 반말 жүйесі әлеуметтік қатынасты көрсететін маңызды лингвомәдени бірлік ретінде қарастырылады.

Салыстырмалы тұрғыда қарасақ, қазақ лингвомәдениеттануы ұлттық дәстүр, заттық және рухани мәдениеттің тілдегі көрінісін зерттесе, корей лингвомәдениеттануы әлеуметтік тәртіп, отбасылық этикет пен моральдық қатынастарға қатысты тілдік бірліктерді талдауға көбірек бағытталған. Дегенмен, екі тілде де лингвомәдениеттану ұлттық болмыстың тілдік бейнесін ашуға, тарихи тәжірибені және дүниетанымды зерттеуге арналған кешенді ғылыми сала ретінде қалыптасқан.

Осы тұрғыдан, қазақ және корей тіл біліміндегі «лингвомәдениеттану» терминдерінің қолданысы құрылымдық, әдіснамалық жағынан ұқсас болса да, зерттеу объектілері мен мәдени контекстке байланысты ерекшеленеді. Қазақ тіл білімінде бұл сала этнографиялық жәдігерлер мен дәстүрлі өмір салтына негізделсе, корей тіл білімінде әлеуметтік этикет, конфуцийлік моральдық нормалар және қоғамдағы иерархиялық қатынастар зерттеу нысаны болып табылады. Екеуі де ұлттық мәдениет пен тіл арасындағы өзара байланысты анықтауға бағытталған ғылыми бағыт ретінде құнды болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. 332 с.
2. Сейсенова А.Д. Лингвистикалық мәдениеттану этикет формулаларына салыстырмалы талдау. Алматы, 1998. 183б.
3. Қайдар Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселелері лингвомәдениеттану аспектісі. Алматы: Дәуір, 2004. 280б.
4. Гумбольдт В.Ф. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450с.
5. Петрова В.В. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1986. 356с.
6. Сүлейменова Э.Д. Лингвистикалық энциклопедиялық сөздік. Алматы: Ғылым, 1998. 320б.
7. Балтабай А. Лингвомәдениеттану және ұлттық код. Астана: Фолиант, 2017. 215б.
8. Қайдар Ә. Қазақтан ана тілі әлемінде этнолингвистикалық сөздік. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. Т.1. Адам. 780б.
9. Жанпейісов Е. Қазақ ескіліктері. Алматы: Қазақ тілі баспасы, 2018. 352б.
10. Уәли Н. Сөз мәдениетінің теориялық негіздері. Филология ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындаған авторефераты. Алматы, 2007. 45б.
11. 한용, 김지훈. 러시아어와 한국어 언어문화 비교 연구 // 러시아학. 2017. №15. С. 27–51.
12. 한영수. 한국어 속어와 문화적 의미 // 언어와 문화연구. 2020. Vol. 12, No. 3. С. 45–62.
13. 장민호. 효, 예, 정, 한: 한국어 속 개념과 사회문화적 역할 // 문화언어학연구. 2019. №7. С. 15–33.
14. 박지연. 한국어 존댓말과 반말의 사회문화적 의미 // 언어문화학. 2018. Vol. 6, No. 2. С. 21–38.
15. Абаған А.Б., Жұбатова Б.Н. Фразеологизмдердегі ұлттық мәдениеттің бейнеленуі (қазақ және корей тілінің материалдары негізін // Journal of Oriental Studies. 2017. Т. 83, № 4. Б. 70–78.

КОРЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ (1897–1910): ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Актанберген Аян
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 3 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Тоқтарбаева А. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: Статья рассматривает процессы модернизации в Корейской империи (대한제국, 1897–1910) и их исторические результаты. Особое внимание уделяется реформам Кванму (광무개혁), направленным на укрепление государственного суверенитета, централизацию власти, создание регулярной армии, реформу финансовой системы и развитие образования. Анализируются внутренние преобразования и внешнее давление со стороны Японии (일본), Китая (청) и России (러시아), которые ограничивали возможности реализации реформ и существенно влияли на политическую и экономическую стабильность. Показано, что реформы Кванму являлись комплексным проектом модернизации, однако их успех был ограничен внешними факторами, что привело к постепенной утрате самостоятельности Корейской империи и окончательной аннексии Японией (한일병합조약, Hanil Byeonghap Jojak) в 1910 году. Реформы рассматриваются как прерванный этап национальной модернизации, который оказал влияние на последующее формирование государственного управления и национального самосознания.

Ключевые слова: Корейская империя, реформы Кванму, модернизация, внешнеполитическое давление, Япония, Китай, Россия, суверенитет, административные реформы, экономические реформы, военные реформы, образование, социальные изменения

Title: The Korean Empire (1897–1910): Processes of Modernization and their Historical Outcomes

Author: Aktanbergen Ayan, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (3th grade), Almaty, Kazakhstan

Advisor: Toktarbayeva A., Ablai Khan University

Abstract: The article examines the modernization processes in the Korean Empire (대한제국, 1897–1910) and their historical outcomes. Special attention is given to the Gwangmu Reforms (광무개혁), aimed at strengthening state sovereignty, centralizing power, establishing a regular army, reforming the financial system, and developing education. The study analyzes internal transformations and external pressures from Japan (일본), China (청), and Russia (러시아), which limited the effectiveness of reforms and influenced

political and economic stability. The Gwangmu Reforms are shown to have been a comprehensive modernization project, yet their success was constrained by external factors, leading to the gradual loss of independence and the final annexation by Japan (한일병합조약, Hanil Byeonghap Joyak) in 1910. These reforms are interpreted as an interrupted stage of national modernization, shaping later state governance and national consciousness.

Keywords: Korean Empire, Gwangmu Reforms, modernization, foreign pressure, Japan, Qing, Russia, sovereignty, administrative reforms, economic reforms, military reforms, education, social changes

Введение

История Корейского полуострова на рубеже XIX–XX веков представляет собой сложный и многослойный процесс трансформации государства, общества и международного положения [1]. Этот период характеризуется сочетанием внутренних структурных изменений и нарастающего влияния внешних сил, что создаёт уникальные условия для анализа динамики политической модернизации и национального суверенитета. Корейская империя (대한제국, Daehan Jeguk) возникла в этих условиях как попытка сочетать традиционное конфуцианское государственное устройство с требованиями эпохи модернизации и международного признания.

Период существования Корейской империи отличался высокой степенью институциональной нестабильности, вызванной сочетанием нескольких факторов. С одной стороны, это были внутренние противоречия старой бюрократической системы и сословной структуры общества, с другой — быстро меняющаяся международная среда, в которой роль Восточной Азии усиливали Япония (일본), Россия (러시아) и Китай (청) [2]. В таких условиях традиционные методы управления оказались недостаточными для обеспечения устойчивости государства и защиты национальных интересов.

Особое место в истории Корейской империи занимают реформаторские процессы, направленные на обновление политических, экономических, военных и культурных институтов [3]. Эти процессы не возникли в вакууме: они были реакцией на структурные слабости государства, необходимость централизации власти и создания современной управленческой, военной и финансовой системы. В то же время, проведение реформ происходило под постоянным давлением внешних сил, что

превращало каждый шаг модернизации в сложный баланс между внутренними потребностями и международными ограничениями.

Цель данной статьи заключается в комплексном анализе реформ Кванму (광무개혁, Gwangmu Gaehyeok) как ключевого механизма модернизации Корейской империи, а также изучении внешнеполитических факторов, которые определяли возможности и ограничения реализации этих реформ. Важным аспектом является оценка их исторического значения и последствий для корейской государственности, культуры и национального самосознания, а также выявление причин, по которым модернизационный проект не достиг своих стратегических целей.

1. Провозглашение Корейской империи (대한제국, Daehan Jeguk) и политический кризис конца XIX века

Конец XIX века стал для Корейского полуострова периодом глубокого системного кризиса, затронувшего все ключевые сферы общественной и государственной жизни. Государство Чосон (조선, Joseon), существовавшее более пяти столетий, вступило в фазу институционального истощения: традиционная конфуцианская модель управления перестала соответствовать условиям быстро меняющегося международного порядка. Бюрократическая система, опиравшаяся на сословные привилегии янбанов (양반), демонстрировала неспособность эффективно реагировать на экономические, социальные и внешнеполитические вызовы [4].

Внутренние проблемы усугублялись активным вмешательством иностранных держав. Китай (淸) на протяжении веков рассматривал Корею как зону своего влияния, однако поражение в японо-китайской войне 1894–1895 годов резко ослабило его позиции [5]. Япония (일본), напротив, превратилась в доминирующую силу в регионе, рассматривая Корею как стратегически важный плацдарм для дальнейшей экспансии. Россия (러시아) также пыталась укрепить своё присутствие, поддерживая корейский двор, однако её влияние носило ограниченный и нестабильный характер.

Кульминацией кризиса стала трагическая гибель императрицы Мин — Мёнсон-хванху (명성황후, Myeongseong Hwanghu) — в октябре 1895 года, известная в историографии как

«Фотография, долгое время известная как изображение императрицы Мин. В работе *The Passing of Korea* (대한제국 멸망사) она представлена под заголовком «Женщина при дворе в полном церемониальном облачении» (A Palace Woman in Full Regalia)».

«инцидент года Эульми» (을미사변). Японские агенты и прояпонски настроенные реформаторы организовали её жестокое убийство непосредственно во дворце Кёнбоккун (경복궁). Императрица выступала против усиления японского влияния и стремилась опереться на Россию как противовес Японии, что сделало её ключевой мишенью политического давления [6].

Убийство Мёнсон-хванху имело далеко идущие последствия. Оно не только подорвало авторитет корейского двора, но и продемонстрировало пределы корейского суверенитета в условиях внешнего вмешательства. Опасаясь за

свою жизнь и судьбу наследника, король Коджон (고종, Gojong) в 1896 году бежал из дворца и укрылся в здании российского посольства в Сеуле вместе со своим сыном, наследным принцем Ичхоком (이척), будущим императором Сунджоном (순종, Sunjong) [7]. Этот эпизод, известный как «убежище в русской миссии» (아관파천), стал символом крайней политической нестабильности и зависимости корейского государства от внешних сил [8].

Возвращение Коджона во дворец в 1897 году сопровождалось принципиально важным политическим решением — провозглашением Корейской империи (대한제국). Король Коджон принял титул императора (황제), тем самым заявив о полном суверенитете государства и отказе от вассальных

отношений с Китаем [1]. Этот шаг имел не только символическое, но и правовое значение: имперский статус должен был обеспечить Корею формальное равенство с другими империями Восточной Азии и Европы.

Провозглашение империи рассматривалось как попытка преодолеть кризис легитимности и создать условия для глубокой модернизации государства. Имперская форма правления позволяла императору Коджону сосредоточить власть в своих руках и приступить к системным преобразованиям, направленным на укрепление административного аппарата, армии и финансовой системы. Вместе с тем трагедия

«Коджон, также известный по своему титулу правления как император Кванму (광무), был первым императором Кореи.»

убийства императрицы Мин и последующие события ясно показали, что любые реформы будут осуществляться в условиях постоянного внешнего давления, прежде всего со стороны Японии.

Таким образом, провозглашение Корейской империи стало ответом на сочетание внутренних структурных проблем и внешнеполитической угрозы. Этот акт одновременно символизировал стремление к национальному суверенитету и обозначил пределы реальной независимости корейского государства. Именно в этой противоречивой обстановке и начали формироваться реформы Кванму (광무개혁), призванные превратить имперский статус в действенный инструмент модернизации.

2. Реформы Кванму (광무개혁, Gwangmu Gaehyeok): причины, направления и содержание

Провозглашение Корейской империи в 1897 году создало лишь формальную основу для укрепления суверенитета, однако само по себе не решало структурных проблем государства. После убийства императрицы Мин (명성황후, Myeongseong Hwanghu) и бегства короля Коджона из дворца стало очевидно, что традиционная система управления эпохи Чосон не способна

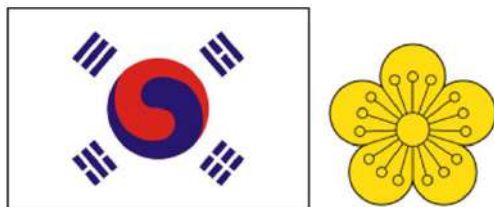
обеспечить ни внутреннюю стабильность, ни защиту от внешнего вмешательства [3]. Именно осознание этой уязвимости стало ключевой причиной начала реформ Кванму (광무개혁).

Главной причиной внедрения реформ было стремление корейского правительства превратить имперский статус из символического жеста в реальный политический ресурс. Император Коджон исходил из того, что сохранение независимости возможно лишь при наличии:

- централизованного и эффективного аппарата власти;
- современной армии;
- устойчивой финансово-экономической базы;
- образованной управленческой элиты.

Реформы Кванму стали ответом не только на внутренний кризис, но и на усиливающееся давление Японии, которая после японо-китайской войны всё активнее вмешивалась во внутренние дела Кореи.

Административно-политические реформы (행정·정치 개혁)

«Государственные символы Корейской империи: флаг и императорская печать»

В административной сфере реформы Кванму были направлены на демонтаж устаревшей системы управления, основанной на сословных привилегиях и фракционной борьбе [9]. Была проведена реорганизация центральных органов власти, в результате которой сформировались современные министерства:

- Министерство внутренних дел (내부);
- Министерство финансов (탁지부);
- Министерство иностранных дел (외부);
- Министерство армии (군부);
- Министерство образования (학부).

Целью этих преобразований было усиление личной власти императора и ослабление влияния традиционной янбанской элиты. Впервые в истории Кореи предпринималась попытка выстроить вертикаль управления, при которой государственные должности

определялись не происхождением, а функциональной необходимостью и образованием.

Правовые и социальные реформы (법제·사회 개혁)

Не менее важным направлением стала правовая модернизация. В рамках реформ Кванму начался переход от традиционного конфуцианского правопорядка к более формализованной системе законов. Проводилась кодификация законодательства, вводились письменные процедуры судопроизводства, что должно было сократить произвол местных чиновников [10].

Социальные реформы были направлены на постепенное разрушение жёсткой сословной структуры общества. Формально отменялись ограничения, препятствовавшие социальной мобильности, расширялся доступ к образованию и государственной службе. Эти меры носили ограниченный характер, однако они символизировали отход от средневековой социальной модели и стремление к формированию «подданного империи», а не представителя конкретного сословия.

Экономические реформы (경제 개혁)

Экономическая слабость государства являлась одной из главных причин уязвимости Кореи. В рамках реформ Кванму была предпринята попытка создать устойчивую финансовую систему. Вводился кадастровый учёт земель (지계사업), основанный на современных методах картографии, что позволяло упорядочить налогообложение и увеличить доходы государства.

Правительство поощряло развитие инфраструктуры: строительство дорог, телеграфных линий, модернизацию городского пространства. Одновременно предпринимались попытки ограничить неконтролируемое проникновение иностранного капитала, прежде всего японского, хотя на практике это оказалось крайне затруднительным [11].

Военные реформы (군사 개혁)

Военная реформа рассматривалась как ключевой элемент сохранения независимости. Был создан Совет маршалов (원수부), централизовавший командование вооружёнными силами. Формировалась регулярная армия, вводилась военная полиция, инженерные подразделения, применялись элементы западной военной подготовки.

Однако корейская армия развивалась в условиях постоянного внешнего давления. Японские военные советники,

контроль над портами и транспортными путями, а позднее прямое военное присутствие Японии существенно ограничивали реальные возможности модернизации армии [12].

Реформы в сфере образования и культуры (교육·문화 개혁)

Реформы Кванму предполагали создание новой образовательной системы, способной подготовить управленческую и техническую элиту. Открывались государственные школы нового типа, вводилось преподавание естественных наук, математики и иностранных языков [2]. Образование рассматривалось как стратегический ресурс, необходимый для модернизации армии, экономики и дипломатии.

При этом традиционное конфуцианское образование не было полностью упразднено, что отражало компромиссный характер реформ и стремление избежать резкого разрыва с культурной традицией.

3. Внешнеполитическое давление Японии (일본의 압박) и ограничение модернизационного потенциала Корейской империи

Реформы Кванму (광무개혁), несмотря на их системный характер и направленность на укрепление суверенитета Корейской империи, разворачивались в крайне неблагоприятной внешнеполитической обстановке. Уже в конце XIX века стало очевидно, что внутренние преобразования не могут быть реализованы изолированно от международного контекста, в котором доминирующую роль всё более уверенно занимала Япония (일본). Именно внешнее давление стало тем фактором, который постепенно нейтрализовал результаты модернизационных усилий корейского правительства.

Японское вмешательство в корейские дела имело длительную предысторию. Ключевым рубежом стал Японско-корейский договор 1876 года, известный как Канхваский договор (강화도조약). Этот документ, подписанный под угрозой военной силы, открыл порты Пусан (부산), Вонсан (원산) и Инчхон (인천) для японской торговли и предоставил японским подданным экстерриториальные права. Договор фактически лишал Корею экономического суверенитета и создавал правовую основу для дальнейшего вмешательства Японии во внутренние дела страны [6].

В последующие десятилетия Япония последовательно расширяла своё присутствие на Корейском полуострове, используя

экономические, дипломатические и военные механизмы. После японо-китайской войны 1894–1895 годов влияние Китая (淸) резко сократилось, а Япония превратилась в главного внешнего игрока в Корее [13]. Именно в этот период усилилось давление на корейский двор, кульминацией которого стало убийство императрицы Мёнсон-хванху (명성황후) и вынужденное бегство Коджона (고종) в российское посольство.

Даже после провозглашения Корейской империи Япония не признала реальную самостоятельность корейского государства. Напротив, имперский статус Кореи рассматривался японскими политическими кругами как временное и формальное явление. В дипломатической сфере Япония добивалась ограничения корейской внешней политики, препятствуя установлению равноправных отношений Кореи с другими державами. Любые попытки императора Коджона опереться на Россию (러시아) или европейские страны вызывали жёсткую реакцию Токио.

Экономическое давление Японии носило системный характер. Японские компании получали приоритетные права на торговлю, строительство железных дорог, разработку полезных ископаемых и эксплуатацию портовой инфраструктуры [14]. Контроль над портом Пусан (부산) имел особое значение: он превратился не только в экономический, но и в стратегический пункт, обеспечивавший быструю переброску японских войск и снабжение. Финансовая зависимость Корейской империи от японского капитала существенно ограничивала возможности реализации экономических реформ Кванму.

Военная сфера стала одним из главных объектов японского вмешательства. Несмотря на создание Совета маршалов (원수부) и попытки сформировать регулярную армию, Корея не располагала реальными средствами для противодействия японской военной мощи. Японские войска контролировали ключевые транспортные узлы, а присутствие военных советников позволяло Токио влиять на организацию и деятельность корейских вооружённых сил. Таким образом, военная модернизация, задуманная как опора независимости, оказалась под внешним контролем.

Решающим этапом утраты политической самостоятельности стала Русско-японская война 1904–1905 годов (러일전쟁). Победа Японии в этом конфликте кардинально изменила баланс сил в Восточной Азии и лишила Корею последней возможности маневра между великими державами. В 1905 году был

навязан Договор Эульса (을사조약), в результате которого Корейская империя утратила право на самостоятельную внешнюю политику [12]. В Сеуле был учреждён институт генерального резидента (통감부), фактически контролировавшего ключевые решения корейского правительства.

С этого момента реформы Кванму утратили даже относительную автономию. Административные, военные и экономические инициативы реализовывались лишь в той мере, в какой они не противоречили интересам Японии. Император Коджон оказался отстранён от реальной власти, а его попытки привлечь международное сообщество, включая отправку тайной миссии на Гаагскую конференцию 1907 года, завершились неудачей и привели к его принудительному отречению в пользу будущего короля Сунджона (순종).

Таким образом, внешнеполитическое давление Японии стало ключевым фактором, определившим судьбу Корейской империи. Оно не только ограничило реализацию реформ Кванму, но и превратило модернизацию в противоречивый процесс, при котором внутренние усилия по обновлению государства постоянно нейтрализовывались внешним контролем. Именно в этих условиях были заложены предпосылки для окончательной аннексии Кореи в 1910 году, что определяет необходимость оценки исторических итогов модернизации Корейской империи и её долгосрочного значения для корейской истории.

4. Усиление внешнего давления и кризис реформ Корейской империи

Проведённые в рамках реформ Кванму (광무개혁) преобразования, несмотря на их масштабность и системный характер, развивались в условиях постоянно нарастающего внешнеполитического давления, прежде всего со стороны Японской империи. Если на раннем этапе реформы рассматривались как инструмент укрепления суверенитета и внутренней консолидации государства, то к началу XX века они всё в большей степени приобретали характер вынужденных, оборонительных мер, направленных на сдерживание утраты реальной независимости.

Ключевым фактором, подорвавшим эффективность реформаторского курса, стало вмешательство Японии во внутренние дела Кореи после победы в японо-китайской войне

1894–1895 гг. и особенно после русско-японской войны 1904–1905 гг. Именно последняя окончательно изменила баланс сил в Восточной Азии, превратив Корею в объект прямого японского политического и военного контроля. Заключение Японо-корейского протекторального договора 1905 года (을사조약, 乙巳條約), известного также как «Договор года Ыльса», фактически лишило Корейскую империю права на самостоятельную внешнюю политику, что стало тяжёлым ударом по самой логике реформ Кванму.

Особое значение в этом контексте имела роль японских резидентов-генералов, прежде всего Ито Хиробуми (伊藤博文, 이토 히로부미), которые оказывали прямое влияние на корейскую администрацию, финансовую систему и армию [15]. Формально сохраняя институт императорской власти, Япония постепенно разрушала его реальное содержание. Император Коджон (고종, 高宗), провозгласивший Корейскую империю (대한제국) в 1897 году как символ полной независимости, оказался в положении политической изоляции и фактической несвободы в принятии решений.

Серьёзный кризис затронул и военную сферу реформ. Создание регулярной армии нового образца (신식 군대), оснащённой современным вооружением и обученной по европейским стандартам, рассматривалось как ключевая гарантия суверенитета. Однако именно армия стала одной из первых жертв японского вмешательства: под предлогом «обеспечения порядка» японская сторона последовательно ограничивала численность корейских войск, контролировала их командование и в конечном итоге добилась их роспуска в 1907 году. Этот шаг вызвал волну вооружённого сопротивления, в том числе движение «праведных армий» (의병 운동), однако оно носило фрагментарный характер и не смогло изменить общий ход событий [6].

Экономические реформы также столкнулись с системными ограничениями. Несмотря на попытки государства усилить контроль над земельными ресурсами, финансами и инфраструктурой, японский капитал всё активнее проникал в корейскую экономику, подчиняя её интересам метрополии. Железные дороги, порты и промышленные предприятия, которые первоначально задумывались как элементы национальной модернизации, всё чаще использовались в стратегических и

колониальных целях Японии [16]. В результате реформы Кванму постепенно утрачивали своё первоначальное содержание, превращаясь из проекта национального обновления в инструмент управляемой трансформации под внешним контролем.

Таким образом, к середине первого десятилетия XX века реформаторский курс Корейской империи оказался в состоянии глубокого кризиса. Внутренние усилия по модернизации, начатые во второй половине 1890-х годов, вступили в прямое противоречие с реальностью международной политики, в которой судьба Кореи решалась без её участия. Этот разрыв между реформаторскими намерениями и фактическими возможностями государства стал преддверием окончательной утраты независимости, что логически подводит к рассмотрению завершающего этапа существования Корейской империи и её аннексии Японией.

5. Аннексия Корейской империи и окончательный крах проекта модернизации

К началу 1910-х годов Корейская империя (대한제국, 大韓帝國) находилась в состоянии глубокого политического и институционального кризиса, при котором продолжение реформ Кванму (광무개혁) стало фактически невозможным. Если на предыдущем этапе реформы были серьёзно ограничены внешним контролем, то на завершающем этапе существования империи они утратили даже формальный характер государственной политики. Корейское государство перестало быть субъектом модернизации и превратилось в объект колониального переустройства.

Кульминацией этого процесса стало подписание Японо-корейского договора о присоединении 1910 года (한일병합조약, 韓日併合條約), который юридически оформил аннексию Кореи Японией. Данный акт означал не просто ликвидацию Корейской империи как политического образования, но и окончательный разрыв с реформаторским курсом конца XIX — начала XX века. Все институты, созданные в рамках реформ Кванму — императорская администрация, армия, финансовые органы, система управления землями, — были либо распущены, либо интегрированы в колониальную структуру Генерал-губернаторства Кореи (조선총독부) [6].

Особое значение имеет тот факт, что аннексия стала возможной не в результате внезапного военного завоевания, а как итог длительного процесса политического, экономического и

дипломатического давления. Японская сторона последовательно демонстрировала, что любые попытки Кореи сохранить хотя бы ограниченный суверенитет будут нейтрализованы. В этом смысле крах реформ Кванму был обусловлен не их внутренней несостоятельностью, а отсутствием благоприятных международных условий для их реализации.

Важно подчеркнуть, что японская колониальная администрация во многом использовала инфраструктурные и институциональные заделы, созданные в период реформ Кванму. Железные дороги, система учета земель, элементы бюрократического управления и даже образовательные учреждения, возникшие в конце XIX — начале XX века, были переориентированы на нужды колониального управления [17]. Это обстоятельство позволяет рассматривать реформы не как «бесполезную попытку», а как прерванный этап национальной модернизации, результаты которого были присвоены внешней силой.

Аннексия 1910 года стала для корейского общества не только политической катастрофой, но и глубокой культурно-исторической травмой. Ликвидация императорской власти, исчезновение Кореи с карты мира и насильственное включение в состав Японской империи радикально изменили траекторию исторического развития страны. Вместе с тем именно в этот период формируются новые формы национального самосознания, сопротивления и исторической рефлексии, которые во многом опирались на опыт реформаторского движения рубежа веков.

Заключение

Реформы Кванму (광무개혁), проведённые в период существования Корейской империи (1897–1910), представляют собой один из наиболее значимых и одновременно трагичных этапов в истории корейской государственности. Они стали попыткой ответить на вызовы эпохи империализма, международного давления и ускоренной модернизации, с которыми столкнулись традиционные государства Восточной Азии на рубеже XIX–XX веков. В научных исследованиях корейских и российских корееведов данный этап рассматривается как попытка институционального и политического обновления традиционного государства в условиях нарастающего внешнего давления и кризиса прежней системы международных отношений в Восточной Азии.

Анализ реформ показывает, что корейская правящая элита осознавала необходимость системных преобразований в сфере государственного управления, военного строительства, финансовой политики и образования. Провозглашение империи, усиление монархической власти, создание регулярной армии и развитие инфраструктуры свидетельствуют о стремлении адаптировать государство к требованиям эпохи модернизации. В ряде исследований отмечается, что реформы Кванму по своей логике соотносятся с более широкими модернизационными процессами в регионе, включая реформы Мэйдзи в Японии и поздние преобразования в Цинском Китае, хотя корейский путь имел собственные ограничения и специфику.

Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что решающим фактором, ограничившим реализацию реформ, стало усиление внешнего вмешательства, прежде всего со стороны Японии. Потеря дипломатической самостоятельности, роспуск национальной армии и экономическая зависимость существенно сузили возможности проведения последовательной модернизационной политики. В этом контексте реформы Кванму всё чаще интерпретируются в научной литературе не как внутренне несостоятельный проект, а как процесс, прерванный внешнеполитическими обстоятельствами.

Современная корейская и зарубежная историография подчёркивает, что реформы Кванму свидетельствуют о наличии в Корее конца XIX века собственного модернизационного потенциала. Их неудача была обусловлена не столько отсутствием реформаторских идей или ресурсов, сколько неблагоприятной международной обстановкой и колониальным давлением. Именно поэтому данные реформы рассматриваются как прерванный проект национальной модернизации, а не как вторичное или запоздалое заимствование западных моделей.

Таким образом, историческое значение реформ Кванму заключается не только в их практических результатах, но и в их символическом и концептуальном наследии. Они стали последней попыткой сохранить государственный суверенитет Кореи в условиях глобальных имперских трансформаций и важным источником исторического опыта, который оказал влияние на формирование национального самосознания и последующие модернизационные процессы в Корее XX века.

Список использованной литературы:

1. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2002. 626 с.
2. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка/ Пер. с кор. под ред. С.О. Курбанова. М., 2000. 463 с.
3. Пак М.Н. История и историография Кореи: Избранные труды. М.: Вост. лит., 2003. 911 с.
4. Тихонов В.М. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1876 г. М., 2003. 461 с.
5. Тягай Г.Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. 239 с.
6. Заборовская Л.В. Политика Цинской империи в Корее в 1876-1910 гг. М., 1987. 131 с.
7. Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895-1917). М., 1964. 242 с.
8. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888-1897 .М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 272 с.
9. Пак В.Б. Российская дипломатия и Корея (1860-1888). Москва; Иркутск; Санкт-Петербург, 1998. 245 с.
10. Тягай Г.Д., Пак В.П. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. М., 1996. 231 с.
11. Тригубенко М.Е., Толорая Г.Д. Очерки экономики Республики Корея. М.: 1993. 152 с.
12. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. М., 1997. 278 с.
13. Симбирцева Т.М. Корея на перекрестке эпох. М., 2000. 256 с.
14. Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000. 206 с.
15. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979. Изд. 2-е доп.: М., 2004. 520 с.
16. Толстокулаков, И.А. Политическая модернизация Южной Кореи. В 2 ч. Ч. 1 / И.А. Толстокулаков. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 366 с.
17. Hilbert H.V. The History of Korea: In 2 Vol. Seoul, 1905.

КИБЕРКУЛЬТУРА ЮЖНОЙ КОРЕИ И КАЗАХСТАНА: ОТ ГЕЙМЕРОВ ДО МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Айтжанов Руслан, Гұмар Аман
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 4 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Курманбекова В.А. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: В данной статье рассматривается феномен киберкультуры в Южной Корее и Казахстане, а также ее влияние на формирование современной цифровой идентичности. **Цель исследования** заключается в анализе ключевых аспектов развития киберкультуры - от геймерских сообществ и киберспорта до становления метавселенных и виртуальных пространств. Особое внимание уделяется тому, как технологические инновации, интернет-инфраструктура и культурные ценности определяют специфику цифрового взаимодействия в каждой из стран.

Ключевые слова: геймеры, киберспорт, метавселенная, цифровая идентичность, цифровизация, интернет-культура, виртуальные сообщества.

Title: Cyberculture of South Korea and Kazakhstan: From Gamers to the Metaverse

Author: Aitzhanov Ruslan, Gumar Aman Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (4th year), Almaty, Kazakhstan

Advisor: Kurmanbekova V.A., Ablai Khan University

Abstract: This article examines the phenomenon of cyberculture in South Korea and Kazakhstan, as well as its influence on the formation of modern digital identity. The aim of the study is to analyze the key aspects of the development of cyberculture - from gaming communities and cybersports to the emergence of metaverses and virtual spaces. Special attention is paid to how technological innovations, internet infrastructure, and cultural values determine the specifics of digital interaction in each country.

Keywords: Gamers, cybersport, metaverse, digital identity, digitalization, internet culture, virtual communities.

Термин «киберкультура» вошёл в оборот в 1990-х гг. и обычно понимается как новая разновидность культуры, формируемая носителями с помощью цифровых технологий. Теоретически киберкультуру изучают с разных позиций. Французский философ Пьер Леви разглядывает её через призму коллективного интеллекта и идей Просвещения. Он рассматривает

киберкультуру как продолжение прогрессивных идеалов XVIII века - свободы, равенства и братства - реализуемых через сеть. В частности, П.Леви отмечает, что развитие цифровых коммуникаций открывает радикальные возможности для обмена информацией и самоорганизации людей [1]. Манюэль Кастельс описывает киберкультуру в контексте « сетевого общества » и « информационной эпохи ». Для М. Кастельса характерно внимание к тому, как Интернет меняет социальные сообщества: он вводит понятие виртуальных сообществ, рассматривая их как сети интерактивных коммуникаций. М.Кастельс показал, что культура Интернета отчасти определяется теми, кто создаёт сетевые технологии, и концепцией « реальной виртуальности », когда реальность и виртуальная среда сплетаются в новой форме жизни общества [2]. Кроме того, ряд западных авторов акцентирует внимание на культурном измерении. Американский критик Марк Дери ввёл в обиход понятие « киберкультурные войны », описывая влияние сетевого контркульта 1960-х (панков, хакеров) на массовую культуру 1990-х.

Феминистская мыслительница Алла Митрофанова и др. подчеркивают технологический и антропологический разрыв, утверждая, что киберкультура открыла новую технологическую и культурную эпоху современности.

В социальной теории выделяют подход цифровой социологии: киберкультура рассматривается как сложный объект цифровой трансформации общества. Как отмечено в современных исследованиях, киберкультура - « один из самых сложных и важных объектов исследования цифровой социологии », но при этом само её содержание выходит за рамки чисто социологических категорий. Важным ранним автором считаются Говард Рейнхольд, описавший основы феномена в своей книге, и другие социологи-гуманитарии, предложившие обоснования киберкультуры как нового культурного конструкта.

Каждая из названных парадигм вносит свою трактовку: когнитивно-философскую, сетевую социологическую, культурологическую. Их объединяет понимание того, что цифровые технологии не просто создают инструменты, а формируют качественно иные формы культуры и сознания. Многослойный анализ киберкультуры обычно анализируют через несколько взаимосвязанных уровней - технологический, социальный, культурный и философский.

1. Технологический уровень связан с инфраструктурой цифрового общества. Это сами цифровые сети, компьютеры, интернет-платформы, программное обеспечение и которые создают новые возможности коммуникации. Благодаря им возникла «интернет-среда» как глобальное пространство коммуникации, где обмен информацией носит преимущественно виртуальный характер. На этом уровне киберкультура понимается как плод «всемирной сети» - совокупности цифровых средств, через которые реализуются все последующие слои. Оцифровывание мира и виртуализация общественных связей приводят к появлению новых форм взаимодействия.

2. Социальный уровень описывает, как новые технологии меняют саму социальную жизнь и структуры. В киберкультуре важна роль виртуальных сообществ и сетевых групп. Пользователи сети получают новые социальные статусы и роли, например «геймер», «блогер», «нетизен», которые могут не иметь аналогов в офлайн-среде. Интернет поощряет анонимность и свободный обмен мнениями, что позволяет людям находить единомышленников вне географических ограничений. «Анонимность, обеспечиваемая всемирной сетью, является важным элементом киберкультуры» - она дает доступ к информации и участию в сообществах, зачастую недоступных в физическом мире. Социальный слой киберкультуры включает в себя онлайн-идентичности, сетевую солидарность и новые нормы поведения (сетевая этика). Сети поощряют идеи плюрализма и самопредставления: как пишут исследователи, «виртуальная среда становится воплощением идеала незыблемости личной информационной свободы».

3. Культурный уровень отражает новые ценности, смыслы и формы искусства, сформированные цифровой эпохой. Сюда входят феномены цифрового искусства, субкультур, масс-медиа, а также сам «сетевой этос» со своей эстетикой. Киберкультура привнесла в повседневность «открытость, интерактивность, гипертекстуальность, креативность». Виртуальные миры создают собственные мифы и символы, влияя на массовое сознание. Интерактивные медиатехнологии трансформируют искусство и общение, рождая новые жанры. Таким образом, киберкультура порождает конвергенцию цифровых и традиционных культурных практик.

4. Философский уровень изучает изменения мышления и мировоззрения. Киберкультура меняет восприятие реальности

(понятия «реальное» и «виртуальное» становятся ближе), трансформирует самоощущение личности и концепцию пространства-времени. Философы отмечают, что мы живём в «новой эпохе», где границы физического и виртуального размываются. Феномен «интерсубъективности», киборг-идентичности и гиперреальности, всё это части философских исследований киберкультуры. К примеру, идеалистические установки ранних интернет-групп (анархизм, свобода информации) со временем меняются на более прагматичные формы «мониторинга» и «контроля». Философски киберкультура порождает дискуссии о сущности человека в эру технологий: кто мы - прежде всего биологические существа или цифровые субъекты, и как технологии меняют наше понимание «человеческого». [3]. Далее мы рассмотрим исторические предпосылки и этапы формирования киберкультуры в Южной Корее.

1980-е годы – развитие сетей и универсального доступа. В начале 1980-х Корея активно строила телекоммуникационную сеть: государственная корпорация Korea Telecom (КТ) инвестировала в расширение телефонных линий. Уже к 1990 г. Проникновение домашнего телефона выросло с 21 % в 1980-м до 90 %. В это же время под руководством пионера интернет-технологий Кил Нам Чона (Kilnam Chon) в 1982 году была запущена экспериментальная сеть SDN (Software Development Network), использовавшая протокол TCP/IP. Это сделало Корею одной из первых стран (вне США и Европы), применивших интернет-протокол TCP/IP. Таким образом уже в 1980-е были заложены технические основы для будущего Интернета. 1990-е годы- либерализация и появление первых широкополосных сетей. В начале 1990-х происходила коммерциализация телекоммуникаций: КТ был частично приватизирован, появились альтернативные операторы.

В 1998 году кабельный провайдер Thrunet запустил первый коммерческий широкополосный доступ по кабельному модему, а в 1999 году региональный оператор Hanaro предложил DSL-сервисы [4]. В то же время предприятия наподобие Cyber Korea 21 были нацелены на создание «информационного общества». По данным ЮНЕСКО, в этот период были реализованы инфраструктурные программы Cyber Korea 21, e-Korea Vision и IT839 Strategy, призванные обеспечить всеобщий доступ к высокоскоростному Интернету. 2000-е годы – бум широкополосного Интернета. Уже к началу 2000-х годов внедрение высокоскоростного доступа резко

ускорилось. Так, в 2001 году доля южнокорейских домохозяйств с широкополосным подключением превысила 50 %, а к марту 2002 эта цифра составляла 43 % - рекорд на мировом уровне. Правительство продолжало инвестировать в оптоволоконные сети и внедрение 3G/4G; к концу 2000-х Южная Корея уже считалась мировой лидером по скорости и доступности интернета. Одновременно развивалась мобильная инфраструктура: с 2000-х по 2010-е были развернуты сети WiBro и LTE, а к 2020 году страна стала одной из первых, внедривших сети 5G [5].

Влияние технологий и медиа на формирование киберкультуры. PC-банги и онлайн-игры. PC-банги («PC 방»)-специализированные компьютерные клубы стали важной частью южнокорейской субкультуры. Удобный доступ к мощным ПК и скоростному Интернету сделал компьютерные игры массовым развлечением. Корейские геймеры и индустрия онлайн-игр выросли на этих возможностях: по оценке исследователей, «существование повсеместной сети PC-бангов (интернет-кафе) создало сильную поддержку индустрии» игр, и Южная Корея демонстрирует «самый высокий процент подписчиков на онлайн-игры среди всех стран» [6]. В результате именно в Корее в конце 1990-х – 2000-х выросло киберспортивное сообщество: культовые игры вроде StarCraft стали профессиональными лидами, транслируемыми по ТВ и в сети, а миллионы геймеров ежедневно проводили время в PC-бангах и онлайн-турнирах.

С развитием широкополосного Интернета популярность приобрели видеоплатформы и стриминг. В Южной Корее работает несколько крупных площадок live-стриминга: первая из них – AfreecaTV – запущена в 2005 году и к сегодняшнему дню насчитывает порядка 2,48 млн уникальных зрителей в месяц [7]. Опрошенные корейцы активно используют эту форму медиа: в 2023 году 68 % жителей республики регулярно смотрели онлайн-трансляции, а 20 % сами организовывали прямые эфиры.

Стриминг игр и событий стал частью повседневной. Популярность YouTube, Twitch, корейских OTT-сервисов тоже подкрепляется сверхскоростным доступом в сеть и сформированным в стране медийным спросом. Социальные сети. На заре 2000-х в Корее появились первые собственные SNS [8]. Пример – Cyworld (запущен в 1999 году) – веб-платформа, где у каждого был «мини-домашний сайт» с друзьями и аватарами. Сервис пережил «золотое десятилетие»: на пике популярности

имели место 7 млн ежедневных посетителей и 26 млн зарегистрированных пользователей. Пользователи активно обменивались фотографиями («дотори»), блогами, играми и виртуальными подарками. Позже появились другие сервисы: мессенджер КакаоTalk с соцфункциями (в 2014 г. - ~63 млн пользователей) и специализированные приложения (Naver, Band, ZEPETO и др.).

Соцсети стимулировали рост пользовательского контента: фотоблоги, короткие видео и текстовые посты стали обычным способом общения. Качество инфраструктуры обеспечило мгновенный обмен и хранение контента, что значительно ускорило «социализацию» в Сети и закрепило привычку онлайн-коммуникаций среди всех возрастов.

Свободный доступ и привычка к цифровому общению создали платформу для гражданских инициатив. Корейские «нетизены» (нетизен – интернет-гражданин) неоднократно выходили в офлайн благодаря Интернету. Например, 27 ноября 2002 года пользователь OhmyNews «Ang.Ma» призвал «выходить с зажжёнными свечами» в знак протеста против оправдания американских солдат, убивших двух школьниц; уже через несколько дней – 30 ноября – в 17 городах страны прошли акции с участием тысяч людей. Впоследствии именно такое сетевое движение (свечные протесты, студенческие флешмобы) сыграло роль и в политике: «интернет и сетевые активисты сыграли критически важную роль» в неожиданной победе независимого кандидата Но Му Хёна на президентских выборах 2003 года.

Аналогичный эффект продемонстрировали акции 2008 года (протесты против импорта американской говядины) и «свечная революция» 2016-2017 годов (массовые демонстрации против коррупции при содействии онлайн-координации), когда граждане координировали митинги, собирали пожертвования и распространяли информацию в соцсетях [9]. Таким образом интернет стал «электронной площадкой» для общественного диалога и мобилизации южнокорейцев. Следующая тема, которую мы затронули становление и развитие киберкультуры в Казахстане: современные тенденции и особенности. Казахстан в последние годы активно внедряет цифровые технологии во все сферы общества, что существенно влияет на формирование «киберкультуры» - совокупности форм поведения, коммуникаций и потребления контента в цифровом пространстве.

Цифровая трансформация стала одним из приоритетов государства: реализуются масштабные инфраструктурные проекты и программы, развивается электронное правительство и улучшается доступ к интернету. Это, в свою очередь, формирует новые нормы онлайн-общения, активности в социальных сетях и интересы молодежи. В работе рассматриваются современные тенденции цифровизации и особенности казахстанской киберкультуры: от уровня проникновения интернета и электронных сервисов до поведения пользователей в сети, популярности социальных платформ, блогеров, киберспорта и адаптации глобальных медийных практик.

Казахстан обладает достаточно развитой цифровой инфраструктурой связи. По официальным данным, большинство населения имеет доступ к интернету: в 2021 году 92,9% граждан в возрасте 6-74 лет были пользователями интернета. При этом цифровой разрыв между городом и селом сокращается – около 94% городских и ~ 90% сельских жителей уже пользуются интернетом. К примеру, по статистике на май 2025 г. Число мобильных абонентов с доступом в интернет превысило 19,16 млн человек (из 26,56 млн всего мобильных абонентов), что подтверждает высокую степень охвата. [10]

Для устранения оставшихся «белых пятен» в доступности сети реализуются крупные инфраструктурные проекты. В результате 99% аулов и сел по всей стране получают доступ к стабильному интернету [11]. Подключение охватит школы, медицинские учреждения, органы местной власти, бюджетные организации, общественные точки доступа и более 40 пунктов пропуска на границе. В 88% населенных пунктов будет использована волоконно-оптическая технология, в 12% – спутниковая [12]. К 2027 году охват 4G достигнет 92% населенных пунктов, а сеть 5G будет развернута в 20 городах. Кроме того, планируется охватить 40 тыс. км автодорог связью 4G. Для отдаленных 504 сел до конца 2025 года будет подключен спутниковый интернет. Глава ведомства отметил стратегическую роль Казахстана в транзите международного трафика. Он сообщил, что по поручению Президента реализуются проекты (ВОЛС по дну Каспия и гипермагистраль), которые позволят увеличить долю страны в транзите с 1,5% до 5% к 2027 году. Для становления страны региональным IT-хабом к 2030 году планируется увеличить количество IT-стоек с 4 до 20 тысяч и построить не менее 9 ЦОДов

уровня Tier III-IV [13]. Портал eGov и мобильное приложение eGov Mobile стали неотъемлемой частью жизни граждан: на начало 2025 г. Там было уже более 700 электронных услуг (к середине 2025 г. – свыше 1200), а 11 млн пользователей активно использовали eGov Mobile. Что составляет более половины населения. Доля цифровых транзакций в экономике выросла с 7% (2014) до 89% (2024).

Казахстан занимает лидирующие позиции в глобальных рейтингах: например, по Индексу развития электронного правительства 2022 года он вышел на 28-е место в мире (EGDI = 0,86), а по Индексу онлайн-услуг (OSI) вошёл в десятку лучших (8-е место). Среди стран СНГ Казахстан – безусловный лидер по показателям EGDI и OSI [14]. Эти достижения стали результатом системной государственной политики. Так, государственная программа «Цифровой Казахстан» представляла собой комплексный план по ускорению роста экономики через цифровизацию.

Программа включала пять ключевых направлений: развитие цифровой экономики, перевод государственных услуг в электронный формат, ликвидацию цифрового разрыва (проект «Цифровой Шелковый путь» по инфраструктуре), повышение цифровой грамотности населения, создание инновационной экосистем. В 2023-2029 гг. Принята Концепция цифровой трансформации, которая переводит госуслуги на платформенную модель GovTech. В рамках этой концепции внедряется единая платформа QazTech для всех гос. систем, а в качестве цели поставлено предоставлять 100% услуг в формате «за 5 минут» к 2029 году. Также утверждены стратегии по развитию искусственного интеллекта, укреплению кибербезопасности и другие, что создаёт рамки для дальнейшей цифровой трансформации.

Онлайн-поведение казахстанцев в сети отражает глобальные тенденции и локальные особенности [15]. Согласно исследованию, 66,2% молодых людей пользуются социальными сетями регулярно (ещё 21,5% - время от времени). Основными площадками общения остаются мессенджеры и видео платформы: WhatsApp используют 89,4% опрошенных, Instagram – 79,8%, TikTok – 63,9% молодежи. Мессенджер Telegram сохранил значительную аудиторию (24,6% среди молодежи) – он популярен для новостных каналов и коммуникации. Доля пользователей Facebook и русскоязычных сетей с каждым годом падает: Facebook

используют 9-10%, VK – менее 5%. Контент, который ищут и потребляют казахстанские пользователи, также глобализирован: молодёжь чаще всего смотрит информационный контент (69,2% респондентов) и развлекательный (60,6%), тогда как вовлекающие дискуссии и мемы интересуют меньше (соответственно 33,3% и 14,8% респондентов). При этом поиск видеоконтента в YouTube и поисковых системах больше ориентирован на музыку и кино, что отражает интересы поколения Z. Надёжность и доступность технологий позволяют людям иметь постоянно подключение: по опросу Бюро статистики, 100% казахстанских домохозяйств оснащены мобильными телефонами, а 92,9% населения имеет постоянный доступ к интернету [16]. Растёт и число устройств: уже более половины семей имеют ПК или ноутбук, что расширяет возможности работы и образования онлайн. В Казахстане активно развиваются локальные медиа в интернете появляются национальные блоги, новостные сайты и специализированные каналы на YouTube/Telegram. Например, государство и общественные организации создают Telegram-каналы для оповещений.

Отдельно стоит выделить феномен инфлюенсеров: государственные программы прямо учитывают их влияние. В Концепции развития киберспорта отмечено, что среди ключевых направлений – создание и развитие специализированных новостных потоков, блогов и онлайн-информации, а также взаимодействие с инфлюенсерами. Это говорит о понимании роли блогеров и контент-создателей в формировании общественного дискурса и культуры.

Среди составляющих киберкультуры особое место занимает киберспорт. Государство признало его важность для молодежной культуры и науки – в 2025 году утверждена Концепция развития киберспорта в РК на 2025-2029 гг. Документ нацелен на создание инфраструктуры (студенческих и школьных лиг, арен, студий трансляций, клубов), интеграцию киберспорта в образовательную систему и популяризацию соревнований на всех уровнях. Программа ставит амбициозные цели – например, прогнозируется, что аудитория киберспорта достигнет 5 млн человек к 2026 году. Также упомянуты планы по профессионализации отрасли, поддержке аналитики и проведению научных исследований в области психологии и экономики киберспорта. Таким образом, киберспорт официально становится частью цифровой молодёжной

культуры, что стимулирует рост интереса к компьютерным играм и IT-профессиям [17].

Киберкультура Казахстана неотрывно связана с мировыми медийными трендами. Молодёжь охотно потребляет контент на международных платформах: TikTok (в стране на начало 2025 г. Было 15,7 млн пользователей) и YouTube используются для развлечений и творчества; Instagram (12,4 млн пользователей) и Telegram для общения и обмена информацией. Эти каналы приносят западный и восточноазиатский опыт: короткий формат и визуализация становятся нормой, а мессенджеры служат площадками для вирусных новостей и мемов. Любопытным явлением стало возникновение Q-pop -местной поп-субкультуры, во многом вдохновлённой корейским K-pop. Группы вроде Ninety One, дебютовавшие в 2015 г., смешали западные EDM- и хип-хоп-стили с казахской идентичностью и современной эстетикой. Q-pop быстро приобрёл популярность у молодежи, и эксперты отмечают его растущее влияние на национальную культуру и имидж страны. Исследователи подчеркивают, что Казахстан может продвигать Q-pop как «мягкую силу», укрепляя глобальное влияние страны. Аналогично, национальное телевидение и Интернет-платформы всё активнее используют западные форматы влогов, онлайн-шоу, челленджи и азиатские тренды, адаптируя их под казахстанскую аудиторию. Таким образом, киберкультура Казахстана представляет собой гибрид глобальных практик и локальных особенностей: молодёжь с лёгкостью переключается между мировыми сервисами и национальными.

В Казахстане прослеживается динамичное становление киберкультуры на фоне стремительной цифровизации общества. Высокий уровень доступа в интернет (более 90% населения), развитая ИКТ-инфраструктура и электронное правительство сделали цифровую среду привычной частью жизни большинства казахстанцев. Молодёжь активно использует социальные сети и мессенджеры для коммуникации, обучения и развлечений. При этом проявляются локальные черты: интерес к казахскому контенту, национальной поп-музыке и киберспорту, что связано с культурной адаптацией западно-азиатских моделей. Государственные стратегии поддерживают эти тренды, что ускоряет формирование устойчивой цифровой культуры. В целом, казахстанская киберкультура является синтезом глобальных медийных практик и национальных особенностей, что создаёт уникальную среду для

творчества, общения и самоидентификации в цифровом пространстве. Далее тема, которую мы исследовали геймерские сообщества и киберспорт как ядро киберкультуры двух стран.

Киберспорт и геймерские сообщества становятся важнейшей частью «цифровой» культуры во многих странах. Казахстан и Южная Корея активно развивают эту сферу, однако с разным уровнем зрелости: Корея – пионер мирового киберспорта с многочисленными международными достижениями, а Казахстан – быстрорастущий рынок, где государство только начинает крупные инициативы в этой области.

В данном разделе рассмотрены институционализация и государственная поддержка киберспорта, участие в международных турнирах и наличие профессиональных команд, влияние на молодёжную культуру, экономический эффект, а также интеграция киберспорта в образование в обеих странах. В Казахстане киберспорт официально признан видом спорта. Приказом Минкультуры и спорта от 25 июня 2018 г. Киберспорт включён в реестр видов спорта республики. Региональный общественный союз «Федерация киберспорта Казахстана» (Qazaq Cybersport Federation, QCF) имеет официальный статус аккредитованной спортивной федерации по виду «киберспорт» [18]. В июне 2020 г. Федерация получила сертификат признания Национального олимпийского комитета РК, что по закону обеспечивает её полномочия по развитию вида спорта и даёт право на проведение национальных и международных турниров. С 2020 г. QCF является полноправным членом Азиатской федерации киберспорта и Международной федерации киберспорта (IeSF), что открывает возможности для организации на территории Казахстана крупных международных соревнований под эгидой IeSF. Недавно Министерство туризма и спорта РК представило Концепцию развития киберспорта на 2025-2029 годы, что отражает стремление страны стать одним из мировых центров этой индустрии. Среди ключевых мер – строительство специализированных арен и центров, поддержка инфраструктуры, а также создание регулярных студенческих и региональных лиг. Таким образом, в Казахстане наблюдается активная государственная поддержка и формирование регулирующей среды для профессионализации киберспорта.

В Южной Корее государственная поддержка киберспорта исторически высока. Корея одна из первых официально признала киберспорт полноценным видом спорта и видом профессиональной

деятельности. В 2000 году Министерство культуры спонсировало проведение World Cyber Games – первого крупного международного турнира по киберспорту. С тех пор правительство неоднократно инвестировало в объекты и инфраструктуру: например, совместно с городом Пусан министерство вложило по 3 млрд вон в строительство «Пусан Арены Киберспорта» - первой крупной арены вне Сеула. Министерство организует и спонсирует массовые мероприятия – например, национальные школьные турниры и региональные лиги. Так, в 2025 году запущена Korean Esports League (KEL) – лига, организованная при поддержке министерства, Федерации киберспорта (KeSPA) и ведущих игровых компаний. В частности, министерство ежегодно проводит все корейские школьные и университетские турниры и поддерживает сотрудничество с отраслевыми ассоциациями. В целом, в Корее киберспорт встроен в государственную политику культуры и спорта, получает государственное финансирование и признание наравне с традиционными видами спорта.

Казахстан начал проявлять себя на мировой сцене преимущественно в дисциплинах CS: GO/CS2 и Dota 2. Казахские команды завоевывали медали на крупных турнирах например, победа на DreamHack Open Winter 2016 и на PGL Major Краков 2017. Недавно в Астане прошёл PGL Astana 2025 - международный турнир по CS2, собравший 16 лучших команд мира. Национальная сборная Казахстана по киберспорту насчитывает 74 атлета, представляющих страну на международных чемпионатах [19]. В целом Казахстан ежегодно проводит около 150 турниров разного уровня, например студенческих, любительских, профессиональных, по всей стране, а ежегодно в международных квалификациях участвуют казахские команды по CS2, PUBG Mobile, Dota 2, eFootball и др. Однако пока на мировом уровне казахские клубы уступают крупным зарубежным организациям, и их финансирование относительно невелико.

В Южной Корее сформирована целая плеяда звёздных команд и игроков, известная на мировом уровне. Лиги корейских организаций работают практически по всем ведущим играм. Например, League of Legends Champions Korea (LCK) – одна из самых сильных лиг в мире, а корейские игроки десятки раз побеждали на мировых чемпионатах по LoL. Легендарный игрок Faker (Lee Sang-hyeok) выиграл шестой титул чемпиона мира по LoL в 2025 году – рекорд мирового масштаба – и в 2023 году принёс

Южной Корее золотую медаль Азиатских игр. Корейские профессионалы также активно выступают в StarCraft II, PUBG, Overwatch и других дисциплинах.

Южная Корея регулярно принимает международные соревнования: например, здесь проводились турниры Intel Extreme Masters, Mid-Season Invitational по LoL, финалы KeSPA Cup и т.д. Международная Федерация киберспорта (IeSF) регулярно сотрудничает с корейскими организациями [20]. Таким образом, в Южной Корее киберспорт обрёл глобальное признание благодаря сильным командам и игрокам, а также обширной инфраструктуре лиг и арен.

В Казахстане киберспорт становится важной частью цифровой молодёжной культуры. По данным новой Концепции развития, интерес к киберспорту и онлайн-играм в 2024 году проявляли около 3,5 млн казахстанцев, а к 2026 году аудитория, по прогнозу, должна вырасти до 5 млн человек. Участие в турнирах и кибер-клубах даёт молодёжи новые формы самоорганизации, развития навыков командной работы и стратегического мышления. Регулярные школьные и студенческие турниры, конкурсы по гейм-дизайну и стримингу уже стали популярным культурным феноменом. В сообщениях СМИ подчеркивается, что электронный спорт способствует интеграции молодежи в цифровую культуру и служит альтернативным направлением самовыражения.

В Южной Корее культура гейминга вошла в жизнь подростков прочно благодаря истории PC-банг1990-х и телевещанию турниров. Сегодня многие молодые люди рассматривают киберспорт как карьеру: тысячи школьников участвуют в соревнованиях, популярные команды имеют «фан-клубы» как у традиционных спортсменов. Школьные команды получают поддержку от преподавателей, а победители национальных турниров становятся медийными героями. Государственные и корпоративные инициативы делают киберспорт престижным среди молодых людей: так, национальные чемпионаты среди старших классов открыто показываются в СМИ и считаются важным событием для школьников.

В целом, и в Казахстане, и в Южной Корее киберспорт оказывает сильное влияние на молодёжь, однако в Корее это явление более укоренено: там игровые соревнования давно воспринимаются как мейнстрим, тогда как в Казахстане массовая

культура киберспорта только формируется. В обеих странах киберспорт рассматривается как драйвер экономического роста.

Для Казахстана национальная стратегия специально отмечает, что индустрия создаёт рабочие места в IT, маркетинге, организации мероприятий и туристическом секторе. Проведение международных турниров поощряет спортивный туризм и привлекает инвесторов. Хотя по сравнению с развитыми объём казахстанского рынка невелик, темпы роста впечатляют: за последние годы призовые фонды турниров выросли. По оценкам экспертов, глобальный рынок киберспорта к 2034 г. может достичь \$48 млрд, и Казахстан стремится использовать эту тенденцию.

Для Южной Кореи киберспорт – мощная коммерческая отрасль. Согласно аналитике Korea Creative Content Agency, стоимость корейской киберспортивной индустрии выросла с 113,86 млрд вон в 2018 г. до 256,95 млрд вон в 2023 г. (практически удвоившись за год 2022-2023). Основная часть этой суммы приходится на бюджеты клубов и команд (более 111 млрд вон в 2023 г.), а на долю медиа (телевизионных и онлайн-трансляций) пришлось почти 95,5 млрд вон [21].

В Корею существуют крупные спонсоры (Samsung, Nexon, Riot Games), а киберспортивные организации торгуются на бирже. Полученные доходы инвестируются в дальнейшее развитие отрасли: строятся новые арены, финансируются академии и покрываются призовые. Таким образом, экономика киберспорта в Корею заметно больше казахстанской по масштабам, и составляет значительную часть индустрии развлечений страны.

В Казахстане интеграция киберспорта в образование находится на начальном этапе. Согласно концепции на 2025-2029 годы, к 2029 г. Не менее семи вузов страны должны будут предлагать специализированные курсы по киберспорту, включая дисциплины по игровому дизайну, кибербезопасности и управлению спортивными командами. Планируется создание региональных «академий киберспорта» для подготовки спортсменов, тренеров и аналитиков, а также регулярное проведение студенческих чемпионатов национальных и международных для развития талантов. Кроме того, в Казахстане уже реализуются пилотные образовательные программы и лиги среди школ. Например, турниры со школьными командами под эгидой Союза школьников. Таким образом, в обозримом будущем

ождается активное вовлечение учебных учреждений в подготовку кадров для киберспорта.

Южная Корея имеет гораздо более развитую систему образования, связанную с киберспортом. Уже несколько лет существуют специализированные средние школы и университетские кафедры «киберспорта». Крупные университеты. Например, университет Чунг-Анг приравняли киберспорт к традиционному спорту и принимают игроков на отделение спортивных наук. В отдельных школах появились классические спортивные секции по киберспорту. К тому же, в 2020-х годах активно развивается профориентация: такие организации, как KeSPA, вместе с министерством проводят на кампусах конкурсы и мастер-классы, а студенты могут получать стипендии и стажировки в знаменитых командах. Например, Gen.G Elite Esports Academy – совместный проект с американским образовательным стартапом. Образовательные программы начинаются ещё в старших классах: проводятся школьные лиги, поддерживаемые государством и геймдев-компаниями. В результате Южная Корея фактически интегрировала киберспорт в систему образования – от школы до университета – задолго до Казахстана.

Таким образом, и Казахстан, и Южная Корея признают киберспорт важной частью современной культуры, однако находятся на разных этапах его развития. Обе страны имеют государственную поддержку: Казахстан только начинает масштабные госпрограммы и создаёт инфраструктуру для роста отрасли, тогда как Корея имеет полувековую историю признания киберспорта спортом и глубоко интегрированную систему поддержки финансирования арен, формальные спортивные титулы для игроков, регуляции. В международных соревнованиях корейцы традиционно доминируют, а в Казахстане пока единичные успехи, однако постепенно появляются активные команды. Молодёжная культура обеих стран характеризуется значительным увлечением играми, но в Корее это давно сформированный мейнстрим, тогда как в Казахстане сейчас этот интерес стремительно растёт и поощряется государством.

Экономический вклад киберспорта в экономику Кореи уже значителен – сотни миллиардов вон в год, и отрасль активно коммерциализируется, тогда как в Казахстане рынок ещё небольшой, но показывает высокие темпы роста. Наконец, образование: Корея много лет назад ввела киберспорт в учебные

программы и создаёт профессиональные академии, а в Казахстане это только начинается – строятся планы подготовки кадров и включаются специальные дисциплины.

Следующей темой для исследования мы взяли онлайн-коммуникация и цифровые сообщества: формы взаимодействия и самоидентификации. В последние десятилетия интернет и цифровые платформы стали неотъемлемой частью повседневного общения. Онлайн-коммуникация охватывает всевозможные цифровые каналы – от социальных сетей и мессенджеров до видеостриминга и кардинально изменила характер человеческого взаимодействия.

Появление социальных сетей, платформ для совместного творчества и стриминговых сервисов сформировало новые формы общения, которые часто сочетают массовые и межличностные элементы. Одновременно в цифровой среде активно формируются цифровые сообщества – добровольные объединения пользователей с общими интересами. Пользователи этих сообществ выстраивают своеобразные идентичности и осуществляют самопрезентацию в виртуальном пространстве.

В рамках рассмотрения темы отметим три ключевых аспекта: влияние социальных сетей на общение и самопрезентацию, роль стриминговых платформ в создании сообществ и механизмы виртуальной самоидентификации. Социальные сети стали главным инструментом коммуникации XXI века, заметно расширив возможности для взаимодействия. Они обладают характеристиками, существенно отличающимися от традиционных форм общения. Так, коммуникативная среда социальных сетей отличается поверхностностью, нестабильностью и постоянной сменяемостью состояний и предпочтений участников [22]. В такой среде быстро рождаются и распространяются «суррогаты» социальных ценностей что сказывается на восприятии реальных отношений. Большое значение приобретает также эффект «лайков» и «репостов», когда одобрение сообщества становится показателем ценности сказанного или показанного.

Социальные сети дают пользователю широкие возможности для самопрезентации и управления информацией о себе. Исследования показывают, что в сетевом пространстве человек имеет больше каналов и инструментов демонстрации своей личности и черт характера: от фотографии профиля до длинного

блога или серии сторис в Instagram. При этом далеко не всегда онлайн-образ точно совпадает с офлайн-реальностью.

Цифровое пространство даёт возможность сознательно построить «идеальное Я»- с отобранными снимками, отредактированными видео и тщательно сформулированными сообщениями, которые выгодно подчёркивают избранные стороны личности. Согласно исследованию Неврюева и соавторов, онлайн-образ может отражать реальную личность, но при этом включать качества и черты, которые часто отсутствуют или подавляются в офлайн-жизни.

Процесс построения этой «идеальной» идентичности является своеобразной стратегией самопрезентации для повышения самооценки и социального признания. В то же время злоупотребление самопрезентацией в соцсетях может вести к искажению реальности и психологическим проблемам. Чрезмерный акцент на создании идеального образа иногда сопровождается чувством неадекватности или одиночества. Результаты анализа показывают, что у людей со фрагментарной или неустойчивой личностью чаще встречаются попытки «искажить» собственное представление о себе в сети: от лёгких преувеличений до полностью выдуманных образов. Иными словами, онлайн-среда может усиливать существующие внутренние конфликты и роли, скрывая их под «красивыми» фасадами. Это указывает на двойственную природу влияния социальных сетей: с одной стороны, они расширяют свободу самовыражения, а с другой – порождают «игру масками», усложняя адекватную коммуникацию.

Стриминговые видео-трансляционные платформы создали новое поколение онлайн-сообществ, основанное на живом общении и совместном потреблении контента. Ключевая особенность таких сервисов – интерактивность. Платформы вроде YouTube Live, Twitch, а в Южной Корее – AfreecaTV и Какао TV – позволяют зрителям не только наблюдать трансляцию, но и активно взаимодействовать со стримерами и друг с другом через чат, голосовые сообщения и виртуальные подарки. Так, на платформе AfreecaTV доступно двустороннее общение: зрители могут в реальном времени писать комментарии и дарить цифровые «звёздные шары», а стример (ведущий трансляции) отвечает и создаёт контент с учётом реакции аудитории. Как отмечено на одном из сайтов о корейской стриминговой культуре: «AfreecaTV позволяет двустороннее общение между создателями и

зрителями... стримеры стараются развлечь своих зрителей и вызвать их реакцию». Это создает чувство сопричастности и принадлежности к общему событию – форму-ется «виртуальная аудитория» или сообщество вокруг стримера.

Люди заходят на трансляцию не только ради самого контента, но и ради живого общения с единомышленниками, шуток, обсуждения и поддержания внутриобщинных традиций. Фанатское сообщество стримера в цифровой среде действует весьма динамично. Так, платформа AfreecaTV ввела собственную систему продвижения и монетизации: зрители отправляют стримерам «звёздные шары» - внутриигровую валюту, которую стримеры могут конвертировать в реальные деньги. Благодаря этому у многих популярных «ВJ» (Broadcast Jockey, «вещатель» на AfreecaTV) появилась возможность зарабатывать огромные суммы.

По данным Korea Herald, лучшие стримеры на AfreecaTV в год получают десятки миллиардов вон (десятки миллионов долларов) от зрителей [23]. Цифровое сообщество фанатов становится своего рода инвестором и спонсором творчества стримера, формируя вокруг него ядро лояльной аудитории. Сами же стриминговые платформы обладают техническими особенностями, способствующими созданию сообществ. Они предоставляют большой выбор контента и удобные алгоритмы рекомендаций, которые подстраиваются под интересы пользователя. Например, алгоритмы могут «подбрасывать» новые трансляции похожих стримеров или тематические подборки, увеличивая перекрёстное взаимодействие разных групп зрителей. Таким образом, на цифровых платформах одновременно расширяется диапазон тем и форматов, но в то же время упрощается объединение людей по узким интересам. Этот феномен особенно заметен в К-поп-сообществах: фанаты корейской музыки собираются на Twitch или YouTube, чтобы вместе смотреть концерты, общаться с идолами через чаты, участвовать в виртуальных фандомных мероприятиях.

Иностранные поклонники К-культуры поддерживают друг друга в создании фан-сообществ, которые регулярно обсуждают фильмы, сериалы и музыку онлайн, демонстрируя общий цифровой «айденти» (online identity). В итоге стриминговые платформы выступают не просто как техническая инфраструктура для просмотра видео, но как площадки для социальных взаимодействий. Они эффективно удовлетворяют потребности людей в развлечении,

самовыражении и общении, объединяя в реальном времени аудитории по всему миру.

Психологические исследования отмечают, что доверие к стримеру и чувство принадлежности к его аудитории («мы» в чате, фан-клубе) усиливают позитивное отношение зрителей к контенту и усиливают их вовлечённость. Чувство «социальной идентичности» в таких группах может влиять даже на потребительское поведение и решение о поддержке стримера (покупке подписки или доната). В частности, выяснено, что ощущение себя членом референтной группы увеличивает доверие и интерес к цифровому продукту или услуге, что напрямую связано с продолжением просмотра или финансовой поддержкой трансляции. Таким образом, вокруг популярных стримеров возникают полноценные цифровые сообщества, способные влиять на поведение своих участников.

Виртуальная самоидентификация (или цифровая идентичность) – это процесс конструирования и осознания своего «Я» в цифровом пространстве. В ходе онлайн-коммуникации каждый пользователь, по сути, становится «человеком-виртуалом», создавая образ, часто отличный от своего офлайн-Я. Виртуальная личность может рассматриваться как своего рода «аватар» - искусственно сконструированный образ, которым управляет её автор. Цифровая идентичность приобретает проективный характер: пользователь сознательно или бессознательно выстраивает в сети свой «бренд», формирует медийный образ, который отражает предпочтительные его стороны.

Чернавин описывает: «по сути, это искусственная, сконструированная её автором виртуальная личность. В этом случае идентичность формируется как проект или серия проектов, которые реализуются в интернете во имя продвижения собственного бренда». Одна из отличительных черт онлайн-коммуникации – анонимность и возможность множественности идентичностей. Интернет позволяет скрыть реальные социальные характеристики (профессию, национальность, пол и пр.) – никнеймы часто никак не связаны с реальными именами и признаками личности. В результате человек может выступать в разных ролях в разных сообществах: например, быть активным стримером по интересам игр, одновременно оставаться скромным новым пользователем форума по искусству.

Виртуальные коммуникации «не заставляют смотреть в глаза», они создают среду, где социальные статусы и возраст почти неощутимы. Благодаря такому устройству среду часто называют удобной для самоидентификации: пользователь может экспериментировать с собственной личностью, не опасаясь мгновенной социальной стигмы. К тому же цифровые взаимодействия вне пространственных и временных ограничений позволяют многократно возвращаться к уже созданным фрагментам общения. При необходимости можно тщательно отредактировать свой текст, выбрать лучшее фото и т. п., прежде чем «опубликоваться» - чего не было в офлайн-общении. Всё это даёт человеку безграничное пространство для творчества своего «Я»: он может многократно переосмысливать и корректировать собственный образ. Важно также, что виртуальная идентичность может дополнять или изменять офлайн-идентичность.

Психологи подчёркивают, что цифровое «Я» может как отражать реальную личность, так и компенсировать её ограничения. Так, в одном исследовании установлено, что интроверты могут вести себя онлайн более экстравертировано, а цифровой образ включает в себя черты, которых не было в реальной жизни. Это явление объясняют стремлением сконструировать «идеальное Я». Формируя такое онлайн-«Я», человек получает возможность реализовать скрытые желания и потребности. Поскольку онлайн-образ строится по собственным идеалам автора, он может значительно отличаться от его реального образа. При этом остаётся открытым вопрос, насколько сам пользователь осознаёт эти изменения: является ли это сознательной стратегией самопрезентации или бессознательным процессом, детерминированным условиями сети.

Наконец, виртуальная идентичность включается в более широкий социальный контекст. Социальная идентичность – ощущение своей принадлежности к различным группам влияет на восприятие информации и поведение в интернете. Так, человек сильнее доверяет тому контенту или товару, которые рекомендуют участники его виртуальной группы.

При этом цифровая среда служит полигоном для поиска и подтверждения личностной идентичности – в её рамках можно примерять разные «титуты» и коллективно их «оттачивать» через коммуникацию. Онлайн-коммуникация и цифровые сообщества

формируют новые алгоритмы человеческого взаимодействия и самовосприятия.

Социальные сети дали людям «глобальную деревню» с невиданной прежде скоростью обмена сообщениями, но общение в ней часто носит поверхностный и изменчивый характер. Стремясь произвести благоприятное впечатление, пользователи выстраивают образы самопрезентации, используя все возможности сети.

Стриминговые платформы, в свою очередь, создали коллективные форматы досуга: прямые трансляции объединяют живые аудитории вокруг стримеров, поддерживая двустороннюю связь и экономику «звёздных подарков».

Наконец, цифровая среда кардинально изменила механизм идентичности: человек-концерт становится «человеком-интернетом», постоянно проектирующим себя в виде «аватара» и приспособляющимся к правилам виртуального общения. Всё это приводит к тому, что самоопределение в сети (виртуальная самоидентификация) становится динамичным и многогранным процессом, где реальное и идеализированное «Я» переплетаются.

Таким образом, онлайн-коммуникация и цифровые сообщества оказывают сложное и многоуровневое влияние на формы взаимодействия людей и на способы, которыми они представляют себя и воспринимают собственную идентичность в современном мире. Сравнение цифровое искусство и медиаиндустрия в структуре киберкультуры Южной Кореи и Казахстана.

В современном обществе цифровое искусство и медиаиндустрия выступают важными элементами киберкультуры, отражая специфику общественных ценностей и экономических практик. В настоящей работе проводится сравнительный анализ развития контент-индустрии, творческих практик и культурных кодов в киберкультуре Южной Кореи и Казахстана. Рассматриваются основные цифровые платформы, форматы контента и экономические показатели, а также творческие сообщества художников, дизайнеров, музыкальных и видео-продюсеров в обеих странах. Особое внимание уделено уникальным культурным особенностям и государственным программам поддержки.

Южная Корея известна как мировой лидер в производстве и экспорте цифрового контента. Креативные отрасли страны демонстрируют устойчивый рост – по данным ООНКТАД,

совокупный экспорт развлекательного и культурного контента составил \$12,4 млрд в 2021 году[24]. При этом годовые темпы роста креативного сектора находились на уровне 4-5 %, а в отрасли занято более 600 тыс.

В экономике Кореи цифровые платформы играют ключевую роль: в 2022 году выручка корейской отрасли вебтунов превысила 1,8 трлн вон (около \$1,3 млрд). Прибыль индустрии обеспечивают в основном крупные платформы (Naver Webtoon, Kakao) – на них приходится 61,7 % продаж. Корейские вебтуны также интенсивно экспортируются (в 2022 г. 45 % экспорта пришлось на Японию, 14 % на Китай, 13,5 % - на США и 12,7 % - на Юго-Восточную Азию)[25]. Корея стала родиной формата Webtoon, а ее компании постепенно выходят на зарубежные рынки и инвестируют в зарубежные платформы. Например, Naver Webtoon и Какао приобретают иностранные сервисы, а Какао's Piccoma занимает лидирующую позицию на японском рынке цифровых комиксов.

Другая важная часть контент-индустрии – К-поп и кино/сериалы. Знаковые культурные продукты, такие как музыкальная группа BTS и сериал «Игра в кальмара», в сумме принесли экспортные доходы в \$12,4 млрд за 2021 г. Таким образом, экспорт популярной культуры («K-wave») превысил по объемам доходы традиционной электронной индустрии в несколько раз.

К правительственным мерам стимулирования отрасли относятся создание специализированных ведомств и программ. Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея координирует работу различных агентств (КоССА – Корейское агентство креативного контента и др.) и ежегодно выделяет триллионы вон на поддержку проектов. Введены льготы (субсидии, гранты, налоговые преференции, льготные кредиты) и усиливается защита интеллектуальной собственности. Эти меры вместе с инициативами частного сектора обеспечили Корею статус глобальной «кузницы контента».

Ключевую роль в распространении корейского цифрового контента играют интернет-платформы и сервисы «новых медиа». Высокие показатели проникновения интернета и социальных сетей свидетельствуют о практически полном охвате цифровой аудиторией. Корея обладает одной из самых быстрых инфраструктур связи, что обеспечивает массовое потребление цифрового видео, музыки и игр. Популярны корейские стриминговые сервисы (например, Rakuten Viki, V Live), а также

глобальные платформы (Netflix активно инвестирует в К-драмы). Таким образом, контент-индустрия Южной Кореи опирается на совокупность государственных программ и мощную цифровую инфраструктуру, позволяющую ей создавать и экспортировать медийные форматы мирового уровня. Казахстан.

В Казахстане контент-индустрия развивается с меньшей интенсивностью, но демонстрирует тенденцию роста. На творческие и медийные индустрии пока приходится около 1 % ВВП страны. Государство в последние годы активизировало усилия по поддержке «креативного сектора». Так, с 2026 г. Вступают в силу правила господдержки креативной индустрии, предусматривающие финансирование от идей и пилотных проектов до выхода на экспорт.

Программы субсидирования включают гранты, стипендии, льготные кредиты, покрытие расходов на защиту интеллектуальной собственности, а также поощрения за международные достижения. Предусмотрена поддержка целевых направлений: моды, цифрового искусства (проекты на блокчейне, NFT, инфраструктура для цифровых объектов), новых медиа (VR, подкасты, видеоигры, анимация) и мультимедийных инсталляций. При этом акцент делается на смешанное финансирование с участием частных инвестиций и возвратностью средств.

Рынок цифровой рекламы в Казахстане растет быстрыми темпами. Согласно отчёту минкультуры Казахстана за 2024 г., 89 % населения страны использует интернет ежедневно, а 57 % называют социальные сети главным источником новостей [26]. Активно растут сервисы YouTube, Instagram, TikTok, Telegram и др. Такие цифры указывают на значительный потенциал цифровой аудитории.

Увеличивается и внутреннее производство контента: отмечен рост спроса на локальные культурные продукты, что связывают с усилением национальной идентичности. Тем не менее пока основная доля медийных компаний по-прежнему принадлежит традиционным СМИ, многие из которых адаптируются к онлайн-форматам. В целом экономический потенциал казахстанской медиаиндустрии признан большим, однако для его реализации необходимы инвестиции и развитие инфраструктуры. Новые законодательные инициативы – например, закон о «работнике креативной индустрии» и «реестре субъектов креативной индустрии» - нацелены на формирование понятной правовой базы для отрасли.

Корейские цифровые художники, дизайнеры и медиа-продюсеры работают на стыке искусства и высоких технологий. Фестиваль медиа-арта Media City Seoul демонстрирует глобальный характер корейской киберкультуры: на Биеннале 2016 года собраны работы 61 художника из разных стран, создающие «произведения, говорящие на языке неизвестного будущего». Например, инсталляции представителей медиа-арта призваны отразить «характеристики поколения коренных жителей цифрового общества». Эти выставки свидетельствуют о том, что в Корее ценятся междисциплинарные формы – объединяющие видео, звук, перформанс и интерактив.

Существует и развитое сообщество ученых и индустриалов: при Корейской ассоциации медиа-арт индустрии (КМАИА) курируются научные журналы, семинары и выставки, а министерства поддерживают образовательные программы и конференции по культурным технологиям. В коммерческом секторе ведущими являются компании-разработчики игр, анимации, и развлечений. Корейские игровые студии развивают крупные ММО-проекты и VR-опыты, также мы наблюдаем интеграцию игровых вселенных с поп-культурой. Кроме того, индустрия рекламных агентств и моды использует передовые цифровые решения: многие бренды сотрудничают с 3D-дизайнерами для создания цифровых показов и AR-фильтров.

Ярким примером кросс-медиа проектов служит экспорт IP: успех вебтунов Sweet Home, Hellbound и т.д. Показал, как цифровые комиксы могут порождать сериалы и фильмы на международных OTT-платформах. Пример медиа-арта: участники выставки Media City Seoul 2016 (Сеул) в костюмах «цифровых лошадей» - иллюстрация экспериментальных инсталляций, задающих новые языки визуального искусства в Корее.

В Казахстане цифровые творческие практики развиваются главным образом силами молодых художников и стартапов. Так, по данным Forbes 2024, дуэт казахстанских художников-иллюстраторов Кайсар Салыков и Артем Крыловский работает «на передовой цифрового искусства». Они создают виртуальные пространства и анимационные перформансы с помощью современных графических программ. Их короткометражный анимационный фильм «Шанс» завоевал главный приз жюри за лучшую анимацию на Каннах кинофестивале короткометражных фильмов в 2022 году.

Это отражает факт глобального признания казахстанского цифрового искусства. Развиваются и смежные области «креативных индустрий». Например, IT-предприниматели создают игры и виртуальные платформы: сооснователь стартапа iDos Games развивает в Казахстане экосистему мобильных блокчейн-игр и формирует игровые лаборатории при университетах. Медиа-продюсеры привлекают молодую аудиторию через соцсети: основатель популярного TikTok-хауса VIP House продвигает начинающих блогеров, суммарно охватывая более 60 млн подписчиков по всему миру. Эта онлайн-инфраструктура служит площадкой для выпуска авторских видео, челленджей и интерактивного контента. В музыкальной сфере появились продюсеры, организующие онлайн-концерты и фестивали с элементами VR/AR.

Пример казахстанского цифрового искусства: кадр из анимации «Шанс» дуэта W8. Эти визуальные композиции создавались с помощью 3D-графики и отражают творческие возможности казахстанских авторов в области компьютерной анимации.

Хотя Южная Корея и Казахстан разделяют глобальные цифровые тренды, у них формируются свои культурные коды.

В Южной Корее киберкультура ориентирована на быстрое новаторство и коллективизм. Страна – с почти всеобщим доступом в интернет и сверхмобильной связью. В таких условиях онлайн-общение стало частью повседневной жизни: корейцы активно участвуют в фан-сообществах и форумах, строго следят за репутацией кумиров и собственных.

Государство даже ввело реализацию использования реальных имен в онлайн-чатах после ряда трагических случаев киберпреследования звезд. Глобальная культурная экспансия Кореи делает национальный контент все более интернациональным, но внутри страны сохраняются традиционные ценности, которые «наступают» на цифровую площадку в форме образовательного контента и государственной пропаганды. Кроме того, высокая медиаграмотность и технологическая подкованность позволяют корейцам легко адаптироваться к новым форматам. Корейская киберкультура характеризуется синтезом национальной гордости и стремления быть на острие глобальных цифровых инноваций: на экран попадают и фольклорные элементы, и cutting-edge технологии

В Казахстане цифровая культура пока более фрагментарна. По данным министерства культуры, 92,3 % населения имеют доступ в интернет, однако доля активных пользователей соцсетей 71,5 % ниже, чем в Корее. Казахо язычное интернет-пространство совмещает влияние русского интернета и новые глобальные тренды.

В совокупности с молодежной вовлеченностью развивается интерес к локальной тематике: граждане страны всё чаще потребляют отечественные сериалы и обучающие курсы, отражающие национальные ценности и исторические коды. Минкульт призывает развивать «медиаграмотность», поскольку вместе с ростом онлайн-аудитории увеличивается и распространение дезинформации. Основной тренд потребления – мобильный и короткий контент: молодёжь предпочитает короткие видео, сторис и подкасты.

Таким образом, казахстанская киберкультура формируется на стыке традиций сообщества («асар», семейная взаимопомощь) и современных цифровых практик. Государство при этом активно продвигает идеи «третьей идентичности»: сочетания родного казахского и русского языка с международными медиаформатами. Происходит постепенная перестройка культурных кодов: старое уважение к коллективу и семейным узам переходит в онлайн-коммуникативные этики, а стремление к модернизации сочетается с сохранением национального наследия.

В целом киберкультура обеих стран отличается высоким уровнем цифровизации, но в каждой стране при этом проявляются свои культурные особенности. Южнокорейская культура сетевого взаимодействия подчинена идеям технологического прогресса, эффективности и глобальной экспансии, тогда как в Казахстане она балансирует между новациями и поиском национальной самоидентификации.

Метавселенная – это совокупность сетевых виртуальных пространств, в которых пользователи с помощью аватаров взаимодействуют друг с другом и с цифровыми объектами. Основой таких миров являются передовые технологии: расширенная и виртуальная реальность (AR/VR), высокоскоростные сети (5G/6G), облачные вычисления и искусственный интеллект для создания иммерсионных сред [27].

В частности, технологии AR и VR позволяют интегрировать компьютерно-сгенерированный контент в реальный мир или полностью замещать его в виртуальной среде. Развитие этих

технологий во многом поддерживается государством: в январе 2022 г. Корейское министерство науки и ИКТ опубликовало стратегию, в которой поставлено цель войти в пятёрку крупнейших метарынков мира к 2026 году и подготовить 40 000 специалистов в этой области. При этом развитие VR, AR и технологий захвата движений (motion capture) в Южной Корее преимущественно возлагается на частный сектор, а государство предоставляет поддержку стартапам и образовательным программам.

Ключевыми инновациями метавселенной также считаются блокчейн и NFT-технологии, которые призваны обеспечить защиту прав на цифровые объекты и организовать экономику виртуальных миров. Так, уже сегодня для фиксации прав на цифровое искусство в «метапространствах» применяются NFT-подобные методы токенизации, позволяющие наделить цифровой объект уникальным кодом с невозможностью несанкционированного копирования. Важную роль играют и криптографические протоколы, позволяющие владеть виртуальными ресурсами без центрального доверителя.

Комплексная инфраструктура метавселенной включает 3D-движки (Unity, Unreal), сенсоры, шлемы VR, очки AR, устройства захвата движений и передовые графические процессоры.

Основные технологические инновации метавселенной: AR/VR-устройства: погружение пользователя в виртуальные трёхмерные пространства (технологии «расширенной реальности») позволяют накладывать информацию на реальный мир, а VR создаёт полностью виртуальную среду).

Виртуальные пространства открывают новые возможности для обучения и тренингов. Уже сейчас создаются «метавселенная-кабинеты» и кампусы. Например, Фонд Института Седжона запустил проект Metaverse KSI Campus для изучающих корейский язык по всему миру: в этой виртуальной школе студенты могут одновременно посещать занятия, общаться между собой на корейском языке и погружаться в аутентичную культуру [28].

Исследования показывают, что такие образовательные платформы на базе расширенной реальности (XR) и интернета вещей (IoE) способны существенно улучшить учебные сервисы будущего, делая обучение более интерактивным и доступным. К примеру, в метавселенной возможно проводить виртуальные экскурсии в музеи, лабораторные практикумы или исторические реконструкции, что особенно актуально после опыта

дистанционного обучения во время пандемии. Однако учёные указывают и на риски: с одной стороны, качественное иммерсивное обучение может повысить вовлечённость студентов, с другой – возникают вопросы этики (цена ошибок в виртуальном эксперименте), влияния на зрение и развитие детей, а также новые угрозы академической честности (плагиат в виртуальных средах).

Метавселенная открывает беспрецедентные каналы для распространения культуры. Национальный музей Кореи, например, создал виртуальную выставку «Healing Garden» на платформе ZEPETO, где представители поколения Z и зарубежные посетители смогли в цифровом парке «посетить» статуи бодхисаттвы, выполнять задания, фотографироваться и общаться. За первые четыре дня после запуска «Healing Garden» его посетили более 950 тысяч человек (93 % из которых были из-за рубежа), что демонстрирует способность метавселенных привлекать глобальную аудиторию.

Кроме того, в Корее активно развиваются виртуальные поп-идолы: музыкальные группы из аватаров K-pop собирают десятки тысяч фанатов и даже дают концерты на стадионах, транслируя шоу на больших экранах. Эти виртуальные артисты («Re:Revolution», «Isegye Idol» и др.) перешагнули из узкой интернет-ниши в массовую культуру, возглавляя мировые чарты и проводя международные туры. Таким образом, метавселенная становится новым механизмом культурной дипломатии: она позволяет популяризировать искусство, историю и образ жизни Южной Кореи по всему миру, создавая новые форматы взаимодействия (интерактивные выставки, концерты, модные показы).

Виртуальные миры формируют свои экономические экосистемы. Южная Корея рассматривает метавселенную как отрасль роста: в рамках «Цифровой Новой сделки» выделяются сотни миллионов долларов на развитие стартапов и научно-исследовательских проектов в этой сфере.

Уже сегодня ряд государственных сервисов интегрируются в метавселенную. К примеру, проект Metaverse Seoul («Метавселенная Сеул») позволяет пользователям через аватаров обращаться в налоговые службы, получать консультации по бизнесу, ознакомиться с электронными книгами и другими услугами городской администрации. Первоначальные сервисы включают помощь в вопросах налогообложения, молодежное

консультирование и поддержку малого бизнеса, а планы на будущее предполагают расширение на недвижимость, помощь иностранным инвесторам с поддержкой дополненной реальности и даже внедрение блокчейн-решений и криптовалют для управления городской инфраструктурой. В самом частном секторе возникают новые формы торговли и трудовых отношений: например, создаются виртуальные рынки для NFT-товаров (одежда и недвижимость в метавселенной), появляются профессионалы по разработке аватаров, виртуальных пространств, а также «киберспортсмены» и «внутриигровые» маркетологи. По оценкам аналитиков, метаэкономика Южной Кореи может вырасти на миллиарды долларов в ближайшие годы благодаря сочетанию киберспорта, виртуальных брендов и цифровых сервисов. Виртуальная коммерция требует и новых решений: уже тестируются центральные банкноты в цифровом формате и интегрируются платёжные системы с метавселенными.

Метавселенная трансформирует способы общения. Вместо переписки в мессенджерах или видеозвонков люди смогут встречаться в общих виртуальных локациях – проводить конференции, фестивали или просто вечеринки в формате VR. Например, «Метавселенная Сеул» позиционируется как «пространство свободы, товарищества и связи» для контактного общения молодой аудитории. Виртуальные аватары позволяют преодолевать географические барьеры и языковые трудности, а также выполнять функции соцсетей нового поколения: организовывать события, обсуждать новости и даже участвовать в уличных акциях или молодежных консультациях. Например, школьные учителя могут проводить уроки на виртуальных полях, а студенты из разных стран – вместе экспериментировать и общаться.

Метавселенная способствует непрерывной связи с «цифровым сообществом», что уже отмечают социальные психологи. При этом отмечается, что пользователям доступно пространство «без предрассудков и дискриминации», где можно свободно выражать себя. Технически метавселенная пока далека от идеала. Имеются ограничения по вычислительной мощности и «пропускной способности» сети: рендеринг детализированных 3D-миров в реальном времени требует значительных ресурсов.

Как отмечают эксперты, текущие платформы страдают от высокой нагрузки на железо, дискомфорта от долгого ношения гарнитур и проблемы несовместимости стандартов. Появление

единого, прозрачного «мета-протокола» затруднено: разные компании разрабатывают свои движки и экосистемы, что ведёт к фрагментации. Кроме того, масштабных виртуальных миров потребуются гигантские дата-центры и всё более быстрые сети (начиная от 5G и далее).

Кибербезопасность – ещё одна серьёзная задача: по аналогии с интернетом существуют угрозы утечек персональных данных, взлома кошельков и аккаунтов пользователей. В виртуальной среде пользователи могут подвергаться «вторжению» в личное пространство: например, в публичных метавселенных уже фиксируются случаи кибератак и домогательств. Это заставляет разработчиков блокировать нецензурные выражения, запрещать нежелательные прикосновения аватаров и вводить кодексы этики.

Таким образом, технические риски включают в себя не только перегрузки и отказы систем, но и угрозы безопасности. Интенсивное погружение в метавселенную может влиять на психику и общество. Среди возможных проблем – рост зависимости от виртуальных развлечений, ухудшение навыков «оффлайн»-общения и усиление социальной изоляции. Некоторые исследователи отмечают, что виртуальный мир формирует новые потребности, и нарушение баланса между реальной и цифровой жизнью может приводить к фрустрации и тревоге.

Анонимность в метавселенной даёт людям свободу, но она же провоцирует агрессию: случаи кибербуллинга, домогательств и травли аватаров уже описаны в СМИ. В частности, виртуальные айдолы сталкиваются с «гипердокшингом» и «кибертравлей», когда личность исполнителя становится целью для преследователей.

Возникают и вопросы цифрового неравенства: для доступа к качественным VR-платформам требуется дорогая техника, что может усилить разрыв между социальными группами. Наконец, метамедицина и киберспорт поднимают новые этические дилеммы: допустимо ли, например, лечить психологические проблемы исключительно виртуальными методами, или где заканчивается игра и начинается реальность.

Юридическая система пока не готова к виртуальным мирам. Уже сейчас возникают коллизии: как распространяются законы о собственности и защите данных в метавселенных, особенно если участники находятся в разных странах?

Виртуальные пространства порождают «серые зоны» для права: юристы спорят о том, как именно будут применяться законы

об авторском праве, торговых марках и личной информации в глобальной виртуальной экосистеме. Например, создание контента пользователями вызывает вопрос – кому принадлежат эти права?

Российские эксперты предполагают, что многие принципы традиционного права сложно применять онлайн, и защищаться придётся в первую очередь с помощью NFT и умных контрактов. Конфликты возникают и внутри платформ: разработчики обычно включают в договоры пункт о том, что все созданные в метавселенной объекты принадлежат им до тех пор, пока не доказано иное.

С этической точки зрения, киберкультура сталкивается с проблемами приватности, а также со злоупотреблениями алгоритмами. Многие государства уже работают над регуляторикой метавселенных: в Южной Корее разработан «Кодекс этики» для цифровых миров, а международные организации обсуждают нормы по кибербезопасности и цифровому праву. Тем не менее, правовые рамки пока отстают от технологического прогресса, что создаёт риски нарушений приватности, интеллектуальных свобод и даже безопасности граждан.

Далее мы выявим роль государства и молодежных инициатив в формировании национальных моделей киберкультуры. Южная Корея известна мировыми рекордами по охвату широкополосного интернета: на 2023 год практически 100% корейских домохозяйств имели интернет, а 93% населения были интернет-пользователями. Такая инфраструктура подкрепляется государственными стратегиями. В сентябре 2023 года правительство страны объявило: «Цифровую стратегию Кореи» - панправительственную программу по развитию шести ключевых технологий и созданию «лучшей в мире цифровой инфраструктуры». На практике это означает увеличение инвестиций в исследования и развитие AI, супервычислителей, дата-центров и других цифровых ресурсов.

Кроме того, правительство активно продвигает креативные индустрии. В 2008 году была создана Korea Creative Content Agency (КССА) для поддержки индустрии контента. КССА и министерство культуры организуют гранты, образовательные программы и льготные кредиты для компаний и талантов в сфере видео, игр, музыки и анимации. По данным InvestKOREA, правительство объявило четыре национальных «повестки дня» по развитию контент-индустрии, включая усиление поддержки стартапов и

предоставление льготных финансовых механизмов, чтобы сделать корейский контент мировым «игроком» на экспортном рынке. Офис Korea Creative Content Agency (KCCA), одного из ключевых инструментов господдержки креативных индустрий Кореи.

Агентство занимается финансовой и консультационной поддержкой производственных компаний и авторов в области игр, музыки, анимации и др. Согласно его миссии, Корея стремится стать «культурной супердержавой» путем системной поддержки креативных проектов.

Законы и нормативные акты дополнительно укрепляют цифровую среду. Так, существует «Закон о развитии отрасли контента», предусматривающий льготы и проекты для медиакомпаний. Государство также постепенно снимает интернет-ограничения: по сравнению с прошлым веком цензура в сети стала минимальной, что позволяет гражданам свободно выражать свои мнения и создавать независимые медиа-платформы.

В совокупности эти меры – от инфраструктуры до финансовых стимулов – делают Корею одной из самых «цифровых» стран мира. В Казахстане также проводится масштабная цифровая трансформация экономики. Кроме того, в декабре 2025 года правительство утвердило правила государственной поддержки креативных индустрий.

Эти правила предполагают финансовое и нефинансовое стимулирование: финансирование креативных проектов и пилотных инициатив, совместное финансирование с частными инвесторами, поддержка экспорта контента, гранты и стипендии для стартапов (от 5 до 50 млн тенге).

В числе приоритетных направлений – цифровое искусство и новые медиа. Также предусмотрены консультации, акселерация, образовательные программы и маркетинговая поддержка для творческих команд. Наконец, государство осуществляет прямую поддержку талантливой молодежи [29]. Так, президент Казахстана инициировал программу грантов «Тәуелсіздік ұрпақтары» (Поколение Независимости), направленную на выявление и поддержку молодых лидеров. Победителям конкурса (30 проектов) государство выделило по 3 млн тенге на реализацию их идей. В числе выигравших направлений – наука, культура, ИТ, медиа и др. Министр культуры и информации подчеркивает, что «всесторонняя поддержка молодежи является одним из приоритетов государственной политики». Таким образом, в Казахстане созданы

условия для роста цифровых и культурных инициатив как через общенациональные программы, так и через целевые гранты.

Южнокорейская молодёжь с раннего возраста погружена в цифровую среду и активно генерирует контент в интернете. Ярким примером является феномен киберактивизма: уже в 2002 году корейские подростки организовали массовые интернет-петиции и «свечные шествия» против несправедливости что стало прецедентом сетевого протеста.

В целом корейская молодёжь использует социальные сети и форумы не только для развлечений, но и для обсуждения важных проблем. По словам исследователей, молодые люди привыкли «выражать мнения онлайн» - и на таких платформах, как Facebook, Myspace и национальные порталы Daum и Naver, они создают коллективную идентичность, привлекая внимание власти к своим запросам. Иными словами, цифровая среда дала им возможность «конструировать коллективную идентичность» и оказывать давление на политические решения без необходимости участвовать в традиционных институтах. Что касается цифрового искусства и медиа, здесь тоже наблюдается активность молодёжи. Поколения Z и миллениалов активно включены в глобальную фан-культуру K-DRAMA, K-POP, а также в новые формы искусства. Рост интереса к цифровому искусству очевиден – в 2022 году объём южнокорейского арт-рынка впервые превысил 1 трлн вон, и среди ключевых тенденций отмечается «удар по цифровому искусству».

Согласно исследованию Корейской службы художественного управления (KAMS), молодые коллекционеры (так называемые «MZ» - Миллениумы и Gen Z) являются цифровыми аборигенами, которые узнают о новых работах через соцсети и ориентируются на примеры знаменитостей (в том числе в K-POP), интересующихся искусством [30]. Например, участники корейских арт-фестивалей и ярмарок сами активно привносят в выставки элементы интерактивности и использования диджитал-технологий. Таким образом, корейская молодёжь не пассивно получает контент от государства или индустрии, а создаёт собственный цифровой контент и участвует в культурной жизни страны. Несмотря на традиционно иерархичную структуру общества, молодые корейцы используют интернет как альтернативную публичную сферу, где они могут творчески выражать свою идентичность и влиять на общественный дискурс.

Молодёжь Казахстана также проявляет себя в цифровом пространстве, хотя масштаб и характер инициатив здесь иной. Одним из заметных феноменов стал хэштег-активизм в социальных сетях. Как показало исследование Kosnozarov (2019), казахстанские блогеры и «интернет-деятели» активно используют Instagram, YouTube и Facebook для гражданской активности, привлекая внимание ровесников к социальным и политическим вопросам.

Социальные сети предоставляют этим авторам «альтернативное публичное пространство» для обмена мнениями и культурного взаимодействия. Контент молодых креаторов часто отражает актуальные тенденции и настроения молодежи, таким образом формируя новую цифровую идентичность. Как отмечают авторы, «социальные медиа обеспечивают платформу для разнообразного культурного обмена; зная последние тренды и вкусы молодёжи, создатели контента получают их внимание». Появляются и другие формы цифрового творчества. Так, в Казахстане регулярно проводят хакатоны, IT-конкурсы и технологические фестивали. Крупнейший из них – IT-Fest, ежегодный молодёжный фестиваль цифровых технологий и креативных индустрий.

В декабре 2025 года IT-Fest в Алматы собрал более 3500 участников – школьников, студентов и молодых специалистов – из Казахстана и соседних стран в том числе Южной Кореи. Участники демонстрировали проекты в секциях хакатона, стартап-баттлов, киберспорт-соревнований, секторах «Movie & Video», «Design & Animation» и др. Вице-министр цифрового развития Казахстана Дмитрий Мун подчеркнул, что подобные события дают молодым талантам шанс «проявить себя» и создают «кадровую базу для экономики ИИ». По его словам, цель Казахстана – стать страной с цифровой экономикой, и для этого нужны тысячи инженеров и IT-специалистов; мероприятия вроде IT-Fest призваны выявлять и вдохновлять такую молодёжь.

Церемония награждения на IT-Fest 2025 в Алматы: фестиваль поддерживается как государственными органами, так и индустрией. Выступая перед участниками, чиновники отмечали стратегическую роль подобных площадок для подготовки новых «цифровых кадров» и продвижения инноваций в экономике. Кроме технологических соревнований, студенты сами организуют творческие программы и выставки внутри фестиваля. Таким образом, молодёжь Казахстана проявляет себя не только как

потребитель цифрового контента, но и как активный создатель: от программирования и робототехники до видео- и анимационного искусства. Влияние описанных практик оборачивается трансформацией национальной цифровой идентичности – сложного сочетания чувства принадлежности, культурных ценностей и технологий.

В Южной Корее повсеместное проникновение интернета и совместные усилия государства и общества породили у населения самосознание «цифрового гражданина». С одной стороны, массовое увлечение К-поп, К-drama и вообще «халлю» формирует позитивный образ страны за рубежом и усиливает национальную гордость. С другой – активное участие молодёжи в интернет-активизме показывает, что корейцы используют цифровые пространства для выстраивания демократической «коллективной идентичности».

Исследования отмечают, что «молодые люди, выросшие в эпоху интернета, получили возможность выражать мнения онлайн» и «конструируют коллективную идентичность», влияют на политические решения через сетевые сообщества. Таким образом, цифровая идентичность корейцев складывается из прагматичного сочетания технологической компетентности, глобальной культурной интеграции и новых гражданских практик в сети.

В Казахстане цифровая идентичность молодёжи ещё формируется на стыке традиций и глобальных трендов. С одной стороны, госпрограмма «Цифровой Казахстан» продвигает образ модернизированного гражданина и «креативного общества» на уровне национальной стратегии. С другой – сами молодые люди выбирают платформы (социальные сети, видеохостинги), где могут представлять себя вне рамок официальной идеологии. Как отмечают казахстанские исследователи, для местной молодёжи социальные медиа стали «альтернативным публичным пространством», которое они используют для самовыражения и культурного обмена.

В этом виртуальном пространстве важную роль играют и локальные маркеры (казахская музыка, язык, проблемы общества), и глобальные атрибуты цифровой культуры. Такое смешение создает у молодых казахов гибридную цифровую идентичность: они соединяют национальную самобытность с глобальной молодежной культурой. При этом государство старается «склеить» эти составляющие через образовательные программы, гранты и

общественные дискуссии о тех же искусственном интеллекте и языке, но результаты перемен всё еще находятся в динамике и зависят от активности самой молодёжи.

И в ходе исследования была рассмотрена киберкультура как сложное, многослойное социокультурное явление, формирующееся в условиях глобальной цифровизации общества. Анализ теоретических подходов позволил определить киберкультуру не только как совокупность цифровых практик, но и как пространство формирования новых форм идентичности, коммуникации и культурного производства. Исторический обзор развития киберкультуры в Южной Корее показал, что её становление во многом обусловлено ранним развитием интернет-инфраструктуры, активной государственной поддержкой цифровых технологий и значительной ролью медиаиндустрии. Южная Корея демонстрирует модель опережающей цифровизации, где киберкультура органично интегрирована в повседневную жизнь общества и выступает важным элементом национального имиджа на глобальном уровне.

В свою очередь, киберкультура в Казахстане находится на этапе активного формирования. Несмотря на более позднее развитие цифровой среды, в стране наблюдается устойчивая адаптация глобальных киберкультурных практик с учётом национального контекста. Рост цифровой грамотности, развитие онлайн-сообществ и поддержка молодежных инициатив способствуют формированию собственной модели киберкультуры.

Особое внимание в работе было уделено геймерским сообществам и киберспорту, которые в обеих странах выступают ядром современной киберкультуры. Сравнительный анализ показал, что в Южной Корее киберспорт имеет институционализированный и экономически значимый характер, тогда как в Казахстане он развивается как перспективное направление, постепенно приобретая социальное и культурное признание. Рассмотрение онлайн-коммуникации, цифровых сообществ, а также цифрового искусства и медиаиндустрии позволило выявить их ключевую роль в процессе самоидентификации молодежи и трансляции культурных кодов в виртуальной среде.

Метавселенная и виртуальные пространства были проанализированы как новый этап эволюции киберкультуры, открывающий широкие возможности, но одновременно порождающий ряд социальных и этических вызовов. Таким

образом, киберкультура в Южной Кореи и Казахстане развивается в рамках различных исторических и социокультурных условий, однако в обоих случаях она становится важным фактором формирования цифровой идентичности и культурного будущего общества. Перспективы дальнейшего развития киберкультуры напрямую связаны с уровнем цифровой политики государства, вовлечённостью молодежи и способностью адаптироваться к глобальным технологическим изменениям.

Список использованной литературы:

1. Google books // Pierre Lévy, Cyberculture
https://books.google.kz/books?id=iDdl_FwGZE8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
2. Bstudy // Концепция культуры информационного общества М. Кастельса.
https://bstudy.net/748806/iskusstvo/kontseptsiya_kultury_informatsionnogo_obschestva_kastelsa
3. Researchgate // A Critique and Reconstruction of the Conception of “Networked Learning”
https://www.researchgate.net/publication/330286307_A_Critique_and_Reconstruction_of_Networked_Learning
4. Wikipedia // Internet in South Korea
https://en.wikipedia.org/wiki/Internet_in_South_Korea
5. Experiences and Emerging Trends Related to Information and Communications Technology, Innovation and Productivity in Korea
<file:///C:/Users/User/Downloads/Experiences-and-Emerging-Trends-Related-to-Information-and-Communications-Technology-Innovation-and-Productivity-in-Korea.pdf>
6. Yaewon Jin, Veli-Matti Karhulahti // Evolution of PC Bangs: Traditions and Trends in South Korea
<https://dl.digra.org/index.php/dl/article/view/1824/1824>
7. Wikipedia // Soop (service)
https://en.wikipedia.org/wiki/Soop_%28service%29
8. Heysung Lee, Yibing Sun, Hernando Rojas // Parasocial Relationships with Live Streamers: Evidence from South Korea and the United States
<https://www.ajpor.org/article/123169-parasocial-relationships-with-live-streamers-evidence-from-south-korea-and-the-united-states>
9. Английская Википедия // Internet activism in South Korea
https://wikihandbk.com/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F%3AInternet_activism_in_South_Korea

10. UNDP // A Digital Transformation In The Public Sector Project Involving 12 Countries Has Been Launched In Kazakhstan
<https://www.undp.org/kazakhstan/press-releases/digital-transformation-public-sector-project-involving-12-countries-has-been-launched-kazakhstan>
11. DataReportal // Digital 2025: Kazakhstan
<https://datareportal.com/reports/digital-2025-kazakhstan>
12. Zakon kz // Цифровая революция: интернет охватит 99% аулов Казахстана
<https://www.zakon.kz/sobytiia/6480291-tsifrovaya-revoljutsiya-internet-okhvatit-99-aulov-kazakhstana.html>
13. Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан // 100% населения Казахстана обеспечат доступом в интернет к 2027 году
<https://clck.ru/3RCzCY>
14. Казинформ // Казахстан вошел в топ 10 в мире по уровню развития цифровых услуг
<https://www.inform.kz/ru/kazakhstan-voshel-v-top-10-v-mire-po-urovnyu-razvitiya-tsifrovih-uslug-f606f5ъ>
15. Әділет // Об утверждении Государственной программы "Цифровой Казахстан"
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
16. Azattyq ruhy // Какие соцсети и мессенджеры предпочитает молодежь Казахстана
<https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/95592-kakie-sotsseti-i-messendzhery-predpochitaet-molodezh-kazakhstana>
17. Әділет // Об утверждении Концепции развития киберспорта в Республике Казахстан на 2025-2029 годы
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000399#z125>
18. Zakon kz // Казахстан признал киберспорт официальным видом спорта
<https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4925317-kazakhstan-priznal-kibersport.html>
19. The tech // Future: главные чемпионаты по киберспорту в 2025 году
<https://the-tech.kz/ot-pgl-astana-do-the-games-of-the-future-glavnye-chempionaty-po-kibersportu-v-2025-godu/>
20. Wikipedia // Champions Korea
<https://clck.ru/3RD27U>
21. КОССА // 2025 Global and South Korean eSports Market Analysis
[https://welcon.kocca.kr/cmm/fms/pdf/90\(2025\)_Global_and_South_Korean_eSports_Market_Analysis-251208D_%EB%AF%B8%EB%A6%AC%EB%B3%B4%EA%B8%B0?atchFileId=FILE_a03186a2-10ad-47d2-8624-9f71754fbb1e&fileSn=1&preview=Y](https://welcon.kocca.kr/cmm/fms/pdf/90(2025)_Global_and_South_Korean_eSports_Market_Analysis-251208D_%EB%AF%B8%EB%A6%AC%EB%B3%B4%EA%B8%B0?atchFileId=FILE_a03186a2-10ad-47d2-8624-9f71754fbb1e&fileSn=1&preview=Y)
22. Научный лидер // Социальные Медиа, Как Информационно-Коммуникационный Иститут Формирования Имиджа

<https://scilead.ru/article/5723-sotsialnie-media-kak-informatsionno-kommunika>

23. Creatrip // Сумасшедший мир прямых трансляций в Корею

<https://creatrip.com/ru/blog/11180>

24. Forbes // Инвестиционный кейс: Южная Корея

https://forbes.kz/articles/investitsionnyiy_keys_yujnaya_koreya

25. Korea net // Продажи корейских вебтунов впервые превысили 2 трлн вон

<https://russian.korea.net/NewsFocus/Culture/view?articleId=264344#:~:text>

26. Eurasian digital foundation // Доклад Минкультуры РК: Интернет становится главным источником новостей в стране

<https://digitalrights.asia/events/kazakhstan-culture-ministry-internet-primary-news-source/>

27. Wikipedia // Мета вселенная

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F>

28. Korea net // Виртуальный кампус Института короля Седжона: Обучение и практика корейского языка в метавселенной

<https://russian.korea.net/NewsFocus/HonoraryReporters/view?articleId=239221>

29. zakon.kz // Господдержка и стимулирование креативной индустрии: утверждены правила

<https://www.zakon.kz/pravo/6503564-gospodderzhka-i-stimulirovanie-krativnoy-industrii-utverzhdeny-pravila.html>

30. Korea arts management service // Center Stage Korea 2017

https://www.gokams.or.kr:442/eng/01_kams/kams_view.aspx?Idx=235&flag=notice&gubun=1

현대 한국 미디어에 나타난 사회문제: 불평등한 계층 구조와 다문화 인물 재현을 중심으로

베케노바 아델리아
유라시아 국립대학교 3 학년
카자흐스탄 아스타나

지도교수: 이하영(유라시아 국립대학교)

개요: 본 연구는 현대 한국 영화와 드라마 속 계층 불평등과 다문화 인물 재현을 분석하고, 이 두 사회 문제가 어떻게 겹쳐 나타나는지를 살펴본다. 분석 대상 작품으로는 <기생충>(2019), <버닝>(2018), <부산행>(2016), <오징어 게임>(2021), <이태원 클라쓰>(2020) 등을 선정하였다. 연구 결과, 한국 미디어는 계층 갈등을 단순한 부의 차이를 넘어, 공간, 감각, 재난 등의 장치를 통해 시각적으로 드러내며, 이러한 불평등 구조는 사회적 폐쇄와 기회 독점과 같은 제도적 기제를 통해 유지됨이 확인되었다. 특히 상위 계층은 문화자본을 활용하여 그들의 특권을 자연스러운 것으로 보이게 만들며 계층 재생산을 공고히 한다. 또한 다문화 인물은 초기에는 피해자로 묘사되었지만, 최근에는 점차 주체적인 역할로 전환되는 경향을 보인다. 그러나 여전히 사회적 유형화와 동화의 문제는 남아 있다. 이주민 재현 프로그램에 대한 분석을 통해 미디어는 이들을 동경집단과 동정집단으로 이분화하며 이중적 잣대를 적용하는 경향이 있음이 밝혀졌다. 특히 <오징어 게임>의 알리 압둘, <이태원 클라쓰>의 김토니, <부산행>과 <버닝>의 하층 인물들은 경제적 취약성과 문화적 차별이 동시에 작용하는 ‘이중적 소외’를 경험하며, 이는 한국 사회의 구조적 불평등을 보여주는 중요한 사례가 된다. 본 연구는 한국 미디어를 통해 사회적 불평등과 차별이 어떻게 재현되고 그 기제가 작동하는지 이해하고, 이를 비판적으로 성찰할 수 있는 기회를 제공한다.

주제어: 계층 불평등, 다문화 재현, 이중적 소외, 한국 영화/드라마, 타자화, 특권의 폭력성

Название статьи: Социальные проблемы в современных корейских медиа: анализ неравной классовой структуры и репрезентации мультикультурных персонажей

Автор: Бекенова Аделия, Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, 3 курс, Астана, Казахстан

Научный руководитель: Ли Хаён, профессор, магистр, Евразийский национальный университет

Аннотация: данное исследование анализирует классовое неравенство и репрезентацию мультикультурных персонажей в современных корейских фильмах и драмах, изучая, как эти две социальные проблемы пересекаются. В качестве анализируемых произведений выбраны: «Паразиты» (2019), «Пылающий» (2018), «Поезд в Пусан» (2016), «Игра в кальмара» (2021) и «Итэвон Класс» (2020). Результаты исследования показывают, что корейские медиа визуализируют классовый конфликт, выходя за рамки простого различия в богатстве, через пространственные, сенсорные и катастрофические образы. Установлено, что структура неравенства поддерживается институциональными механизмами, такими как «социальное закрытие» (사회적 폐쇄) и «накопление возможностей» (기회 독점). В частности, высшие слои общества используют культурный капитал для закрепления своих привилегий, маскируя классовое воспроизводство. Кроме того, хотя мультикультурные персонажи переходят от изображения жертв к более субъектным ролям, проблемы социальной типизации и ассимиляции остаются. Анализ программ о мигрантах выявил тенденцию медиа применять «двойной стандарт» (이중적 잣대) и разделять персонажей на «группу восхищения» (동경집단) и «группу жалости» (동정집단). Персонажи низшего класса, такие как Али Абдул («Игра в кальмара»), Ким Тони («Итэвон Класс»), а также герои «Поезда в Пусан» и «Пылающего», переживают «двойное исключение» (이중적 소외), где экономическая уязвимость и культурная дискриминация действуют одновременно. Это служит важным примером структурного неравенства в корейском обществе. Настоящее исследование предоставляет возможность понять, как социальное неравенство и дискриминация воспроизводятся в корейских медиа, и призывает к критическому осмыслению этих процессов.

Ключевые слова: социальное неравенство, репрезентация мультикультурализма, двойная маргинализация, корейское кино / корейские драмы, «инаковизация» (othering), насилие привилегий

1. 서론

1.1. 연구의 배경 및 목적

2000년대 이후 계층 불평등은 단순한 부의 격차 문제를 넘어, 인간의 존엄성과 생존권을 위협하는 구조적 문제로 인식되기 시작하였다. 이러한 불평등은 경제적 차이뿐 아니라 교육·고용·주거 기회의 격차로 확장되면서 사회적 갈등을 심화시키고 있다. 동시에 국내 거주 외국인의 수가 증가함에 따라 다문화 사회로의 전환이 본격적으로 진행되었으며, 이에 따라 인종차별, 문화적 편견, 정체성 갈등과 같은 문제가 사회적 이슈로 부상하였다. 이와 같은 변화는 한국 사회가 내부적으로 직면한 불평등의 양상이

단일한 차원에서 설명될 수 없으며, 계층 문제와 다문화 문제가 서로 결합된 복합적 사회 문제임을 시사한다.

현대 한국 영화와 드라마는 이러한 사회적 현실을 반영하는 중요한 문화 텍스트로 기능하고 있다. 이들 작품은 불평등한 계층 구조로 인해 발생하는 갈등과 사회적 긴장을 서사적으로 드러내는 동시에, 다문화 배경을 지닌 인물들을 등장시켜 한국 사회가 지닌 배타성, 차별, 사회적 주변화 문제를 드러낸다. 이러한 점에서 한국 미디어는 단순한 오락적 콘텐츠를 넘어 사회 담론을 재현하고 형성하는 역할을 수행하며, 대중이 사회 문제를 성찰할 수 있는 기회를 제공한다.

본 연구의 목적은 현대 한국 영화와 드라마 속에서 계층 간 불평등과 다문화 인물 재현이 어떠한 방식으로 나타나며 상호 교차하는지를 분석하는 데 있다. 또한 이러한 재현이 한국 사회에 어떤 비판적 메시지를 전달하고 있으며, 사회적 정의와 윤리적 책임이라는 관점에서 어떠한 문제를 제기하는지 고찰하고자 한다. 본 연구는 특히 계층적 약자성과 문화적 소수성이 결합된 인물 재현에서 나타나는 ‘이중적 소외’ 현상에 주목하여, 한국 미디어 속 사회적 불평등 구조를 비판적으로 해석하는 데 기여하고자 한다.

1.2. 연구 방법 및 논문 구성

본 연구는 현대 한국 미디어 텍스트에서 나타나는 계층 불평등과 다문화 인물 재현의 특성을 분석하기 위해 사회적 불평등과 타자 재현 문제를 서사적으로 드러낸 작품으로 선정된 영화와 드라마를 분석하였다. 분석 대상 작품은 봉준호 감독의 영화 <기생충> (2019), 이창동 감독의 <버닝> (2018), 연상호 감독의 <부산행> (2016), 드라마 <오징어게임> (2021), <이태원클라쓰> (2020), <더글로리> (2022-2023) 등을 포함하였다.

연구 방법은 비판적 담론 분석(Critical Discourse Analysis)과 기호학적 분석(Semiotic Analysis)을 결합하여 수행한다. 비판적 담론 분석은 미디어 텍스트가 사회 권력 관계와 지배 이데올로기를 어떻게 재현하고 정당화하는지를 분석하는 데 사용되며, 기호학적 분석은 공간, 장면 구성, 상징적 기표 등을 통해 계층적 위계 구조와 타자화의 방식이 어떻게 표현되는지를 해석하는 데 활용된다. 또한 ‘교차성(intersectionality)’ 이론을 보조 분석틀로 적용하여, 계층적 약자성과 다문화 정체성이 결합될 때 발생하는 이중적 소외 메커니즘을 분석한다.

본 논문의 구성은 다음과 같다. 제 1 장 서론에서는 연구의 배경과 목적, 선행연구 검토, 연구 방법을 제시한다. 제 2 장 이론적 배경에서는 계층 불평등의 구조적 특성과 미디어 재현 이론, 다문화 재현 연구, 교차성 이론에 대해 논의한다. 제 3 장에서는 한국 영화 작품을 중심으로 계층 불평등의 미학적 재현과 사회 구조 비판 전략을 분석한다. 제 4 장에서는 드라마에

나타난 다문화 인물 재현과 이중적 소외 현상을 심층적으로 고찰한다. 제 5 장 결론에서는 연구 결과를 요약하고 학문적·사회적 함의를 제시하며 후속 연구 방향을 제안한다.

2. 이론적 배경 및 개념 정의

현대 한국 사회의 불평등 문제는 단일 차원에서 설명하기 어려운 복잡한 구조를 지니며, 미디어 텍스트는 이러한 구조적 현실을 서사와 상징을 통해 재현한다. 따라서 본 연구는 계층 불평등을 구조적 문제로 이해하고, 이를 심화시키는 사회 시스템의 내적 충돌을 구조적 모순 개념으로 설명한다. 더불어, 미디어 속 특정 인물들이 경제적 약자성과 사회적 주변성이 결합된 상태로 묘사되는 현상을 이중적 소외 개념을 통해 분석하고자 한다.

2.1. 계층 불평등

본 연구에서 계층 불평등은 단순한 소득 차이나 경제적 격차의 문제가 아니라, 사회적 자원과 기회의 불평등한 분배를 통해 지속적으로 재생산되는 구조적 불평등으로 이해된다. 이는 개인의 노력 여부와 무관하게 출신 배경, 고용 형태, 교육 기회, 사회적 네트워크 등의 외부 요인에 의해 삶의 경로가 제한되는 현상을 포함한다. 따라서 계층 불평등은 사회 이동성 저하, 상대적 박탈감 확대, 사회 통합 약화와 직결되는 구조적 문제로 규정된다.

2.2. 계층 불평등의 구조적 유지 기제

현대 한국 사회에서 계층 불평등이 고착되는 현상은 단순한 부의 세습을 넘어 사회적 폐쇄(Social Closure)와 기회 독점(*Opportunity Hoarding*)이라는 제도적 메커니즘을 통해 유지된다. 상위 계층은 자신의 특권을 방어하고 재생산하기 위해, 법학전문대학원(로스쿨) 진입과 같은 엘리트 교육 제도를 활용하여 고소득층 자녀의 지위 유지 전략을 공고히 한다. 이 과정은 겉으로는 능력주의(Meritocracy)를 표방하지만, 실제로는 출신 대학과 부유한 가정 배경을 가진 개인들에게 유리하게 작용하며 계층 재생산을 강화한다.

또한, 피에르 부르디외(Pierre Bourdieu)의 문화자본(*Cultural Capital*) 개념은 부유한 계층의 은밀한 지배 방식을 설명한다. 문화자본은 상류층의 세련된 생활양식, 비언어적 매너, 그리고 비공식적인 사회적 규칙에 대한 이해를 포함한다. 이는 하층민이 상류층의 폐쇄된 영역으로 진입하는 것이 구조적으로 어렵다는 것을 보여준다. 이러한 메커니즘은 미디어 텍스트 속에서 나타나는 계층 갈등의 구조적 필연성을 강조한다.

2.3. 구조적 모순

구조적 모순은 사회 제도와 경제 시스템이 표면적으로는 공정성과 평등을 표방하지만, 실제 작동 과정에서는 특정 계층에게 유리하게 설계되어 불평등을 재생산하는 내재적 모순 상태를 의미한다. 이러한 구조적 모순은 불평등이 개인의 능력 차이가 아니라 제도적·사회적 요인에서 비롯된다는 점을 드러내며, 사회적 갈등 심화 및 배제 현상을 야기하는 근본 원인으로 작용한다. 본 연구는 한국 사회에서 계층 불평등이 고착화되는 배경을 이해하기 위한 핵심 개념으로 구조적 모순을 사용한다.

2.4. 이중적 소외

이중적 소외(double marginalization)는 하나의 사회적 약자성이 아닌 두 가지 이상의 취약성이 중첩될 때 발생하는 복합적 배제 현상을 지칭한다. 본 연구에서는 특히 계층적 약자성이 다른 사회적 조건(예: 이주 노동, 국적 문제, 사회적 약자성 등)과 결합될 때 나타나는 중첩적 불평등에 주목한다. 이러한 이중적 소외는 단일 차원에서 설명할 수 없는 차별 구조를 드러내며, 사회 구조 분석에서 교차적 관점을 요구한다.

2.5. 미디어의 다문화 인물 유형화 및 이중적 잣대

다문화 인물 재현에 대한 미디어 담론은 이주민 인구의 현실을 정확히 반영하지 못하며, 이들을 재현하는 과정에서 이중적 잣대를 적용하는 경향이 있다. 이는 한국 사회가 경제적으로 우위에 있는 서구권에 대해서는 관대한 태도를 보이는 반면, 경제적으로 열위에 있는 국가 출신에 대해서는 폄하하거나 대상화하는 태도를 반영한다.

이러한 시각은 외국인 캐릭터의 역할 유형화로 나타나며, 크게 동경집단과 동정집단의 두 가지 유형으로 분류된다. 첫째, 동경집단: 주로 미국·유럽 출신의 백인 캐릭터로, 의사, 변호사 등 높은 사회적 지위의 전문직 역할로 등장한다. 둘째, 동정집단: 주로 경제적으로 취약한 국가(예: 동남아시아) 출신으로, 빈곤, 갈등, 차별의 피해자 등 낮은 사회적 지위에 고착된 인물로 묘사된다.

이러한 이분법적 구조는 미디어가 유색인종 이주민의 문화적 타자성을 낮은 계층적 위치와 결부시키는 장치로 기능하며, 이는 곧 이중적 소외의 서사적 배경이 된다.

3. 분석: 계층 불평등의 심층적 표현과 비판

3.1. 공간, 감각, 그리고 재난을 통한 계층 고착화

한국 영화는 공간과 감각을 계층적 상황을 드러내는 시각적 장치로 활용한다. «기생충»(2019)은 반지하, 저택, 계단 등의 공간을 통해 사회적 상승과 하강을 상징하며, '냄새'라는 후각적 이미지는 보이지 않는 계급 장벽

을 드러낸다. 폭우로 인한 침수 피해와 캠핑 장면은 계급별 재난 인식의 차이를 보여주며, 계층 불평등이 제도적·사회적 요인에서 비롯된 구조적 모순임을 시사한다. «버닝»(2018)은 상류층과 하층민의 대비를 통해 계급이 감정적 차이와 타인의 고통에 대한 공감 능력 상실로 이어지는 모습을 보여준다. 특히 벤의 불태우는 행위는 상류층의 무감각함과 냉소적 태도를 상징한다. «부산행»(2016)은 극한 상황 속에서 강자와 약자의 생존 경쟁을 다루며, 자본주의적 착취 구조를 은유하여 계층 문제에 대한 비판적 시각을 제시한다. «미싱타는 여자들»(2020)은 평화시장 여성 노동자의 희생을 조명하며, 한국 경제 성장의 이면에 가려진 노동 계급 가치 폄하와 착취 문제를 현대 노동 환경과 연결하여 보여준다. 이러한 영화들은 공간적·감각적·재난적 요소를 통해 계층 불평등의 구조적 문제를 드러내며, 관객이 사회적 갈등과 배제의 현실을 직관적으로 이해하도록 돕는다.

3.2. 드라마 속 구조적 착취와 계층적 모멸감

Netflix «오징어 게임»(2021): 이 드라마는 불평등한 사회 구조와 계급 간의 괴리를 서바이벌 게임으로 극대화한다. 도박 중독자, 이주 노동자, 탈북민 등 사회적 약자들이 참여하는 모습은 경제적 빈곤이 개인을 극한으로 내모는 현실을 보여준다. 겉으로는 공정한 규칙과 자발적 동의라는 설정은 '구조적 가스라이팅'의 위험성을 지적하며, 사회 시스템 자체가 불평등을 정당화하는 방식을 비판한다. 최근작 중 하나인 «눈물의 여왕»(2024)은 분석의 초점을 재벌 계층의 내부 갈등과 권력 유지 구조로 확장한다. 이 드라마는 단순히 빈부 격차를 넘어, 초부유층이 어떻게 법률 시스템과 미디어를 통제하며 처벌받지 않는 권력을 유지하는지를 비판적으로 보여준다. 이는 자본주의의 최정상에 위치한 권력의 불투명성과 그들만의 리그를 비판한다는 점에서 계층 담론의 새로운 방향을 제시한다. 또한 최근 큰 성공을 거둔 «더 글로리»(2022-2023)는 계층에 기반한 특권의 폭력성을 집중적으로 조명한다. 드라마는 가해자들이 부모의 재력과 사회적 지위로 인해 법적 처벌을 면제받는 과정을 보여주며, 한국 사회에서 계급이 어떻게 법적 면책특권을 제공하는지를 비판한다. 이는 부의 불균형을 넘어 권력의 남용과 대물림이 피해자의 삶을 어떻게 파괴하는지를 보여주는 중요한 텍스트이다.

4. 분석: 다문화 인물 재현의 유형 변화와 이중적 소외

4.1. 초기 재현 방식: 이방인과 피해자 유형화

초기 한국 영화(예: 1990년대 이주 노동자를 다룬 작품들)는 다문화 배경의 인물들을 종종 '타자' 또는 '피해자'로 묘사한다. 이들은 연민의 대상이었으나, 행위 주체성은 결여된 모습으로 그려지는 경향을 보였다.

«완득이» (2011)는 이러한 이미지의 전환점을 마련한 작품으로 평가된다. 이 영화는 완득이를 단순히 피해자로 그리지 않고, 편견에 맞서 싸우고 가족 관계 속에서 자신의 정체성을 능동적으로 모색하는 주체로 형상화한다.

그러나 2000년대 한국 드라마 속 외국인 유형론은 여전히 외국인에 대한 위계적 인식을 반영했다. 이러한 접근 방식은 이중적 잣대를 드러내며 캐릭터들을 ‘선망 대상 그룹’ (서구권 전문직)과 ‘동정 대상 그룹’ (동남아시아 출신 유색인종 이주민)으로 분류하는 양상을 보였다. EBS의 «고부갈등...»과 같은 프로그램들은 주로 소수자가 다수 사회에 동화해야 할 의무가 있다는 관점에서 적응 문제를 집중적으로 조명하였다.

4.2. 계층 특권 유지 기제와 매체 재현 분석

한국 미디어 텍스트 분석은 계층 불평등이 단순한 부의 차이를 넘어, 이론에서 언급된 구조적 메커니즘을 통해 어떻게 유지되는지를 보여준다.

영화 《기생충》에서 박 사장 가족이 누리는 ‘선한’ 혹은 ‘순진한’ 특권은 문화자본(문화자본, Cultural Capital)이 체화된 결과이다. 그들의 성공은 우아한 생활 방식과 비공식적인 사회적 코드를 통해 그들에게 자연스럽게 인식된다. 반면, 김 가족은 아무리 지능적으로 계획을 실행해도 결국 한계에 부딪히는데, 이는 그들에게 결여된 문화자본 때문이다. 이들의 실패는 사회적 폐쇄(사회적 폐쇄, Social Closure)와 기회 독점(기회 독점, Opportunity Hoarding)이 하층민의 상류 계층 영역 진입을 구조적으로 어렵게 만드는 방식을 명확히 보여준다.

4.3. 이중적 소외의 교차 분석: 계층과 다문화의 중첩

현대 미디어에서 계층적 취약성과 문화적 차별이 겹쳐지면서 이중적 소외(double marginalization)가 발생한다. 이는 단일 차원으로는 설명할 수 없는 복합적 배제 구조를 드러내며, 미디어 속 인물들이 경험하는 사회적 현실을 비판적으로 보여준다.

첫번째, Netflix «오징어 게임» (2021)의 알리 압둘: 파키스탄 출신 이주 노동자인 알리는 미디어가 일반적으로 규정하는 ‘동정집단’(동정집단)에 속한다. 그의 서사(임금 체불, 경제적 약자성)는 한국 미디어의 이중적 잣대가 그의 인종적 배경을 낮은 계층적 위치와 연결 지어 이중적 소외를 가중시키는 방식을 명확히 보여준다.

두번째, JTBC «이태원 클라쓰» (2020)의 김토니: 혼혈인 토니는 주변적인 위치에서 벗어나려 노력하지만, "넌 한국인이 아니야"라는 문화적 편견에 직면한다. 그의 고군분투는 개인의 노력이 이중적 잣대라는 구조적 장벽에 부딪혀 좌절되며, 계층적 취약성이 문화적 차별로 인해 강화되는 과정을 드러낸다.

이 분석은 알리와 토니가 겪는 경제적 착취와 문화적 편견이 단순한 개인적 불운이 아니라, 사회적 타자성을 계층적 위치와 연결하여 대상화하는 구조적 산물임을 보여준다.

세번째, 영화 **«부산행» (2016)**에서는 좀비 사태 속에서 하층 승객들이 생존을 위해 강자에게 희생되는 장면을 통해, 재난 상황에서조차 계층적 차별이 중첩되는 이중적 소외를 상징적으로 보여준다.

네번째, **«버닝» (2018)**에서는 주인공 종수가 상류층 벤과의 대비 속에서 감정적·경제적 취약성을 동시에 경험한다. 종수의 낮은 사회적 위치는 그의 심리적 고립과 사회적 배제를 심화시키는 구조적 요인으로 작용하며, 이는 경제적 약자가 겪는 이중적 소외의 미묘한 양상이다.

이러한 사례들은 한국 미디어에서 계층적 약자성과 문화적 타자성이 결합될 때 발생하는 구조적 배제의 현실을 구체적으로 보여주며, 관객에게 사회적 불평등과 문화적 차별이 중첩된 현실을 성찰하도록 한다.

5. 결론

5.1. 연구 결과 요약 및 함의

현대 한국 영화와 드라마는 계층 불평등과 다문화 인물 재현을 통해 한국 사회의 구조적 현실과 사회적 긴장을 심층적으로 탐구한다. 분석 결과, 첫째, 계층 갈등은 단순한 경제적 격차를 넘어, 공간적 배치, 감각적 표현, 그리고 사회·제도적 폭력을 통해 시각화된다. 이러한 표현 방식은 불평등이 단순히 개인의 능력이나 선택에 의해 발생하는 것이 아니라, 제도적·구조적 요인에 의해 재생산되는 문제임을 보여준다.

둘째, 다문화 인물의 재현은 과거 수동적이고 피해자 중심의 이미지에서 점차 능동적 주체로 변화하고 있으나, 여전히 유형화와 동화의 문제를 완전히 벗어나지 못하고 있다. 이는 다문화 인물이 단순히 극적 장치로 소비되는 동시에, 사회적 차별과 편견의 맥락 속에서 제한된 방식으로 표현됨을 의미한다.

셋째, 주요 작품들(<오징어 게임>, <이태원 클라쓰>)에서는 계층적 취약성이 문화적 타자성과 결합하면서 이중적 소외가 발생하는 현상이 확인된다. 이러한 중첩적 배제 구조는 단일 차원으로 설명할 수 없는 복합적 불평등을 드러내며, 계층과 문화적 차별이 서로 강화하는 방식으로 사회적 갈등을 심화시킨다.

결과적으로, 현대 한국 영화와 드라마는 계층과 문화적 정체성이 교차하는 지점을 시각적·서사적 장치로 재현함으로써, 사회 구조적 문제와 그로 인한 배제 현상을 비판적으로 성찰하도록 한다.

5.2. 연구의 한계 및 제언

본 연구는 영화와 드라마의 서사 구조와 상징 체계를 중심으로 분석을 수행하였으나, 수용자의 인식 변화나 실제 사회적 반응을 직접적으로 다루지는 못했다는 한계를 가진다. 또한, 분석 대상 작품이 제한적이라는 점에서 연구 결과를 일반화하는 데에는 제약이 있다. 후속 연구에서는 미디어 텍스트가 한국 사회의 정책 변화, 다문화 수용성, 그리고 사회적 담론 형성에 미치는 영향을 실증적으로 검토함으로써, 보다 포괄적이고 구체적인 이해를 제시할 필요가 있다.

참고문헌

1. 곽준혁. 다문화주의와 비지배적 상호성 // 당대비평. 2007. 39. pp.137-160.
2. 박연진, 이장근, 이주민 재현 프로그램 출연자의 특성과 갈등요소 구성에 관한 연구: 이웃집 찰스를 중심으로 // 사회과학연구. 2023. 30. pp.174-194.
3. 손은하. 이질성과 표상 그리고 다문화와의 관계 // 동북아문화연구. 2014. 39. pp.5-21.
4. 이안진. 서울 4년제 대학생의 법학전문대학원 진학 준비 경험과 계층 불평등 // 교육사회학연구. 2025. 35. pp.229-268.
5. 이다운. 영화 기생충에 나타난 계급적 패배감과 모멸감 연구 // 한국영상영화학회. 2019. 14. pp.100-115.
6. 장민정. 미디어의 다문화 재현에 대한 비판적 담론 분석: 휴먼 다큐멘터리 EBS 다문화 고부 열전을 중심으로 // 다문화교육연구. 2014. 7. pp.67-86.
7. 주혜연, 노광우. 드라마 속에 재현된 외국인과 한국의 다문화주의 // 한국언론정보학회. 2013. 32. pp.335-364.
8. Pokholkova E.A., Mozol T.S. Idei sotsialnogo neravenstva v tvorchestve yuzhnokoreiskogo rezhissera Pon Chunho // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2022. 10. pp.147-158.
9. Sungnoi K. An analysis of the spatial narrative of the film Parasite // Journal of the Korea Entertainment Industry Association. 2019. 14.
10. Zolotaiko O.R., Kostiuchenko A.A. Ethnic and Racial Other in Contemporary South Korean Dramas // Nauka Televidenya. The Art and Science of Television. 2022. 18. pp.21-41

СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ КИТАЙСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Чернышов Тимофей, Гребенщикова Екатерина
ВВГУ, 4 курс
Владивосток, Россия

Научный руководитель: Котляр Н.В. (ВВГУ)

Аннотация: В данной статье анализируются стратегии Республики Корея на мировом рынке электромобилей в условиях усиления конкуренции со стороны Китая. Актуальность исследования обусловлена ростом роли электромобильной отрасли в международной торговле и трансформацией глобальных цепочек добавленной стоимости. Научная новизна работы заключается в рассмотрении электромобильного сектора как элемента торгово-экономической стратегии Республики Корея с акцентом на аккумуляторные технологии. В работе применены методы сравнительного и статистического анализа. В результате исследования установлено, что конкурентные позиции Республики Корея формируются за счет технологического лидерства в аккумуляторном секторе, государственной поддержки и интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости, в то время как китайские производители сохраняют преимущества благодаря масштабам производства и ценовой конкурентоспособности.

Ключевые слова: электромобили, мировой рынок, Республика Корея, Китай, международная торговля, аккумуляторные технологии, государственная поддержка

Title: Strategies of the Republic of Korea in the Global Electric Vehicle Market under Intensifying Chinese Competition

Author: Chernyshov Timofey, Grebenshchikova Ekaterina, Vladivostok State University (4th year), Vladivostok, Russia

Advisor: Kotlyar N.V. (Vladivostok State University)

Abstract: This article analyzes the strategies of the Republic of Korea in the global electric vehicle (EV) market amid intensifying competition from China. The relevance of the study is determined by the growing role of the electric vehicle industry in international trade and the transformation of global value chains. The scientific novelty of the research lies in examining the electric vehicle sector as an element of the Republic of Korea's trade and economic strategy, with a particular emphasis on battery technologies. The study employs comparative and statistical analysis methods. The findings indicate that the competitive position of the Republic of Korea is shaped by technological

leadership in the battery sector, government support, and integration into global value chains, while Chinese manufacturers maintain advantages due to large-scale production and cost competitiveness.

Keywords: electric vehicles, global market, Republic of Korea, China, international trade, battery technologies, government support

Введение

Быстрый рост рынка электромобилей (ЭМ) сделал его одной из наиболее динамичных и высокотехнологичных отраслей мировой экономики. Ведущие страны развивают инновационные модели производства, аккумуляторных технологий и управления инфраструктурой, что требует координации научных, промышленных и торговых стратегий. На этом фоне Китай за последние годы вырвался в мировые лидеры по выпуску как самих электромобилей, так и батарей для них. В свою очередь, Республика Корея (РК) – также крупный производитель автомобилей и батарей, вынуждена приспосабливаться к обострению конкуренции и выработать новые стратегии продвижения.

Научная проблема данной работы – изучение торгово-экономических аспектов конкуренции РК и Китая на глобальном рынке электромобилей и аккумуляторов, а также выработка рекомендаций по сохранению конкурентоспособности корейских производителей. Объектом исследования выступает мировой рынок электромобилей, предметом – механизмы и факторы конкуренции РК и Китая в этом секторе. Исследование основывается на аналитическом обзоре актуальных данных и научных публикаций, сравнении показателей двух стран и учете последних политических инициатив (субсидии, тарифы и т.п.).

Важность работы обосновывается ростом значения чистых технологий в глобальной экономике и необходимостью адаптации промышленной стратегии РК к новым условиям. Актуальность подчеркивается недавними событиями: введением западных тарифов на китайские ЭМ, созданием корейских альянсов автопроизводителей и батарейных гигантов, а также усилением экологических требований (например, «зеленый» курс Евросоюза и США).

Задачи исследования:

1. Проанализировать рынок электромобилей как высокотехнологичный сектор мировой экономики.

2. Оценить позиции Китая и Республики Корея на мировом рынках электромобилей и аккумуляторов.

3. Выявить ключевые факторы конкурентоспособности стран в данном секторе.

4. Исследовать роль господдержки, тарифов и внешнеторговой политики в конкуренции на этом рынке.

5. Определить перспективы дальнейшей конкуренции Китая и РК на мировом рынке электромобилей.

Рынок электромобилей как высокотехнологичный сектор мировой экономики

Мировой рынок легковых электромобилей (включая батарейные BEV и подзаряжаемые гибриды PHEV) демонстрирует стремительный рост: в 2023 году было продано около 14,2 млн новых электромобилей, что на 35 % выше уровня 2022 года [1]. Их доля в общем мировом выпуске легковых машин достигла примерно 15,8 % [1]. При этом Китай остается крупнейшим рынком – в 2023-м в КНР реализовано около 8,4 млн электромобилей (59 % от мировых продаж) [1], по оценкам, а производство электромобилей в Китае составило 9,3 млн (65 % всего мирового выпуска). Европа занимает второе место по объемам – около 21 % глобального рынка, США – около 9 % [1].

Электромобили являются высокотехнологичным продуктом, объединяющим достижения электроники, информационных технологий и материаловедения. Быстрые темпы роста определяются жесткими экологическими обязательствами государств по снижению выбросов CO₂, мерами по стимулированию электрификации автопарков (субсидии, налоговые льготы, квоты) и развитием инфраструктуры зарядных станций. К тому же производство ЭМ тесно связано с батарейной индустрией, где важна разработка новых типов литий-ионных аккумуляторов (в том числе твердотельных) и систем управления. По данным IEA, Китай производит более 70 % всех аккумуляторов для электромобилей в мире [2], а Южная Корея – около 20 %, что подчеркивает стратегическую значимость этих стран в глобальном высокотехнологичном секторе [3].

На этом инновационном фоне конкуренция между государствами усиливается, особенно между Китаем и Южной Кореей, поскольку обе страны обладают сильными технологическими базами. Важную роль играет сочетание

национальных промышленных стратегий с рыночными факторами: например, Китай активно масштабирует производство дешевых литий-железо-фосфатных (LFP) батарей, а Корея ранее делала ставку на высокоплотные никель-метал-оксидные (NMC) аккумуляторы с акцентом на премиальность продукции [4]. В дальнейшем анализе мы рассмотрим, как эти и другие особенности проявляются в конкретных показателях обеих стран.

Позиции Китая на мировом рынке электромобилей и аккумуляторов

Китай прочно удерживает доминирующие позиции на глобальном рынке электромобилей. В 2024 году производство электромобилей в КНР достигло рекордных 12,4 млн единиц (что составляет 70 % мирового выпуска) [5]. При этом в стране сосредоточены крупнейшие мировые автоконцерны по выпуску ЭМ: пять из десяти лидеров мирового рынка (BYD, Tesla Китай, Geely/Zeekr, SAIC, и Xpeng) основаны в Китае [5]. Китайские автопроизводители демонстрируют огромный объем продаж как внутри страны, так и на экспорт (в 2023 году из Китая было экспортировано около 0,9 млн ЭМ, главным образом западных брендов, хотя доля экспорта собственных марок тоже растет) [1]. С точки зрения аккумуляторного сектора, Китай контролирует львиную долю рынка. По оценкам SNE Research, на китайские компании приходится примерно 70 % мировых мощностей по производству автомобильных аккумуляторов (с учетом систем ESS) [3]. Так, CATL и BYD – две крупнейшие китайские фирмы – в первой половине 2025 года обеспечили свыше 55 % всех продаж аккумуляторов для электромобилей в мире [6]. Между тем ведущие корейские производители аккумуляторов (LG Energy Solution, SK On, Samsung SDI) в этот период вместе составляли лишь около 16,4 % мирового рынка [6]. Китайская индустрия опирается на массовое производство относительно дешевых LFP-элементов, агрессивное расширение мощностей и масштабную господдержку: например, по данным специалистов Rhodium, CATL и BYD ежегодно получали более 2 млрд долл. прямых субсидий от государства [7]. Общие инвестиции Китая в отрасль оцениваются в сотни миллиардов долларов [5].

Правительственные политики КНР способствовали столь впечатляющим результатам. На протяжении прошлого десятилетия в Китае действовали льготные программы поддержки EV-сектора

(налоговые льготы, субсидии при покупке и др.), которые в совокупности обеспечили порядка \$230 млрд прямого финансирования с 2009 по 2023 г. без учета косвенных льгот [5]. Хотя с конца 2022 г. национальные субсидии потребителям электромобилей были свернуты и в ближайшие годы планируется отмена налоговых льгот, масштабы индустрии уже таковы, что Китай способен во многом полагаться на внутренний спрос и экспортное продвижение. При этом правительство продолжает стимулировать отрасль косвенно: например, развития местной цепочки поставок стратегических материалов (лития, никеля и т.д.) и создание предприятий по переработке.

Ключевыми конкурентными преимуществами Китая являются: масштаб производства (на 2025 г. по оценкам SNE Research суммарная доля Китая в мировых мощностях по выпуску аккумуляторов – свыше 70 %) [3], снижение издержек (за счет локализации производства и дешевых технологий LFP) и сильная государственная поддержка (инвестиции, субсидии, планирование) [7]. Кроме того, китайские компании активно эксплуатируют собственный огромный внутренний рынок для достижения эффекта масштаба и быстрой окупаемости. По данным Rhodium Group, к 2025 г. Китай будет занимать примерно 82 % мировых мощностей по производству элементов питания, что позволяет «заливать рынок» дешевыми батареями и машинным оборудованием, затрудняя конкуренцию извне [7].

Однако китайская модель несколько ориентирована на недорогие массовые электромобили, что в краткосрочной перспективе ослабляет позиции производителей премиум-класса. По мнению аналитиков, массовое принятие LFP-технологии делает рынок востребованным для доступных моделей, тогда как более дорогостоящие никелевые батареи сужают свой рынок главным образом на сегменты «люкс» и «дальнего запаса хода» [7]. Это означает, что в Китае сейчас формируется двухуровневая структура: на первом месте массовое производство бюджетных EV, на втором – ниша дорогих моделей. В сочетании с планируемым на 2026–2030 годы отказом от прямых субсидий это может несколько замедлить темпы роста, но уже заложенную технологическую и производственную базу вернуть очень сложно.

Таким образом, на конец 2025 г. Китай обладает монопольным преимуществом по объемам и масштабам на рынке электромобилей и аккумуляторов [5]. Стратегия Китая опирается на

гигантские внутренние рынки и расширение экспорта, где доминируют недорогие технологии. При этом государство продолжает принимать меры по обеспечению доступа к критичным ресурсам и стимулированию инноваций (например, в области новых химических составов батарей), готовя отрасль к более зрелому этапу развития.

Позиции Республики Корея на мировом рынке электромобилей и аккумуляторов

Южная Корея является крупным игроком на рынке электромобилей благодаря сильным автомобилестроительным и аккумуляторным компаниям, хотя ее масштабы пока значительно уступают китайским. Главными корейскими автопроизводителями в EV-сегменте являются группы Hyundai Motor (включая Hyundai и Kia), а в аккумуляторной отрасли – «большая тройка» LG Energy Solution, Samsung SDI и SK On.

На внутреннем рынке РК динамика электрификации ускоряется: в 2025 году в стране было произведено около 407 тысяч электромобилей, что составило 11 % от общего выпуска легковых машин [8]. Правительство поставило цель довести численность «зеленого» автотранспорта до 4,5 млн к 2030 г., активно развивая зарядную инфраструктуру, утилизацию старых ДВС-автомобилей и давая субсидии на приобретение EV [8]. В 2022 г. продажи корейских EV выросли почти вчетверо по сравнению с 2020 годом (с ~47 тыс. до 163 тыс. штук) [3]. Доля электромобилей в корейском парке транспортных средств все еще остается ниже глобальной (около 11 % производства), однако тренд явно в росте.

В области аккумуляторных батарей Республика Корея традиционно занимает одно из лидирующих мест. По данным инвестигентства InvestKOREA, к 2021 году на долю корейских производителей приходилось около 21 % мировых мощностей по выпуску батарей для EV (включая ESS) [3]. Это второй результат после Китая. Однако SNE Research отмечает, что к 2025 году доля Южной Кореи может немного упасть (до примерно 18 %), тогда как Китай удержит порядка 70 % [3]. Среди корейских фирм LG Energy Solution занимает наивысшую позицию – в 2023 г. ей принадлежало около 13,6 % мирового рынка батарей (третье место в мире) [3]. SK On и Samsung SDI имеют более скромные доли по 4–5 % каждый [3]. Корейские компании традиционно фокусировались на

технологиях с высокой удельной энергоемкостью (никель-металлоксидные ячейки NMC), тогда как китайцы лидировали в LFP.

Южнокорейская промышленность электромобилей и аккумуляторов полагается на качественные технологии и автоматизацию. Примеры высоких результатов: платформа E-GMP концерна Hyundai позволила выпустить ряд награжденных EV-моделей (IONIQ 5, IONIQ 6, Kia EV6, а также премиальные Genesis GV60), отмеченных премиями «Европейский автомобиль года» и «Автомобиль года в мире» [3]. Это говорит о том, что корейская продукция конкурирует на уровне современных стандартов по комфорту, дизайну и динамике.

В отличие от Китая, государственная поддержка электромобильного рынка в РК строится иными методами. Государство последовательно увеличивает субсидии на покупку EV (например, на 2026 г. запланировано 936 млрд вон, т.е. около \$658 млн, что на 20 % больше, чем в текущем году) [9]. Одновременно ужесточаются стандарты безопасности (введена государственная сертификация аккумуляторов, требование цифровых паспортов батарей и др.). Южнокорейские законодатели активизировались в регулировании обращения отслуживших батарей и стимулировании кругообращения (recycling), что отражено в нескольких законопроектах об управлении «вторичным» оборотом EV-аккумуляторов [4]. Кроме того, Южная Корея – участник ряда свободных торговых соглашений (FTA), что дает доступ корейским батарейным компаниям к американскому рынку EV. В частности, положения «Акта о снижении инфляции США» (IRA) позволяют возмещать налоги за аккумуляторы, произведенные в странах – партнерах США по FTA; ПХРК входит в число таких партнеров [3]. Это выгодно выделяет корейских производителей среди других азиатских, зависимых от китайских компонентов.

Наконец, корейские компании проявляют гибкость в стратегическом сотрудничестве. Так, в августе 2025 г. Hyundai и Kia объявили об объединении усилий с тремя крупными корейскими батарейными компаниями (LG, Samsung, SK) в рамках «Альянса по безопасности батарей» [6]. Цель – совместно разрабатывать инновации в области безопасности, цифровых технологий аккумуляторов и проектирования, чтобы укрепить позиции страны против китайских конкурентов. Партнерство предусматривает совместный патентный пул, стандартизацию

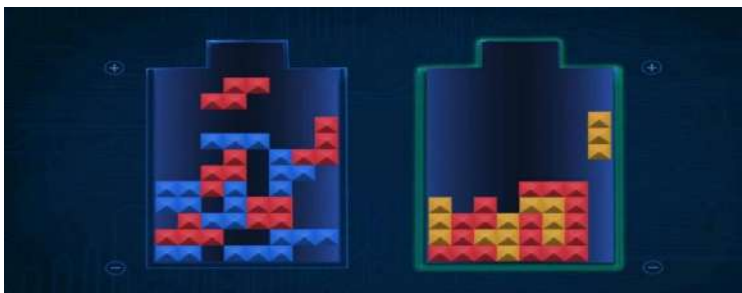
«электронных паспортов» батарей, а также исследования в области противопожарной защиты [6]. Это подчеркивает стратегический подход РК: борьба с конкурентным давлением КНР идет не только через конкуренцию на рынке, но и через кооперацию внутри страны и дифференциацию технологий.

Таким образом, РК занимает на мировом рынке ключевые позиции в премиальном сегменте: сильны ее бренды и опытные компании по разработке современных EV и батарей. Объемы пока уступают китайским: согласно планам, к 2030 г. страны должно производиться лишь 20 % мировых EV аккумуляторов [3], и доля автопрома Южной Кореи в мировом выпуске ЭМ не так велика, как у Китая. Однако сочетание передовых технологий, расширяющегося внутреннего спроса и активной политики поддержки обеспечивает южнокорейским фирмам прочную базу для роста на глобальных рынках.

Наиболее показательный элемент соперничества между Китаем и Республикой Корея – это аккумуляторные технологии и производство. На диаграмме приведена схематическая иллюстрация (по мотивам исследования Rest of World): китайские компании (справа) концентрируются на масштабах и удешевлении производства (легкая «упорядоченность» теней), а корейские (слева) традиционно опирались на премиальные никелевые решения (более «хаотичная» раскладка). Фактически на практике Китай активно наращивает выпуск дешевых LFP-батарей, доведя загрузку своих заводов до ~90 % мощности, тогда как ведущие корейские фабрики по высокопроизводительным NMC-батарейкам загружены лишь примерно на 50 % [7]. Это означает, что сегодня китайские аккумуляторы выигрывают в себестоимости, а корейские – в плотности и «продвинутости».

Сравнительный анализ и особенности конкуренции

Рис. 1

Ключевые факторы конкурентоспособности стран:

Технологии и структура продукции. Южнокорейские производители сделали ставку на высокую энергоемкость и качество (никелевые катоды), в то время как китайские освоили массовый выпуск более дешевых LFP-батарей. Рынок смещается в сторону доступных массовых моделей, что дает китайцам преимущество в объеме [7]. Тем не менее корейские компании не остаются в стороне: Hyundai/Kia совместно с LG и др. разрабатывают недорогие LFP-решения и экспериментируют с новыми химсоставами (например, литий-железомарганцевыми LMR) [10].

Масштаб производства. Китай обладает гигантскими промышленными масштабами – по некоторым оценкам, его доля в мировых производственных мощностях по батареям достигает 82 % [7]. Это позволяет китайским фирмам функционировать почти без остановок и давать глубинные скидки на продукцию. Корейские производственные мощности существенно меньше (нарастали планы, но пока заметно ниже китайских) [7].

Государственная поддержка. Китай вкладывает в отрасль десятки миллиардов долларов ежегодно [7], сохраняя пул льгот и субсидий даже после официального отказа от них. Южная Корея также реализует политику субсидий и льгот, но масштабы заметно скромнее (в 2026 г. – несколько сотен миллионов долларов на внутрипольную поддержку) [3]. При этом SK делает упор на нормативно-правовое стимулирование (стандарты безопасности, «зеленые» инициативы по переработке) и использование преимуществ внешних соглашений (IRA США, Евровакционные нормы).

Торговая политика и тарифы. Мировое усиление тарифных барьеров против китайских ЭМ (до 100 % в США и до 45 % в ЕС) открывает новые экспортные возможности для Южной Кореи. По оценкам, рост глобальных тарифов на китайские ЭМ на 20 % может увеличить экспорт южнокорейских электромобилей примерно на 10 % [11]. Одновременно, несмотря на традиционные активные поставки SK в США (Hyundai/Kia) и ЕС, оттуда же приходят ограничения: недавно договоренные тарифы 15 % для южнокорейских автомобилей могут снизить конкурентное преимущество, что делает важным внутри-азиатское и альтернативное экспортное сотрудничество.

Маркетинговые и качественные стратегии. Конкуренция идет не только в ценовом сегменте, но и в уникализации продуктов. Корейские марки делают ставку на дизайн, функционал и безопасность («прозрачность» информации о батареях после инцидентов и т.д.), чтобы отличаться от китайских конкурентов [11]. Так, Hyundai публично раскрывает данные о своих поставщиках батарей в ответ на пожары у конкурентов [11], а Kia продвигает новаторские электрические платформы. Китайские бренды, напротив, делают акцент на доступности (например, в США они сохраняют цены ниже \$25 000 даже после пошлин) [11].

Заключение

Таким образом, конкуренция в секторе электромобилей носит многомерный характер: она включает технологии (LFP vs NMC), масштаб (объемы производства), ценовую войну (субсидии и скидки) и качество продукта. Южная Корея стремится компенсировать меньшие объемы за счет качества, инноваций и умений в области электронных систем и дизайна, тогда как Китай доминирует за счет количества и поддержки государства.

Роль государственной поддержки и внешнеторговой политики: Обе страны активно управляют отраслевыми «игроками» через госполитику. Китай добивался прорыва промышленными планами и субсидиями: за последние 15 лет EV-сектор получил многомиллиардную поддержку [5]. К 2025 г. государственная помощь замедляется (включение отрасли в стратегические планы перестанет быть обязательным), но критическая масса уже сформирована. Южная Корея же ориентируется на косвенные стимулы: повышение субсидий гражданам [9], финансирование исследований, поддержка экспорта (гарантии кредита, ФТА, участие в глобальных НИОКР). Ключевым элементом внешнеторговой политики стал Инфляционный снизительный акт США (IRA). Южнокорейские фирмы извлекли из него выгоду: почти половина электромобилей, претендующих на налоговые льготы в США, собраны с батареями от LG/SK/Samsung, что вызвало рост экспортов корейских аккумуляторов в США на 27 % в 2023 г. [11]. Кроме того, южнокорейским производителям в рамках IRA был предоставлен переходный период по китайским материалам (например, графит китайского происхождения до 2026 г. считается приемлемым), что значительно снижает риски разрыва поставок критических компонентов [11].

Вместе эти меры позволяют Республике Корея использовать геополитические изменения как шанс для продвижения – особенно в тех сегментах, где китайские бренды по-прежнему сталкиваются с техническими и нормативными барьерами. В то же время Пекин расширяет свой экспортный контроль на редкоземельные и аккумуляторные материалы, что может повлиять на планы корейцев по диверсификации.

Мировой рынок EV будет и дальше расширяться (по прогнозам EV-Volumes, продажи превысят 17,8 млн штук в 2024 г., +25 % к 2023 г.) [1]. В этих условиях Китаю вряд ли удастся быстро потерять лидерство: его производственные мощности столь велики, что могут превышать спрос. РК будет стараться удерживать конкурентоспособность через технологическое лидерство в нише «инновационных» или «премиальных» электрокаров и батарей. Южная Корея может использовать свое преимущество в сложных технологиях (например, твердотельные батареи, системы безопасности, интеллектуальные функции автомобиля) [7]. Кроме того, страны вынуждены учитывать новую реальность «зеленых» стандартов: корейским производителям важно соответствовать европейским нормам об углеродном следе батарей (например, инициатива EU Battery Passport), что потребует инвестиций в отслеживание и переработку аккумуляторов [4].

В целом, Китай и Республика Корея движутся параллельно: Китай расширяет масштаб и направлен на массовость, а Южная Корея усиливает качество и кооперацию внутри отрасли, чтобы избежать отставания. Наглядным итогом является недавний союз Hyundai/Kia и корейских батарейных гигантов – пример стратегической кооперации в ответ на внешнее давление [6]. При сохранении такой стратегии южнокорейские фирмы смогут извлечь выгоду из благоприятного внешнего контекста (тарифы на китайские ЭМ, налоговые льготы) и, возможно, заделать отставание перед китайскими массовыми производителями. В противном случае они рискуют оказаться затертыми ценовой конкуренцией, о чем уже свидетельствуют доли китайских компаний на корейском рынке (в первом полугодии 2024 г. китайские ЭМ заняли около 30 % продаж в Южной Корее, что привело к заметному снижению реализации Hyundai и Kia) [11].

Таким образом, в условиях углубления конкуренции на мировом рынке электромобилей Китай подтверждает свой статус технологического и количественного лидера: он производит более

половины всех EV и более двух третей автомобильных аккумуляторов в мире [5]. Стратегия Китая основана на масштабных инвестициях, дешевых технологиях и использовании своих обширных внутренних рынков. Республика Корея, вторая по весу страна в батарейной отрасли (около 20 % глобальной доли производственных мощностей) [3], акцентирует внимание на инновациях, высоких технологиях и стратегических альянсах.

Наш анализ показал, что ключевыми факторами успеха на рынке электромобилей являются технологические инновации, государственная поддержка и условия внешней торговли. Южная Корея предпринимает активные шаги: повышение субсидий, законодательные инициативы по безопасности и круговой экономике, участие в международных соглашениях (IRA, EU). Кроме того, корейские компании объединяются для совместной разработки критически важных технологий (например, прорывные аккумуляторы, цифровые паспортные системы батарей). Вместе с тем им необходимо учитывать преимущества Китая в низкой себестоимости и крупномасштабном производстве, а также стремиться к диверсификации рынков сбыта (сосредоточение на США, Европе и других регионах).

В перспективе эффективная стратегия РК может заключаться в сочетании сильного технологического центра роста (резкое ускорение R&D, возможно лидерство в твердотельных и других новых батареях) с гибкой маркетинговой политикой (ориентация на премиум, усиление бренда «К-авто»). В то же время стратегические инвестиции в цепочку поставок (развитие «зеленой» батарейной инфраструктуры, обеспечение сырьевых ресурсов) и активное участие в международных инициативах помогут корейским фирмам сохранить конкурентные позиции. Если же скорость адаптации окажется низкой, южнокорейские производители рискуют потерять доли в среднеценовом сегменте, который уже осваивается китайцами.

Подводя итог, отметим, что успешная стратегия Республики Корея на мировом рынке электромобилей должна базироваться на усилении технологического преимущества и международной кооперации. С учетом глобальных трендов (жесткие экологические требования, новые торговые режимы) корейская сторона имеет шансы укрепить свои позиции, особенно в высокотехнологичных нишах, но потребуются постоянная адаптация к новым вызовам и проактивная государственная поддержка.

Список использованной литературы:

1. Global EV Sales for 2023
<https://ev-volumes.com/news/ev/global-ev-sales-for-2023/>
2. Глубокий анализ: данные МЭА показывают, что глобальная емкость аккумуляторов достигла трех гигаватт-часов, утроится ли она в ближайшие пять лет
<https://www.metal.com/ru/newscontent/103243712>
3. Battery
<https://www.investkorea.org/ik-en/cntnts/i-3025/web.do>
4. Securing the Future: South Korea Races to Regulate EV Batteries and Match EU Standards
<https://fiscalnote.com/blog/south-korea-races-to-regulate-ev-batteries>
5. After the Subsidies: EVs and Lessons from China's Industrial Policy
<https://thediplomat.com/2025/12/after-the-subsidies-evs-and-lessons-from-chinas-industrial-policy/>
6. Hyundai and Kia join forces with Korean EV battery giants to take on China
<https://electrek.co/2025/08/22/hyundai-kia-join-forces-with-korean-ev-battery-giants/>
7. China charges ahead as South Korea's battery giants lose their spark
<https://restofworld.org/2025/china-ev-battery-south-korea/>
8. South Korea Electric Vehicles EV Market
<https://www.trade.gov/market-intelligence/south-korea-electric-vehicles-ev-market>
9. South Korea to boost EV subsidies in 2026 to help auto industry weather US tariffs
<https://www.reuters.com/business/autos-transportation/south-korea-boost-ev-subsidies-2026-help-auto-industry-weather-us-tariffs-2025-11-14/>
10. Южная Корея создаёт альянс для конкуренции с китайскими гигантами EV
<https://news.rambler.ru/army/55194134-yuzhnaya-koreya-sozdaet-alyans-dlya-konkurentsii-s-kitayskimi-gigantami-ev/>
11. South Korean EV manufacturers gain traction as Chinese rivals face tariffs
<https://eastasiaforum.org/2025/04/02/south-korean-ev-manufacturers-gain-traction-as-chinese-rivals-face-tariffs/>

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА СЛЭНГА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕБТУНОВ)

Исаева София, Тегай Ксения
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 4 курс, 3 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Курманбекова В.А. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: Цель данного исследования — изучить, как передаются молодёжный сленг и неологизмы при переводе корейских вебтунов на русский язык на материале 외모지상주의 (Lookism), 싸움독학 (How to Fight) и 유미의 세포들 (Yumi's Cells). Вебтуны содержат большое количество разговорной и интернет-лексики, а также выражений, связанных с современной корейской культурой. Их перевод осложняется культурными различиями и тем, что многие сленговые единицы быстро меняются и не имеют прямых аналогов в русском языке. Теоретическую основу исследования составили работы Д.А. Пыльпюк «Молодёжный сленг в корейском языке» и Е.В. Ким «Сленг в речи современной корейской молодежи». Эти исследования помогли понять особенности употребления сленга и причины трудностей при переводе. В работе применяется сравнительный анализ оригинала и перевода, а также лингвокультурологический подход. Рассматриваются основные переводческие стратегии: калькирование, адаптация, заимствование и создание неологизмов. В ходе анализа были выявлены наиболее частотные трансформации и типичные сложности при передаче разговорных выражений и культурных реалий. В заключение отмечается, что перевод молодёжного сленга требует не только владения языком, но и знания современной корейской культуры и контекста.

Ключевые слова: корейский язык, вебтун, Lookism, How to Fight, Yumi's Cells, молодёжный сленг, интернет-сленг, неологизмы, перевод, переводческие трансформации, калькирование, адаптация, заимствование, культурные реалии.

Title: Translation Strategies for Slang (Based on Webtoon Material)

Author: Issayeva Sofiya, Tegay Xeniya, Ablai Khan University, 4th course, 3rd course, Almaty, Kazakhstan

Advisor: V.A. Kurmanbekova, Ablai Khan University, Almaty, Kazakhstan

Abstract: The aim of this study is to examine how youth slang and neologisms are rendered in the translation of Korean webtoons into Russian, based on the material of 외모지상주의 (Lookism), 싸움독학 (How to Fight), and 유미의 세포들 (Yumi's Cells). Webtoons contain a significant amount of colloquial and

internet-based vocabulary, as well as expressions related to contemporary Korean culture. Their translation is complicated by cultural differences and by the fact that many slang units change rapidly and lack direct equivalents in Russian.

The theoretical foundation of the research is based on the works of D.A. Pylypyuk (Youth Slang in the Korean Language) and E.V. Kim (Slang in the Speech of Modern Korean Youth), which helped to clarify the specifics of slang usage and the main challenges in translation. The study employs comparative analysis of the original and translated texts, as well as a linguocultural approach. The main translation strategies considered include calquing, adaptation, borrowing, and the creation of neologisms. The analysis revealed the most frequent transformations and typical difficulties encountered when conveying colloquial expressions and culture-specific elements.

In conclusion, the study notes that translating youth slang requires not only command of the language, but also knowledge of contemporary Korean culture and context.

Keywords: Korean language, webtoon, Lookism, How to Fight, Yumi's Cells, youth slang, internet slang, neologisms, translation, translation transformations, calquing, adaptation, borrowing, cultural realia.

Введение. Сленг и интернет-лексика в последние годы стали одним из ключевых маркеров современной коммуникации: через них фиксируются групповая идентичность, ирония, эмоциональная реакция и динамика социальных ролей. Для переводчика сленг проблематичен не столько из-за «непереводимости» отдельных слов, сколько из-за высокой прагматической нагрузки: одна и та же единица может выражать насмешку, фамильярность, агрессию или солидарность в зависимости от ситуации и отношений между говорящими. В результате буквальная передача часто не воспроизводит ни коммуникативного эффекта реплики, ни характеристику персонажа.

Особую сложность эта задача приобретает в переводе корейских вебтунов — цифровых комиксов, где вербальный текст неотделим от визуального ряда и ритма чтения. Реплики в «пузырях» обычно краткие, эмоционально насыщенные, а их смысл поддерживается мимикой, жестом, типографикой и визуальными мем-кодами. В таких условиях переводчик ограничен объёмом фразы и одновременно вынужден учитывать культурные коннотации, типичные для корейской молодёжной среды: школьные иерархии, нормы общения, интернет-юмор, а также устойчивые реалии современной поп-культуры. Дополнительный фактор — распространённость фан-переводов, где переводческие

решения часто ориентированы на скорость выпуска и ожидания аудитории, что напрямую влияет на выбор приёмов передачи сленга.

Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к корейскому культурному контенту и расширением русскоязычных переводческих практик в сфере вебтунов. При этом именно сленговые единицы, сокращения и неологизмы нередко становятся «узкими местами» перевода: они быстро устаревают, не имеют стабильных словарных соответствий и требуют решения на уровне стратегии — сохранить иностранный колорит, адаптировать под русскую разговорную норму или компенсировать эффект в другом месте текста. Анализ таких решений позволяет уточнить, какие трансформации оказываются наиболее продуктивными для передачи не только значения, но и прагматического воздействия реплики.

Цель настоящего исследования — выявить и описать стратегии передачи молодёжного и интернет-сленга при переводе корейских вебтунов на русский язык на материале 외모지상주의 (Lookism), 싸움독학 (How to Fight) и 유미의 세포들 (Yumi's Cells). Для достижения цели поставлены следующие задачи: (1) определить специфику сленга и неологизмов как переводческой проблемы; (2) выделить и классифицировать сленговые единицы в выбранных произведениях; (3) сопоставить оригинальные фрагменты и русскоязычные версии; (4) описать используемые переводческие трансформации и оценить их функциональную эффективность с точки зрения сохранения экспрессивности и культурных смыслов.

Теоретической основой работы послужили исследования Д.А. Пыльпук, посвящённые молодёжному сленгу в корейском языке, а также Е.В. Ким, рассматривающей сленг в речи современной корейской молодёжи. В методологическом плане применяется сопоставительный анализ оригинала и перевода в сочетании с лингвокультурологическим подходом, позволяющим учитывать культурно маркированные элементы и их прагматические эффекты. В рамках исследования рассматриваются такие стратегии, как калькирование, адаптация, заимствование и создание неологизмов, а также их комбинации в зависимости от жанра и коммуникативной ситуации.

Теоретическая часть. Сленг — это неофициальные слова и выражения, которые используются в повседневной речи. Чаще

всего он встречается в устном общении и помогает сделать речь более живой, эмоциональной и выразительной. С помощью сленга люди могут передавать своё отношение к ситуации, эмоции, а также показывать принадлежность к определённой социальной группе, например к молодёжи или интернет-сообществу.

От разговорной лексики сленг отличается тем, что он не является общеупотребительным. Разговорные слова понятны большинству носителей языка, тогда как сленг используется только внутри определённых групп. Просторечие, в отличие от сленга, связано с нарушением языковых норм и чаще воспринимается как речевая ошибка, тогда как сленг выполняет особую коммуникативную функцию и не обязательно считается неправильным.

Существует несколько основных видов сленга. Молодёжный сленг используется подростками и молодыми людьми и отличается яркой эмоциональностью и быстрыми изменениями. В корейском языке к нему относятся такие слова, как “쩨다” (ччонда) и “대박” (тэбак), которые выражают сильное удивление или восхищение. Интернет-сленг формируется в онлайн-общении и включает сокращения и символы, например “ㅋㅋㅋ” (кхкхкх) или “헐” (холь). Профессиональный сленг используется в определённых сферах деятельности, таких как IT, музыка или медиа, и помогает упростить общение между специалистами. Криминальный сленг относится к закрытым социальным группам и используется для передачи информации внутри них.

Важной особенностью сленга является появление новых слов — неологизмов. Они возникают из-за изменений в обществе, развития технологий и влияния других языков. В корейском языке примерами таких слов являются “인싸” (инсса) и “아싸” (асса), которые произошли от английских слов insider и outsider. Эти выражения показывают социальное положение человека в группе и широко используются в современной речи.

Поэтому сленг является подвижной частью языка, которая быстро реагирует на изменения в обществе. Его изучение особенно важно для переводоведения, так как при переводе сленговых слов часто невозможно использовать прямой перевод, и переводчику приходится применять различные переводческие трансформации.

Стратегии перевода сленга. Перевод сленговых единиц представляет собой одну из самых сложных задач в переводческой

практике. Сложность этого процесса объясняется тем, что сленг тесно связан с культурой, возрастом, социальной средой и даже субкультурой носителей языка. Молодёжные выражения, шутки и игривые обороты отражают актуальные тенденции, эмоциональное состояние героев текста и их социальную принадлежность, что делает их перевод особенно чувствительным. Во многих случаях сленговые слова не имеют прямых эквивалентов в языке перевода, и переводчику приходится искать альтернативные способы передачи их значения. При этом важно не только сохранить семантику, но и эмоциональную окраску, стиль, а также комический или ироничный эффект оригинала.

Одной из возможных стратегий является калькирование, при котором структура сленгового слова или выражения буквально переносится в язык перевода. Этот метод помогает сохранить «корейский колорит» и социальный контекст, однако результат может быть непонятен читателю и применяется сравнительно редко. Так, корейское слово «애교» (эгё), обозначающее демонстративную милоту или кокетство, иногда калькируется как «азгё», сохраняя оригинальное звучание и культурный оттенок, хотя без пояснения оно может быть не сразу понятно русскоязычному читателю.

Более распространённой стратегией является адаптация, которая предполагает подбор слова или выражения в языке перевода, близкого по значению и стилю, даже если дословно оно не совпадает с оригиналом. Адаптация делает текст естественным и понятным, сохраняя разговорный характер речи. Например, сленговое корейское выражение «대박» (тэбак), которое буквально означает «большой успех», в разговорном употреблении передаёт удивление или восхищение. В русском языке его можно передать словами «вау!» или «ни фига себе!», что позволяет сохранить эмоциональный заряд и реакцию персонажа.

В некоторых случаях переводчику приходится создавать неологизмы, когда оригинальное сленговое выражение невозможно передать существующими средствами языка. Такой приём особенно актуален, если слово играет ключевую роль в тексте или комическом эффекте сцены. Так, в вебтунах часто встречается слово «짤» (ччаль), обозначающее короткие мемы или гифки. Для передачи этого термина на русский язык переводчики могут использовать новые слова вроде «мемчик» или «гифка», сохраняя

лёгкую и игривую стилистику, характерную для молодёжного общения.

Если сленговую окраску сохранить невозможно, переводчик может использовать нейтральное слово, передающее общий смысл. При этом эмоциональная насыщенность теряется, но содержание остаётся понятным. Например, корейское «**헐**» (холь), выражающее удивление или шок, в нейтральном варианте переводится просто как «ого» или «ничего себе», что сохраняет информативную функцию, хотя теряется эмоциональный оттенок.

Ещё одним приёмом является описательный перевод, когда значение сленгового слова передаётся через краткое пояснение. Этот способ удобен для передачи культурно специфичных единиц, особенно если они важны для понимания сюжета или характера персонажа. Так, сокращение «**현웃**» (хёнут) от «**현실 웃음**» (хёнщикль усым) , означающее «смех над реальной жизнью», может быть переведено в русском тексте как «смешно в реальной жизни», что позволяет читателю уловить культурный контекст и сохранить эмоциональную окраску сцены.

Материал исследования. В качестве материала исследования были выбраны три популярных вебтуна: **외모지상주의** (Lookism), **싸움독학** (How to Fight) и **유미의 세포들** (Yumi's Cells). Эти произведения различаются по жанрам, стилистическим особенностям и целевой аудитории, что позволяет рассмотреть широкий спектр переводческих задач и трансформаций, возникающих в фан-переводах.

외모지상주의 (Lookism) представляет собой драму с элементами социальной сатиры и школьной повседневности. Сюжет повествует о старшекласснике, который внезапно начинает жить в двух телах — привлекательном и своём изначальном. Этот приём позволяет исследовать тему дискриминации по внешности и социального неравенства. Речь персонажей характеризуется разговорным стилем, использованием сленговых и молодёжных выражений, бытовой и уличной лексикой, а диалоги эмоционально насыщены. Аудитория вебтуна — подростки и молодёжь в возрасте от 15 до 25 лет. Официальный перевод на английский доступен на платформе WEBTOON, в то время как русский перевод представлен частично в виде фанатских версий.

싸움독학 (How to Fight) относится к жанру экшн-драмы. История рассказывает о слабом школьнике, который обучается

дракам через онлайн-видео и постепенно вовлекается в конфликтные ситуации. Речь персонажей насыщена боевой терминологией, просторечными и уличными выражениями, короткими эмоциональными репликами, а также языком интернет-коммуникаций и социальных сетей. Целевая аудитория — подростки и молодые взрослые в возрасте от 15 до 30 лет.

유미의 세포들 (Yumi's Cells) представляет собой романтическую повседневную комедию. Сюжет концентрируется на жизни девушки Юми, чьи эмоции и внутренние переживания визуализированы через образ её антропоморфных «клеток». Язык вебтуна сочетает бытовую лексику и внутреннюю речь героини, содержит юмористические элементы, упрощённые визуальные образы, а также описания эмоций и психологических состояний персонажей. Широкая аудитория произведения — преимущественно люди в возрасте 18–35 лет. Официальный английский перевод доступен на платформе WEBTOON, русский перевод представлен частично фанатскими версиями.

Выбор этих трёх вебтунов позволил исследовать разнообразие стилистических особенностей и целевых аудиторий, а также выявить различные сложности, с которыми сталкиваются переводчики при передаче живого и эмоционального языка корейской молодёжи. Различные жанры и языковые особенности материалов дают возможность подробно проанализировать стратегии передачи сленга, эмоциональных оттенков и культурных реалий, что является актуальной задачей современного перевода вебтунов.

Теоретическая часть. В практической части исследования были проанализированы 60 единиц корейского сленга, отобранных из трёх популярных вебтунов: 싸움독학 (How to Fight), 외모지상주의 (Lookism) и 유미의 세포들 (Yumi's Cells). Для каждого вебтуна было выделено по 20 сленговых слов и выражений, после чего были рассмотрены способы их передачи на русский язык с точки зрения переводческих трансформаций.

Таблица 1. Сленг, встречающийся в вебтуне 싸움독학 (How to Fight), его перевод и использованная переводческая трансформация.

№	Слово	В переведенной версии	Трансформация
1	하이	Здарова	Компенсация
2	대박	Круто/ох, божечки!	Адаптация
3	뷰티	Красотка	Конкретизация
4	앵글	Ракурс	Прямой перевод
5	팔아먹다	Использовать (меня)	Адаптация
6	인사는 개뿔	Привет твоей жопе!	Адаптация
7	챗	Эх	Прямой перевод
8	외모로 먹고 살다	Делает деньги за счет своей внешности	Генерализация
9	찍새	Джихо (имя человека, к которому было использовано это обращение)	Конкретизация
10	개빡치다	Бесишь	Эквивалентная замена
11	르ㅇ	Рил	Транскрипция
12	지릴뻔 하다	Чуть штаны от страха не обмочил	Модуляция
13	타이밍	До того, как	Конкретизация
14	아재	Папик	Адаптация
15	아 씨	Вот же дерьмо	Эквивалентная замена

16	뒤지다	Склеить ласты	Эквивалентная замена
17	패드립	Жестко	Генерализация
18	쌩큐쌩큐	Спасибки	Адаптация
19	베토디	Еда	Генерализация
20	떡방	Мукбанг	Транскрипция

Таблица 2. Сленг, встречающийся в вебтуне 외모지상주의 (Lookism), его перевод и использованная переводческая трансформация.

№	Слово	В переведенной версии	Трансформация
1	아가리	Хлебало	Эквивалентная замена
2	돛대란	Последняя	Модуляция
3	몽키	Мартышка	Конкретизация
4	새끼	Упырок, гаденыш	Эквивалентная замена
5	선빵	Первый удар	Калькирование
6	늬스 (병신)	Дегенерат	Эквивалентная замена
7	왕따	Меня шпыняют	Модуляция
8	은근히 펀치력 있다	Рука достаточно набита	Модуляция
9	만원빵	Вполне ожидаемо	Модуляция
10	코개커	Шнобель	Эквивалентная замена
11	숫 떨어	Вах, что за удар?	Генерализация

12	헬창	Фитнес-маньяк	Калькирование
13	쩐다	Жесть/мощно	Модуляция
14	씹어먹다	Вынести/нагнуть	Модуляция
15	이상놈의 새끼	Говнюк	Адаптация
16	쪽팔리게	Ты меня позоришь	Антонимический перевод
17	식후땀	Послеобеденное курево	Описательный перевод
18	세보이다	Дерзкий	Модуляция
19	개쩔어	Невероятно горяч	Конкретизация
20	추녀	Уродка	Эквивалентная замена

Таблица 3. Сленг, встречающийся в вебтуне 유키의 세포들 (Yumi's Cells), его перевод и использованная переводческая трансформация.

№	Слово	В переведенной версии	Трансформация
1	현타 오다	Вернулся к реальности	Описательный перевод
2	완전 내 스타일	Прямой перевод	Полностью в моем вкусе
3	깜놀	Так офигел!	Компенсация
4	바람둥이	Ловелас, бабник	Модуляция
5	심쿵	Сердце ёкнуло	Эквивалентная замена
6	케미	Химия между людьми	Описательный перевод

7	멘붕	Ступор	Адаптация
8	밀당	“Горячо-холодно” в отношениях	Описательный перевод
9	썸타다	Флиртовать / Мутить	Адаптация
10	철벽녀	Неприступная	Конкретизация
11	모태솔로	Вечный одиночка	Описательный перевод
12	금사빠	Влюбчивая ворона	Адаптация
13	어장관리	Запасной аэродром	Эквивалентная замена
14	훈남	Обаяшка / Красавчик	Модуляция
15	모쏨	Ни разу не целованный	Описательный перевод
16	뇌섹남	Умный — это сексуально	Описательный перевод
17	치맥	Пивко с курочкой	Конкретизация
18	노잼	Скукотища / Тухляк	Эквивалентная замена
19	갑질	Строить из себя босса	Модуляция
20	얼짱	Красавчик / Моделька	Генерализация

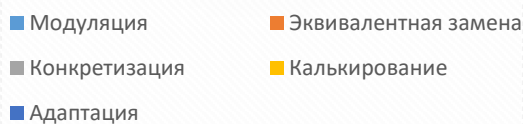
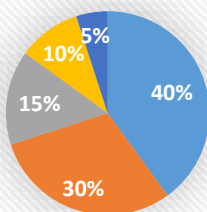
После составления таблиц все отображенные сленговые единицы были систематизированы по типам использованных переводческих трансформаций. Это позволило не только наглядно представить способы перевода каждого отдельного примера, но и увидеть общие тенденции в передаче корейского сленга на русский язык.

На основе данных, приведённых в таблицах, стало возможным провести количественный анализ и определить, какие переводческие трансформации используются наиболее часто, а какие встречаются реже. Такой подход позволяет перейти от

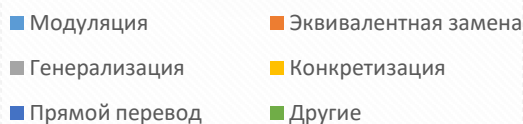
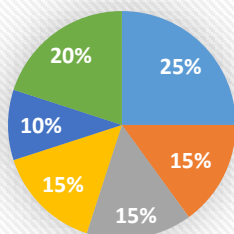
описания отдельных примеров к более общим выводам о стратегии перевода слэнга в вебтунах разных жанров.

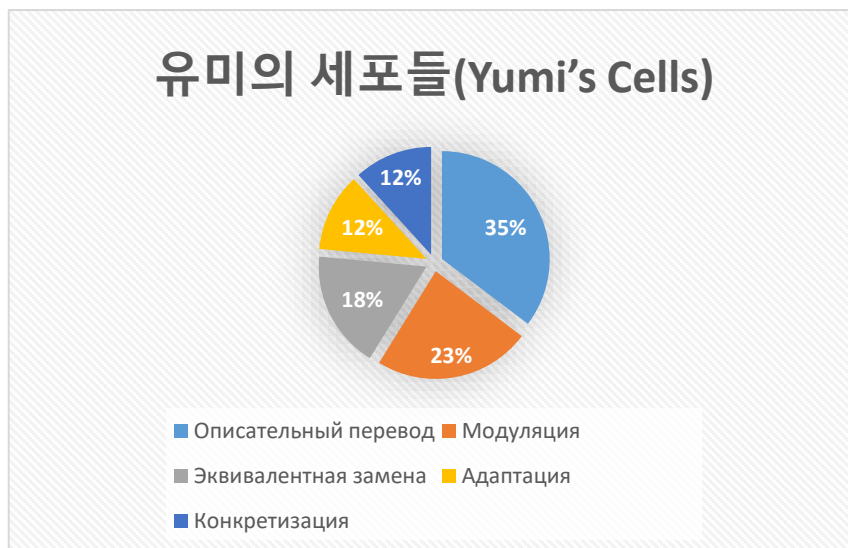
Далее на основе полученных таблиц проводится статистический анализ, в ходе которого рассматривается частотность каждой трансформации и выявляются особенности их использования в вебтунах 싸움독학, 외모지상주의 и 유미의 세포들.

외모지상주의(Lookism)

싸움독학(How to fight)

На основе произведенного анализа частоты использования переводческих трансформаций, было выявлено что в каждом вебтуне преобладает тот или иной вид трансформаций и данные не равномерны. Это позволило проследить, как жанр и тематика произведения влияют на выбор переводческих трансформаций.

В вебтуне 싸움독학 (How to Fight), посвящённом уличным дракам и жёсткому соперничеству, наиболее часто использовалась адаптация. Это объясняется тем, что агрессивный молодёжный сленг и грубые выражения необходимо подстраивать под нормы русского разговорного языка, чтобы сохранить естественность и эмоциональную окраску реплик.

В вебтуне 외모지상주의 (Lookism) преобладает модуляция. Большинство сленговых единиц здесь связано с оценкой внешности, статусом и оскорблениями, поэтому при переводе важнее передать не буквальное значение, а общий смысл и эмоциональный эффект высказывания.

В вебтуне 유미의 세포들 (Yumi's Cells) чаще всего использовался описательный перевод. Это связано с тем, что данный вебтун содержит много слов, описывающих чувства, отношения и внутренние состояния персонажей, которые не имеют прямых эквивалентов в русском языке и требуют пояснительной передачи.

Заключение. Исследование показало, что тематика вебтуна напрямую влияет на выбор переводческого приема. В экшн-драме 싸움독학 (How to Fight) преобладает адаптация для сохранения естественности агрессивной речи; в социальной драме 외모지상주의 (Lookism) чаще используется модуляция для передачи эмоционального эффекта оскорблений и оценок; а в повседневной комедии 유미의 세포들 (Yumi's Cells) доминирует описательный перевод, раскрывающий сложные внутренние состояния героев.

Из-за отсутствия прямых эквивалентов и высокой культурной специфичности корейского слэнга наиболее эффективными признаны трансформации, ориентированные на сохранение эмоционального заряда и юмора оригинала, такие как эквивалентная замена и модуляция. Переводчики активно используют неологизмы и специфический сленг русского языка, что позволяет сделать текст вебтуна актуальным и близким для целевой аудитории — молодежи в возрасте от 15 до 35 лет. Работа также подтвердила, что успешный перевод слэнга невозможен без глубокого знания современной корейской культуры, так как многие выражения (например, «эгъё» или «мукбанг») требуют либо прямого заимствования, либо детальной адаптации под реалии языка перевода.

Ввиду частого использования таких переводческих трансформаций, как адаптация и модуляция, можно сделать вывод о преобладании стратегии косвенного перевода. Это позволяет отнести перевод вебтунов к сфере художественного перевода, где приоритетной задачей становится не буквалистский перенос лексических единиц, а адекватная передача эмоционально-экспрессивного контекста и сохранение прагматического воздействия на читателя.

Таким образом, перевод корейских вебтунов является творческим процессом, в котором лингвистические трансформации служат инструментом межкультурной адаптации, позволяя максимально точно донести живой и динамичный язык оригинального текста до русскоязычного читателя.

Список использованной литературы:

1. Translating New Words: The Effect of Neologism on Translation // Assist Prof. Anas Kh. Ibraheem Al-Ma'moon University Colleg, 2022.
2. Википедия «Сленг»

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B3>

3. Д.Ф. Пыльпюк Молодежный сленг в корейском языке // Корееведение в России: направление и развитие 2023 Т.4 № 1. С. 34–38
4. Е.В. Ким Сленг в речи современной корейской молодежи // Москва МГЛУ Вып.8 2020
5. Е.А. Похолкова, Д.В. Селезнева Неологизация в современном корейском языке // Москва МГЛУ 2018
6. Д.Т. Маштакова К вопросу о проблемах перевода художественных текстов с корейского языка на русский // г. Казань, Россия Корееведение: 2023. Т.4 № 2 С. 31–36.
7. Чон Хенджу Поиск стратегий перевода корейской литературы: domestикация и форенизация // Корееведение в России: направление и развитие 2021. Т. 2. № 3. С 6-12.
8. Э.К. Хабибулина, С. Чжу Синтаксические трансформации при переводе художественных произведений с корейского на русский язык на примере перевода // Казанский лингвистический журнал 2023; 189–210
9. Е.М. Ан Особенности перевода молодежного сленга корейского языка // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. Т. 4 № 2. С 22-25.
10. Комиссаров В.Н. Стратегия перевода как термин в переводоведении // Статья в журнале «Молодой ученый». Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. 2002. 424 с.

ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ООН

Каирбекова А.Б., Пен Я.В.
КазУМОиМЯ им. Абылай Хана, 4 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Курманбекова В.А. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: Статья посвящена исследованию способов адекватной передачи национально-культурных реалий в дипломатическом дискурсе при переводе с корейского на русский язык. Исследование построено на примере выступлений представителей Республики Корея в ООН, что поможет детальнее рассмотреть используемые методы. Дипломатический дискурс представляет собой материал, требующий особой осторожности и знаний для качественного достижения прагматической адекватности. Национально-культурные реалии крайне важны при передаче на другой язык, так как они улучшают понимание и взаимоотношения задействованных сторон. В работе рассматриваются типы национально-культурных реалий, их функции в политическом выступлении, а также трудности, возникающие при их репрезентации и восприятии международной аудиторией. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов при подготовке переводчиков дипломатического профиля и совершенствовании стратегий межкультурного взаимодействия в глобальном политическом пространстве.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, национально-культурные реалии, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, политические выступления, ООН

Title: Transmission of National and Cultural Realia in Diplomatic Discourse: A Case Study of Speeches by Representatives of the Republic of Korea at the United Nations

Author: Kairbekova A.B., Pen Y.V., Ablai Khan University, 4 year, Almaty, Kazakhstan

Academic adviser: Kurmanbekova V.A., Ablai Khan University

Abstract: The article explores the ways of adequately rendering national and cultural realia in diplomatic discourse when translating from Korean into Russian. The research is based on speeches delivered by Representatives of the Republic of Korea at the United Nations, which allows for a more detailed examination of the translation strategies employed. Diplomatic discourse

comprises a material that requires special caution and extensive knowledge to ensure high-quality translation. National and cultural realia plays a crucial role in cross-language transfer, which helps to contribute to better understanding and strengthening relations between the parties involved. The study examines the types and functions of national and cultural realia in political speeches, as well as the challenges associated with their translation and perception by an international audience. The practical significance of the research lies in the applicability of the findings to the training of diplomatic translators and the improvement of intercultural interaction strategies in the global political arena.

Key words: diplomatic discourse, national and cultural realia, intercultural communication, cultural linguistics, political speech, UN

Дискурс - это коммуникативное явление, которое соотносится с коммуникативным намерением адресанта воздействовать на адресата. Помимо языковой составляющей, дискурс включает в себя также экстралингвистические факторы, такие как, участников коммуникации, ситуативный и социокультурный контекст, коммуникативную интенцию и др. [1]. Касаемо участников данного дискурса, по Л.М.Терентию, ими являются высшие государственные лица, а также профессиональные дипломаты [2].

Дипломатический дискурс, будучи неотъемлемым средством межгосударственной коммуникации, является носителем национально-культурного кода, который отражает исторический опыт, ценности и идентичность государств. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема адекватной передачи национально-культурных реалий при трансляции дипломатических текстов.

Национально-культурные реалии часто используются в дипломатических выступлениях, и представляют собой один из ключевых аспектов на пути к взаимопониманию и сближению участников дипломатического дискурса. С.Г. Тер-Минасова к данной категории относит лексику, обозначающую предметы и явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом страны другого языка, которые отличаются полностью или частично по своему концептуальному содержанию от родного языка, также в свою очередь понятийно и культурно сложного для иностранцев [3].

Национально-культурные реалии, тесно связанные с историческим и социокультурным контекстом страны, нередко представляют значительную трудность для переводчика. В

дипломатическом дискурсе их передача требует особой точности и осторожности, поскольку искажение или утрата культурно значимого компонента может привести к изменению смыслового и прагматического воздействия высказывания на международную аудиторию.

Материалом, на анализе которого основана данная статья является выступление президента Республики Корея Ли Чжэ Мёна на 80-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Выбор данного материала обусловлен высокой степенью культурной и исторической насыщенности речи, а также наличием официального перевода на русский язык, который был взят с веб-сайта ООН, что позволяет рассмотреть реальные решения в рамках институциональной передачи текста.

Анализ перевода отрывков, содержащих национально-культурные реалии из выступления президента Республики Корея Ли Чжэ Мёна на 80-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, с официальной реализацией на русский язык.

1. Оригинал: “도전과 응전으로 점철된 대한민국의 역사” [4].

Перевод: “история Республики Кореи, полная вызовов и ответов” [5].

Предложение представляет собой устойчивую концептуальную метафору. Данное выражение относится к ценностно-идеологическим национально-культурным реалиям, поскольку точно показывает тип национального самовосприятия истории, т.е. идею долговременного преодоления различных кризисов, встречавшихся на историческом пути Республики Корея через активные действия.

В оригинальном тексте сочетание “도전과 응전” является исторически насыщенным выражением, использованным для отсылки в культурно-политическом контексте к национальному нарративу "развития через испытания", характерному для официальных выступлений Республики Корея. В русской версии данная реалия передана как "полная вызовов и ответов", что представляет собой описательный способ передачи.

В переводе используется прием описания с подбором эквивалента, при котором сохраняется общий смысл, но слегка ослабляется концептуальная и риторическая значимость исходного выражения. Несмотря на адекватную передачу логического содержания, культурно-идеологическая насыщенность выражения

в переводе несколько снижена: важно понимать, что в результате тяжелого исторического пути к своему нынешнему состоянию, данная фраза несет в себе глубину корейского восприятия проблем и препятствий, которые в итоге, благодаря упорному труду и общности могут стать толчком для развития и процветания. В русском же тексте исчезает ощущение устойчивой национальной формулы, заменяясь нейтральным публицистическим оборотом. Таким образом, национально-культурный компонент сохранён частично, однако задача передать главную коммуникативную функцию считается выполненной.

2. Оригинал: “대한민국은 유엔이 설립된 해 식민 지배에서 해방됐고 유엔의 도움으로 분단의 상흔과 전쟁의 폐허 속에서도 국가정체성을 유지하며 산업화를 일궈내고, 민주주의를 꽃피웠습니다” [4].

Перевод: “Освободившись от колониального гнета в тот самый год, когда была основана ООН, Республика Корея, благодаря помощи ООН смогла преодолеть шрамы раскола, выйти из пепла войны, сохранив национальную самобытность, добившись индустриализации и расцвета демократии” [5].

Сказанная фраза является комплексным представлением национально-культурной реалии, в которой отражается как народная историческая травма, так и достижение развития.

В оригинале используется метафорически насыщенная лексика:

- 분단의 상흔 (“шрамы разделения”)
- 전쟁 (“война”) и 폐허 (“руины, развалины”)
- 민주주의를 꽃피웠습니다 (“демократия расцвела”)

В русском варианте элементы передаются с помощью образных эквивалентов, т.е “шрамы раскола”, “выйти из пепла войны”, “расцвет демократии”, что свидетельствует о стремлении интерпретатора сохранить метафоричность и риторическую торжественность исходного текста при интерпретации.

Переводчиком, в данном случае, был применен образно-эквивалентная передача с элементами интерпретации. Не смотря на сложность передачи столь важных метафор на русский язык, результат получился функционально адекватным: национально-культурный компонент полностью сохранён, как и образ Республики Корея, государства, сумевшего сохранить

идентичность и построить демократическое общество в условиях разделения, который остаётся понятным и убедительным для русскоязычного адресата.

3. Оригинал: “내란의 어둠에 맞서 ... ‘빛의 혁명’” [4].

Перевод: “Революция Света...противостоять тьме восстания” [5].

В оригинале используется противопоставление 어둠 (тьма) и 빛 (свет). Данную антитезу важно не упустить при адаптации на русский язык, так как в ней заключается главная реалья, выражающая глубокое мышление корейского народа. Лексема 내란 (“мятеж”, “внутренний переворот”) усиливает драматизм высказывания, а 빛의 혁명 (“Революция света”) используется для обозначения массовых гражданских протестов, направленных на защиту демократических ценностей, и является знаковым символом новейшей политической истории Республики Корея.

Данное выражение относится к социально-политическим национально-культурным реалиям, поскольку оно рассказывает о впечатляющем опыте корейского народа в защите своих идеалов, а также является отражением неустанной готовности нации преодолевать препятствия на пути к светлому будущему благодаря силе и упорству.

В оригинальном тексте противопоставление выстроено предельно чётко:

“내란의 어둠에 맞서” - активное противостояние “тьме мятежа”

“이뤄낸 ‘빛의 혁명’” - “революция света” как результат коллективного усилия народа

В русском экземпляре оппозиция сохраняется, однако выражение “тьма восстания” несколько ослабляет смысл оригинального 내란, так как “восстание” в русском языке может восприниматься нейтральнее или даже положительно, если брать контекст защиты, в то время как 내란 в корейском контексте однозначно маркировано как деструктивное и нелегитимное действие, угрожавшее благосостоянию государства.

В данном случае применён семантический аналог с частичной нейтрализацией негативной окраски, что объясняется стремлением переводчика избежать политической оценки в официальном международном переводческом поле. Несмотря на

частичную утрату оценочной резкости, ключевое национально-культурное противопоставление “тьма- свет” сохранено, что позволяет международной аудитории воспринять основной прагматический посыл: народ Республики Корея представлен как носитель демократических ценностей, способный противостоять внутренним угрозам.

4. Оригинал: “분단국가인 대한민국을 흔들림 없이 수호한 우리의 용사들이...” [4].

Перевод: “Наши отважные солдаты, стойко защищающие Республику Корея, разделённую нацию...” [5].

Как видно по содержанию, здесь представлена национально-культурная реалия, комплексно содержащая в себе политику, историю, культуру и идеологию. Данное выражение достаточно экспрессивно, наполнено признанием и отсылками к истории, что может представлять сложность для транслятора.

Устойчивые и эмоционально окрашенные лексические единицы в предложении:

- “분단국가”- разделенная страна/государство
- “흔들림 없이 수호한”- защищавшие/стоявшие на страже без колебаний
- “우리의 용사들이”- “наши” храбрые воины. Использование 우리 особенно передает признание и уважение, то есть, экспрессивную окраску обозначению защитников страны

При переводческой реализации используя прямой эквивалентный подбор, переводчику удалось сохранить приемлемую для дипломатического дискурса эмоциональную динамику. Примененный лексико-семантический аналог точно соблюдает жанровые нормы, а также транслирует ключевую мысль адресанта о том, что сильный народ Республики Корея готов прилагать усилия для защиты не только своего государства, но и спокойствия во всем мире.

5. Оригинал: “‘원조받던 나라’에서 ‘원조하는 나라’로 성장하고 도약한 대한민국...” [4].

Перевод: “Республика Корея, которая превратилась из “страны-получателя” в “страну-донор” [5].

Лексико-грамматическая структура выражения “원조받던 나라- 원조하는 나라” является намеренно подобранным глагольным

противопоставлением 받다 (получать) и 하다 (оказывать). Такая антонимическая модель должна подчеркнуть усиление государства и его выход из позиции зависимости. Временная маркированность формы -던 также играет важную роль, ведь она указывает на завершённый, но значимый в прошлом статус. В целом, эта фраза должна создавать эффект симметрии, становления и логической завершенности.

Для адекватной передачи семантической единицы интерпретатором были использованы функциональные эквиваленты с элементами культурной адаптации, а также номинализация, то есть переход от глагольной формы к существительным.

Использование терминов “страна-получатель” и “страна-донор” было правильным подходом, так как они не только легко интерпретируемы, но и подобраны с учетом той культуры, для которой совершается репрезентация. Временной аспект, заложенный в форме -던, обозначающий процессуальность перехода из “когда-то получала помощь” в “теперь оказывает помощь” заменен на более привычную и понятную для русскоязычной аудитории лексическую единицу “превратилась”, что в данном контексте можно считать адекватным эквивалентом. Данное решение демонстрирует приоритет прагматической адекватности над формальной и экспрессивной эквивалентностью.

6. Оригинал: “...굴곡진 남북관계의 역사가 증명해왔던 불변의 교훈이기도 합니다.” [4].

Перевод: “история сложных отношений на Корейском Полуострове.” [5].

Ключевой национально-культурной реалией в выбранном отрывке речи является “굴곡진 남북관계”. В контексте воспроизведения дипломатического дискурса, подобные фразы могут доставлять трудности при поиске подходящей стратегии для грамотной передачи смысла, так как переводчик вынужден найти эквивалент, выполняющий главную семантическую функцию и не содержащий при этом эмоциональной оценки, способной нарушить дипломатическую корректность.

“굴곡진 남북관계”- извилистые(имеющие изгибы, неровности) отношения между Югом и Севером. Подобное обозначение часто используется со стороны Республики Корея в

официальных и дипломатических дискурсах, и передает уникальные межгосударственные отношения.

Использована генерализация “Корейский полуостров” вместо “Север и Юг”, а также нейтрализация метафоры “извилистые” с помощью прилагательной лексемы “сложные”. Частичная утрата динамической образности компенсируется успешной политической нейтральностью, отсутствием регионально-специфичных импликаций и соблюдением жанровой принадлежности. Подобный подбор эквивалентов очень важен с точки зрения адекватной передачи смысла, так как при работе с дипломатическим дискурсом, ключевой задачей специалиста является сохранить нейтральность и абстрактность материала на языке получателя. Анализ этого выражения показывает, что именно способ нейтрализации лексического состава зачастую является самым удачным решением.

7. Оригинал: “... 국민이 들었던 오색빛 응원봉처럼...” [4].

Перевод: “... народ Республики Корея поднимал цветные жезлы...” [5].

“오색빛 응원봉” - дословно “пятицветные светящиеся палочки поддержки”, ныне активно используемые в поп-культуре. В корейском общественно-политическом контексте данная единица отсылает к визуальному и культурному символу мирных протестов, формируя образ, в ходе которого граждане выражали свое недовольство ненасильственным способом.

При трансляции для фокусировки на внешнем описании предмета, а не на его культурной функции, была использована десемантизация фрагмента. В русском же языке, выражение “цветные жезлы”, с учетом предполагаемой культурной и социальной смысловой нагрузки, утрачивает световой компонент, ощущение “мягкости” и теряет связь с символически обусловленным мирным протестом. Стоит отметить также и то, что лексическая единица “жезл” в культуре русскоязычной аудитории чаще ассоциируется с инструментом власти, управления, и имеет сравнительно более жесткий характер, что дискурсивно расходится с образом мирного гражданского действия, заложенного в оригинале.

С прагматической позиции, итоговый вариант сохраняет коммуникативную задачу, однако, с позиции культурологической семантики, можно отметить заметное уменьшение национально-

культурного компонента. Выбранный фрагмент наглядно демонстрирует, что некоторые современные социальные, культурные и политические реалии доставляют сложности при воспроизведении дипломатического дискурса на русский язык, поскольку многие из них не имеют устоявшегося эквивалента на принимающем языке.

Изучение речи президента Ли Чжэ Мёна на Генеральной Ассамблее ООН и официального перевода показало, что национальные и культурные реалии играют ключевую роль в формировании дипломатического дискурса. Эти реалии служат как средством передачи культурной и исторической информации, так и важным инструментом идеологического влияния и формирования имиджа в международном сообществе. Особенно в контексте передачи международного дипломатического выступления крайне важно выбрать стратегию межъязыковой передачи, которая сохраняет практическое ядро заявления, одновременно соблюдая нормы официальной международной коммуникации.

В ходе исследования было выявлено, что при языковой репрезентации национально-культурных реалий, используемых в дипломатическом дискурсе представителями Республики Корея на русский язык используется сочетание различных методов и стратегий:

- функционально-семантический эквивалент, основанный на принципе максимально возможной коммуникативной ясности и соблюдении жанровых норм

- лексико-семантическое обобщение и нейтрализация, позволяющие уменьшить культурную и политическую маркированность исходного текста

- культурная адаптация, направленная на понимание текста международным читателем и устранение возможных ложных подсказок;

- частичная утрата образности и символики, являющаяся основной особенностью межъязыковой передачи метафорических и визуально/культурно идентифицированных реальностей

- требование институционального переводчика нейтрализовать оценочные компоненты оригинала, т.е. преобразовать в эвфемистическое выражение

Заключение. Проведенный переводческий анализ показал, что в большинстве случаев переводчики отдают приоритет

прагматике и жанровой уместности, а не формальной и культурной эквивалентности. Хотя это влечет за собой частичное сокращение национальных культурных элементов, это обеспечивает политическую нейтральность и универсальность, основные требования дипломатического дискурса ООН.

Анализ продемонстрировал, что при передаче корейских дипломатических выступлений приоритетным становится не формальное воспроизведение образной и оценочной составляющей исходного текста, а сохранение его коммуникативного намерения и прагматической направленности. Полученные выводы, в целом, соотносятся с положениями теории уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова [6], согласно которым эквивалентность перевода может достигаться на различных уровнях — от уровня языковых знаков до уровня коммуникативной цели текста. Анализируемый материал показывает, что в дипломатическом дискурсе эквивалентность чаще всего реализуется на уровне коммуникативного эффекта и прагматической функции, тогда как формально-семантическое соответствие отходит на второй план.

Отсутствие стабильного эквивалента в русском языке и стремительное изменение культурных реалий, тесно связанных с социально-политическим контекстом Республики Кореи, представляют собой особые трудности для передачи на другой язык. В таких случаях итоговая версия, как правило, снижает и нейтрализует смысл исходного текста, сохраняя при этом его коммуникативную функцию и уменьшая его культурную репрезентативность.

Таким образом, данное исследование подтверждает, что языковая репрезентация национальных культурных реалий в дипломатическом дискурсе требует баланса между сохранением культурной и исторической специфики и соблюдением институционализированных международных норм коммуникации. Полученные результаты могут быть использованы при разработке методических рекомендаций по подготовке дипломатических переводчиков и языковой передаче политических и официальных документов в контексте межкультурной коммуникации.

Список использованной литературы:

1. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004, с. 230.
2. Л.М. Терентий Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации 2010 г. 48 стр.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с., с. 76.
4. 이재명 대통령, 제 80 차 유엔총회 기조연설 (2025 년 9 월 23 일)//
https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_28650/view.do?seq=28
5. Выступление президента РК Юн Сок Ёля в ООН
<https://gadebate.un.org/ru/78/republic-korea>
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.

ИМИДЖЕВАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОЙ КОРЕИ: РОСТ ЧИСЛА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ SOFT POWER

Калилаева Дана
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 3 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Абсаттаров Г.Р. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: В статье исследуется роль интернационализации высшего образования и увеличения числа иностранных студентов как инструмента имиджевой политики и "мягкой силы" Южной Кореи. Анализируются государственные стратегии и программы (включая Global Korea Scholarship), направленные на привлечение зарубежных учащихся, как часть целенаправленной политики национального брендинга и публичной дипломатии. Рассматриваются ключевые факторы привлекательности Южной Кореи, включая влияние "Корейской волны" (Hallyu) на молодежь, репутацию образовательной системы и привлекательность Сеула как глобального мегаполиса. Исследуется влияние непосредственного опыта обучения и проживания в Корее на когнитивное и аффективное восприятие страны иностранными студентами, отмечая как позитивные сдвиги, так и сложности социокультурной адаптации. В заключении оценивается комплексный вклад привлечения иностранных студентов в общую стратегию "мягкой силы" Южной Кореи, подчеркивая важность качества студенческого опыта для долгосрочной эффективности образовательной дипломатии в контексте взаимовлияния Востока и Запада.
Ключевые слова: мягкая сила (soft power), имиджевая политика, Южная Корея, иностранные студенты, высшее образование, интернационализация образования, Корейская волна (Hallyu), национальный брендинг.

Title: South Korea's Image-Building Strategies: Expanding International Student Enrollment as an Instrument of Soft Power.

Author: Kalilaeva Dana, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (3rd year), Almaty, Kazakhstan.

Advisor: Absattarov G.R., Candidate of Political Sciences, Associate Professor Department of Oriental Studies (KazUIR&WL).

Abstract: This analysis considers internationalization of higher education and recruiting of international students as key aspects of South Korea's image policy and soft power assets. The examination centres on state-led initiatives, including the Global Korea Scholarship (GKS), aimed to lure foreign students as part of national branding practices and public diplomacy. Key factors in South Korea's

attractiveness are reviewed, specifically the popular “Korean Wave” (Hallyu), the prestige of its higher education system, and the status of Seoul as a global metropolis. This study examines the impact of the immersive living and studying experience in Korea on the students’ cognitive and affective perceptions, highlighting both positive attitudinal changes and the difficulties associated with sociocultural adaptation. The article ends by considering the pivotal role of international student recruitment as part of South Korea’s soft power strategy, underscoring that the quality of the student experience is essential for the long-term efficacy of educational diplomacy amidst the interplay of Eastern and Western cultures.

Keywords: soft power, image policy, South Korea, international students, higher education, educational internationalization, Hallyu, public diplomacy, nation branding.

Введение

По мере того, как глобализация стирает границы и усиливает международную конкуренцию, концепция "мягкой силы" (soft power), как ее определил Джозеф Най, становится все более важным инструментом государственной политики [1]. Актуальность исследования имиджевой политики Южной Кореи обусловлена тем, что опыт этой страны в работе над стратегией "мягкой силы" в XXI веке является одной из самых показательной и получившейся. Активно продвигая свою культуру, ценности и достижения, особенно через феномен "Корейской волны" (Hallyu), Южная Корея не только укрепила свой международный престиж, но и стала значимым актором в глобальном культурном обмене и регионе, демонстрируя динамику взаимовлияния Востока и Запада. Ключевым элементом этой стратегии стала интернационализация высшего образования, сопровождающаяся беспрецедентным ростом числа иностранных студентов. Этот процесс представляет собой не просто ответ на внутренние потребности или следование глобальным трендам, но целенаправленное использование образования как инструмента публичной дипломатии и национального брендинга. Анализ этого феномена важен для понимания современных механизмов формирования международного имиджа и эффективности стратегий "мягкой силы", особенно для стран, стремящихся усилить свое позитивное восприятие в мире, а также для критического осмысления рисков, связанных с коммерциализацией и потенциальным этноцентризмом в образовательной политике.

Целью данной статьи является исследование роли увеличения численности иностранных студентов в корейских университетах как инструмента имиджевой политики и "мягкой силы" Южной Кореи. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать государственные стратегии и программы Южной Кореи, направленные на привлечение и интеграцию иностранных студентов.

2. Выявить основные факторы, определяющие привлекательность Южной Кореи как образовательного направления для международной аудитории, включая культурные, экономические и имиджевые аспекты.

3. Исследовать, как опыт обучения и проживания в Корее влияет на когнитивное и аффективное восприятие страны иностранными студентами.

4. Оценить вклад интернационализации высшего образования в общую стратегию "мягкой силы" Южной Кореи и формирование ее международного имиджа.

Степень изученности вопроса имиджевой политики Южной Кореи и роли образования в ней достаточно широка и многоаспектна. Общие теоретические основы "мягкой силы" заложены в работах Ная [1]. Применение этих концепций к корейскому контексту, часто в сравнении с другими азиатскими странами, рассматривается в работах Адена Дирира [2] и Лале [3]. Государственные стратегии национального брендинга и конкретные программы, включая стипендию **GKS**, как инструмент имиджевой политики, подробно анализирует Кагазбаева [4]. Фундаментальную роль "Корейской волны" (Hallyu) в создании культурной привлекательности и ее связь с национальным брендом исследуют Шмакова и Винокурова [5], а ее региональное влияние, например, в Казахстане, отмечают Думьшева и Тё [6]. Критический анализ мотивов и последствий интернационализации корейского высшего образования, включая вопросы коммерциализации и этноцентризма, представлен у Кима [7]. Пространственный аспект, подчеркивающий роль Сеула как глобального города и места формирования опыта студентов, освещает Коллинз [8]. Наконец, эмпирические исследования влияния опыта пребывания в Корее на восприятие страны студентами, демонстрирующие как позитивные сдвиги, так и сложности адаптации, проведены Айханом и его соавторами [9]. Несмотря на обилие работ, комплексный синтез,

связывающий государственную стратегию, факторы привлекательности, реальный опыт студентов и итоговое влияние на имидж страны в контексте взаимовлияния Востока и Запада, требует дальнейшего углубления, что и определяет научную новизну и актуальность данного исследования.

Основная часть. Государственные стратегии Южной Кореи по привлечению иностранных студентов

Стремление Южной Кореи усилить свое международное влияние и сформировать позитивный имидж нашло яркое отражение в целенаправленной государственной политике по интернационализации высшего образования. Этот процесс, значительно активизировавшийся после **азиатского финансового кризиса 1997-1998 годов** и перехода к неолиберальным реформам, стал рассматриваться не только как ответ на экономические и демографические вызовы, но и как стратегический ресурс для продвижения национальных интересов на глобальной арене. Правительство осознанно сделало ставку на образование как на один из столпов своей стратегии "*мягкой силы*", концепция которой была предложена Джозефом Наем [1], видя в привлечении иностранных талантов возможность для расширения культурного влияния и построения долгосрочных международных связей [2].

Ключевую роль в координации этих усилий сыграл созданный в 2009 году **Президентский Совет по национальному брендингу**, который разработал комплексную стратегию, включающую ряд амбициозных проектов в сфере образования. Одной из центральных инициатив стал проект "*Study Korea*", запущенный еще в 2004 году с целью превратить страну в привлекательный образовательный хаб Северо-Восточной Азии и значительно увеличить количество иностранных студентов. Этот проект предусматривал не только реформирование университетской системы и повышение ее конкурентоспособности, но и активное использование культурных достижений, в частности феномена *Hallyu*, для создания привлекательного образа Кореи как места учебы и жизни.

Особое место в государственной стратегии занимает программа "**Глобальная стипендия в Корею**" (**Global Korea Scholarship - GKS**). Эта программа, предоставляющая полное финансирование талантливым иностранным студентам, рассматривается правительством как прямой инструмент публичной дипломатии [4]. Ее официальные цели включают

создание сети лояльных к Корее иностранных специалистов и повышение ценности национального бренда страны, что напрямую соответствует задачам политики *"мягкой силы"*. Предоставляя стипендии, особенно студентам из развивающихся стран, которые иначе не имели бы возможности обучаться в Корее, правительство стремится не только подготовить квалифицированных специалистов, но и сформировать у них позитивное восприятие страны, превращая выпускников в потенциальных *"послов доброй воли"*.

Помимо GKS, другие крупномасштабные проекты, такие как **"Brain Korea 21" (BK21)** и **"World Class University" (WCU)**, хотя и были в первую очередь нацелены на повышение исследовательской конкурентоспособности корейских университетов и привлечение ведущих ученых, также косвенно способствовали интернационализации и повышению привлекательности корейского образования для иностранных студентов. Эти инициативы демонстрируют системный подход южнокорейского правительства, которое рассматривает интернационализацию высшего образования не как самоцель, а как важный элемент комплексной стратегии по укреплению позиций страны в мире, используя образование в качестве эффективного инструмента *"мягкой силы"* и национального брендинга.

Факторы привлекательности Южной Кореи как образовательного направления

Значительный рост числа иностранных студентов в Южной Корее обусловлен комплексным набором факторов, среди которых культурное влияние, воспринимаемые образовательные и карьерные возможности, а также привлекательность ведущих мегаполисов играют ключевую роль. Пожалуй, наиболее мощным фактором, сформировавшим позитивный и притягательный образ современной Кореи на глобальном уровне, стал феномен *"Корейской волны" (Hallyu)*. Распространение корейской поп-музыки (К-поп), телевизионных драм, кинематографа, моды и кухни по всему миру создало мощный культурный резонанс, трансформировав восприятие Кореи из относительно закрытой страны в динамичный центр современной культуры [9]. Hallyu функционирует не просто как набор популярных продуктов, но как инструмент *"мягкой силы"*, эффективно транслирующий определенные ценности и эстетику, что способствует

формированию эмоциональной привязанности и интереса к стране [4].

Влияние "Корейской волны" на решение студентов выбрать Корею как место обучения неоспоримо. Исследования показывают прямую корреляцию между потреблением корейского культурного контента и ростом интереса к корейскому языку, образованию и стране в целом, что подтверждается на примере таких регионов, как Казахстан [6]. Часто именно увлечение дорамами или К-рор становится первоначальным импульсом, который затем перерастает в более глубокий интерес к обучению в Корее. Таким образом, Hallyu создает благоприятный фон и первичную мотивацию, делая Корею знакомой и желанной дестинацией.

Однако культурная привлекательность сама по себе редко является единственной причиной для выбора страны обучения. Немаловажную роль играет и восприятие качества южнокорейского образования и связанных с ним перспектив. Хотя критические оценки указывают на определенные проблемы в системе, Южная Корея смогла позиционировать себя как страну с развитой научно-технологической базой и сильными университетами в таких областях, как инженерия, IT и бизнес. Ведущие корейские университеты активно улучшают свои позиции в международных рейтингах, что также влияет на их привлекательность. Сами студенты и выпускники часто называют "качество высшего образования в Корее" одним из ключевых мотивов своего выбора, наряду с доступностью стипендиальных программ.

Неотъемлемой частью привлекательности Кореи, особенно для иностранных студентов, является роль Сеула как глобального мегаполиса. Сеул концентрирует в себе не только ведущие университеты страны, но и является экономическим, культурным и технологическим центром. Как отмечает Коллинз, городское пространство Сеула активно "собирается" (assembled) в сознании потенциальных студентов через медийные образы, репутацию инновационного хаба и обещание динамичной городской жизни. Привлекательность Сеула связана не только с его инфраструктурой и возможностями для досуга, но и с перспективами стажировок и будущего трудоустройства в многочисленных корейских и международных компаниях, базирующихся в столице. Таким образом, сам город становится важным образовательным ресурсом и фактором притяжения.

В совокупности, привлекательность Южной Кореи для иностранных студентов формируется на пересечении мощного культурного влияния Hallyu, растущей репутации в сфере образования и технологий, а также динамичного и многогранного образа ее столицы, Сеула. Эти факторы, активно поддерживаемые и продвигаемые в рамках государственной имиджевой политики, создают синергетический эффект, делая Корею одним из все более востребованных направлений для получения высшего образования в Азии и мире.

Влияние опыта пребывания в Корее на восприятие страны иностранными студентами.

Если культурные образы, государственные стипендии и репутация университетов служат первичными факторами привлечения иностранных студентов в Южную Корею, то их реальный опыт обучения и проживания в стране становится решающим фактором, формирующим и зачастую трансформирующим их долгосрочное восприятие. Этот опыт, включающий академическую интеграцию, социальные взаимодействия, культурную адаптацию и повседневную жизнь в корейской среде, влияет как на когнитивные (убеждения, знания), так и на аффективные (чувства, эмоции) установки студентов по отношению к Корее.

Исследования показывают, что непосредственное знакомство с корейской действительностью, как правило, приводит к существенному улучшению когнитивных оценок страны иностранными студентами. Погружение в академическую и социальную жизнь позволяет получить более глубокое и нюансированное понимание корейской политики, экономики, культуры и общественных норм, выходящее за рамки стереотипов или медийных образов. Эмпирические данные, полученные при опросе стипендиатов GKS, подтверждают значительный рост позитивных когнитивных оценок Кореи после прибытия в страну. Это свидетельствует об успешности одного из аспектов публичной дипломатии – предоставлении иностранной аудитории возможности сформировать более сложное и информированное мнение о стране.

Однако трансформация аффективного восприятия – чувств и эмоций по отношению к Корее – представляет собой более сложную и неоднозначную картину. Здесь важную роль играет процесс социокультурной адаптации, который часто описывается

через U-образную кривую: первоначальный энтузиазм ("медовый месяц") может сменяться периодом фрустрации и культурного шока, прежде чем наступит этап более стабильной адаптации и принятия. Данные исследований подтверждают эту динамику: студенты, находящиеся в Корее дольше (например, более 2-3 лет), и выпускники демонстрируют более высокий уровень аффективной привязанности, чем те, кто находится на более ранних стадиях адаптации.

Ключевое значение в этом процессе имеет *"ситуативное обучение"* [7], то есть приобретение знаний и навыков через непосредственное взаимодействие с городской средой, местным населением и культурой. Опыт жизни в Сеуле, например, предоставляет студентам уникальные возможности для изучения языка, понимания социальных норм и даже для стажировок в корейских компаниях. Однако этот же опыт может быть сопряжен со значительными трудностями. Многие студенты сообщают о проблемах интеграции, сложностях в установлении контактов с корейскими сверстниками, языковых барьерах и даже случаях дискриминации, особенно для определенных групп, таких как китайские студенты корейского происхождения. Эти негативные переживания могут существенно снизить аффективную привязанность к стране, несмотря на позитивные когнитивные сдвиги. Критические исследователи также указывают на сохраняющуюся эксклюзивность и этноцентризм в корейской академической и социальной культуре, что может затруднять подлинную интеграцию иностранцев.

Таким образом, влияние опыта пребывания в Корее на восприятие страны иностранными студентами является многофакторным процессом. В то время как когнитивное понимание Кореи, как правило, углубляется и улучшается, эмоциональное отношение к стране формируется более сложно и зависит от успешности культурной адаптации, качества социальных взаимодействий и преодоления возникающих барьеров. Этот нюанс критически важен для оценки реальной эффективности образовательной дипломатии как инструмента "мягкой силы", поскольку именно долгосрочная аффективная лояльность выпускников часто рассматривается как ключевой показатель успеха таких стратегий.

Оценка вклада интернационализации образования в стратегию "мягкой силы" Кореи

Анализ государственных стратегий, факторов привлекательности и опыта иностранных студентов позволяет оценить комплексный вклад интернационализации высшего образования в общую стратегию "мягкой силы" и формирование международного имиджа Южной Кореи. Очевидно, что привлечение десятков тысяч зарубежных учащихся является не просто побочным продуктом глобализации, а осознанным элементом государственной политики, направленной на повышение престижа и влияния страны.

С одной стороны, эта стратегия демонстрирует определенные успехи. Сам факт массового притока студентов из разных стран мира, особенно из Азии, свидетельствует о возросшей привлекательности Кореи как центра образования и культуры [5]. Иностранные студенты, обучаясь в корейских университетах, несомненно, становятся проводниками корейского языка, культуры и ценностей. Через личные контакты, социальные сети и последующую профессиональную деятельность они распространяют знания о Корее, способствуя преодолению стереотипов и формированию более позитивного и многогранного образа страны за рубежом. Как показывают эмпирические исследования, когнитивное восприятие Кореи у студентов действительно улучшается, что является важным достижением с точки зрения публичной дипломатии. Кроме того, подготовка иностранных специалистов, знакомых с корейской спецификой, создает основу для долгосрочного экономического и политического сотрудничества, формируя сеть транснациональных связей, выгодных для корейских компаний и государства.

Важнейшим инструментом поддержания этих связей выступает институционализация сообществ выпускников (Alumni Networks). Как отмечает Э. Варпаховский, для реализации потенциала образовательной дипломатии выпускники должны трансформироваться в «сетевых ткачей» (network weavers), способных активно связывать Корею со своими странами на профессиональном уровне [10]. Возвращаясь на родину, эти специалисты зачастую становятся лидерами мнений и частью национальных элит. Их вовлеченность в деятельность ассоциаций - создание стипендиальных фондов для новых талантов и программ менторства - обеспечивает преемственность «мягкой силы» и превращает индивидуальный опыт обучения в устойчивый инструмент государственного брендинга.

С другой стороны, эффективность интернационализации образования как инструмента "мягкой силы" не следует переоценивать. Как было показано, аффективное отношение студентов к Кореи формируется сложнее и зависит от множества факторов, включая успешность адаптации и опыт взаимодействия с местным обществом. Негативный опыт или ощущение культурной дистанции могут нивелировать положительные когнитивные сдвиги и препятствовать формированию долгосрочной лояльности, которая является основой для превращения выпускников в подлинных "послов доброй воли". Критические замечания относительно рисков чрезмерной коммерциализации и "этноцентрической интернационализации" [5] также заслуживают внимания. Если интернационализация воспринимается преимущественно как способ решения внутренних демографических проблем или как коммерческий проект, а не как стремление к подлинному культурному обмену и интеграции, это может подорвать ее долгосрочный эффект как инструмента "мягкой силы".

Таким образом, использование интернационализации высшего образования в качестве инструмента имиджевой политики Южной Кореи представляет собой сложную и многогранную стратегию. Она, безусловно, способствует повышению международной видимости страны, распространению ее культуры и формированию сетей влияния. Однако ее реальный вклад в "мягкую силу" зависит не только от количественных показателей привлеченных студентов, но и от качества их опыта, глубины их интеграции и эффективности взаимодействия с выпускниками после завершения их обучения. Успех этой стратегии в долгосрочной перспективе будет определяться балансом между национальными интересами и готовностью к реальному диалогу, а также способностью Кореи поддерживать сообщества своих «информационных послов» по всему миру.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что интернационализация высшего образования и привлечение иностранных студентов являются важным и осознанно используемым инструментом в рамках имиджевой политики и стратегии "мягкой силы" Южной Кореи. Государство целенаправленно инвестирует ресурсы в образовательные программы, такие как Global Korea Scholarship, и создает условия

для привлечения зарубежных талантов, рассматривая это как способ повышения международного престижа, укрепления национального бренда и расширения своего культурного и политического влияния.

Привлекательность Южной Кореи как образовательного направления формируется под воздействием синергии нескольких факторов. Глобальный успех "Корейской волны" (Hallyu) создает мощный культурный фон и первичный интерес к стране [9]. Этот интерес подкрепляется растущей репутацией корейских университетов в определенных областях, технологическим имиджем страны и динамичной привлекательностью Сеула как глобального мегаполиса.

Однако реальный опыт пребывания иностранных студентов в Корее оказывает комплексное и не всегда однозначное влияние на их восприятие страны. В то время как когнитивное понимание Кореи и ее оценка с точки зрения знаний и убеждений, как правило, улучшаются, аффективное отношение (эмоции и чувства) подвержено сложной динамике, связанной с процессом культурной адаптации и качеством социальных взаимодействий. Проблемы интеграции и культурные барьеры могут существенно влиять на долгосрочную лояльность и, следовательно, на эффективность студентов как проводников "мягкой силы". Важную роль в поддержании этой лояльности играют ассоциации выпускников, позволяющие вчерашним студентам, ставшим лидерами мнений на родине, поддерживать новые таланты через менторство и стипендии [10].

В целом, можно заключить, что использование иностранных студентов как инструмента имиджевой политики приносит Южной Корее определенные дивиденды, способствуя распространению знаний о стране и ее культуре, а также формированию международных связей. Однако успех этой стратегии не является автоматическим и требует не только усилий по привлечению студентов, но и создания благоприятной среды для их успешной адаптации и интеграции, учитывая критические аспекты, связанные с возможной коммерциализацией и этноцентризмом.

Опыт Южной Кореи наглядно иллюстрирует современные тенденции во взаимовлиянии Востока и Запада, где незападные страны активно формируют собственные стратегии "мягкой силы", используя образование и культуру для навигации в глобальном

пространстве и изменения своего международного позиционирования. Дальнейшее изучение этого опыта, особенно в части долгосрочного влияния на выпускников и их роль в международных отношениях, представляет значительный интерес для понимания эволюции "мягкой силы" в XXI веке.

Список использованный литературы:

1. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: PublicAffairs, 2004. 208 p.
2. Aden Dirir, Kadir. Japan and South Korea's Implication of Soft Power: Cultural Aspects, Education, and Foreign Aid Diplomacy // *Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 10(4). P. 271-280.
3. Lale A. The Soft Power of South Korea // *Asya Studies-Academic Social Studies / Akademik Sosyal Araştırmalar*. 2020. Year: 4, Number: 13, Autumn. P. 63–74.ф
4. Кагазбаева Е.М. Имиджевая политика государства: опыт Южной Кореи // *Корееведение Казахстана*. 2014. Вып. 2. С. 212–222. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана.
5. Шмакова А.С., Винокурова К.А. Зарождение и развитие феномена «Корейской волны» в Южной Кореи // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 10: Востокведение. С. 159–167.
6. Думышева А.М., Тё Е.Г. Имиджевая политика Южной Кореи – распространение современной южнокорейской культуры на территории Казахстана // *Корееведение Казахстана*. 2016. Вып. 4. С. 335–348. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана.
7. Kim, T. Globalization and Higher Education in South Korea – towards ethnocentric internationalization or global commercialization of higher education? // *Handbook of Globalization and Higher Education / Eds. R. King, S. Marginson, R. Naidoo*. Edward Elgar Publishing Ltd., 2011. P. 286-305.
8. Collins F. L. Globalising higher education in and through urban spaces: Higher education projects, international student mobilities and trans-local connections in Seoul // *Asia Pacific Viewpoint*. 2014. Vol. 55(2). P. 242-257.
9. Ayhan K., Gouda M., Lee H. Exploring Global Korea Scholarship as a Public Diplomacy Tool // *Journal of Asian and African Studies*. 2022. Vol. 57(4). P. 872–893.
10. Varpahovskis, E. (2022). Thousands of Dormant Ambassadors: Challenges and Opportunities for Relationship-Building between Global Korea Scholarship (GKS) Recipients and South Koreans. *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 21(1), 1-32.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НУЛЕВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В КОРЕЙСКО-РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ

Калыбаева Адина, Цой Алина, Бексултанова Жамиля
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 3 курс

Научный руководитель: Ким С.К. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: В данной работе рассматривается явление нулевой эквивалентности в переводе в языковой паре корейский - русский. Основное внимание уделяется случаям, когда в одном из языков отсутствует прямой эквивалент, что требует от переводчика применения различных трансформаций, прибегая к методам описательного перевода, заимствования, калькирования или функциональной замены. Исследование рассматривает культурно-специфические реалии, не имеющие соответствий в другой языковой системе, а также анализирует, как выбор переводческой стратегии отражает интерпретацию исходного смысла. В работе так же демонстрируются примеры удачных и неудачных решений, встречающихся в реальной практике перевода.

Ключевые слова: нулевая эквивалентность, перевод, корейский язык, русский язык, переводческие стратегии

Title: Translational Aspects of Zero Equivalence in Korean-Russian Language Pair

Author: Adina Kalybayeva, Alina Tsoy, Zhamilya Beksultanova, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (3rd year), Almaty, Kazakhstan

Advisor: Kim S.K., Ablai Khan University

Abstract: This paper examines the phenomenon of zero equivalence in translation between Korean and Russian. The study focuses on cases where a direct equivalent is absent in one of the languages, requiring the translator to apply various strategies such as descriptive translation, borrowing, calque, or functional substitution. The research analyzes culture-specific concepts and lexical units that lack equivalents in the target language and discusses how zero equivalence affects the accuracy and naturalness of translation.

Keywords: zero equivalence, translation, Korean language, Russian language, translation strategies

Введение

Вопрос эквивалентности является одним из ключевых в теории перевода. Переводчик постоянно сталкивается с

необходимостью не только передавать значение слов, но и учитывать культурно-специфические концепты, не имеющие прямых аналогов в языке перевода. Особенно остро эта проблема проявляется при переводе между корейским и русским языками, где различие культурных, исторических и эмоционально-ценностных систем вызывает трудности передачи смыслов.

Яркими примерами таких феноменов являются понятия *한* (хан) и *인연* (инён), *눈치* (нунчи), *정* (Чжонг), которые глубоко укоренены в корейской ментальности и не имеют точных эквивалентов в русском языке.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть понятие нулевой эквивалентности в переводоведении.

2. Проанализировать причины возникновения безэквивалентных единиц.

3. Выявить особенности корейско-русской языковой пары, влияющие на возникновение нулевой эквивалентности.

4. Рассмотреть способы передачи безэквивалентных понятий *한*, *인연*, *눈치* и *정* на русский язык.

Нулевая эквивалентность – отсутствие в языке перевода постоянного соответствия лексической единице или фразеологизму исходного языка.

Отсутствие лексических эквивалентов между двумя естественными языками объясняется множеством факторов, включающих как внутриязыковые, так и внеязыковые причины. «Нулевая эквивалентность» является следствием не только различий в сфере семантики и структуры языков, но также несходных социокультурных и исторических условий их существования. Часто переводчики используют «прием компенсации», но и в этом случае часто не удается избежать существенных потерь.

Прием компенсации – способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе, передаются в тексте перевода каким-либо иным способом, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Описательный перевод (передача значения через объяснение) [1]; калькирование (дословный перевод структуры); транскрибирование или транслитерация; функциональный аналог (замена аналогичным по функции словом); комментарий (дополнительное пояснение)

М. Бейкер классифицирует причины отсутствия межъязыковых эквивалентов следующим образом:

1) культурная специфичность понятия, обозначаемого словом

2) отсутствие в ПЯ лексического выражения понятия, соответствующего вербализованному понятию в ИЯ, по другим причинам;

3) слово в ИЯ имеет сложную семантическую структуру, которую не может передать ни одно из слов ПЯ [2];

Обычно имена собственные транскрибируются или транслитерируются на другой язык, однако не всегда такой перевод оказывается возможным, поскольку имя, привлекательно звучащее в одной культуре, оказывается нейтральным или даже неприемлемым в другой [3].

Особенности корейско-русской языковой пары заключаются в том, что корейский язык отражает коллективистскую, конфуцианскую культуру, где значение имеют социальные отношения, возраст, иерархия и эмоциональные оттенки. Эти особенности обуславливают то, что корейский язык относится к языкам высокого контекста.

В то же время русский язык представляет индивидуалистическую культуру, где эмоции и значения выражаются более прямолинейно и является языком низкого контекста.

2. Анализ понятия “ᄇᆞᆫ (хан)” как примера нулевой эквивалентности

Понятие ᄇᆞᆫ является одним из центральных эмоционально-культурных феноменов корейской ментальности. Исследователи (Kang, Рязанова, Arzamas) подчёркивают, что хан формируется не как отдельное эмоциональное состояние, а как результат многовекового коллективного опыта, связанного с длительными периодами внешнего давления, внутренних репрессий и невозможности выразить протест.

К числу исторических факторов, сформировавших хан, относят:

- 1) японскую колонизацию (1910–1945);
- 2) Корейскую войну (1950–1953);
- 3) политические преследования и цензуру;
- 4) социальную несправедливость и невозможность открытого сопротивления.

Таким образом, хан включает в себя не только индивидуальное переживание, но и коллективную культурную память, передающуюся через поколения. Многие авторы подчёркивают, что хан нельзя трактовать лишь как эмоцию: это культурный код, способ объяснения человеческого страдания в корейской традиции. Пак Кённи отмечала, что хан — это одновременно боль и надежда, ведь стремление преодолеть страдание не исчезает даже в условиях безысходности.

Структуру хана условно можно представить как формулу:

Боль + подавление + невозможность действия + длительность + память = 한.

В отличие от универсальных эмоций (горе, печаль, тоска), хан представляет собой комплексное, многослойное переживание, включающее:

1. Подавленную боль, которую нельзя высказать;
2. Ощущение несправедливости, которую невозможно исправить;
3. Необходимость продолжать жить без возможности освобождения;
4. Коллективный характер эмоции.

Поэтому в художественных произведениях хан часто присутствует имплицитно — читатель или зритель считывает его через контекст. Отсутствие русскоязычного аналога объясняется тем, что хан является культурно обусловленным концептом. Он существует внутри определённой социально-исторической модели переживаний, поэтому входит в разряд безэквивалентной лексики, требующей специальных переводческих решений.

Поскольку хан относится к категории нулевой эквивалентности, переводчик вынужден использовать несколько компенсаторных приёмов.

1) Описательный перевод

Используется для прямых выражений:

1. 한이 맺히다 → «боль, копившаяся годами и не нашедшая выхода»
2. 한을 품다 → «носить в себе глубоко подавленную, невысказанную боль»
3. 한을 풀지 못하고 죽었다 → «умер, не освободившись от накопленной боли»
4. Описательный перевод передаёт смысл, но утрачивает лаконичность оригинала.

2) Культурный комментарий

Используется в научных публикациях, эссе, художественных переводах:

“Нап — глубокое корейское чувство подавленной коллективной боли, исторически связанной с невозможностью сопротивления” (прим. пер.)

Комментарий помогает читателю понять культурную рамку, которую невозможно передать лексически.

3. Анализ понятия “инён (인연)” как примера нулевой эквивалентности

Понятие инён (인연) в корейской культуре относится к идее судьбоносной связи или кармического узла, который связывает людей и события.

В статье «Past Lives: Understanding In-Yun» подчеркивается, что «two strangers even walk by each other on the street and their clothes accidentally brush... it means there must have been something between them in their past lives» [4]. Что в переводе на русский, будет как: «два незнакомца проходят мимо друг друга на улице, и их одежда случайно соприкасается... это значит, что между ними в прошлых жизнях что-то было.»

Концепция Инен имеет древние буддийские корни. Термин был образован из китайских иероглифов, соответствующих санскритским словам hetu и pratyau. Hetu означает прямую причину, а pratyau - вспомогательное условие. Так, Инен описывает, как определенные явления или, в данном случае, отношения, возникают из взаимодействия причин и условий. В этом контексте Инен понимается как «сумма действий, которые прямо или косвенно приводят к определенной реакции» [5].

В Корее существует поговорка «옷깃만 스쳐도 인연» («даже если воротники одежды соприкоснутся, это судьба (인연)»), что иллюстрирует идею: даже минимальная случайная встреча может быть результатом многовековой связи [6].

Стоит отметить, что в связи с растущей популярностью и глобализацией, особенно после успеха фильма Past Lives, перевод фразы для не-корейской аудитории иногда адаптируется. Для описания глубины романтической связи используется метафора 8,000 слоев Инен. Если два человека вступают в брак, считается, что это произошло благодаря восьми тысячам слоев Инен, накопленным ими за восемь тысяч жизней [7, 8].

В дорамах Инен часто реализуется как сюжетная линия реинкарнации, где неразрешенные конфликты или несправедливость из прошлых жизней (иногда называемые агён – плохой кармой) напрямую влияют на романтический конфликт.

В качестве еще одного примера проявления инён в корейской культуре можно использовать дораму «Мой сосед – кумихо» (2021). В сюжете связь между главными героями представлена наличием судьбоносной нити, которая объединяет их еще до момента прямого знакомства. Ситуация, в которой героиня по случайности поглощает бусину-Ёхо, интерпретируется как проявление инён — то есть предопределённой связи, изменяющей ход их жизней и вынуждающей персонажей взаимодействовать.

Увидимся в моей 19-й жизни (See You in My 19th Life) – Героиня помнит все свои 18 прошлых жизней и активно ищет своего возлюбленного из 18-й жизни, чтобы завершить свой Инен. Сюжет основан на метафоре 8000 Гып.

В корейском фольклоре тоже присутствует элемент, связанный с этими концепциями: упоминается «фея-бабушка», (завязывающая Красную нить на пальце каждого новорожденного. Эта нить связывает человека со всеми, кто является частью его инен, до тех пор, пока нить не приведет его к «тому, кого он будет любить вечно» [9].

С точки зрения культурного контекста, инён входит в схему представлений корейской мысли об отношениях, судьбе и повторных жизнях. В западной культуре понятие «судьба» или «предназначение» имеется, но инён сочетает в себе и судьбу, и карму, и связь между людьми, и идею, что прошлое (в том числе прошлые жизни) влияет на настоящее. В статье из Pacific Ties говорится: «Оно означает предвидение или судьба, а именно отношения между людьми» (переведено мною) — и подчеркивается, что акцент сделан именно на межличностном взаимодействии [4].

Переводческие нюансы

При переводе с корейским словом 인연, может возникнуть ряд затруднений у переводчика:

1. Отсутствие прямого эквивалента в русском языке.

Можно перевести как «судьбоносная связь», «предопределенная встреча», «кармический узел», но ни один из вариантов не охватывает весь спектр значения, который вкладывается в это слово в оригинале. Инён служит примером нулевой эквивалентности [6, 7].

2. Выбор переводческого приема.

Описательный перевод: «инён — predeterminedная связь между людьми, сформированная через прошлые жизни».

Транслитерация + объяснение: «инён (кор. 인연)» с примечанием.

Культурная адаптация: «кармическая судьба» или «связь из прошлых жизней».

В зависимости от целевой аудитории и жанра (научная статья, художественный перевод, популярная статья) переводчик может выбрать один или комбинировать несколько [7, 8].

3. Сохранение культурного оттенка. Переводчик должен решить: оставить ли корейское слово «инён» и дать пояснение, либо выбрать ближайший русский синоним и потерять часть культурного смысла. Для научной статьи предпочтительно: оставить оригинал + пояснение, т.е. подчеркивается, что это термин, связанный с корейской культурой и философией [8].

4. Контекст использования. В тексте может быть метафорически: «Даже случайный взгляд-встреча считается 인연», и в русском это можно передать как: «даже если вы просто мельком соприкоснулись взглядами — это инён». При этом важен эмоциональный и философский фон, который должен чувствоваться [6].

Сравнение с русским культурным контекстом

В русском языке есть понятия «судьба», «предназначение», «карма» (в заимствованном смысле), но они не полностью совпадают с инён. «Судьба» часто понимается как индивидуальный жизненный путь, а инён как межличностная связь и ее предыстория. «Карма» — более философское и религиозное, но не все русскоязычное сознание знакомо с буддийским контекстом, который присутствует в инён. Таким образом, переводчик сталкивается с тем, что:

1. использовать «судьба» - рискованный вариант, потому что акцент смещается на индивидуальную траекторию, а не на связь.

2. Использовать «карма» - может восприниматься как сильное религиозное понятие, не вполне эквивалентное.

Поэтому часто выбирается комбинированный подход: «инён (predetermined судьбоносная связь)» [4, 7].

Значение в нулевой эквивалентности

Понятие инён - хороший пример нулевой эквивалентности: нет одного русского слова, которое полностью передает его смысл.

В корейско-русской переводческой практике это означает, что переводчик должен либо компенсировать недостающие семантические элементы, либо использовать поясняющий перевод, либо оставить термин с комментариями. Поэтому, анализ инён вписывается в категорию культурно-специфической лексики, требующей особой стратегии перевода, что напрямую связано с темой нашей статьи: «нулевая эквивалентность и её переводческие нюансы» [8].

Понятие инён (인연) в корейской культуре охватывает идею судьбоносной связи людей, происходящей как из настоящей жизни, так и из прошлых жизней, и включает буддийско-кармический компонент [8].

В русском языке нет полного эквивалента, поэтому при переводе возникают трудности: выбор между описательным переводом, транслитерацией с пояснением, адаптацией. [7].

Для переводчика в корейско-русской паре важно понимать, что инён — это не просто «судьба» или «связь», а сложный культурно-философский термин, и выбирать стратегию перевода с учетом аудитории и жанра текста [4, 8].

Исследование значения термина инён помогает продемонстрировать, каким образом нулевая эквивалентность проявляется на уровне культурно-специфических понятий и как переводческие приемы позволяют преодолевать отсутствие прямых соответствий.

4. Анализ понятия “Нунчи (눈치)” как примера нулевой эквивалентности

Нунчи — это культурно обусловленный механизм социального взаимодействия, основанный на считывании микронамёков, интонаций, пауз, мимики, иерархических отношений и контекста ситуации. Иными словами, нунчи — это “социальная интуиция”, которая помогает человеку действовать уместно, сохранять уважение к другим и поддерживать баланс в межличностных отношениях. На русский его нередко переводят как «сообразительность» или даже «смекалистость», но это отражает только одну из сторон понятия. В каком-то контексте удачным переводом станет «предупредительность», «тактичность» или «интуиция», что также не отразит все. Для передачи «нунчи» в переводе целесообразно использовать описательный перевод или культурный комментарий [9].

Примеры применения

- На рабочем месте: Сотрудник с развитым нунчи, увидев обеспокоенный вид руководителя, поймает нужный момент и поймет, что «сейчас не время просить отпуск или обсуждать личные вопросы».

- В социальном взаимодействии: На вечеринке человек с быстрым нунчи понимает царящую атмосферу и, правильно идентифицировав ключевую фигуру, представится пожилой женщине (главе компании), вместо того чтобы пытаться перебить всех своей «смешной шуткой» х смысловых оттенков.

Примеры с Нунчи

– 눈치가 빠르다 Возможные варианты перевода:

Описательно: Он быстро чувствует настроение окружающих

Адаптация: Он очень чуткий/проницательный

– 눈치 좀 챙겨 Возможные варианты перевода:

Будь повнимательнее к ситуации!

5. Анализ понятия “Чон (정)” как примера нулевой эквивалентности

Чон - это фундаментальное и многогранное эмоциональное состояние, которое возникает через длительное общение, совместные переживания и взаимную заботу. Оно глубоко укоренено в конфуцианских ценностях корейского общества.

Иероглиф чон входит в состав многих слов, связанных с эмоциональной сферой, например: ёльчон 열정 (буквально «горячий чон») — «страсть», нэнджон 냉정 (буквально «холодный чон») — «хладнокровие», муджон 무정 (буквально «отсутствие чон») — «бессердечие, жестокость». [9].

Истоки в традициях: Истоки этого понятия лежат в аграрном прошлом: в системе «품앗이» (пхумаси) — традиционной взаимопомощи, когда соседи и фермеры объединялись для выполнения трудоемких работ, формируя тем самым сильное чувство коллективной привязанности.

При этом чон не обозначает отдельную эмоцию. Это чувство формируется постепенно — в процессе регулярных контактов, тесного общения и совместного переживания различных ситуаций. Чон выражается во взаимной привязанности, чувстве близости и родства, готовности заботиться и делиться, в глубоком доверии и уверенности в окружающих, а также в ощущении принадлежности к группе - будь то семья или соседское сообщество.

정을 끊다 - Отрезать "чон"

Разорвать все эмоциональные связи; прервать отношения (очень болезненное решение).

정 없다 - Нет "чон"

Бессердечный, равнодушный, холодный (крайне негативная оценка человека).

В качестве заключения мы можем отметить, что нулевая эквивалентность в корейско-русской паре обусловлена глубоким расхождением культурных кодов и социально-исторического опыта. Корейские концепты 한 (хан), 인연 (инён), 눈치 (нунчхи) и 정 (чжон) обладают сложным «информационным потенциалом». Таким образом, перевод таких слов - это не просто замена одного слова другим, а попытка перенести целую часть культуры из одного языка в другой. Успех перевода зависит от того, сможет ли переводчик сохранить «дух» оригинала, используя разные приемы трансформации текста, чтобы читатель почувствовал тот же смысл, который был заложен автором.

Список использованной литературы:

1. Дуплийчук В.А. Повторные заимствования как результат переводческого решения // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. №1-II. 119с
<https://cyberleninka.ru/article/n/povtornye-zaimstvovaniya-kak-rezultat-perevodcheskogo-resheniya>
2. Е.О. Опарина NIL EQUIVALENCE («нулевая эквивалентность») // Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. 2011. №2011. 137с
<https://cyberleninka.ru/article/n/nil-equivalence-nulevaya-ekvivalentnost>
3. Раренко М.Б. 2012. 04. 017. Современные проблемы перевода: (по материалам конференций). (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.6, Языкознание: Реферативный журнал. 2012. №4. 86с
<https://cyberleninka.ru/article/n/2012-04-017-sovremennye-problemy-perevoda-po-materialam-konferentsiy-svodnyy-referat>
4. Park, J. Past Lives: Understanding In-Yun // Pacific Ties, 2023.
<https://pacificties.org/past-lives-understanding-in-yun/>
5. Inyeon? Intriguing Concept From 'Past Lives 'Will Change Your View of Fate.
<https://www.newsweek.com/past-lives-korean-film-inyeon-fate-destiny-relationships-1848092>
6. Korean Philosophy of Inyeon and Jeong

<https://medium.com/@putipelangi/%EC%9D%B8%EC%97%B0-inyeon-deb87faeabbcb>

7. Kim, S. Past Lives: Inyeon is a Korean philosophy of how relationships form over many lifetimes // The Conversation, 2023.

<https://theconversation.com/past-lives-inyeon-is-a-korean-philosophy-of-how-relationships-form-over-many-lifetimes-213289>

8. Kwon, Y. Cultural Semantics of In-Yeon in Korean Buddhism // In: Asian Philosophical Concepts in Translation Studies. Springer, 2021. P. 203–220.

9. 12 слов, помогающих понять корейскую культуру - Рязанова М.

<https://arzamas.academy/mag/787-korea>

ФЕНОМЕН К-РОР: МЯГКАЯ СИЛА, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЗАХСТАНА

Ким Анастасия, Ким Екатерина, Сулайманова Карина
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 4 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Ким У.А. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: Цель данной научной статьи заключается в исследовании феномена К-рор и его влияния на культурное пространство Казахстана. В работе рассматривается роль К-рор как инструмента «мягкой силы» Южной Кореи и его значение в контексте глобализации культуры. Особое внимание уделяется рецепции К-рор среди молодежи Казахстана, проявлению фан-культур, влиянию на стиль, язык, ценности, а также формированию новой молодежной идентичности.

Для изучения темы были использованы методы анализа научной литературы по культурологии и международным отношениям, контент-анализ СМИ и социальных сетей, социологический опрос молодежи в возрасте 15–25 лет, а также сравнительный анализ К-рор и Q-рор. На основе полученных данных также рассматриваются экономические и образовательные аспекты влияния К-рор на Казахстан, включая рост интереса к изучению корейского языка и участие в культурных обменах.

В заключении подводятся итоги анализа: демонстрируется влияние К-рор на культурные процессы в Казахстане, формирование глобально ориентированной, но локально адаптированной молодежной идентичности, а также роль Q-рор как локализованного ответа на глобальный тренд. Работа показывает, что феномен К-рор является не только элементом культурной глобализации, но и фактором трансформации молодежной культуры, стимулирующим интерес к межкультурному взаимодействию и развитию творческой деятельности.

Ключевые слова: К-рор, мягкая сила, глобализация, культурное пространство, молодежная идентичность, Q-рор, Казахстан, Южная Корея

제목: 케이-팝 현상: 소프트 파워, 세계화 그리고 카자흐스탄 문화 공간에 미친 영향

발표자: 김 아나스타샤, 김 예카테리나, 술라이마노바 카리나, 카자흐 국제관계 및 세계언어대 4 학년, 알마티, 카자흐스탄

지도교수: 김 울리아나, 카자흐 국제관계 및 세계언어대

개요: 본 논문의 목적은 K-pop 현상과 그 카자흐스탄 문화 공간에 대한 영향을 연구하는 데 있다. 본 연구에서는 K-pop 이 한국의 ‘소프트 파워’ 수단으로서 갖는 역할과 문화 글로벌화 맥락에서의 의미를 다룬다. 특히 K-pop 의 카자흐스탄 청소년층 수용, 팬 문화의 형성, 스타일, 언어, 가치관에 미치는 영향과 새로운 청소년 정체성 형성에 주목하였다. 연구 방법으로는 문화학 및 국제관계 관련 학술 문헌 분석, 언론 및 소셜미디어 콘텐츠 분석, 15~25 세 청소년 대상 사회조사, K-pop 과 Q-pop 의 비교 분석이 활용되었다. 연구 결과를 바탕으로 K-pop 이 카자흐스탄에 미치는 경제적·교육적 영향, 한국어 학습 관심 증대와 문화 교류참여 등을 함께 살펴보았다.

결론에서는 분석 결과를 종합하여, K-pop 이 카자흐스탄 문화적 과정과 청소년 정체성 형성에 미치는 영향, 글로벌 지향적이면서도 지역적으로 적응된 청소년 정체성 형성, 그리고 글로벌 트렌드에 대한 지역적대응으로서 Q-pop 의 역할을 보여준다. 본 연구는 K-pop 현상이 단순한문화 글로벌화 요소를 넘어, 청소년 문화의 변화를 촉진하고, 다문화 교류와 지역 창작 활동 발전에 기여하는 요인임을 시사한다.

주제어: K-pop, 소프트 파워, 글로벌화, 문화 공간, 청소년 정체성, Q-pop, 카자흐스탄, 한국

Введение

В условиях глобализации культура приобретает статус одного из ключевых ресурсов международного влияния. Массовая культура, распространяемая через цифровые платформы и медиaprостранство, формирует представления о странах, их ценностях, образе жизни и социальных практиках. В этом контексте особый интерес представляет феномен K-pop — корейской популярной музыки, которая в XXI веке превратилась в глобальное культурное явление и важный элемент так называемой «Корейской волны» (Халлю).

Актуальность данного исследования обусловлена активным распространением K-pop в Казахстане и его заметным влиянием на молодежную культуру. Интерес к корейской музыке сопровождается ростом популярности корейского языка, формированием фан-сообществ, развитием кавер-дэнс движения и появлением локального музыкального направления Q-pop. Эти процессы свидетельствуют о глубинных трансформациях культурного пространства и молодежной идентичности.

Целью статьи является анализ влияния K-pop на культурное пространство Казахстана в контексте мягкой силы, культурной глобализации и локальной адаптации.

К-рор как инструмент «мягкой силы» Республики Корея

Понятие «мягкой силы», введенное американским политологом Джозефом Наем, означает способность государства оказывать влияние на международной арене через привлекательность своей культуры, ценностей и идеалов, а не посредством политического или экономического давления [1]. Республика Корея является одним из наиболее успешных примеров практического применения данной концепции [2].

Начиная с конца XX века, Южная Корея целенаправленно инвестирует в развитие культурных и креативных индустрий, рассматривая их как стратегический ресурс национального развития и формирования позитивного международного имиджа. К-рор занимает центральное место в данной системе, сочетая музыкальное производство, визуальную эстетику, хореографию и современные цифровые технологии [3].

Истоки К-рор как культурного феномена восходят к 1990-м годам — периоду первой волны «Халлю». Именно в это время корейская поп-музыка начала выход за пределы национального рынка, чему способствовала деятельность таких групп, как H.O.T. и Shinhwa, а также сольных исполнителей, включая BoA. Эти артисты сыграли ключевую роль в продвижении корейской популярной культуры на азиатском пространстве и заложили основу для ее дальнейшей интернационализации [4].

В 2000–2010-х годах К-рор вышел на качественно новый уровень развития, превратившись в глобальное культурное явление. Современные группы и исполнители, такие как BTS, EXO и BlackPink, сумели привлечь внимание мировой аудитории и закрепить К-рор в качестве самостоятельного культурного бренда. На этом этапе корейская поп-музыка стала неотъемлемой частью международного медиа пространства и эффективным инструментом культурной дипломатии [4].

Высокий уровень профессиональной подготовки айдолов, тщательно продуманный визуальный образ и активное взаимодействие с аудиторией через социальные сети и стриминговые платформы обеспечили К-рор глобальное распространение [5]. В результате корейская поп-культура стала ассоциироваться с инновационностью, технологичностью и динамичным развитием, формируя устойчиво позитивный образ

Республики Корея среди молодежи разных стран, включая Казахстан.

Практическое функционирование мягкой силы посредством К-рор наглядно проявляется в участии представителей корейской поп-индустрии в международных политико-культурных и экономических форумах. Так, в рамках международного форума АТЭС (АРЕС), проходившего в городе Кёнджу, с публичным выступлением выступил лидер группы BTS — RM [6]. В своей речи он подчеркнул значимость культуры и креативных индустрий как ключевого инструмента глобального диалога и взаимопонимания между странами. Данный пример демонстрирует, что К-рор-артисты сегодня выступают не только как представители индустрии развлечений, но и как культурные послы, формирующие международный имидж Республики Корея и усиливающие ее влияние на мировой арене.

Влияние К-рор на культурное пространство Казахстана

Распространение К-рор в Казахстане обусловлено, прежде всего, развитием цифровых технологий и глобальных медиа платформ, таких как YouTube, TikTok, Instagram и Spotify. Эти каналы обеспечили быстрый и практически неограниченный доступ к корейскому музыкальному и визуальному контенту, что позволило К-рор органично войти в повседневную культурную среду казахстанской молодежи.

Влияние К-рор на культурное пространство Казахстана носит многоуровневый характер. На эстетическом уровне корейская поп-культура формирует новые стандарты визуального самовыражения. Молодежь активно перенимает элементы сценического образа айдолов, стилистику одежды, макияжа и причесок, что отражается на модных предпочтениях и повседневном внешнем облике. Эти изменения свидетельствуют о трансформации визуального кода молодежной культуры под воздействием глобальных трендов.

На поведенческом уровне К-рор способствует развитию новых форм досуга и социальной активности. В Казахстане наблюдается рост популярности кавер-дэнс команд, специализированных танцевальных студий и тематических фестивалей. Участие в подобных практиках способствует развитию креативных навыков, коллективного взаимодействия и формированию чувства принадлежности к глобальному культурному сообществу.

Не менее значимым является языковой и образовательный аспект влияния К-рор. Увлечение корейской поп-культурой стимулирует интерес к изучению корейского языка, истории и традиций Республики Корея [7]. Для многих молодых людей К-рор становится первым шагом к более глубокому межкультурному взаимодействию, академическим обменам и образовательной мобильности.

Таким образом, К-рор в Казахстане выступает не только как музыкальный жанр, но и как комплексный культурный феномен, влияющий на эстетические, поведенческие, языковые и ценностные ориентиры молодежи, расширяя границы национального культурного пространства [8].

Q-рор как форма локальной культурной адаптации

В последние годы в Казахстане сформировался новый музыкальный жанр, известный как Q-рор (Qazaq Pop). Этот стиль возник в 2015 году, сочетая элементы западной поп-музыки, хип-хопа, EDM и R&B, а также визуальную эстетику и хореографию, вдохновлённые корейской поп-культурой К-рор. Q-рор был создан благодаря дебюту казахстанской группы Ninety One, которая стала пионером жанра и первой публично представила его на казахстанской сцене. Их дебютный трек «Айыптама» («Айыртама») вызвал большой интерес молодежной аудитории и стал катализатором формирования сцены Q-рор [9].

Одной из ключевых особенностей Q-рор является исполнение на казахском языке, что отличает его от других популярных музыкальных жанров, где часто используется русский или английский. Это делает Q-рор не только музыкальным жанром, но и социально-культурным феноменом, способствующим популяризации казахского языка среди молодежи и укреплению национальной идентичности [10]. Музыкальный стиль Q-рор сочетает современные западные влияния с локальными особенностями. Используются EDM-биты, хип-хоп ритмы, R&B мелодии, а также элементы традиционной мелодики. Такое сочетание позволяет жанру быть современным, узнаваемым и близким для молодой аудитории. Визуальный стиль Q-рор также играет важную роль. Музыкальные клипы и сценические образы артистов отличаются высокой продюсерской работой: стильные костюмы, эффектная хореография и визуальные решения делают выступления привлекательными и запоминающимися. Этот подход

заимствован из К-рор, но адаптирован под казахстанскую аудиторию и национальные элементы [12].

Группа Ninety One не только представила новый музыкальный жанр, но и стала культурным феноменом. Их появление вызвало широкий общественный резонанс из-за нестандартного для Казахстана стиля одежды, макияжа и сценических образов. Несмотря на критику, группа продолжала укреплять популярность жанра и привлекать новую аудиторию. С появлением Ninety One стали возникать и новые Q-рор исполнители, такие как Ziruza, ALPHA, Mad Men, DNA, Moonlight и другие. Эти артисты продолжили развивать жанр, добавляя свои стили и идеи, что делает Q-рор более разнообразным и устойчивым музыкальным явлением [11].

Фан-культура вокруг Q-рор активно развивается: создаются онлайн-сообщества, проходят фан-мероприятия и концерты, что способствует вовлечению молодежи и распространению жанра как значимой культурной тенденции.

Таким образом, Q-рор является успешной локальной адаптацией мировых музыкальных тенденций, объединяя глобальные тренды с национальными особенностями языка, культуры и самобытности. Жанр отражает музыкальные предпочтения молодого поколения и укрепляет казахскую культурную идентичность [10].

Таблица 1 — Сравнительная характеристика К-рор и Q-рор

Критерий	К-рор	Q-рор
Страна происхождения	Республика Корея	Казахстан
Язык исполнения	Корейский, английский	Казахский
Год формирования	1990-е	2015
Визуальный стиль	Глобальная поп-эстетика, ориентированная на международную аудиторию	Современная эстетика с элементами национальной культуры

Целевая аудитория	Международная молодежная аудитория	Молодежь Казахстана
Культурная функция	Инструмент мягкой силы Республики Корея	Формирование и укрепление локальной культурной идентичности
Социальное значение	Продвижение корейской культуры и языка	Популяризация казахского языка и современной национальной культуры

Эмпирическое исследование

В рамках практической части исследования был проведён онлайн-опрос среди молодежи Казахстана (город Алматы) в возрасте от 15 до 29 лет. Сбор данных осуществлялся с использованием платформы Google Forms, что обеспечило удобный доступ к анкете и высокую вовлечённость респондентов. Всего в анкетировании приняли участие свыше 100 человек, большинство из которых являются студентами различных вузов, активно вовлечёнными в волонтерские организации и участия в крупных молодежных проектах. Такой профиль респондентов позволяет рассматривать результаты исследования в контексте социальной активности молодежи и её взаимодействия с глобальными культурными трендами.

Анкета включала вопросы, направленные на определение уровня распространённости К-рор и Q-рор среди молодежи, степень вовлечённости в фан-культуру, а также влияние корейской популярной культуры на стиль одежды, музыкальные предпочтения, ценностные ориентиры и повседневные практики. Кроме того, отдельный блок вопросов был посвящён мотивации к изучению корейского языка и интересу к культуре Республики Корея, что согласуется с существующими исследованиями культурного влияния К-рор как фактора, стимулирующего межкультурное взаимодействие и образовательную мотивацию у молодежи.

Согласно результатам опроса, более 70 % респондентов указали, что регулярно слушают К-рор и хорошо осведомлены о

ведущих корейских музыкальных группах и сольных исполнителях. Такой уровень интереса подтверждает высокую степень интеграции корейской поп-культуры в медийное пространство казахстанской молодежи и согласуется с данными социокультурных исследований, которые отмечают глобальный охват и глубокое влияние К-рор на молодежные субкультуры по всему миру.

Анализ ответов показал, что около 60 % опрошенных отметили влияние К-рор на их стиль одежды, музыкальные предпочтения и способы самовыражения. Для значительной части респондентов корейская поп-культура функционирует не только как музыкальное направление, но и как источник визуальных и эстетических моделей поведения, что отражает рост культурной «глокализации» популярных музыкальных трендов среди молодежи Казахстана.

Примерно 55 % участников опроса указали, что увлечение К-рор стало одним из ключевых факторов, побудивших их к изучению корейского языка. Данный результат подтверждает выводы исследований о том, что массовая культура может выступать мощным стимулом к изучению иностранного языка и интересу к культуре соответствующей страны.

Отдельный блок анкеты был посвящён восприятию Q-рор как локального музыкального феномена. Около 65 % респондентов рассматривают Q-рор как успешную адаптацию глобальных поп-трендов с акцентом на казахский язык и национальные культурные особенности. Это свидетельствует о формировании у молодежи Казахстана культурной гибридной идентичности, сочетающей глобальные и локальные элементы музыки и стиля, что также отмечается в исследовании о влиянии современных музыкальных жанров на молодежную культуру Центральной Азии.

В целом результаты эмпирического исследования демонстрируют, что влияние К-рор и Q-рор на молодежь Алматы носит комплексный характер и проявляется не только в потреблении музыкального контента, но и в изменении поведенческих, эстетических и образовательных практик респондентов.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что К-рор представляет собой многомерный социокультурный феномен, выходящий за рамки музыкального жанра и выступающий эффективным

инструментом мягкой силы Республики Корея. Его влияние проявляется на эстетическом, поведенческом, языковом и ценностном уровнях, формируя новые ориентиры и модели самовыражения у молодежи Казахстана. Результаты эмпирического исследования показывают, что значительная часть опрошенных активно слушает К-рор, перенимает элементы визуального и сценического образа айдалов, участвует в фан-культурах и проявляет интерес к изучению корейского языка, что подтверждает интеграцию корейской поп-культуры в медийное и культурное пространство страны.

К-рор способствует вовлечению казахстанской молодежи в глобальное культурное сообщество, расширяет возможности межкультурного диалога и формирует гибкую, открыто ориентированную идентичность. При этом влияние корейской поп-культуры не носит одностороннего характера: молодежь активно адаптирует и переосмысливает глобальные культурные модели в локальном контексте, создавая новые формы самовыражения, досуга и социальной активности.

Развитие Q-рор наглядно демонстрирует, что интеграция мировых музыкальных стандартов с национальной культурой возможна и успешна. Q-рор выполняет значимую социально-культурную функцию, способствуя популяризации казахского языка, укреплению национальной идентичности и обновлению музыкальной сцены. Молодежь воспринимает Q-рор как современный культурный феномен, объединяющий глобальные тенденции и локальные особенности, что формирует гибридную культурную идентичность, ориентированную одновременно на международные и национальные ценности.

Можно констатировать тот факт, что К-рор и Q-рор выступают взаимодополняющими элементами культурного обмена, оказывающими комплексное влияние на молодежное культурное пространство Казахстана. Их взаимодействие отражает процессы глобализации и локализации культурных практик, при которых национальная культура сохраняет свою уникальность и одновременно приобретает новые формы выражения. Феномены К-рор и Q-рор демонстрируют, что массовая культура способна быть не только инструментом развлечения, но и стимулом развития креативных индустрий, образовательных инициатив и межкультурной коммуникации, оказывая устойчивое влияние на формирование современной молодежной идентичности.

Список использованной литературы:

1. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // CyberLeninka. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika>
2. Матосян А.Э. Особенности становления “мягкой силы” как инструмента внешней политики Республики Корея // Международные отношения. М.: ООО “НБ-Медиа”, 2024. С.88-96.
3. Scibiorska-Kowalczyk I., Cichon J. The Significance of Cultural Policy Case Study of South Korea // Sustainability. 2021. Vol.13. No.24. 13805.
4. Хворостяная А. С. Стратегирование национальных брендов молодежной инновационной экосистемы креативной экономики (опыт Южной Кореи) // Управленческое консультирование. 2023. №3. С.46–56.
5. Kim J.-h., Kim K.-j., Park B.-t., Choi H.-j. The Phenomenon and Development of K-Pop: The Relationship between Success Factors of K-Pop and the National Image, Social Network Service Citizenship Behavior, and Tourist Behavioral Intention // Sustainability. 2022. Vol.14. No.6. 3200.
6. BTS’ RM calls on global leaders to support culture in APEC speech // The Korea Herald. <https://m.koreaherald.com/article/10604385>
7. Как К-поп культура привела к популярности корейского языка в Костанае // Zakon.kz. <https://www.zakon.kz/amp/stati/6449156-kak-kpop-kultura-privela-k-populyarnosti-koreyskogo-yazyka-v-kostanae.html>
8. Кудайбергенова Р.Е., Бейсенбаева А.Б. Действие «мягкой силы» Южной Кореи в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия «Востоковедение». 2016. Vol.77. No.2. С.74-81.
9. Wikipedia. Q-pop — музыкальный жанр, возникший в Казахстане; основан на западных и азиатских влияниях и дебюте Ninety One в 2015 году. <https://en.wikipedia.org/wiki/Q-pop>
10. Melodigging — описание Q-pop как современной казахской поп-музыки с влиянием К-поп, структура жанра и его визуальные особенности. <https://www.melodigging.com/genre/q-pop-3638>
11. Q-pop in Kazakhstan — блог с данными о жанре и примерах исполнителей (Ninety One, Ziruz, Mad Men и др.). <https://qpopkz.wordpress.com/2018/10/23/q-pop-in-kazakhstan/>
12. The Astana Times. Kazakh Pop Music Experiencing Heyday — влияние западной и азиатской поп-музыки на казахстанскую сцену и популярность Q-pop. <https://astanatimes.com/2016/03/15-2/>

ВЛИЯНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЮЖНОЙ КОРЕИ НА ЕЁ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ В МИРЕ

Ким Ми Ён
ВВГУ, 4 курса
Владивосток, Россия

Научный руководитель: Бурлаков В.А. (ВВГУ)

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному анализу феномена «мягкой силы» Республики Корея (РК) как стратегического инструмента экономического и политического развития. В работе исследуются исторические предпосылки и государственные механизмы формирования «мягкой силы», детально анализируются этапы эволюции «Халлю» (Корейской волны) как её ключевого компонента, а также оценивается прямое экономическое воздействие культурного экспорта на рост ВВП, туризм и смежные отрасли. Статья рассматривает роль «мягкой силы» в укреплении международного статуса РК как «средней державы», её влияние на публичную дипломатию и позиционирование в условиях геополитической конкуренции. Кроме того, в работе выявляются внутренние и внешние вызовы, ограничивающие эффективность «мягкой силы», и определяются перспективные направления её дальнейшего развития в контексте глобальных тенденций.

Ключевые слова и словосочетания: мягкая сила, Республика Корея, Халлю (Корейская волна), К-поп, культурная дипломатия, национальный брендинг, культурный экспорт, экономический рост, публичная дипломатия, средняя держава, BTS, цифровые платформы, туризм, геополитика, государственная политика

Title: The Influence of South Korea's "Soft Power" on its Economic and Political Positions in the World

Author: Kim Mi En, Vladivostok State University (4th year), Vladivostok, Russia

Advisor: Viktor A.B., VVSU

Abstract: This article is devoted to a comprehensive analysis of the phenomenon of "soft power" of the Republic of Korea (ROK) as a strategic instrument of economic and political development. The paper examines the historical background and state mechanisms of the formation of "soft power", analyzes in detail the stages of the evolution of the "Hallyu" (Korean wave) As its key component, the direct economic impact of cultural exports on GDP growth, tourism and related industries is also assessed. The article examines the role of "soft power" in strengthening the international status of the Republic of Kazakhstan as a "middle power", its influence on public diplomacy and

positioning in the context of geopolitical competition. In addition, the work identifies internal and external challenges that limit the effectiveness of "soft power" and identifies promising areas for its further development in the context of global trends.

Keywords: soft power, Republic of Korea, Hallyu (Korean wave), K-pop, cultural diplomacy, national branding, cultural export, economic growth, public diplomacy, middle Power, BTS, digital platforms, tourism, geopolitics, public policy.

Мягкая сила, концепция, введённая американским политологом Джозефом Найем, подразумевает способность страны влиять на другие государства не через принуждение или экономическое давление, а через привлекательность своей культуры, ценностей и внешней политики. Для Южной Кореи (Республики Корея) мягкая сила стала мощным инструментом в поствоенный период, особенно после Корейской войны (1950–1953 гг.) и Азиатского финансового кризиса 1997 года. Страна, известная как "Страна утренней свежести", преобразовала свою культурную индустрию в глобальный феномен под названием "Халлю" (Корейская волна), который включает К-поп, К-драмы, фильмы, кухню и технологии. Это не только повысило привлекательность Южной Кореи, но и укрепило её экономические и политические позиции на мировой арене. Согласно индексу мягкой силы Brand Finance за 2025 год, Южная Корея поднялась на 12-е место, улучшив позиции по сравнению с 2024 годом. В этой статье мы рассмотрим, как мягкая сила формирует экономику и политику Сеула.

Южная Корея начала активно развивать мягкую силу в 1990-х годах, когда правительство осознало необходимость диверсификации экономики за счёт культурных экспортов. Администрации Ким Дэ Чжуна и Ро Му Хёна инвестировали в культурную индустрию, увеличив бюджеты. Это привело к трём фазам Халлю: 1.0 (1997–середина 2000-х, фокус на азиатских драмах), 2.0 (середина 2000-х–начало 2010-х, расширение К-поп через социальные сети) и 3.0 (с 2010-х, глобализация через стриминговые платформы вроде Netflix, видеоигры и моду). Ключевыми факторами успеха стали быстрый экономический рост (Южная Корея — 10-я экономика мира по ВВП в 2021 году), демократизация и креативный контент, сочетающий традиции с современностью.

С середины 2020-х годов наблюдается переход к так называемой фазе Халлю 4.0, которая характеризуется дальнейшей диверсификацией и интеграцией культурного контента с передовыми технологиями, включая искусственный интеллект для вовлечения фанатов, виртуальные концерты и гибридные формы развлечений. Эта фаза направлена на преодоление насыщения традиционных рынков К-поп и К-драм за счёт расширения в области К-beauty, видеоигр, e-sports и локализованного производства на глобальных платформах. Халлю 4.0 подчёркивает адаптивность Южной Кореи к цифровой эпохе, где мягкая сила всё теснее переплетается с экономической стратегией, позволяя компенсировать потенциальные спады в отдельных сегментах за счёт устойчивых форм культурного экспорта.

Правительство сыграло решающую роль: Министерство культуры, спорта и туризма, а также агентство Korea Creative Content Agency с бюджетом в 5,5 млрд долларов поддерживали экспорт. Результатом стал органический рост популярности: от драмы "Зимняя соната", которая принесла более 2 млрд долларов через туризм и продажи, до глобальных хитов вроде "Игры в кальмара" (1,65 млрд часов просмотров на Netflix) и BTS, чьи альбомы лидируют в чартах.

Мягкая сила напрямую способствует экономическому росту Южной Кореи. Общий экономический эффект от Халлю достигает около \$15 млрд, включая доходы от глобальных туров и мерчандайза. Культурные экспорты выросли в восемь раз с 658 млн долларов в 2001 году до 5 млрд в 2014-м, а продажи К-поп за рубежом увеличились на 34,3% с 665 млн в 2022-м до 893 млн в 2023-м. В целом, Халлю генерирует миллиарды: BTS (корейская поп-группа) принёс почти 4,7 млрд долларов ВВП. Туризм также расцвёл: в 2023 году индустрия сгенерировала 84,7 трлн вон (59,1 млрд долларов), что составляет 3,8% ВВП. В 2025 году экспорт культурного контента продолжает демонстрировать устойчивый рост. По данным за первую половину года, экспорт достиг \$5,78 млрд (включая игры, музыку и вещание), а общий прогноз на год превышает \$13 млрд. К ярким примерам 2025 года относится анимированный фильм, от американской студии Netflix, «KPop Demon Hunters» (июнь 2025), который не только стал самым просматриваемым оригинальным анимированным проектом платформы, но и стимулировал фанатский туризм (паломничества к реальным локациям в Сеуле, таким как парк Наксан и площадь

СОЕХ), а также способствовал дальнейшему распространению корейской волны через гибрид американско-корейского контента. Полное воссоединение BTS в 2025 году (с анонсом нового альбома и тура в 2026) уже создаёт ожидания значительного экономического импульса — один концерт может генерировать до 1,2 трлн вон. Это подкрепляется государственными инвестициями, такими как 6,8 трлн вон на стратегические технологии для культурного контента.

Южная Корея — один из глобальных лидеров автомобилестроения, занимающий 5-е место по объёму производства автомобилей (по данным OICA на 2025 год). Отрасль остаётся ключевым драйвером экономики: на неё приходится около 13–14% экспорта, 14% вклада в ВВП, 12% занятости в производстве и 7% общей занятости. Доминирует Hyundai Motor Group (Hyundai, Kia, Genesis), контролирующая ~70% внутреннего рынка и входящая в топ-5 мировых автопроизводителей. В 2025 году производство ~4 млн автомобилей в год. Внутренние продажи растут умеренно (на 3–7% в отдельные месяцы), с фокусом на SUV, гибриды и EV (доля EV ~11%, рост продаж на 56%). Автомобилестроение — инструмент "корпоративной дипломатии" и мягкой силы, укрепляющий позиции "средней державы". Hyundai Group инвестировала \$26 млрд (2025–2028) в заводы США (Джорджия, Алабама, Луизиана — сталь и авто), создавая тысячи рабочих мест. Это реакция на тарифы Трампа (25% на импорт, снижены до 15% в некоторых случаях), но усиливает "народные" связи и лоббирование. Перенос производства в США/ЕС снижает риски тарифов, диверсифицирует рынки (Ближний Восток, Африка). Корейские чеболы (Hyundai, SK) — мосты в альянсах, особенно с США против Китая в батареях/EV. Бренды Hyundai/Kia повышают имидж инновационной Кореи (аналогично Samsung), дополняя Халлю. Успех в EV — вклад в глобальный "зелёный" порядок. автомобилестроение усиливает экономическую устойчивость Кореи (экспорт, инновации) и политическое влияние (дипломатия через инвестиции, статус в цепочках поставок EV). Это делает Сеул ключевым игроком в переходе к "зелёной" мобильности и многополярном мире.

Помимо традиционных компонентов Халлю, таких как музыка и драмы, значительный вклад в мягкую силу Южной Кореи вносит корейская кухня (K-food). В 2025 году корейская гастрономия сохраняет 10-е место в глобальных рейтингах предпочтений, способствуя росту экспорта продуктов питания и

привлечению туристов. Это направление подчёркивает диверсификацию мягкой силы за пределы развлечений, включая традиционное наследие (рост на 13 позиций в рейтингах "богатого культурного наследия"). Кроме того, в 2025 году актёр Пак Бо Гом назначен почётным послом корейского туризма, что усиливает использование звёзд для продвижения туризма и национального бренда через публичную дипломатию. Халлю стимулирует интерес к изучению корейского языка и образованию: в 2025 году число сдающих Test of Proficiency in Korean превышает 430 000 человек ежегодно, а правительство планирует удвоить количество мест для зарубежных студентов. Это привело к росту международных поступлений в южнокорейские вузы до почти 210 000 человек, сделав страну одним из топ-10 направлений для обучения. Кроме того, экспорт интеллектуальной собственности (IP), включая игры, достиг рекордных \$9,85 млрд в 2024 году с прогнозом дальнейшего роста, где игры составляют более половины, опережая традиционные сегменты Халлю. Потоки К-поп в США выросли на 182% с 2018 по 2024 год, а глобально — на 230%. Это усиливает бренды вроде Samsung и Hyundai, которые инвестируют в США (например, завод Samsung в Техасе за 17 млрд долларов), создавая рабочие места и укрепляя торговые связи.

Наряду с прямым культурным потреблением, мощным каналом распространения мягкой силы Южной Кореи являются системные государственные и университетские программы, направленные на привлечение иностранной молодёжи. Ключевым инструментом этой стратегии выступает Программа глобальных корейских стипендий (Global Korea Scholarship, GKS), финансируемая правительством через Национальный институт международного образования (NIIED). Программа предоставляет полное финансирование для получения степеней бакалавра, магистра и доктора наук в ведущих корейских университетах, при этом интерес к корейскому языку и культуре, сформированный Халлю, является значительным конкурентным преимуществом кандидатов. Только в 2024 году по программам GKS было присуждено около 1 300 стипендий, что способствовало росту общего числа иностранных студентов в стране до почти 210 000 человек и вывело Республику Корея в топ-10 мировых направлений для обучения. Параллельно развиваются краткосрочные программы обмена и тематические летние школы, служащие «культурным шлюзом» для более широкой аудитории. Университеты, такие как

Университет Корё, Ёнсе и Хангук, организуют интенсивные курсы, сочетающие изучение языка с погружением в поп-культуру: мастер-классы по К-рор-хореографии, посещение телестудий, лекции по истории кинематографа и современным медиа. К 2025 году, по оценкам Корейского фонда международного культурного обмена (KOFICE), участие в таких программах превысило 30 000 человек, что вдвое больше показателей 2019 года. Эти образовательные инициативы создают синергетический эффект, трансформируя мимолётный интерес в долгосрочную лояльность. Выпускники программ становятся проводниками интересов Кореи в дипломатии, бизнесе и медиа, углублённое понимание культуры усиливает глобальное потребление корейского контента, а сам образовательный вектор диверсифицирует имидж страны, демонстрируя её как современную, технологичную и академически сильную «среднюю державу». Таким образом, инвестиции в академическую мобильность представляют собой стратегическое вложение в человеческий капитал, закрепляющее успехи Халлю и укрепляющее долгосрочное влияние Республики Корея в мире.

На политическом фронте мягкая сила повышает статус Южной Кореи как средней державы. Она дополняет жёсткую силу (5-е место в Азии по военной мощи) и помогает в дипломатии среди гигантов вроде США, Китая и России. Успешный ответ на пандемию COVID-19 (массовое тестирование, отслеживание) сделал Сеул моделью для мира, усилив роль в G20 и COVAX. Культура используется для дипломатии: BTS как специальные посланники ООН продвигали темы климата и вакцинации, достигая миллионов.

Согласно Global Soft Power Index 2025 от Brand Finance, Южная Корея поднялась на 12-е место (улучшение на 3 позиции по сравнению с 2024 годом), заняв 9-е место по культурному влиянию. Это отражает успех Халлю в укреплении статуса "средней державы", особенно в АРЕС 2025, где культурные элементы использовались для продвижения технологических стандартов и регионального сотрудничества. Мягкая сила дополняет связи с США. Халлю играет ключевую роль в углублении альянса, строя "мосты" через культурную дипломатию. К-рор фестивали (например, KCON в Лос-Анджелесе), коллаборации артистов с американскими брендами и инвестиции корейских компаний (Samsung, Hyundai) в США усиливают экономические связи и общественное восприятие. Потоки К-рор в США выросли

значительно, а популярность BTS и других групп способствует позитивному имиджу РК как инновационной и креативной нации. Это дополняет военный альянс, делая его более "народным" и устойчивым. Даже в Северной Корее контрабандный контент влияет на население, подрывая изоляцию. Под руководством президента Ли Чжэ Мёна правительство стремится войти в «big-five soft powers» к 2030 году с экспортом культуры до \$36 млрд.

Глобальное лидерство южнокорейской модели мягкой силы, особенно в сравнении с программами «Cool Japan» (японская государственная стратегия мягкой силы, запущенная для популяризации уникальной японской культуры) или культурной экспансией Китая, обусловлено уникальной комбинацией стратегических факторов, сформировавших Халлю как высокоадаптивный и системный феномен. Во-первых, ключевую роль сыграла эффективная гибридная модель управления, сочетающая стратегическое государственное планирование с рыночной динамикой частного сектора. В отличие от более органичного и децентрализованного развития японской поп-культуры или жёсткого идеологического контроля в китайских культурных экспортах, Республика Корея выработала модель «стратегического энтузиазма». Государство (через Министерство культуры, спорта и туризма и КОССА) создавало инфраструктуру, правовые рамки и предоставляло стартовое финансирование, в то время как частные компании (HYBE, SM Entertainment) и творческие коллективы отвечали за производство контента, ориентируясь на глобальный спрос и коммерческую эффективность. Этот симбиоз обеспечил как долгосрочную поддержку, так и необходимую креативную свободу. Во-вторых, корейская модель изначально была цифровой и экосистемной. Халлю созревала параллельно с расцветом социальных сетей и стриминговых платформ, что предопределило её форматы: К-рор-клипы, оптимизированные для YouTube и TikTok, сериалы для Netflix с элементами вирусности. Более того, Корея построила не просто потоковый экспорт, а целостные цифровые экосистемы (Weverse, Bubble), которые превращают фанатскую лояльность в устойчивую экономическую модель через прямую коммуникацию, подписки и мерчандайз. В-третьих, успех основан на стратегической культурной гибридизации и глобальной адресации. Корейский контент сознательно избегает узконациональной или идеологической ригидности, выступая сплавом локальной эстетики

с универсальными нарративами — от тем социального неравенства до поиска идентичности. Это делает его культурно проницаемым. Дополнительным фактором стала целенаправленная глобализация самих исполнителей, включая дебюты интернациональных групп и привлечение иностранных трейни, что смягчает восприятие культурного империализма. Наконец, корейская стратегия фокусируется на трансмедийности и «total entertainment». Успешный продукт (сериал, музыкальная группа) мгновенно порождает смежные индустрии: косметику, кулинарию, туризм, игры и образовательные программы, создавая синергетический эффект и многократно усиливая экономическое и культурное воздействие.

Таким образом, превосходство корейской модели на глобальной арене — результат не случайного везения, а стратегического проектирования, сочетающего адаптивное госуправление, цифровую нативность, культурную открытость и экосистемный подход. Эта комплексность обеспечила Халлю устойчивость и способность к постоянной эволюции, предлагая уроки для других стран, стремящихся усилить своё влияние через мягкую силу.

Однако мягкая сила имеет пределы: она не решает исторические споры с Японией или напряжённость с Китаем, а внутренние проблемы вроде демографии и политической нестабильности (импичмент президента в 2024-м) ослабляют её. В Китае с 2016–2017 годов действует неофициальный «бан на Халлю» (из-за развертывания THAAD), который частично сохраняется: в 2025 году отменяются или модифицируются события с участием японских членов К-поп групп из-за эскалации китайско-японских споров (например, инциденты с Le Sserafim). Экспорт в Китай растёт в отдельных сегментах (альбомы +76% в 2024), но общий доступ ограничен, а негативные восприятия РК связаны с геополитикой. С Японией исторические споры (колониализм, территориальные претензии) периодически вызывают анти-корейские настроения, несмотря на популярность Халлю (экспорт альбомов в Японию упал на 24,7% в 2024). Также в 2024 году наблюдалось значительное снижение продаж физических альбомов на внутреннем рынке — с 115,7 млн экземпляров в 2023 году до 93,3 млн в 2024-м (падение на ~20%). Это частично связано с отсутствием полномасштабных релизов от супергрупп вроде BTS (члены которых завершали обязательную военную службу) и

Blackpink, а также с насыщением рынка и сдвигом фанатов к цифровому контенту (стриминг, мерчандайз). Экспорт физических альбомов показал минимальный рост — до ~\$291,8 млн (увеличение всего на 0,55%). Хотя общий экспорт культурного контента остаётся высоким (прогноз на 2025 — свыше \$13 млрд), замедление в физических продажах сигнализирует о необходимости диверсификации (например, фокус на турах и коллаборациях). Полное возвращение BTS ожидается только весной 2026 года (новый альбом и мировой тур), что может дать импульс, но в 2025 году индустрия полагается на новые поколения артистов.

Согласно опросу Министерства культуры, спорта и туризма РК и KOFICE "2025 Overseas Hallyu Survey" (данные за 2024 год, опубликованы в апреле 2025), 37,5% респондентов согласились с негативными высказываниями о корейской поп-культуре — это максимум за последние пять лет и рост на 4,9 п.п. по сравнению с предыдущим годом. Высокие показатели в Индии (52,7%), ОАЭ (52%) и других регионах связаны с восприятием Халлю как "чрезмерной коммерциализации", "культурного доминирования" или угрозы локальным традициям. При этом общая благоприятность остаётся высокой (70,3%), но рост анти-Халлю настроений (особенно в Азии) требует от правительства более тонкой стратегии продвижения, чтобы избежать негативной реакции. В 2025 году анти-Халлю настроения проявляются не только в Азии (где сохраняются опасения культурного доминирования и империализма), но и в глобальном контексте через фанатскую усталость и критику отсутствия разнообразия контента. Новые вызовы включают региональные культурные трения: в Юго-Восточной Азии (Таиланд, Филиппины, Вьетнам) растут опасения о влиянии на традиционные ценности, а в консервативных регионах — негативная реакция из-за восприятия Халлю как угрозы локальным индустриям. Это требует от правительства более тонкого подхода к продвижению, включая акцент на взаимных культурных обменах.

Политический кризис 2024–2025 годов (кратковременное военное положение, импичмент президента Юн Сок Ёля) вызвал отмену поездок и снижение бронирований на первую половину 2025 года, подорвав имидж стабильной демократии и рискуя туризмом (ключевым драйвером мягкой силы). После инаугурации в июне администрация президента Республики Корея Ли Чжэ Мёна

сделала акцент на прагматичной дипломатии, ориентируясь на национальные интересы и стремясь восстановить международный статус страны. В 2025 году Корея приняла участие в крупных международных встречах, включая саммит «Большой семерки» (G7), Генеральную Ассамблею ООН, саммит Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), саммит «Группы двадцати» (G20) и форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Проведение АТЭС в Кёнджу, провинция Кёнсан-Пукто, стало символическим возвращением Республики Корея на лидерские позиции на международной арене. Сеул выступил одновременно координатором и активным участником обсуждения ключевых вопросов, включая цепочки поставок, изменение климата и безопасность. Президент Ли Чжэ Мён также пообещал сыграть роль «двигателя» для возобновления диалога США с КНДР, подтвердив свою приверженность восстановлению каналов связи. Внешняя политика в 2025 году показала значительный прогресс, основываясь на трех направлениях: возвращение на международную арену, поддержание стабильных двусторонних отношений и стремление к межкорейскому диалогу. В этом году Корея смогла восстановить свой статус «глобального ключевого государства», внося весомый вклад в решение мировых проблем.

Мягкая сила Южной Кореи превратила страну из послевоенного аутсайдера в культурного гиганта, значительно усилив экономику через экспорты и туризм, а также политическое влияние через дипломатию и глобальный имидж. С 89 млн фанатов Халлю в 113 странах в 2018 году и продолжающимся ростом, Сеул демонстрирует, как культура может быть стратегическим активом. В будущем, с фокусом на устойчивость и измерение воздействия, Южная Корея может укрепить позиции в либеральном международном порядке, предоставляя общественные блага в технологиях, здравоохранении и правах человека. Несмотря на вызовы, мягкая сила остаётся ключом к глобальному успеху Республики Корея.

Список использованной литературы:

1. Nye, J.S., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J.S. Nye, Jr. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.
2. Най, Дж.С. Будущее власти / Дж.С. Най. М.: АСТ, 2014. 444 с.
3. Ким Ён Сам. Культурная политика Республики Корея в эпоху глобализации / Ким Ён Сам // Сравнительная политика. 2012. № 3. С. 87–98.
4. Lee, Geun. The Political Economy of Hallyu: The Korean Wave as Soft Power / Geun Lee // Korea Journal. 2009. Vol. 49, № 3. С. 149–172.
5. Шим До Бо. Рождение «Халлю»: государственная политика и глобализация корейской поп-культуры / Шим До Бо // Азия и Африка сегодня. 2011. № 12. С. 44–50.
6. Чон Хён Чжун. «Халлю» как инструмент мягкой силы Республики Корея / Чон Хён Чжун // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 5. С. 124–139.
7. Ким Чжин Хён. От «чуда на реке Ханган» к «корейской волне»: эволюция культурной дипломатии Сеула / Ким Чжин Хён // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 2. С. 98–114.
8. Зуенко, И.Ю. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Корея / И. Ю. Зуенко // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10, № 2. С. 137–152.
9. Парк Со Ён. Экономическое воздействие «корейской волны» (Hallyu) на туризм и экспорт / Парк Со Ён // Journal of Cultural Economics. 2021. Vol. 45, № 1. С. 77–102.
10. Korea Foundation for International Culture Exchange (KOFICE). 2023 해외 한류 실태조사 보고서 (Отчёт об исследовании зарубежного состояния Халлю 2023). Seoul: KOFICE, 2023. 312 с.
11. Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея. 2024 콘텐츠산업 백서 (Белая книга индустрии контента 2024). Сеул, 2024. 280 с.
12. Jin, Dal Yong. *New Korean Wave: Transnational Cultural Power in the Age of Social Media* / Dal Yong Jin. Urbana: University of Illinois Press, 2016. 232 p.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНДР НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СССР/РОССИЕЙ

Мирошина А.П.
ВВГУ, Владивосток, Росси

Научный руководитель: Ким А.А. (ВВГУ)

Аннотация: В современном мире культура становится одним из важнейших инструментов внешней политики государства, способным не только формировать имидж страны, но и способствовать укреплению международных отношений, развитию взаимопонимания и доверия между народами. Такой подход получил название «культурная дипломатия» — стратегическая деятельность, направленная на использование культурных ресурсов для достижения внешнеполитических целей.

Особое значение культурная дипломатия приобретает при взаимодействии государств, обладателей богатых культурных традиций и исторического наследия, таких как КНДР (Корейская Народно-Демократическая Республика). Эта страна, несмотря на свою изоляционистскую политику, стремится укреплять международные связи, используя культурные инициативы в рамках реализации своих дипломатических целей. Взаимодействие с Россией, как одним из ключевых партнеров страны в рамках своей внешнеполитической стратегии, представляет особый интерес для анализа.

Отношения России и КНДР имеют глубокие исторические корни, основанные на взаимных интересах в областях безопасности, экономики и культурных связях. В отличие от политической и экономической сферы, культурная дипломатия позволяет обеим странам укрепить межличностные связи и создать более позитивное восприятие друг друга среди населения. В этих условиях культура становится не только средством внутренней идентичности, но и мощным инструментом межгосударственного взаимодействия.

Целью данной работы является исследование особенностей и механизмов реализации культурной дипломатии КНДР в отношениях с Россией, а также анализ её роли в укреплении двусторонних связей.

Ключевые слова: Международные отношения, КНДР, СССР/Россия, культура, дипломатия

Title: The DPRK's Cultural Diplomacy, as Exemplified by its Interactions with the USSR/Russia

Authors: Miroshina A.P., Kim A.A. Vladivostok State University, Department of International Relations and Public Administration, Vladivostok, Russia

Abstract: In the modern world, culture is becoming one of the most important instruments of state foreign policy, capable not only of shaping a country's image but also of strengthening international relations and fostering mutual understanding and trust between peoples. This approach is known as "cultural diplomacy"—a strategic activity aimed at leveraging cultural resources to achieve foreign policy goals.

Cultural diplomacy is particularly important in interactions between states with rich cultural traditions and historical heritage, such as the DPRK (Democratic People's Republic of Korea). Despite its isolationist policies, this country seeks to strengthen international ties through cultural initiatives to achieve its diplomatic goals. Interaction with Russia, as one of the country's key partners in its foreign policy strategy, is of particular interest for analysis.

Relations between Russia and the DPRK have deep historical roots, based on mutual interests in security, economics, and cultural ties. Unlike the political and economic spheres, cultural diplomacy allows both countries to strengthen interpersonal ties and create a more positive perception of each other among their populations. Under these conditions, culture becomes not only a means of internal identity but also a powerful tool for interstate interaction.

The purpose of this paper is to examine the characteristics and mechanisms of North Korea's cultural diplomacy in its relations with Russia, as well as to analyze its role in strengthening bilateral ties.

Keywords: International relations, North Korea, USSR/Russia, culture, diplomacy

Взаимодействие КНДР с Россией в области культуры

В первую очередь рассмотрим историческое взаимодействие между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Россией. Это важная тема, охватывающая более семи десятилетий, которые можно поделить на несколько периодов.

Начнем с периода до обретения независимости КНДР (до 1948 года). В период японской оккупации Кореи (1910–1945) Советский Союз поддерживал сопротивление японским властям, особенно на территории северной Кореи, что создало основу для будущего взаимодействия [1, с.26]. После окончания Второй мировой войны в 1945 году граница между Северной и Южной Кореей была установлена по 38-й параллели — это разделило корейский народ и подготовило почву для двух отдельных государств.

Следующий период – это создание КНДР и советская поддержка в 1948–1950-е годы. 1948 год стал точкой отсчета — тогда была провозглашена Демократическая Народная Республика Корея (КНДР). Советский Союз оказывал поддержку в создании экономики, вооруженных сил и системы управления нового государства, а советские инженеры и военные советники активно участвовали в строительстве промышленности и армии [2, с.25].

В период Корейской войны (1950–1953) СССР в начале оказывал поддержку Северной Корее, предоставляя оружие, технику, военных советников, однако при этом страна избегала прямого военного участия, чтобы не вступать в конфликт с США и их союзниками. В результате войны граница между КНДР и Южной Кореей была зафиксирована по линии, установленной в соглашениях перемирия. Следующим периодом можно назвать Холодную войну, когда произошло расширение сотрудничества между странами (1950–1980-е годы).

В 1950-х и 1960-х годах СССР продолжал играть важную роль в развитии КНДР, предоставляя ей технологии, экономическую помощь и вооружение. В этот период существовал особый дипломатический и военный союз, основанный на идеологической близости социализма. Советский Союз предоставлял КНДР экономическую помощь, строил инфраструктуру, а также делился опытом в области науки и техники. В 1960-х СССР и КНДР подписывали множество соглашений, направленных на укрепление сотрудничества [1, с.26].

Во время и после распада СССР (1990-е) наступил период перемен. После распада Советского Союза в 1991 году отношения претерпели трансформацию. Россия стала преемником советских обязательств, но отношения с КНДР на фоне глобальных перемен существенно ослабли. В начале 1990-х годов Россия стала искать новый курс, что привело к пересмотру приоритетов в отношениях с Северной Кореей [2, с.25]. И, наконец, последний этап - современный (2000–2020-е годы). В XXI веке Россия сохраняет стратегический интерес к Северной Корее, особенно с точки зрения региональной стабильности, борьбы с распространением оружия массового уничтожения и обеспечения безопасности в Дальневосточном регионе. Взаимодействие идет через двусторонние визиты, экономические связи, гуманитарные обмены и инициативы по диалогу.

Однако, отношения не достигают уровня сотрудничества 1950–80-х годов, в основном из-за международных санкций против КНДР и геополитических изменений. Россия обычно занимает позицию, поддерживающую диалог и мирное решение конфликтов, а также способствует снятию напряженности на Корейском полуострове. Исторически взаимодействие России и КНДР прошло через несколько этапов: от партнерства в эпоху советского Союза до ограничений и сложных дипломатических отношений в постсоветский период. Сегодня Россия придерживается прагматичной политики, балансируя между необходимостью поддерживать контакты и требованием международных санкций [2, с.25].

Ключевой аспект современного взаимодействия между КНДР и Россией — это развитие культурных связей, несмотря на сложные политические, экономические и исторические отношения. Культура выступает как мост, укрепляющий дружеские отношения и способствующий взаимопониманию между народами.

Основными направлениями культурных связей являются:

1. Обмен культурных делегаций и мероприятий - регулярные визиты артистов, музыкантов, театральных трупп и спортсменов, проведение совместных культурных фестивалей, выставок, концертов и спортивных соревнований, организация праздничных мероприятий по случаю Дня России и Дня рождения Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

2. Образование и научные обмены - совместные образовательные проекты, программы обмена студентами и аспирантами, взаимное обучение и подготовка специалистов в области культуры, языка и искусств, создание совместных учебных центров и языковых школ.

3. Медиа и информационное сотрудничество - взаимные транслирования телепроектов, фильмов, документальных фильмов и продвижение культурных ценностей через СМИ.

4. Исторические связи - удержание памятных мероприятий, связанных с историей советско-корейских отношений и перепечатывание памятных книг, издание материалов о дружбе и сотрудничестве народов [3, с.26].

Политическая воля, экономические отношения, общественное мнение и инициативы – все это является факторами, влияющими на развитие связей между двумя государствами. Современные культурные связи между КНДР и Россией являются

важной частью двусторонних отношений, способствующей укреплению доверия и дружбы между народами. Несмотря на ограничения, обусловленные внешними факторами, обе стороны прилагают усилия для поддержания и развития культурных контактов, что помогает сохранять историческую память и укреплять гуманитарное взаимодействие.

Хотелось бы привести несколько примеров совместных культурных проектов и мероприятий между КНДР и Россией, которые показывают, как страны взаимодействуют в области культуры, укрепляя дипломатические и народные связи. Например, государства проводят культурные обмены. В течение последних годов Россия и КНДР регулярно организуют обмены артистами. Корейские театралы, певцы и музыканты выступают в российских городах, а российские коллективы — в Пхеньяне и других городах КНДР. Это помогает популяризировать культуры обеих стран и укреплять добрососедство. Также регулярно проходят совместные музыкальные фестивали - российские ансамбли и оркестры исполняют произведения корейских композиторов, а корейские артисты показывают русскую классическую или народную музыку [4, с.24].

Происходит обмен образовательными программами и культурными кадрами. Студенты и преподаватели участвуют в обменных программах, в академических конференциях, семинарах, культурных и педагогических тренингах. Открываются школы и кружки для изучения языка, что способствует сближению народов и взаимопониманию [5, с.26].

Важной частью культурной дипломатии являются международные фестивали и выставки. В российских музеях экспонируются произведения корейских художников и наоборот. Это помогает повысить интерес к каждой культуре и расширяет культурный диалог. Показ фильмов, созданных обеими странами, проводится в кинотеатрах и на фестивальных площадках России и КНДР. Развиваются культурные центры и библиотеки. В обеих странах функционируют центры, где проходят лекции, мастер-классы, выставочные проекты, направленные на популяризацию каждой культуры. Устраивается передача книг, журналов, учебных пособий, которая помогает расширять знания о культуре, истории и искусстве.

Проведение совместных юбилейных и памятных мероприятий также важная часть культурного диалога. В рамках

празднования важных дат — юбилеев государств, известных личностей, значимых событий — устраиваются совместные концерты, парады, выставки и конференции.

Разрабатываются культурные проекты в области кино и телевидения. Страны занимаются созданием совместных фильмов, документальных сериалов и телепередач о культуре, истории и современности России и КНДР. Эти мероприятия и проекты позволяют государствам не только продвигать культурный обмен, но и укреплять политические связи, создавать дружелюбное восприятие и взаимное уважение. Среди основных механизмов и инструментов культурной дипломатии КНДР можно выделить министерство культуры, артистические делегации и ансамбли для турне за рубежом, проведение культурных мероприятий, фестивалей, выставок внутри страны и за границей, официальные образовательные программы за рубежом, использование культуры как части пропаганды [6, с.28]. В России это Россотрудничество (государственный орган, отвечающий за международную культурную политику), российские центры науки и культуры по всему миру, российские культурные центры, библиотеки, музеи за рубежом, программы по поддержке русскоязычных общин, внутренние и международные фестивали, выставки, театральные постановки, концерты [7, с.28].

В КНДР акцент больше делается на демонстрацию традиционной культуры, дыхания национальной идеологии, использование культпросветработы для формирования образа страны как «отдельной цивилизации» с уникальной культурой, при этом контакты страны ограничены [8, с.24]. Россия в свою очередь активно использует культурные фигуры, международные культурные фестивали, вовлекает диаспоры и русскоязычное население в реализацию культурных проектов [7, с.28].

Анализ эффективности культурной дипломатии КНДР через призму взаимоотношений с Россией

Оценка результативности культурных инициатив между Северной Кореей и Россией — это сложная тема, так как она включает в себя множество аспектов, таких как политические, социальные, культурные и экономические.

Как было указано выше, основные направления культурных инициатив — это взаимные культурные обмены (совместные концерты, фестивали, обмен студентами, открытие совместных

культурных центров и памятников), образовательные программы, медийное и информационное взаимодействие (совместные фильмы, телепередачи, пропагандистские материалы, создание медиаплощадок для пропаганды культурных связей), строительство памятников и символических объектов.

Для оценки результативности данных мероприятий нужно разобрать положительные и отрицательные аспекты. Начнем с положительной стороны.

Во-первых, укрепляются дипломатические связи. Культурные инициативы способствуют укреплению доверия, развитию межкультурных контактов, что важно для обеих сторон.

Во-вторых, происходит расширение обменных программ. Образовательные и культурные обмены помогают познакомиться с культурами и способствуют взаимопониманию.

В-третьих, создается позитивный имидж. Для обеих стран обмен культурными инициативами — способ продемонстрировать дружественный настрой [3, с.26].

Теперь обратимся к отрицательным и сдерживающим факторам культурного диалога двух стран.

Во-первых, политические ограничения - санкции, международное давление и внутренние ограничения в КНДР могут сдерживать активность и расширение программ.

Во-вторых, недостаток финансирования и инфраструктуры – в странах с ограниченными ресурсами некоторые инициативы реализуются слабо или на низком уровне.

В-третьих, ограниченность аудитории - внутри страны культурные мероприятия могут не иметь широкой публики из-за цензуры или ограничений [3, с.26].

Культурные инициативы между КНДР и Россией создают платформу для дипломатического и социального диалога. Эффективность многогранна, и, несмотря на ограничения, есть заметный прогресс в области межкультурных связей. Политический контекст и экономические условия напрямую влияют на степень реализации культурных программ. Культурные связи играют важную роль в формировании и укреплении международных отношений, выступая мостом между народами и способствуя развитию доверия и взаимопонимания. В случае России и КНДР эти связи содержат исторические, культурные и культурно-образовательные аспекты, которые влияют на политику и экономику. В советский период Россия поддерживала КНДР в

рамках идеологических и военных связей, что заложило основу для культурных обменов. Общий опыт социалистического строительства и антиимпериалистическая риторика способствовали укреплению связей.

Культурные связи создают благоприятный климат для дипломатии и сотрудничества. Положительные ассоциации с русской культурой помогают Северной Корее воспринимать Россию как более дружественную силу, чем другие страны Запада. Взаимопонимание, подкрепленное культурными связями, способствует дипломатическим контактам и согласованности в международных вопросах. Культурная дипломатия также оказывает влияние на экономические отношения и может служить мостом для экономического сотрудничества. В рамках культурных связей реализуются проекты, связанные с энергетикой, транспортом, инфраструктурой, что способствует экономическому развитию. Россия является одним из важных торговых партнеров для КНДР. Взаимные торговые связи включают продовольствие, энергию, уголь, металлы. Также происходит развитие железнодорожных и автотранспортных связей, в том числе через Дальний Восток, а еще построение электросетей и совместное использование энергетических ресурсов. Все это и многое другое возможно в том числе благодаря культурному диалогу между странами. Эти связи помогают преодолевать международную изоляцию и создавать позитивный имидж обеих стран. В будущем, продолжение развития культурных обменов может привести к расширению политического и экономического взаимодействия.

Однако существуют и проблемы в сотрудничестве КНДР и России. Например, есть некоторые политические сложности, такие как международные санкции - Россия соблюдает санкции, введенные ООН и западными странами против КНДР, что ограничивает развитие двусторонних связей. Также исторические и политические расхождения, связанные с позициями по ядерной программе КНДР и участием России в региональных делах, создают препятствия [9, с.25].

Санкции также ограничивают торговлю, инвестиции и совместные проекты. Объем двусторонней торговли сравнительно мал, что сдерживает рост сотрудничества. Транспортные и логистические сложности мешают развитию экономического взаимодействия.

В отличие от отношений с Китаем или Южной Кореей, диалог с Россией в военной сфере ограничен. Любые попытки укрепления связей могут вызвать опасения в регионе у сопредельных стран, особенно у Южной Кореи и Японии.

Экономическая изоляция КНДР и нехватка ресурсов сильно ограничивают внутренние возможности для расширения сотрудничества. Внутренние политические и социальные проблемы в обеих странах могут отвлечь ресурсы и внимание от развития партнерства. Несмотря на все трудности, существуют неплохие перспективы развития сотрудничества КНДР и России. России интересно расширять экспорт и импорт с КНДР, особенно в сферах энергетики, угля, металлов и промышленности. Существуют возможности для инвестиций в инфраструктурные проекты, добычу ресурсов и производство [4, с.24].

В сфере транспорта возможно развитие транзитной инфраструктуры, например, через Транссибирскую магистраль, для перевозки товаров.

Россия может помочь КНДР в области электроэнергетики, нефти и газа.

Обе страны могут совместно использовать ресурсы и готовить проекты по разработке месторождений, модернизации энергетической инфраструктуры.

В сфере знаний и науки возможно создание совместных научных центров, обмен студентами и специалистами, а также решение проблем по обеспечению продовольственной и медицинской безопасности.

Становится возможным расширение сотрудничества в рамках ШОС или других многосторонних платформ.

Возможными рисками может быть международное давление – санкционное давление Запада. Также необходимо балансировать между интересами Китая, Южной Кореи, Японии и США.

Несмотря на существующие сложности, сотрудничество России и КНДР обладает потенциалом в сферах экономики, энергетики, науки и технологий. Культурная дипломатия сыграла в этом далеко не последнюю роль, так как культурный диалог между странами – одна из важнейших связей, которая может влиять на другие сферы взаимодействия.

В данной работе была всесторонне проанализирована роль и специфика культурной дипломатии КНДР в общем и конкретно в

контексте её взаимодействия с Россией. Проведенное исследование выявило множество аспектов, свидетельствующих о стратегическом значении культурных инициатив для установления и укрепления дипломатических связей между двумя странами.

Во-первых, было установлено, что культурная дипломатия КНДР выступает как важный инструмент продвижения национальной идентичности, укрепления сплоченности населения внутри страны и создания условий для межгосударственного диалога с соседом. Через различные культурные мероприятия — фестивали, выставки, обмены артистами и учителями — Северная Корея стремится повысить уровень доверия и взаимопонимания с Россией.

Во-вторых, особое внимание уделялось развитию двусторонних культурных программ, направленных на популяризацию корейской культуры в России и наоборот. Эти проекты способствуют не только культурным взаимодействиям, но и содействуют развитию туристического и гуманитарного обмена, расширяют возможности диалога между народами.

Кроме того, выявлено, что несмотря на политические и экономические ограничения, культурная дипломатия остается одним из немногих каналов связи, которые Северная Корея использует для налаживания более глубоких контактов с Россией. Именно культурные инициативы помогают смягчить политические различия и создавать пространство для сотрудничества.

В целом, анализ показывает, что культурная дипломатия КНДР в отношениях с Россией является важным компонентом внешнеполитической стратегии страны, который позволяет ей сохранять присутствие и влиять на формирование позитивного образа, несмотря на международную изоляцию.

В будущем можно расширять сотрудничество в области культуры, интенсивнее интегрировать современные средства коммуникации и укреплять межличностные связи, что может стать залогом более устойчивых и плодотворных отношений между двумя народами.

Список использованной литературы:

1. Петров, А.В. Россия и КНДР: история и современность культурных связей // Восточный вектор. 2020. № 6. С. 78–88.
2. История отношений России и КНДР // ТАСС. 2025 г. 3 сентября. <https://tass.ru/info/18729863> (дата обращения 11.01.2026)
3. Смирнова, И.В. Культурное сотрудничество и дипломатия: опыт России и Северной Кореи // Вестник российской дипломатии. 2021. № 3. С. 45–54.
4. Россия и КНДР подписали план сотрудничества в культурной сфере // РАНХиГС: im.ranepa.ru. 2025. 29 июня. <https://im.ranepa.ru/news/rossiya-i-kndr-podpisali-plan-sotrudnichestva-v-kulturnoy-sfere/> (дата обращения 10.01.2026)
5. Лебедева, Т.В. Взаимодействие России и Северной Кореи в сферах культуры и образования // Вестник МГИМО. 2019. № 4. С. 112–125.
6. Embassy of Russia to the DPRK. <https://dprk.mid.ru/en/countries/> (дата обращения 14.01.2026)
7. Ларюэль, М. Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния // Russie.Nei.Visions. 2021 г. https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf (дата обращения 14.01.2026)
8. Першина, М.П. Направления сотрудничества России и КНДР: аспекты применения мягкой силы // Социально-гуманитарные знания. 2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sotrudnichestva-rossii-i-kndr-aspekty-primeneniya-myagkoy-sily> (дата обращения 20.12.2025)
9. Асмолов, К.В. Захарова Л.В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020 г. <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-s-kndr-v-xxi-veke-itogi-dvadtsatiletiya> (дата обращения 10.01.2026)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КОРЕЙСКИХ ФАМИЛЬНЫХ КЛАНОВ И КАЗАХСКИХ РУ

Панова Елизавета, Молдыбаева Томирис
КазУМОиМЯ им. Абылайхана, 4 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Абсаттаров Г.Р. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ культурных характеристик корейских фамильных кланов (бон) и казахских родов (ру), рассматриваемых как важные элементы этнокультурной идентичности в Корею и Казахстане. Авторы исследуют исторические корни, особенности структуры и функции казахских и корейских родов (ру и бон) в контексте культурных и социальных традиций двух народов. Особое внимание уделяется социальным феноменам, культурным традициям и обрядам корейцев и казахов. Важным элементом исследования стал онлайн-социальный опрос, направленный на выявление устойчивых представлений о стереотипах у корё сарам и казахов о взаимосвязи личностных характеристик с принадлежностью к конкретному бону или ру. В заключении приводятся сходства и различия в роли и культурных аспектах корейских и казахских кланов, а также обсуждаются их актуальность в современном обществе.

Ключевые слова: казахи, корейцы, клан, род, культура, культурные характеристики, этнокультурная идентичность, феномен, традиция, общество, особенности культуры

Title: Comparative analysis of cultural characteristics of Korean family clans and Kazakh ru

Author: Panova Elizaveta, Moldybayeva Tomiris, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (4 grade), Almaty, Kazakhstan

Advisor: Absattarov G.R., Ablai Khan University

Abstract: The article provides a comparative analysis of the cultural characteristics of Korean family clans (Bon) and Kazakh clans (Ru), considered as important elements of ethno-cultural identity in Korea and Kazakhstan. The authors explore the historical roots, structure and functions of Kazakh and Korean clans (Ru and Bon) in the context of cultural and social traditions of the two nations. Particular attention is paid to social phenomena, cultural traditions and rituals of Koreans and Kazakhs. An important element of the research was an online-social survey aimed at identifying persistent stereotypes among

Koryoins and Kazakhs regarding the connection between personal characteristics and membership in a specific bon or ru. It concludes with similarities and differences in the functions and cultural aspects of Korean and Kazakh clans and discusses their in contemporary society.

Keywords: Kazakhs, Koreans, clan, ru, culture, cultural characteristics, ethnocultural identity, phenomena, tradition, society, cultural features.

Введение. Отношения между Казахстаном и Южной Кореей приобретают особое значение в современных международных процессах, охватывая экономическую, культурную и образовательную сферы. В связи с этим актуальность исследования определяется необходимостью анализа общих элементов культур, так как активное сотрудничество требует глубокого понимания культурных особенностей обеих стран, что способствует укреплению межкультурного диалога и международного партнерства. Кроме того, миграции корейцев в Центральную Азию в XX веке сыграли ключевую роль в сближении корейского и казахского народов. Совместное проживание способствовало более тесному взаимодействию и формированию основ для взаимопонимания.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении сходств в обществе, традициях, обычаях, менталитете между корейцами, и так же южнокорейцев, и казахами, что расширяет перспективу межкультурного анализа.

Цель исследования - провести сравнительный анализ культурных характеристик казахов и корейцев.

Задачи исследования включают:

- рассмотрение исторических основ формирования казахских ру и корейских бон;
- определение значения родовых и клановых структур в сохранении культурной идентичности народов;
- анализ традиций, обрядов и культурных характеристик казахского и корейского народов;
- выявление общих черт и отличий, особенностей культуры двух народов;
- определение значения и практической значимости исследования, предоставление заключения.

Объектом исследования являются культурные характеристики корейских фамильных кланов и казахских ру.

Предметом исследования выступают культурные особенности корейских и казахских народов, общие черты, традиции, обряды, семейные ценности и клановые структуры народов.

Методы исследования – контент-анализ, сравнительный анализ, онлайн-социальный опрос, исторический метод исследования, историко-культурный метод исследования.

Практическая значимость исследования представляет собой материал для дальнейших исследований о сходствах корейского и казахского народов. В сфере межкультурной коммуникации — для более глубокого понимания традиционных ценностей Казахстана и Кореи, что способствует развитию диалога между странами.

Таким образом, данное исследование направлено на выявление культурных параллелей между Казахстаном и Кореей и может внести вклад в сравнительное культуроведение, этнологию и межкультурные исследования.

1. Социальная структура казахов и корейцев

На протяжении столетий социальная структура казахов и корейцев была основана на почтении происхождения, предков и родственных уз. Каждый человек, будь то казах, или кореец принадлежат к родовой структуре. Даже если оба народа далеки друг от друга, они имеют схожую организацию родовой и социальной идентичности.

В казахском обществе родовая система состоит из трех основных уровней, в которые входят жуз, ру и уру. Жуз представлял собой крупный территориальный союз казахских родов. Подобных существовало всего три, одними из них были Старший, Средний и Младший жузы. Но принадлежность к жузу не являлось основным источником идентификация человека, так как знание о жузе давало только общее представление о его происхождении. Более детальным и точным определением родовой принадлежности свидетельствовало знание «ру». Ру это связь между кровными родственниками, принадлежащей одной конкретной территории и имеющий одного предка в седьмом колене и более. Далее следует «уру», означающий основные подразделения в системе родов.

Корейская культура определенно имеет похожую систему идентификации, хотя и со своими особенностями. Как и в казахской родовой системе делится на три основных уровня, а именно фамилия, пон (бонгван) и па. В связи с тем, что корейцы не могли

опираться только на фамилии, бонгван приобретал особое значение. Он позволял определить историческую родину человека. Для более подробного определения существовали ответвления «па».

Следовательно, для обеих культур простого отнесения к определенному жузу или наличия конкретной фамилии было недостаточно для определения социальной идентичности. Гораздо большее значение имела связь рода с конкретным местом рождения. У казахов эту роль играл ру, а у корейцев бонгван, являющимися аналогами территориальной принадлежности. Жуз и фамилия, скорее, формируют лишь общее представление.

2. Запрет на близкородственные браки.

У казахов и корейцев свадебные традиции заметно различаются. Тем не менее обе культуры строго запрещают браки между родственниками. В Корее существовал обычай, запрещавший брак между людьми, у которых одинаковые фамилии и клан по мужской линии, даже если этот предок жил сотни лет назад. Этот запрет был введен для предотвращения генетических заболеваний и поддержания социальной структуры.

В Казахстане существует понятие «Жеті ата» (семь поколений). Брак запрещен, если у жениха и невесты по отцовской линии есть родственник в пределах семи колен. Здесь «шежире» играет важную роль в определении родства и предотвращении браков между близкими родственниками, помогая людям определить свою принадлежность к конкретному роду. То есть «шежире» - это родовая книга, передаваемая из поколения в поколение. Аналогично в корейском обществе существовали генеалогические книги (족보) представляя собой записи с указанием родственных связей по отцовской линии.

В Корее запрет на браки между людьми одной фамилией и одного клана был приостановлен в 1997 году, когда Конституционный суд признал его противоречащим конституционным нормам. Окончательно этот запрет был отменен в 2005 году, когда Национальное собрание внесло изменения в Гражданский кодекс. Однако несмотря на отмену закона, многие корейцы все еще придерживаются этого правила, считая его важным для поддержания традиционных ценностей.

В Казахстане же брак по родству до седьмого колена не законом, а исторически считается недопустимым. Считалось, что именно через семь поколений полностью обновляется кров, и

нарушение этого правила приведет к рождению слабых и больных детей.

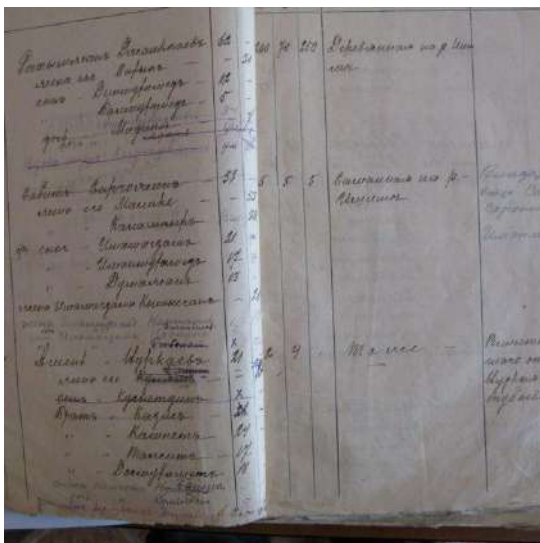

Рис.1 Шежіре

Рис.2 족보

3. Социальный феномен - характеристика по фамилии и ру

Еще одним сходством выступает социальный феномен, при котором в корейском и казахском обществах принадлежность к ру

или фамильному клану служит основанием для предположений о личных качествах и характере человека. Данный феномен, безусловно, является стереотипом, так как не имеет научного и логичного подтверждения.

Для того чтобы изучить данное общественное явление, был проведен онлайн- социальный опрос на примере трех самых распространенных и популярных ру и фамилий, результаты которого представлены в таблицах ниже:

Найман	Жалайыр	Аргын
Умный, твердый, шустрый – 30%	Хороший, добрый, справедливый – 40%	Добрый, вежливый, воспитанный – 40%
Открытый, спокойный, прямолинейный – 23,3%	Ответственный, уверенный, умный – 33,3%	Рассудительный, умный, надежный – 33,3%
Хитрый, жесткий – 23,3%	Упертый – 3,3%	Гордый – 3,3%
Не зависит от ру – 23,3%	Не зависит от ру – 23,3%	Не зависит от ру – 23,3%

Таблица 1. Характеристика человека по ру

Ким	Ли	Пак
Добрый, спокойный – 43,3%	Мягкий, тихий – 33,3%	Амбициозный, умный - 33,3%
Уравновешенный, ответственный – 36,7%	Добрый, отзывчивый, скромный – 40%	Дружелюбный, вежливый, надежный – 23,3%
Вредный - 2%	Хитрый, вспыльчивый- 13,3%	Своенравный, хитрый, вредный – 30%
Не зависит от фамилии – 13,3%	Не зависит от фамилии – 13,3%	Не зависит от фамилии – 13,3%

Таблица 2. Характеристика человека по фамилии

По данным опроса, результаты которого были представлены в таблицах, можно сделать вывод о том как именно в казахском и корейском обществах дают представление о характере человека по его ру или фамилии. Стоит отметить, что нет такого случая, что человеку по фамилии или ру дают только отрицательную, или только положительную характеристику. В таблице можно увидеть процентное соотношение «хороших» и «плохих» качеств в зависимости от ру или фамилии. Так же, можно увидеть, что значительный процент респондентов считают, что характер человека никак не зависит от фамилии или ру, и в основном, так считают молодые люди возраста от 18 до 25 лет.

Необходимо также отметить интересный момент: как в корейском, так и в казахском обществе, представители любого ру и фамилии, своему роду дают положительную оценку, в то время как представители других же кланов, отмечают чаще отрицательные черты характера человека с таким ру или фамилией. Особенно ярко это заметно у людей с ру «Найман» и фамилией «Пак».

В южнокорейском обществе, как и у корё сарам в Казахстане, так же существует стереотипное мышление о фамильных характеристиках, и распространено даже больше, чем у корёинов. Однако, каждый человек имеет собственную точку зрения по этому поводу, и основывается лично на своем опыте, поэтому мнения часто разнятся. К примеру:

Одни считают, что люди с фамилией Ким - добрые, спокойные, другие же считают их вредными и своенравными.

Особенно видна разница по отношению к людям с фамилией Ли. Чаще считают, что Ли - «политическая» фамилия, они серьезные, стойкие, и управляют государством. Отличное этому мнение - что они вспыльчивые, злые, нехорошие и завистливые.

Что касается фамилии Пак, здесь корейцы Южной Кореи и корёины Казахстана сходятся во мнении о том, что чаще всего Паки - талантливые, амбициозные люди.

Таким образом можно заметить параллель в менталитете корейского и казахского народов.

4. Родильные обряды

Родильные обряды казахов и корейцев, несмотря на географическую отдаленность, имеют некоторые сходства. В обеих

культурах многодетные семьи занимали почётное место в обществе, а бездетность приравнивалась к греху. Поэтому существовала традиция «вымаливания» детей в святых местах, таких как ущельях, священных деревьях и храмах [1].

Социальное положение женщины в семье мужа была связана с рождением детей, особенно сыновей, так как обычно мальчики считаются продолжением рода. Для того чтобы защитить мать и обеспечить ей благополучие в период беременности действовали ограничения. Беременным женщинам не разрешалось поднимать тяжести, их оберегали от негативных новостей и конфликтов. И у казахов, и у корейцев существовал запрет на вход в дома, где проходило поминовение усопших. Для того чтобы защитить будущего ребенка от духов, связанных со смертью [2].

Кроме того, были и общие пищевые запреты. К примеру, употребление мяса зайца может стать причиной рождения ребенка с деформацией губы, которую называли «заячьей губой». Также считали, что еда, съеденная матерью, влияет на характер и внешность младенца. Так у казахов употребление рыбы связывали с немотой, а у корейцев употребление мяса птицы с дефектами кожи или походки. Сходство проявляется и в методах определения или влияния на пол будущего ребенка. Казахи определяли пол по пищевым пристрастиям или изменениям во внешности матери, в то время как корейцы определяли пол по снам или оценивали форму живота. Для того чтобы родился мальчик, казахи клали у изголовья женщины оружие, а корейцы клали под одеяло перья петуха или волосы мужа.

Следует отметить традицию наречения имени для новорожденного. Имя обычно дают бабушка и дедушка или отец, и это отмечается особой церемонией. К выбору имени всегда подходят очень ответственно, так как считается, что оно определяет будущее ребенка [3].

Казахские и корейские народы верили в особое божество, которое покровительствовало ребенку. У казахов - это Умай-ана, а у корейцев - Самсин. Для того чтобы восстановить здоровье после родов, женщина должна была обязательно отведать подготовленное блюдо. У казахов - это угощение «калжа» из молодой овцы, а у корейцев - рис и морская капуста со стола божества Самсин [4].

Особое внимание уделялось защите младенца от злых духов и сглаза в первые дни жизни. Корейцы вывешивали на ворота солому, а казахи нашивали на одежду перья филина и амулеты. Для

обоих народов сакральными являются определенные дни после рождения (3, 7-й дни), а завершение критически опасного периода отмечалось крупными праздниками. «Қырқынан шығару» (40-й день), являлось большим праздником у казахов, а у корейцев - это «пэк-иль» на 100-й день. Таким образом, для обоих народов рождение ребенка было особенным, сакральным процессом.

5. Обряды предсказания судьбы

Традиция «Тұсау кесер» - это важный обычай в казахской культуре, который отмечает первые шаги ребенка. Обычно его проводят, когда ребенку исполняется около года. Главное в этом обряде это разрезать специальные нити, которые символически связывают ноги ребенка. Считается, что это помогает ему в жизни, чтобы он не сталкивался с трудностями и неудачами.

Очень важно, какие предметы лежат в конце белой дорожки, по которой ведет ребенка уважаемый человек (кесуші). Выбор ребенка имеет значение. Если он выбирает яблоко, это предвещает жизнь в достатке, книга указывает на ум и любознательность, деньги к финансовой стабильности, а домбра указывает на творческий потенциал. Считается, что качества и удача человека, который разрезает нити, передаются ребенку, это закладывает основу для его будущих успехов.

У корейцев тоже есть похожая традиция празднования первого дня рождения, которое называется «Толь». Этот праздник очень важен, он входит в число четырех самых значимых событий в жизни человека. Обязательно проводится обряд «тольчаби», где ребенок, одетый в национальный костюм «ханбок», выбирает предметы, которые, как считается, предскажут его будущее и характере. Например, рис и хлеб символизируют достаток, а катушка ниток означает талант к рукоделию. Сейчас добавляют и современные предметы, такие как судейский молоток, который может указывать на карьеру в юриспруденции, или футбольный мяч к успеху в спорте [5].

Эти обряды существуют не просто как способ предсказать будущее, они еще и объединяют разные поколения, передавая любовь к детям, уважение к предкам и стремление сохранить свою культуру. Такие традиции помогают погрузиться в историю своего народа, понять ее и передать своим детям.

Рис. 3 Тұсау кесер

Рис. 4 Толь

6. Празднование 60,70 и 80-ти летия

Еще одним сходством является важный этап проведения церемонии жизненного цикла - празднование 60,70 и 80-летия.

Хвангап — это корейский традиционный праздник, который отмечают по случаю 60-летия человека. Он символизирует завершение полного жизненного цикла и возвращение к году рождения. Раньше люди редко доживали до 60 лет, поэтому Хвангап считался особым праздником долголетия. Пышные застолья в этот день выражали пожелания долгой и благополучной жизни. Конечно, встречались и те, кто проживал дольше — для них устраивали отдельные торжества по случаю 70 и 80 лет. Сегодня же в Корее люди живут значительно дольше, поэтому значение праздников по случаю 60,70 и 80 лет стало менее важно.

В Казахстане достижения 60-, 70- и 80-летнего возраста не закреплены в качестве традиционных культурных праздников, однако юбилеи этих лет отмечаются достаточно широко, что связано с исторически невысокой продолжительностью жизни. Кроме того, возраст 63 года обладает особой символической значимостью, поскольку в религиозной традиции он обозначается как «возраст пророка», хотя это не сопровождается проведением специальных праздничных мероприятий [3].

7. Национальные игры

Углубляясь в историю культуры казахского и корейского народов можно заметить еще одно сходство – национальные игры, отражающие силу духа народов. Несмотря на то, что казахи вели кочевой образ,а корейцы - оседлый, в их национальных играх есть сходства, и даже встречаются одни и те же виды. Например:

1. Казахская борьба Курес и корейская борьба Ссирым (씨름)
2. Стрельба из лука и Хвальссоги (활쏘기)
3. Асык ату и Бисокчиги (비석치기) [6].

Кроме того, национальные игры казахского и корейского народов выполняли не только развлекательную, но и важную социально-воспитательную функцию. Через игры передавались традиции, нормы поведения и жизненные ценности от старшего поколения к младшему. Такие качества, как выносливость, уважение к сопернику, дисциплина и командный дух, формировались с раннего возраста и считались неотъемлемой частью воспитания личности.

Важно отметить, что многие национальные игры были тесно связаны с повседневной жизнью и условиями существования народов. Для казахов, ведущих кочевой образ жизни, особое значение имели физическая сила, ловкость и умение защищать себя, что ярко отражено в таких играх, как Курес и стрельба из лука. В корейской культуре, несмотря на оседлый образ жизни, также высоко ценились сила, стратегия и гармония тела и духа, что находит отражение в Ссирыме и Хвальссоги.

Таким образом, сходство национальных игр казахского и корейского народов свидетельствует о близости их мировоззрения и ценностных ориентиров. Эти игры являются важным элементом культурного наследия, который объединяет народы, демонстрируя универсальность человеческих стремлений к силе, гармонии и духовному развитию.

Казахские национальные игры	Корейские национальные игры
	
	
	

Таблица 3. Национальные игры

Заключение

Проведённый сравнительный анализ выявил существенные параллели в культурных характеристиках Корейцев и Казахов, что формирует высокий потенциал взаимопонимания между двумя народами. На основе историко-культурного подхода были рассмотрены основы формирования социальной структуры казахов и корейцев, а именно разделение на ру и боны, определены их значения в том числе и в современный период. На основе проведенного анализа были обнаружены сходства и особенности в

культуре, традициях, обычаях и даже играх двух народов. Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные культурные сходства способствуют снижению коммуникативных барьеров, облегчая межличностное и деловое взаимодействие, а также повышая эффективность совместных проектов. В международном и стратегическом контексте эти результаты укрепляют основу для углубления экономического, культурного и технологического партнёрства между Казахстаном и Кореей, содействуя формированию устойчивых и доверительных двусторонних отношений.

Список использованной литературы:

1. Карибжанова Е.А. Семантика обрядов, связанных с рождением ребенка в казахской семье // Вестник КазНПУ. Алматы, 2017 <https://articlekz.com/article/18038> (дата обращения 08.01.2026).
2. Самсонов Д.А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования / Д.А. Самсонов; Рос. Акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Е.В. Иванова]. Санкт-Петербург: Наука, 2013. 144с. <https://koryo-saram.ru/o-korejskom-etikete-pri-vynashivanii-i-rozhdanii-rebenka/> (дата обращения 08.01.2026).
3. 보란타예바 파리자. 카자흐스탄과 한국 통과의례의 유사점. 중앙아시아 한국학교육. 알마티, 74-79.
4. Ким Г.Н. Республика Корея. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. С. 451-452.
5. Традиции, которые нас сближают // Koreilbo.com <https://koreilbo.com/news/traditsii-kotorye-nas-sblizhayut/> (дата обращения: 08.01.2026).
6. Aripova A. & Akyn B. (2023). Similarity of Kazakh and Korean national games. Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series., 144(3), 171–177. <https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/208> (дата обращения: 10.11.2025)

ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ - ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НА ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

Посысаева Елизавета
ФГБУ ВО «Владивостокский государственный университет», 4 курс
Владивосток, Россия

Научный руководитель: Котляр Н.В. (ВВГУ)

Аннотация: Актуальность исследования инноваций в культурной политике Республики Корея, с акцентом на влияние современных тенденций (включая Hallyu, дорамы и K-Pop) на традиционные элементы культуры, обусловлена постоянно растущей глобальной популярностью южнокорейской культуры и увеличением числа ее почитателей. Феномен корейской волны (Халлю) отражает успешную интеграцию инновационных политик, где современные тренды гармонично сочетаются с культурным наследием, способствуя его живому развитию и международному распространению. Это требует изучения механизмов, обеспечивающих устойчивый интерес, гибкость и эксперименты для продвижения традиций в глобальном масштабе, укрепляя культурное влияние и экономику страны. В следующем разделе рассмотрим конкретные аспекты этого процесса.

Ключевые слова: инновации в культурной политике, южная Корея, традиционные элементы культуры, халлю (корейская волна), дорамы, k-рор, глобальная популярность, Южнокорейская культура, интеграция инновационных политик, современные тренды, культурное наследие

Title: Innovations in Cultural Policy - The Influence of Modern Trends on Traditional Cultural Elements

Author: Posisaeva Elizaveta Alekseevna, Vladivostok State University (4th year), Vladivostok, Russia

Advisor: Kotlyar N.V. (VVSU)

Abstract: The relevance of the study of innovations in the cultural policy of the Republic of Korea, with an emphasis on the influence of modern trends (including Hallyu, dramas and K-Pop) on traditional cultural elements, is due to the ever-growing global popularity of South Korean culture and the increasing number of its admirers. The phenomenon of the Korean wave (Hallyu) reflects the successful integration of innovative policies, where modern trends are harmoniously combined with cultural heritage, contributing to its vibrant development and international dissemination. This requires exploring mechanisms that ensure sustained interest, flexibility, and experimentation to

promote traditions on a global scale, strengthening the country's cultural influence and economy. In the next section, we will look at specific aspects of this process.

Keywords: innovations in cultural policy, south Korea, traditional elements of culture, hallyu (Korean wave), doramas, k-pop, global popularity, South Korean culture, integration of innovative policies, modern trends, cultural heritage

Исследование влияния современных тенденций на традиционные элементы культуры в Республике Корея обусловлено несколькими факторами. Во-первых, Южная Корея переживает период интенсивной глобализации и технологического прогресса, что создает как инновационные возможности для культурного обмена, так и вызовы для сохранения исторического наследия. Во-вторых, высокий уровень проникновения цифровых платформ и социальных сетей способствует распространению современных трендов, таких как Hallyu (корейская волна), K-Pop и дорамы, что приводит к трансформации традиционных культурных практик. В-третьих, по данным международных культурных исследований, глобальные тенденции все чаще интегрируются с национальными элементами, что требует анализа их долгосрочного воздействия на культурную идентичность. В-четвертых, существует необходимость в изучении влияния культурных факторов, таких как традиционные семейные ценности и общественные нормы, на адаптацию традиций к современным изменениям.

Целью данного исследования является: анализ влияния современных тенденций на традиционные элементы культуры в Республике Корея. Исследование также направлено на разработку рекомендаций по сохранению и адаптации культурного наследия в условиях глобализации и технологического прогресса. Задачи: 1) изучить основные виды современных тенденций, таких как глобализация, цифровые технологии и медиа, влияющих на традиционные элементы культуры 2) проанализировать социальные, экономические и культурные факторы, способствующие интеграции или трансформации традиционных практик в Южной Корее 3) оценить уровень осведомленности населения о значении традиционного культурного наследия и доступности программ по его сохранению 4) исследовать влияние глобальных трендов, таких как Hallyu и социальные сети, на традиционные элементы культуры

Объект исследования: традиционные элементы культуры в Республике Корея.

Предмет исследования: влияние современных тенденций на традиционные элементы культуры, а также факторы, способствующие их трансформации или сохранению. В рамках исследования будут рассмотрены аспекты, касающиеся влияния культурных норм, глобализации, семейных традиций и уровня поддержки культурных инициатив на адаптацию традиционного наследия к современным изменениям.

Современная культурная политика Республики Корея стремится к гармоничному сочетанию сохранения уникального культурного наследия и его адаптации к быстро меняющимся реалиям глобального мира. Этот раздел посвящен анализу того, как инновационные подходы и современные тенденции влияют на традиционные элементы культуры, трансформируя их и открывая новые возможности для их продвижения.

Важно понимать, что культурное наследие не является статичным. Оно постоянно развивается, взаимодействуя с внешними факторами. Основной задачей в данном контексте является не просто сохранение, но и оживление традиционных форм, придание им новой актуальности для современных поколений и международной аудитории.

- Современные тенденции, такие как цифровизация, глобализация и изменения в потребительских предпочтениях, оказывают существенное влияние на восприятие и потребление культурного продукта.

- Цифровые технологии являются мощным инструментом для распространения и архивирования культурного наследия. Виртуальные музеи, онлайн-коллекции, интерактивные платформы позволяют преодолеть географические барьеры и сделать культурные артефакты доступными для глобальной аудитории.

- Искусственный интеллект и большие данные могут использоваться для анализа культурных трендов, персонализации предложений и даже для создания новых форм контента, основанных на традиционных мотивах.

- Влияние социальных сетей и платформ пользовательского контента позволяет традиционным формам культуры обретать новую жизнь. Публикация изображений традиционных костюмов, музыки, ремесел в Instagram, TikTok или YouTube способствует их популяризации среди молодежи.

- Современные тенденции в дизайне, моде, музыке активно заимствуют элементы традиционной культуры, придавая им новаторский вид. Это может проявляться в использовании традиционных узоров в современной одежде, в интеграции народных мотивов в электронную музыку или в переосмыслении классических литературных сюжетов.

- Инновационные методы преподавания и популяризации традиционных ремесел, такие как мастер-классы в онлайн-формате, создание образовательных мобильных приложений, способствуют сохранению и передаче этих навыков.

- Возрастает роль творческих индустрий в адаптации культурного наследия. Создание современных художественных инсталляций, перформансов, анимационных фильмов, театральных постановок, вдохновленных традиционными сюжетами и образами, привлекает новую аудиторию.

- Привлечение молодежи к изучению и практике традиционных искусств и ремесел становится приоритетом. Это достигается через интеграцию культурного образования в общую систему образования, организацию фестивалей, конкурсов и культурных мероприятий.

- Инновации в культурной политике также включают привлечение частных инвестиций и развитие государственно-частного партнерства для финансирования проектов, направленных на сохранение и популяризацию традиционного наследия.

- Адаптация традиционных элементов культуры к современным форматам не означает их упрощение или обесценивание. Напротив, она требует глубокого понимания их сути и креативного подхода к их интерпретации.

Республика Корея в качестве приоритета современной культурной политики выбрала популяризацию культурного и природного наследия среди детей и молодежи. Образовательный процесс интегрирован с познанием прошлого, а современные технологии преобразуют «прошлое» и адаптируют его к наиболее легкому и понятному молодым поколениям контенту, что обеспечивает успех его освоения. Виртуальная и дополненная реальность - это мощные технологии, которые позволяют заменить реальную жизнь на восприятие виртуальной жизни, искусственным образом стимулируя наши чувства и обманывая наше тело в принятии другой версии реальности.

В условиях глобализации вопрос поиска национальной идентичности становится все более актуальным для многих стран, включая Республику Корея. В этом контексте важнейшими компонентами являются культурная политика и векторы продвижения культурного наследия. Эти два понятия глубоко связаны с историческими и социологическими методологиями, которые определяют их содержание и функционирование. В широком смысле культурная политика рассматривается как система мер и стратегий, направленных на сохранение, развитие и продвижение национального культурного наследия в рамках конкретного сообщества [1].

Корейская культура, несмотря на политическое разделение Корейского полуострова на две страны (Республику Корея на юге и Корейскую Народно-Демократическую Республику на севере), сохраняет глубокую историческую и культурную единство. Это единство коренится в тысячелетней истории, где корейский народ развивался как относительно монолитная этническая и культурная общность. Давайте разберём этот аспект подробнее, опираясь на исторический контекст, претензии обеих стран на наследие, возникающие напряжения и способы их преодоления.

Республика Корея продвигает глобальный курс корейской культуры через госорганы, определяя стратегические направления в культуре, спорте и туризме.

В настоящее время организационная структура Министерства культуры, спорта и туризма Республики Корея включает следующие звенья: глава министерства - министр культуры, спорта и туризма; советники министра, пресс-секретарь (представитель министра), первый вице-министр и второй вице-министр.

Под ответственность второго вице-министра входят: отдел связей с общественностью; спортивное бюро; бюро туризм-политики [2].

К ведению первого вице-министра относятся: бюро планирования и координации культурной политики; управление культурной и художественной политики; управление делами религий; бюро политик культурных индустрий; отдел культуры и культуры индустриальных политик; отдел индустрии кино/видео контента; отдел индустрии компьютерных игр; отдел индустрии популярной культуры; отдел поддержки Халлю; бюро авторских прав; бюро медиаполитики; бюро реставрации; бюро управления;

бюро управления Cheongwadae (Официальная резиденция президента).

Сдвиг в развитие индустрии культуры связан с пониманием роли культуры как мощного движущего фактора современного мира и экономического роста. Культура перестала рассматриваться лишь как инструмент сохранения национальной самобытности и стала восприниматься как перспективная и экономически выгодная отрасль.

Следует отметить, что структура Министерства культуры, спорта и туризма неоднократно реформировалась. В настоящее время действует полифункциональная структура государственного органа, созданная в 2008 году. Помимо охраны культурного наследия и управления культурными организациями, здесь существуют подразделения, отвечающие за спорт и туризм. Особенно заметен переход к созданию отдельной структуры, включающей отдел политики культурных индустрий; отдел индустрии кино и видеоконтента; отдел индустрии компьютерных игр; отдел индустрии популярной культуры; отдел Халлю. Это демонстрирует стремление занять лидирующие позиции на международном культурном рынке посредством трансформации организационной структуры в соответствии с актуальными задачами.

Различные подходы к управлению культурой формировались под влиянием исторического опыта и целей страны и со временем адаптировались под актуальные задачи. В Корею зафиксированы следующие направления культурной политики:

- Конфуцианская модель культурной политики;
- «Западнизированная» модель культурной политики;
- «Национально-созидательная» модель культурной политики;
- Модель децентрализации культурной политики: развитие региональных и местных сообществ;
- «Корейская волна»;
- «Национально-глобализационная» модель культурной политики;

Сейчас Республика Корея реализует глобальный курс корейской культуры через государственные органы, выполняя разнообразные функции и в основном устанавливая стратегическое направление развития сфер культуры, спорта и туризма.

В 1961 г. создано Бюро культурных ценностей. Функции охраны передавали: Министерству культуры и информации, в 1989 г. - Минкультуры, 1993 г. - Минкультуры и спорта, 1998 г. - Минкультуры и туризма. В 1999 г. образована Администрация культурного наследия (СНА) при правительстве РК с отделами по сохранению и использованию наследия. СНА акцентирует популяризацию наследия для интеграции в жизнь. С конца XX - начала XXI в. политика фокусируется на вовлечении молодежи, «корейской волне» (Hallyu), развитии индустрии и образовательных программах для межпоколенной связи и демонстрации традиций [3].

На сайте СНА есть раздел для детей и молодежи, где в доступном формате объясняется значение культурного и природного наследия, представлены видео и образовательные ресурсы. Дети названы «ростками нации». Наследие делится на материальное, нематериальное и природное.

Основные функции СНА: выявление и регистрация ценностей; выдача разрешений на реставрацию и раскопки; финансирование; управление дворцами и историческими местами; глобализация корейской культуры; исследования; образование и подготовка. С 2018 г. приоритет - воспитание и образование.

Программы включают «Школы культурного наследия» (Cultural Heritage Visit, Experience School), где учителя посещают учащихся, представляя традиции и ремесла. Другая программа направлена на привлечение детей и молодежи к посещению объектов наследия, вход на объекты для всех граждан бесплатный до 25 лет. Недавно СНА пересмотрело правила посещения королевских дворцов и мавзолеев, введя бесплатный вход для несовершеннолетних иностранцев. Знания о культурном и природном наследии Кореи присутствуют в школьных учебниках как для младшей, так и для старшей школы. Для начальной школы в разделе «Наука» приводятся данные о природе страны, в разделе «Общество» - информация о Панлсори (Pansori) и королевских гробницах Чосона. Для занятий физкультурой предлагаются видеоматериалы по Тальчум, Гангангсуллаэ - групповому танцу преимущественно женщин, напоминающему хоровод. В средней школе материал по культурному наследию расширяется: традиционная живопись, фольклор, приготовление традиционных блюд, макраме, шелкоткачество.

Изучение истории, традиционной музыки, ремесел и т. д. через культурное наследие служит не только передаче знаний, но и воспитанию любви и гордости за страну. Образовательный контент адаптирован под возрастные особенности и представлен через различные форматы: уроки ведут герои игр и персонажи манхвы. Культурное наследие интегрировано в учебную программу и доведено до школьников различного возраста. Программы дополняются иммерсионным контентом - VR и AR - и рассчитаны на детей, взрослых, молодежь, семьи. Информация об анонсах размещается на сайте США, но программы реализуются в сетях культурных учреждений и онлайн.

Наследие интегрировано в школьные учебники: для начальной школы - природа, Панлсори, гробницы, танцы; для средней - живопись, фольклор, ремесла. Контент адаптирован для возраста, включает персонажей игр и манхвы, VR/AR. Цель - передача знаний и воспитание гордости. Анонсы на сайте США, реализация в учреждениях и онлайн.

С 2016 г. Корейский фонд культурного наследия реализует программу «Опыт работы молодежи» для карьерного роста в сфере культурного наследия.

В 1999 г. создана VANK (Voluntary Agency Network of Korea) - государственная онлайн-сеть добровольцев с более 120 000 членов в Корее и 30 000 за рубежом. Преимущественно молодые люди, школьники и студенты, называемые «кибердипломатами». Она проводит образовательные программы по дипломатии и межкультурному взаимодействию: «Глобальный посол», «Стратег дипломатии глобальной истории», подготовку PR-амбассадоров. Программы включают создание рекламных роликов о Корее и проходят в школах и вузах. Миссия - повысить международный престиж страны и активизировать роль молодежи в мировом сообществе.

С 2021 г. США сотрудничает с VANK для распространения корейской культуры и истории за рубежом. Совместная программа ориентирована на иностранцев в Корее и местных студентов, готова «послов» для представления наследия. Всемирный фестиваль молодежи 2024 в России рассматривается как пример глобальной межнациональной дипломатии. На основе опыта предлагается развивать «молодежную дипломатию» в кибердипломатию. [4].

Структура Министерства культуры, спорта и туризма неоднократно реформировалась. С 2008 г. действует

полифункциональная структура, включающая охрану наследия, спорт и туризм. Особо выделяется отдел политики культурных индустрий с подразделениями: кино и видеоконтента, компьютерных игр, популярной культуры и Халлю. Это отражает стремление к лидерству на международном культурном рынке через адаптацию структуры к актуальным задачам.

«Хан» — уникальное корейское понятие, которое нельзя дословно перевести на другие языки. Чтобы понять энергию, способствующую процветанию страны, необходимо вникнуть в его суть. Журналистка сравнивает «хан» с концепцией расовой памяти Карла Юнга: коллективный опыт предков, закодированный в ДНК или подсознании. Неврозы нынешнего поколения часто связаны со страданиями прошлого. «Хан» может привести к смерти; болезнь «хвабен» (от гнева) - реальное расстройство, диагностируемое как культурно-специфическое в DSM. Некоторые корейцы приписывают успех страны именно «хан», видя в нём мотивацию превзойти Японию, как ответ на колониальное прошлое.

В 1980-е Азия ориентировалась на Японию как экономического лидера, но к 1990-м Samsung, вдохновившись Sony, провела ребрендинг и вышла из производства автомобилей. Азиатский кризис 1997 года сильно ударил по Южной Корее, стимулировав развитие IT, поп-культуры, дорам и кино как ключевых сфер роста, хотя страна могла сосредоточиться на мобильных телефонах и полупроводниках.

Государство создало благоприятные условия для творцов, сочетая искусство с прибылью. Бюро культурного контента стало центром «мягкой силы» с филиалами по бюджету: один выделяет свыше 50 млн долларов на проекты, другой - инвестиционный фонд для коммерческих доходов. Специализированные подразделения для музеев, оперы и балета вывели Корею в лидеры поп-культуры.

Подготовка звезд основана на строгих контрактах (7-13 лет), соответствующих «правилу 10 тысяч часов» Гладуэлла [5, С. 120], с обучением с детства. Низкий резерв талантов требует мер для глобальной конкурентоспособности.

Шествие корейской культуры по миру началось с дорам, требовавших анализа аудитории и ребрендинга. Во время холодной войны США лидировали на Западе, способствуя распространению американской культуры, но корейцы увлекались американскими сериалами не только из-за политики. До 1990-х корейские драмы страдали низким качеством: провинциальные сюжеты, скучная

графика, созданные силами телевизионных сетей с группами сценаристов и продюсеров.

Политики инициировали реформы: Закон об инвестиционном вещании 1990 г. обязал каналы покупать процент программ у независимых продюсеров [6, С. 121]. Дорамы отошли от традиционных американских формул, выразив внутренний «хан» и культурное понимание любви. Любовь как эмоциональная универсалия остается актуальной, представленной в литературе, музыке, живописи и кинематографе [7, С. 17].

Южная Корея стремится стать ведущим мировым экспортером популярной культуры, используя это для укрепления «мягкой силы» и расширения влияния в Азии и глобально.

К-Поп развивается десятилетиями и оказывает значительное воздействие на Азию с 1999 года. Проходя через четыре поколения, он способствовал росту экономики страны. Распространение К-Поп за рубежом происходит через «корейскую волну» (Hallyu) - глобальный подъем южнокорейской культуры, сочетающий восточные и западные элементы для успешного сбыта в капиталистической системе.

Успех жанра на западном рынке обусловлен строгим производственным процессом, создающим гибрид корейских и вестернизированных черт с универсальной привлекательностью. К-Поп выделяется поддержкой традиционных ценностей и строгим имиджем айдолов, которые должны вести себя благопристойно, избегая вульгарности и прямых взаимодействий между полами. Женщины-айдолы выглядят гламурно и провокационно, но менее вызывающе, чем западные звезды.

Идеалы красоты в К-Поп подвержены капиталистическим трендам: айдолы часто прибегают к косметической хирургии (например, операции на веках) и средствам для отбеливания кожи или окрашивания волос, чтобы соответствовать международным стандартам, сохраняя при этом азиатские черты как маркер «иностранности». Этот тщательно контролируемый образ помогает избегать скандалов и позиционирует айдолов как послов государства.

К-Поп занимает уникальную нишу на рынке, сочетая глобализацию и расовую идентичность, интегрируя западные мотивы для расширения аудитории. Согласно Корейскому фонду международного культурного обмена (KOFICE), страны конкурируют в культурных индустриях для экономического

возрождения и глобального выхода. Благодаря цифровому маркетингу и культурному гибриду К-Поп стал транснациональным феноменом менее чем за 25 лет, привлекая некорейских айдолов из Японии, Китая, Тайваня, Таиланда и США [8, с. 55; 11; 12].

Сокращенная версия: Южная Корея экспортирует популярную культуру для «мягкой силы». К-Поп, эволюционируя с 1999 г., способствует экономике через Халлю - синтез Востока и Запада. Успех в гибриде корейского и западного, строгом имидже айдолов (традиционные ценности, вестернизация внешности) и цифровом маркетинге. К-Поп занимает нишу, привлекая глобальную аудиторию и некорейских исполнителей [8, с. 55].

С момента, когда К-поп завоевал популярность в западных странах, экономика Южной Кореи переживает подъем. Значительная часть аудитории приходится на жителей Запада, поэтому значительные прибыли зависят от этих рынков. В итоге компании развлекательной индустрии К-поп все больше фокусируются на западных странах, адаптируя песни под них. Многие треки, звучащие сегодня в США, полностью на английском языке, что лишает К-поп его культурной самобытности.

До 1960-х годов Южная Корея была преимущественно аграрной развивающейся страной с низким уровнем развития, и ее ВВП, согласно данным Всемирного банка, в 1960 году равнялся всего 3,985 миллиарда долларов. Это резко отличается от современной Южной Кореи, которая в 2021 году заняла 11-е место в мировом рейтинге по объему ВВП, достигнув 1,74 триллиона долларов. Хотя этому росту способствовали разнообразные факторы, включая технологии и инновации, К-поп сыграл ключевую роль в трансформации экономики страны. За 30 лет не только возросла известность музыкальных групп, но и укрепилась экономика Южной Кореи. Согласно официальным оценкам, К-поп ежегодно приносит стране около 10 миллиардов долларов. Одна из наиболее успешных групп, продолжающая набирать популярность, - это BTS [9]. В 2018 году Исследовательский институт Hyundai (HRI) сообщил, что вклад BTS в южнокорейский ВВП составляет примерно 3,54 миллиарда долларов. В последние годы эта цифра еще увеличилась.

Благодаря коллективам вроде BTS «К-поп» получил мировую известность, хотя около 30 лет назад ситуация была иной. Хиты «Gangnam Style» от Psy и BTS привлекли внимание к жанру, и все больше людей стали узнавать о К-поп. «Современный К-поп»

берет начало в 1989 году, когда Ли Су Ман основал SM Entertainment, которая впоследствии стала одной из крупнейших развлекательных компаний в Южной Корее. В 1997 году Пак Чжин Янг создал JYP Entertainment, а в 1998 году Ян Хен Сук - YG Entertainment. Эти три компании известны как «Большая тройка» в Южной Корее благодаря их глобальной популярности и финансовому успеху; в 2018 году доходы SM Entertainment составили 532 миллиона долларов, YG Entertainment — 248 миллионов долларов, а JYP Entertainment - 109 миллионов долларов.

Инновации в культурной политике Республики Корея трансформируют традиционное наследие в динамичный элемент современной культуры, привлекая внимание внутри страны и за рубежом через мониторинг, гибкость и эксперименты. Поддержание роста Халлю (корейской волны) усложняется из-за утраты новизны, хотя правительство активно использует механизмы для долгосрочного интереса к поп-культуре. Дорамы как «мягкая сила» пропагандируют корейские ценности и образы, влияя на моду и косметическую индустрию: стандарты красоты (бледная кожа, ухоженность) стимулируют бум K-beauty, где знаменитости продвигают продукцию, монетизируя глобальный интерес и укрепляя экономику. Халлю уникальна благодаря маркетингу, качеству и разнообразию, отличаясь от других азиатских культур западным влиянием и привлекая молодежь по всему миру.

В заключение, культурные реформы Южной Кореи успешно преобразуют историческое достояние в живую часть глобального культурного ландшафта, привлекая мировое внимание благодаря адаптивности и новаторству. Несмотря на риски потери актуальности, корейская волна (Халлю) поддерживается государственными инициативами, направленными на сохранение устойчивого энтузиазма вокруг поп-культуры. Телесериалы выступают мощным инструментом мягкой силы, продвигая корейские идеалы и эстетику, что отражается в модных тенденциях и косметике: идеалы красоты, включающие светлую кожу и ухоженность, подпитывают успех индустрии K-beauty, где звезды способствуют коммерциализации и укреплению экономики. Халлю выделяется своим маркетингом, качеством и разнообразием, сочетая азиатские корни с западными элементами и завоевывая сердца молодежи планеты.

Список использованной литературы:

1. Курепина, Е.О. (2021) Корейская волна в культурной политике Республики Корея (1963–2013 гг.) // Общество: философия, история, культура. №6. С. 154–159.
2. Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея. https://english.html/HtmlPage.do?pg=h/aboutCha/OrganizationalChart.jsp&mn=EN_04_05 (дата обращения: 07.03.2024).
3. Маркова, В.М. (1999) Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. Владивосток. <https://cheonilguk.ru/Koreyskiy/yazyk/hangeul/O/Koree/hangug/ju/byeonyi/yaggan?ysclid=lwz9hskhwh493116278> (дата обращения: 27.01.2024).
4. VANK. [http://vank.prkorea.com/?page\(prkorea.com\)_id=4982rkorea.com](http://vank.prkorea.com/?page(prkorea.com)_id=4982rkorea.com)
5. Хонг, Юни. Корейская волна. Как маленькая страна покорила весь мир. М: 2021. 256 с.
6. Ким, Хак Сун. Культурная политика Кореи. М. 2020. 193 с.
7. Варибрус, С.А. Актуализация феномена «любовь» в сетевом дискурсе // Студен. Электрон. Журнал «СтРИЖ». 2022. № 4. С. 17-20. <http://strizh-vspu.ru/avtor/1060.pdf> (дата обращения).
8. Lee, W. Diversity of K-Pop: A Focus on Race, Language, and Musical Genre / W. Lee. – Текст: электронный // Bowling Green, KY: <https://scholarworks.bgsu.edu/rbc/2018conference/005/6/> (дата обращения: 17 декабря)
9. Wandering, S. The «BTS Effect» on South Korea's Economy, Industry and Culture / S. Wandering. – Текст: непосредственный. (дата обращения: 17 декабря)

LOANWORDS AND LANGUAGE INFLUENCE: ENGLISH BORROWINGS IN MODERN GEORGIAN AND KOREAN

Mariam Shioshvili
Ilia State University, 4th year
Tbilisi, Georgia

Advisor: Tamta Abuladze (ISU)

Abstract: This sociolinguistic study examines the use and adaptation of English loanwords in Georgian and Korean, with a focus on their linguistic forms and sociolinguistic significance. English has become a significant source of lexical borrowing in media, technology, and youth communication since both South Korea and Georgia have seen rapid globalization. The most common English loanwords in both languages will be identified, their phonological and morphological adaptation patterns will be examined, and speakers' opinions towards their use will be researched. The study contrasts information gathered from academic sources, online media, and commercials using qualitative desk research. According to the investigation, both Koreans and Georgians use English terminology to represent current concepts and worldwide trends, frequently changing pronunciation and structure to match up to native linguistic systems. Social perceptions of these borrowings, however, vary: in Georgian, English terms are mainly associated with youth culture and online interaction, while in Korean, they frequently represent prestige and globalization. The study comes to the conclusion that English loanwords function as cultural markers that represent identity, modernization, and the influence of international communication on local languages, as well as acting as linguistic borrowings in both settings.

Keywords: Borrowings, Georgian, Korean, modernization, modern changes, loanwords

제목: 외래어와 언어의 영향: 현대 조지아어와 한국어에서의 영어 차용

저자: 마리암 시오시빌리, 일리아 국립대학교 4 학년, 트빌리시, 조지아

지도교수: 탐타 아불라제, 일리아 국립대학교

개요: 이 사회언어학적 연구는 조지아어와 한국어에서 사용되는 영어 차용어를 그 언어학적 형태와 사회언어학적 중요성에 초점을 맞추어 조사한다. 대한민국과 조지아 모두 급속한 세계화를 경험하면서, 영어는 미디어, 기술, 그리고 청소년 소통에서 어휘 차용의 중요한 원천이 되었다. 본 연구는 두 언어에서 가장 흔한 영어 차용어를 식별하고, 그들의 음운론적 및 형태론적 적응 패턴을 검토하며, 차용어 사용에 대한 화자들의 인식을 조사

할 것이다. 이 연구는 질적 문헌 연구를 사용하여 학술 자료, 온라인 미디어, 그리고 광고에서 수집된 정보를 대조한다. 조사에 따르면, 한국인과 조지아인 모두 현대적인 개념과 세계적인 트렌드를 나타내기 위해 영어 용어를 사용하며, 종종 자국어의 언어 체계에 맞추기 위해 발음과 구조를 변경한다. 하지만 이러한 차용어에 대한 사회적 인식은 다르다. 조지아어에서 영어 용어는 주로 청소년 문화 및 온라인 상호작용과 관련이 있는 반면, 한국어에서는 종종 위신과 세계화를 나타낸다. 본 연구는 영어 차용어가 두 환경 모두에서 단순한 언어적 차용 역할을 넘어, 정체성, 현대화, 그리고 지역 언어에 미치는 국제 소통의 영향을 나타내는 문화적 표지로 기능한다는 결론을 내린다.

주제어: 차용어, 조지아어, 한국어, 현대화, 현대 변화, 외래어

Introduction:

It has long been known that language contact plays a significant role in linguistic change, especially in the area of vocabulary. English serves as a universal language in the modern world and has grown to be one of the most important donor languages in a variety of linguistic contexts. Because of this, English loanwords are becoming more common in languages that are typologically and genetically different from English. Korean and Georgian are two examples of this. Both Korean, a language isolate with agglutinative morphology and a distinctive writing system, and Georgian, a Kartvelian language with a lengthy literary tradition and a highly developed inflectional system, struggle to incorporate English lexical material while preserving linguistic identity. This study aims to investigate how English loanwords enter the Georgian and Korean languages, how they behave once they do so, and how speakers assess their presence. The comparison is especially pertinent because, although both languages have experienced tremendous social and technological change in recent years, their historical exposure to English and institutional approaches to language planning are different. This work advances the fields of contact linguistics and sociolinguistics by fusing theoretical discussion with real-world examples and survey-based observations.

Theoretical Background:

Linguistic literature has addressed the idea of borrowing in great detail. According to Haugen (1950), borrowing is the replication of patterns from one language into another, with a focus on how borrowed elements are modified to fit the recipient language's structural limitations.

Further research by Thomason and Kaufman (1988) demonstrated that borrowing is not merely a linguistic phenomenon, but is also closely tied to social factors such as dominance, modernity, development, prestige, and contact intensity. It is crucial to differentiate between loanwords, neologisms, and what are frequently called "barbarisms" in prescriptive discourse within this framework. Lexical items from a donor language that have entered a recipient language and undergone some level of phonological, morphological, or semantic integration are known as loanwords. Neologisms, on the other hand, are newly formed words or meanings that can emerge when borrowed forms become fully lexicalized or can be formed internally through derivation or compounding. Despite its historical popularity, the term "barbarism" is not a neutral linguistic category. Rather than an objective linguistic status, it is mainly used in contemporary linguistics to characterize negative attitudes toward foreign elements. Because of this, the term is only used in this study when talking about speaker perceptions and prescriptive ideologies.

English Loanwords in Korean and Georgian languages: The Entry Points:

The main ways that English loanwords get into Korean and Georgian are through globalization. Digital technologies, the internet, and mass media are important because many new ideas come from English-speaking contexts. Before native equivalents can be standardized, English terminology is introduced through social media platforms, software interfaces, and online communication. In both languages, terms like "like," "story," "content," and "deadline" serve as examples of this process. Following the fall of the Soviet Union, Georgia reoriented itself politically, economically, and culturally toward the West, which increased the flow of English loanwords into the country. English came to be linked to global integration, professional success, and modernization. As a result, English borrowings are especially prevalent in fields like marketing, education, youth culture, and information technology. The terms "like," "startup," and "management" are a few examples. Many of these borrowings, as Kirvalidze (2017) points out, are found in public discourse because their Georgian equivalents either did not exist at the time of the borrowing or were thought to be less prestigious or useful. The historical trajectory of Korean borrowing from English is distinct. Because of the American military and cultural presence in South Korea after 1945, English influence grew considerably.

English became ingrained in popular culture and the educational system over time. English or English-based expressions are widely used in modern Korean media, advertising, and entertainment to communicate global appeal and modernity. Words like "stress," "file," and "app" are now widely used in everyday Korean speech. In contrast to Georgian, where English influence is relatively new, Korean has been continuously exposed to English for several decades, leading to a more extensive and stable vocabulary derived from English. English loanwords are systematically modified to fit the phonological and morphological systems of the recipient languages once they are introduced into Georgian and Korean. This modification shows that borrowing is an active process rather than a passive one. English loanwords are modified in Georgian to conform to the phonotactic structure of the language, usually by inserting vowels and adding a final vowel, usually -ო [i], which enables the word to function as a noun in the Georgian grammatical system. For example, "stress" becomes სტრესი [st'resi], and "club" becomes კლუბი [k'lubi]. These forms can then take Georgian case endings and plural markers, as in ლაიკები [laikibi] (likes) or ლაიკის [laikis] (of a like). Georgian also frequently derives verbs from loanwords using native verbal morphology, as in დალაიკება [dalaikeba] ("to like"). The limitations of Hangeul syllable structure, which favors consonant-vowel patterns, are taken into consideration when adapting Korean loanwords. Because of this, vowel epenthesis is frequently used, as in the words "stress" and "ice cream." Loanwords readily accept Korean grammatical particles and can be verbalized using the auxiliary verb 하다, producing forms such as 다운로드하다 ("to download") or 체크하다 ("to check"). Corpus-based research by Oh and Son (2023) confirms that such adaptation patterns are highly regular and productive. Beyond formal integration, loanwords often undergo semantic change. In Korean, the word 서비스 (service) commonly refers to a free extra item provided by a business, a meaning that differs significantly from standard English usage. Similarly, 핸드폰 (hand-phone) denotes a mobile phone, even though the English expression itself is non-standard. In Georgian, words like პრესტიჟული [p'rest'izhuli] (prestigious) are used in a broadened sense to describe something fashionable or desirable, rather than strictly high-status.

Sociolinguistic Attitudes and Survey Findings

A crucial component of their sociolinguistic profile is their attitudes regarding English loanwords. The author conducted an exploratory survey and presented the results in a PowerPoint format to investigate these attitudes. The frequency of use, perceived utility, and acceptability of English loanwords in various contexts were the main topics of the survey, which included respondents from Georgia and Korea. The results are not statistically representative due to the small sample size, but they provide insightful qualitative information. The majority of respondents in both groups, especially in casual speech and digital communication, use English loanwords at least occasionally, according to the survey. Greater acceptance of borrowings was generally correlated with higher English proficiency. However, Georgian respondents were more skeptical of the use of English loanwords in formal and official settings, often considering them superfluous or improper. As also mentioned by Rüdiger (2018), Korean respondents tended to take a more neutral or positive stance, reflecting the higher status of English in Korean society. These results imply that although English loanwords are common in both languages, people's perceptions of them vary. While purist voices are present, pragmatic acceptance and stylistic usage are more prevalent in Korean discourse, while concerns about language purity and preservation are more prevalent in Georgian discourse, than in Korean language.

Comparative Analysis:

The comparison of Korean and Georgian reveals important distinctions as well as commonalities. English loanwords enter both languages mainly through international communication and technological advancement, and they are systematically adapted in both situations. But their long-term integration and reception are shaped by the sociolinguistic context. Due to extensive exposure to English and its use in popular culture and education, Korean exhibits a greater level of institutional tolerance toward loanwords. In contrast, Georgian is more susceptible to English influence, especially in formal registers where native alternatives are frequently favored or actively encouraged. These variations highlight how crucial historical context and language ideology are in determining borrowing outcomes.

Survey Results and Comparative Analysis of Attitudes

The exploratory survey conducted for this study reveals notable similarities and differences in Georgian and Korean speakers' attitudes

toward English loanwords. Among Georgian respondents, a clear majority expressed awareness of the growing presence of English-derived vocabulary in everyday Georgian. While many participants acknowledged the practical usefulness of loanwords, particularly in digital communication and professional contexts, a substantial portion voiced concern about their overuse, especially in formal and official registers. Georgian respondents tended to associate excessive borrowing with potential threats to linguistic authenticity and expressed a preference for Georgian equivalents when such alternatives are available. This tendency reflects a broader purist orientation frequently observed in Georgian linguistic discourse (Kirvalidze 2017). In contrast, Korean respondents demonstrated a more neutral to positive overall attitude toward English loanwords. Most participants reported frequent or occasional use of English-derived terms in daily communication and showed less resistance to their appearance in both informal and semi-formal contexts. English borrowings were commonly perceived as natural elements of modern Korean, particularly in technology, media, and popular culture. Unlike Georgian respondents, Korean participants were less likely to frame loanwords as endangering linguistic identity, a finding that aligns with previous studies highlighting the prestige of English in South Korean society (Rüdiger 2018). A comparison of the two groups suggests that while both Georgian and Korean speakers recognize the functional role of English loanwords, their evaluations differ in ideological emphasis. Georgian respondents display a stronger normative stance, drawing clearer boundaries between acceptable and unacceptable usage, whereas Korean respondents appear more pragmatic, focusing on communicative efficiency rather than linguistic purity. These contrasting attitudes indicate that the integration of English loanwords is shaped not only by structural linguistic factors but also by historically grounded language ideologies and sociocultural attitudes toward globalization. Given the limited sample size, these findings should be interpreted as indicative rather than representative. Nevertheless, the survey results support the broader analytical claim of this study: English loanwords in Georgian and Korean are embedded in distinct sociolinguistic environments, where acceptance and resistance are negotiated differently despite shared global influences.

In conclusion

This study has demonstrated that English loanwords in Korean and Georgian are structured linguistic phenomena influenced by

grammatical systems, social attitudes, and phonological restrictions rather than haphazard intrusions. Local linguistic norms and ideologies dictate how borrowings are modified, assessed, and eventually integrated, even though globalization creates the conditions for borrowing. Despite their typological differences, Georgian and Korean both show how languages can creatively incorporate foreign elements while maintaining internal coherence. The dynamics of English influence in these linguistic contexts would be further clarified by future research based on larger corpora and more thorough surveys.

Bibliography:

1. Haugen, Einar. 1950. "The Analysis of Linguistic Borrowing." *Language* 26 (2): 210–231.
2. Kirvalidze, Nino. 2017. "Linguo-cultural and Pragmatic Peculiarities of Anglicisms in Georgian." *Journal of Teaching and Education*.
3. Oh, Yoonjung, and Hyunjung Son. 2023. "Lexical Borrowing in Korean: A Diachronic Approach Based on a Corpus Analysis." *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*.
4. Rüdiger, Sofia. 2018. "Mixed Feelings: Attitudes towards English Loanwords and Their Use in South Korea." *Open Linguistics* 4 (1): 184–198.
5. Shioshvili, Mariam. 2025. *Loanwords and Language Influence: English Borrowings in Modern Georgian and Korean*. Survey data and PowerPoint presentation.
6. Thomason, Sarah G., and Terrence Kaufman. 1988. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley: University of California Press.
7. Neologisms // Iliani
<https://lexicography.iliauni.edu.ge/neologizmebi-thanamedrove-garthul-enashi/> [30.12.2025]
8. Barbarisms // <https://barbarisms.ge/whatis/> [30.12.2025]
9. Loanwords // Wikipedia
<https://www.nplg.gov.ge/wikidict/index.php/%E1%83%9C%E1%83%90%E1%83%A1%E1%83%94%E1%83%A1%E1%83%AE%E1%83%9D%E1%83%91%E1%83%90> [30.12.2025]

ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ СМИ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Цой Я., Смагулова С.
КазУМОиМЯ им. Абылай Хана, 4 курс
Алматы, Казахстан

Научный руководитель: Курманбекова В.А. (КазУМОиМЯ)

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию особенностей заголовков новостных текстов южнокорейских СМИ и их перевода на русский язык с целью выявления лексико-синтаксических, стилистических и прагматических характеристик, а также применяемых переводческих стратегий. Актуальность исследования определяется растущей ролью качественного перевода медиатекстов и в особенности заголовков как ключевого элемента публикации, вызывающего внимание и интерес аудитории. На основе сравнительно-сопоставительного исследования выявляются основные трудности перевода, лексические, грамматические и стилистические особенности оригинальных заголовков, а также наиболее эффективные приемы их адаптации. В статье подчеркивается особая значимость корректного перевода заголовка для сохранения информативности, эмоциональной окраски и привлекательности публикации в русскоязычном медиaprостранстве.

Ключевые слова: заголовок, новостной текст, южнокорейские СМИ, перевод, русский язык, лингвокультурные особенности, медиатекст, межъязыковая адаптация, коммуникативная функция

제목: 한국 언론 뉴스 제목의 특성과 러시아어 번역 전략 연구

발표자: 최 야나, 스마굴로바 사비나, 카자흐 아블라이 한국제관계 및 세계언어대 4 학년, 알마티, 카자흐스탄

지도교수: 쿠르만베코바 발렌티나, 아블라이한대학교

개요: 본 논문은 한국 언론 매체의 뉴스 제목과 이를 러시아어로 번역하는 과정에서 나타나는 어휘·통사·문체적·화용적 특징과 번역 전략을 연구하는 데 목적이 있다. 연구의 필요성은 미디어 텍스트와 제목의 정확한 번역이 점점 중요해지고 있다는 점에서 비롯되며, 제목은 독자의 관심과 흥미를 유발하는 핵심 요소로 작용한다. 비교·대조적 연구를 통해 번역 과정에서 나타나는 주요 어려움과 원문의 어휘적·문법적·문체적 특징, 그리고 효과적인 적응 기법을 밝혀낸다. 본 논문은 러시아어권 미디어 환경에서 기사 제목의 정보성, 감정적 뉘앙스, 매력도를 유지하기 위해 올바른 번역이 중요함을 강조한다.

주제어: 제목, 뉴스 텍스트, 한국 언론 매체, 번역, 러시아어, 언어·문화적 특성, 미디어 텍스트, 언어 간 적응, 의사소통 기능

Введение. В условиях глобализации медиaprостранства и интенсификации межкультурной коммуникации возрастает значимость качественного перевода новостных текстов, обеспечивающего адекватную передачу информации между различными языковыми и культурными сообществами. Особое место в структуре медиатекста занимает заголовок как ключевой элемент, определяющий первичное восприятие новости и во многом формирующий интерес аудитории к публикуемому материалу. В цифровую эпоху заголовок функционирует в условиях высокой конкуренции информационных потоков, нередко выступая самостоятельной коммуникативной единицей, что значительно повышает требования к его информативной, прагматической и аттрактивной эффективности. В этой связи исследование особенностей заголовков новостных текстов и специфики их перевода приобретает особую актуальность.

Проблема перевода заголовков медиатекстов неоднократно становилась предметом научных исследований в рамках лингвистики, переводоведения и медиалингвистики. В научных работах рассматриваются функциональные характеристики заголовков, их стилистические особенности, а также общие принципы перевода медиатекстов. Вместе с тем перевод заголовков новостных текстов с корейского языка на русский остается недостаточно изученным, особенно в аспекте системного анализа переводческих решений с учетом лингвокультурной специфики южнокорейских СМИ. Недостаточная разработанность данной проблематики обуславливает необходимость дальнейших исследований, направленных на выявление типологических особенностей заголовков и эффективных стратегий их межъязыковой адаптации.

Целью настоящей статьи является выявление лексико-синтаксических, стилистических и прагматических особенностей заголовков новостных текстов южнокорейских средств массовой информации, а также анализ переводческих стратегий и трансформаций, применяемых при их передаче на русский язык. Для достижения поставленной цели в статье предполагается решение следующих задач: определить функциональную специфику заголовка как элемента медиатекста; охарактеризовать лексико-синтаксические и стилистические особенности заголовков новостных текстов; выявить лингвокультурные факторы, влияющие на формирование заголовков в южнокорейских СМИ;

проанализировать основные трудности перевода заголовков с корейского языка на русский; систематизировать переводческие трансформации, используемые при переводе заголовков, на основе классификации В. Н. Комиссарова.

Объектом исследования являются заголовки новостных текстов южнокорейских средств массовой информации. Предметом исследования выступают особенности их перевода на русский язык с точки зрения лексических, грамматических, стилистических и прагматических трансформаций.

Материалом исследования послужили заголовки новостных публикаций ведущих южнокорейских онлайн-СМИ и информационных порталов, а также их официальные и авторские переводы на русский язык. В ходе исследования применялись сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий выявить сходства и различия между оригинальными и переводными заголовками; лингвостилистический анализ, направленный на изучение языковых и выразительных средств; а также прагматический анализ, учитывающий коммуникативную направленность заголовков и особенности их воздействия на русскоязычную аудиторию.

1. Теоретические основы изучения заголовка новостного текста

1.1. Заголовок как структурный и коммуникативный элемент медиатекста

В современной лингвистике и медиалингвистике заголовок рассматривается как самостоятельный структурный компонент медиатекста, обладающий собственной семантической, прагматической и стилистической организацией. В широком смысле заголовок определяется как вербально оформленный элемент текста, предшествующий основному сообщению и выполняющий функцию первичного представления информации адресату. В рамках медиалингвистического подхода заголовок трактуется не только как часть текстовой структуры, но и как ключевой инструмент медиакоммуникации, ориентированный на массового адресата и функционирующий в условиях высокой конкуренции информационных потоков.

Заголовок новостного текста отличается высокой степенью автономности: он способен восприниматься как законченная коммуникативная единица, нередко функционирующая независимо от основного текста (например, в лентах новостей, push-

уведомлениях, поисковой выдаче). В этой связи заголовок приобретает статус «текста в тексте», что существенно повышает требования к его информативной ёмкости и прагматической эффективности.

В научной литературе традиционно выделяются три базовые функции заголовка [1, 3 с]. **Информативная функция** заключается в передаче ключевых фактов сообщения в максимально сжатой форме. Заголовок должен обозначить событие, участников, временные и пространственные параметры, не перегружая при этом адресата избыточными деталями. **Прагматическая функция** направлена на формирование определённой интерпретации события, актуализацию значимости новости и задание вектора восприятия текста. **Аттрактивная функция** связана с привлечением внимания аудитории и стимулированием читательского интереса; в условиях цифровых СМИ именно эта функция часто выходит на первый план.

Специфика заголовков новостных текстов проявляется в их ориентации на оперативность, фактологичность и общественную значимость информации. В отличие от заголовков публицистических или аналитических жанров, новостные заголовки, как правило, избегают развернутой образности, однако активно используют средства языковой компрессии и прагматического воздействия.

1.2. Лексико-синтаксические и стилистические особенности заголовков новостных текстов

Лексический уровень заголовков новостных текстов характеризуется сочетанием нейтральной общественно-политической лексики с элементами оценочности и экспрессии. Оценочная лексика используется дозированно, чаще всего в имплицитной форме, что позволяет сохранить видимость объективности при одновременном формировании нужного прагматического эффекта. Экспрессивность заголовков достигается за счёт метафоризации, использования разговорных элементов, цитатных конструкций и числовых показателей, усиливающих эффект конкретности и значимости сообщения [2, 3с].

Одной из ключевых характеристик заголовков является **лаконичность**, обусловленная необходимостью передачи максимального объёма информации минимальными языковыми средствами. Это приводит к активному использованию аббревиатур, усечённых форм, эллиптических конструкций и номинативных

сочетаний. Подобная компрессия информации нередко создаёт дополнительные трудности при переводе, особенно при переходе между языками с различной грамматической структурой.

Синтаксические модели заголовков новостных текстов отличаются разнообразием, однако наиболее распространёнными являются номинативные конструкции, бесказуемые предложения, а также структуры с пропущенными второстепенными членами предложения. Для новостных заголовков характерно нарушение канонического порядка слов, что обусловлено прагматическими задачами акцентирования ключевых компонентов сообщения.

Стилистически заголовки новостных текстов тяготеют к нейтрально-официальному регистру, однако в зависимости от жанра и целевой аудитории могут включать элементы разговорного стиля, иронии или экспрессивной оценки. В цифровых СМИ наблюдается тенденция к усилению аттрактивной функции заголовка за счёт стилистических приёмов, что особенно важно учитывать при переводе.

1.3. Лингвокультурная специфика заголовков южнокорейских СМИ

Заголовки южнокорейских средств массовой информации формируются под влиянием национально-культурных, исторических и социально-политических факторов. Корейский медиадискурс отражает конфуцианскую традицию иерархичности, коллективной ответственности и высокой значимости государства, что находит выражение в частотности официальной лексики, акценте на институциональных акторах и осторожности в выражении прямой критики.

Лингвокультурная специфика заголовков южнокорейских СМИ проявляется также в предпочтении косвенных способов оценки и имплицитной прагматики. Вместо прямых оценочных суждений часто используются контекстуальные маркеры, цитирование официальных лиц или статистические данные, позволяющие читателю самостоятельно сформировать вывод. Подобная стратегия усиливает доверие к информации, но одновременно усложняет перевод, требуя от переводчика глубокого понимания культурных и прагматических коннотаций.

Прагматическая направленность заголовков в южнокорейских СМИ ориентирована на информирование и мобилизацию общественного внимания, при этом важную роль

играет баланс между официальнойностью и доступностью. Заголовки часто строятся таким образом, чтобы подчеркнуть значимость события для национальных интересов, экономического развития или международного имиджа страны.

Особенности коммуникативного воздействия на аудиторию проявляются в активном использовании числовых показателей, временных маркеров, а также в стратегиях фокусирования внимания на позитивных или проблемных аспектах события. Для русскоязычного адресата такие заголовки нередко требуют прагматической адаптации, поскольку способы воздействия, эффективные в корейском медиапространстве, не всегда совпадают с ожиданиями и нормами русскоязычной аудитории.

2. Перевод заголовков южнокорейских СМИ на русский язык

2.1. Характеристика материала исследования

Материалом настоящего исследования послужили заголовки новостных публикаций, размещённые на официальном электронном новостном портале Республики Корея Korea.net, а также их официальные русскоязычные версии, опубликованные на данном сайте. Указанные источники являются авторитетными и репрезентативными для анализа современного южнокорейского медиадискурса, поскольку формируют повестку дня как внутри страны, так и на международной арене.

Тематическая направленность отобранных заголовков охватывает ключевые сферы общественно-политической и социально-экономической жизни Республики Корея: международные отношения, государственную политику, экономическое развитие, инновационные технологии, социальную защиту мигрантов, демократические ценности, а также транспорт и инфраструктуру. Такое тематическое разнообразие позволяет выявить универсальные и специфические особенности перевода заголовков различных типов новостных сообщений.

Отбор примеров осуществлялся на основе следующих критериев:

1. актуальность новостного события;
2. наличие официального или условно-официального русскоязычного перевода;
3. выраженная структурная и стилистическая специфика корейского заголовка;

4. использование типичных для корейских СМИ средств компрессии информации (эллипсис, номинативные конструкции, цитирование, числовые показатели).

В настоящем исследовании в качестве теоретико-методологической основы анализа переводческих решений используется классификация переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова. Выбор именно данной системы обусловлен рядом научно и методологически значимых факторов.

Прежде всего, концепция В. Н. Комиссарова представляет собой одну из наиболее разработанных и признанных в отечественном переводе моделей описания переводческого процесса. Она отличается системностью и охватывает широкий спектр переводческих трансформаций, включая лексические, грамматические, синтаксические и прагматические преобразования, что позволяет всесторонне анализировать перевод медиатекстов и, в частности, заголовков новостных сообщений.

2.2. Основные трудности перевода заголовков с корейского языка на русский

Одной из ключевых проблем перевода заголовков с корейского языка на русский являются лексические трудности, связанные с различиями в системе номинации, частотностью аббревиатур и институциональных наименований. Так, в заголовке *한중, 상업장관 회의 정례회...기술혁신·환경 등 MOU 14 건 체결* [3] используется аббревиатура *MOU*, широко распространённая в корейском медиадискурсе и не требующая пояснения для национального адресата. В русском переводе - «*Республика Корея и Китай подписали 14 меморандумов о взаимопонимании*» [3] - наблюдается экспликация и конкретизация, направленные на устранение возможной коммуникативной неоднозначности.

Грамматические и синтаксические расхождения обусловлены аналитическим характером корейского языка и его склонностью к номинативным, бесказуемым конструкциям. Например, в заголовке *과기정통부, "올해 AI 예산 10 조 원 투입"*[4]. глагольная семантика сведена к минимуму, тогда как в русском варианте - «*Правительство Республики Корея выделит 10 трлн вон на развитие ИИ*» [4] - используется развернутая предикативная структура, что связано с грамматической заменой, заменой типа предложения и добавлением.

Особую сложность представляет передача прагматического и эмоционального компонента. В корейских заголовках

экспрессивность часто реализуется имплицитно, через метафорические или оценочные элементы, как, например, в *한국, 'AI G3' 향한 국가 총력전 선포* [4], где метафора *총력전* («тотальная мобилизация») смягчается в русском переводе путем модуляции и прагматической адаптации, что позволяет сохранить нейтрально-официальный регистр.

2.3. Переводческие стратегии и приёмы передачи заголовков

Дословный перевод заголовков применяется ограниченно и, как правило, лишь в случаях высокой структурной и семантической совместимости языков. Однако даже при формальной эквивалентности дословный перевод часто оказывается прагматически неэффективным, что подтверждает необходимость адаптивных стратегий.

Адаптивный перевод широко используется при передаче заголовков, ориентированных на международную аудиторию. В заголовке *임금채불 피해 외국인 근로자 보호 강화* [5] русский вариант - «*Правительство Кореи усилит поддержку мигрантов с задолженностями по зарплате*» [5] - демонстрирует конкретизацию, замену части речи и перестройку структуры заголовка, обеспечивающие большую ясность для русскоязычного читателя.

Прагматическая адаптация и трансформации особенно значимы при переводе заголовков, насыщенных культурными или эмоционально окрашенными элементами. Так, в заголовке *한국 첨단 기술 현재와 미래 한눈에 •APEC 전시장 '복적복적'* [6] слово *복적복적* (звукоподражательная единица, передающая оживлённость) опускается в переводе «*АТЭС-2025 в Кёнджу: Новейшие технологии Кореи в одном месте*» [6] посредством опущения и компенсации, поскольку прямое воспроизведение экспрессии в русском официальном медиадискурсе было бы стилистически неуместным.

Компенсация и перестройка структуры заголовка активно применяются при переводе заголовков с высокой степенью синтаксической компрессии. В заголовке *'운전석 없는 자율주행버스' 창계천 달린다...23일부터 정식 운행* [7] наблюдается членение предложения и добавление временного маркера в русском варианте — «*В Сеуле появился беспилотный автобус без водительского сиденья и руля*» [7].

2.4. Анализ примеров перевода заголовков

Сопоставительный анализ оригинальных и переводных заголовков показывает, что в большинстве случаев переводчики стремятся сохранить информативное ядро заголовка, жертвуя при этом частью экспрессивности оригинала. Так, в заголовке *한국인 민주주의 성숙, 경제 성장보다 더 희망* [8] перевод «*Корейцы считают демократию важнее экономического процветания*» [8] демонстрирует модуляцию, замену формы слова и экспликацию, что позволяет сделать скрытую оценку явной для русскоязычного адресата.

Эффективность переводческих решений во многом обусловлена использованием комплекса трансформаций, а не их изолированного применения. В данном аспекте представляется уместным обратиться к положению В. Н. Комиссарова, согласно которому «*перевод представляет собой сложный процесс межъязыкового и межкультурного посредничества, в котором переводчик неизбежно прибегает к системе трансформаций для достижения функциональной эквивалентности*» [9, 15]. Данное положение используется в разделе 2.3 при обосновании необходимости комплексного применения переводческих трансформаций при передаче заголовков.

В целом анализ показывает, что официальные русскоязычные версии заголовков характеризуются высокой степенью прагматической адаптации, ориентацией на нормы русского медиадискурса и стремлением к коммуникативной ясности, что обеспечивает их функциональную эффективность в русскоязычном медиaprостранстве.

Заключение

В ходе настоящего исследования были выявлены и систематизированы основные лексико-синтаксические, стилистические и прагматические особенности заголовков новостных текстов южнокорейских средств массовой информации, а также проанализированы ключевые переводческие стратегии, применяемые при их передаче на русский язык. Установлено, что заголовки южнокорейских СМИ характеризуются высокой степенью языковой компрессии, преобладанием номинативных и эллиптических конструкций, активным использованием институциональной лексики и имплицитных оценочных элементов, что обусловлено как спецификой новостного жанра, так и лингвокультурными особенностями корейского медиадискурса.

Анализ переводных заголовков показал, что их адекватная передача на русский язык требует комплексного применения переводческих трансформаций, направленных не только на сохранение предметно-логического содержания, но и на воспроизведение прагматического потенциала оригинала. Наиболее продуктивными оказались такие трансформации, как конкретизация, модуляция, экспликация, грамматические замены, перестройка синтаксической структуры, добавление и опущение, что подтверждает целесообразность обращения к классификации переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова как эффективного инструмента анализа перевода медиатекстов.

Корректный перевод заголовков играет принципиально важную роль в процессе медиакommunikации, поскольку именно заголовок формирует первичное восприятие новостного сообщения, задаёт интерпретационную рамку и определяет уровень доверия аудитории к источнику информации. В условиях глобального медиaprостранства ошибки или неудачные переводческие решения в заголовках могут привести к искажению смысла, снижению коммуникативной эффективности и утрате прагматического воздействия, что особенно критично для официальных и международно ориентированных медиаресурсов.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования в переводческой практике при работе с новостными и медиатекстами, а также в образовательном процессе при подготовке специалистов в области перевода, медиалингвистики и межкультурной коммуникации. Выводы и примеры анализа могут быть использованы в учебных курсах по теории и практике перевода, а также при разработке методических рекомендаций по переводу заголовков новостных текстов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении корпуса анализируемых материалов за счёт включения заголовков из коммерческих и альтернативных южнокорейских СМИ, а также в сопоставительном изучении переводческих стратегий при передаче заголовков на другие языки. Кроме того, представляется перспективным исследование влияния цифровых форматов и алгоритмических механизмов распространения новостей на трансформацию заголовков и переводческие решения в современном медиадискурсе.

Список использованной литературы

1. Иноземцева Надежда Владимировна Функциональные особенности заголовков англоязычных газетных статей Вестник ОГУ. 2015. №11 (186). <https://cyberler.inka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-zagolovkov-angloyazychnyh-gazetnyh-statey> (дата обращения: 08.01.2026).
2. Федосова Светлана Александровна, Скуратова Дарья Романовна СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ // Вестник науки и образования. 2020. №25-2 (103). <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-osobennosti-zagolovkov-angloyazychnyh-smi> (дата обращения: 08.01.2026).
3. 김혜린. 한중, 상업장관 회의 정례화...기술혁신·환경 등 MOU 14 건 체결 // **Korea.net**. 2025. <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=285239> (дата обращения: 08.01.2026).
4. 테레시아 마가렛. 과기정통부, "올해 AI 예산 10 조 원 투입"... 한국, 'AI G3' 향한 국가 총력전 선포 // **russian.korea.net**. 2025. <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=285080&pageIndex=1> (дата обращения: 08.01.2026).
5. 아흐메트자노바 아이슬루. 임금채불 피해 외국인 근로자 보호 강화 // **russian.korea.net**. 2026. <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=284845&pageIndex=2> (дата обращения: 08.01.2026).
6. 한국 첨단 기술 현재와 미래 한눈에...APEC 전시장 '복적복적' // **russian.korea.net**. 2025. <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=284845&pageIndex=2> (дата обращения: 08.01.2026).
7. 유연경. '운전석 없는 자율주행버스' 청계천 달린다...23일부터 정식 운행 // **russian.korea.net**. 2025. <https://russian.korea.net/NewsFocus/Society/view?articleId=279687> (дата обращения: 08.01.2026).
8. 이다솜. 한국인 "민주주의 성숙, 경제 성장보다 더 희망" // **russian.korea.net**. 2025. <https://russian.korea.net/NewsFocus/Society/view?articleId=284658> (дата обращения: 08.01.2026).
9. Комиссаров В.Н. Перевод и языковое посредничество. М.: Высш. шк.. 1984.548 с.

КОРЕЙСКИЙ БУДДИЗМ: ОТ ПОЗДНЕГО ЧОСОНА ДО ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ

Волкова А.
ВВГУ, Владивосток, Россия

Научный руководитель: Ким А.А. (ВВГУ)

Аннотация: Буддизм занимает особое положение в духовной и культурной жизни современной Кореи, существенно влияя на социальные традиции, искусство и мировоззрение общества. Его эволюция в XVIII-XX веках представляет собой яркий пример взаимодействия индийско-китайских религиозных традиций с местными шаманскими и конфуцианскими элементами, что делает эту тему ценной для анализа. В период династии Чосон конфуцианские власти проводили целенаправленные кампании против буддийских институтов, закрывая городские обители и перераспределяя их имущество среди чиновников, что вынудило монахов уйти в горные районы и переориентироваться на локальные обряды. Пик политического давления пришелся на японскую оккупацию с 1910 по 1945 год, когда японцы реорганизовали корейские секты, стремясь стереть национальные черты через принудительную унификацию и верность императору. Изучение специфики развития буддизма позволяет разобраться в механизмах сохранения и трансформации религиозных практик под давлением политических перемен, колониализма и модернизации, особенно в эпоху глобальных культурных сдвигов

Методология исследования состоит из сравнительно-исторического метода и статистического наблюдения.

Ключевые слова: Корея, буддизм, Чосон, период японской оккупации, сынгха (승가), монашество

Title: Korean Buddhism: From Late Joseon to the Japanese Occupation

Authors: Volkova A.R., Kim A.A. Vladivostok State University, Department of International Relations and Public Administration. Vladivostok, Russia

Abstract: Buddhism occupies a special place in the spiritual and cultural life of modern Korea, significantly influencing social traditions, art, and the worldview of society. Its evolution from the 18th to the 20th centuries provides a striking example of the interaction of Indo-Chinese religious traditions with local shamanic and Confucian elements, making this topic valuable for analysis. During the Joseon Dynasty, Confucian authorities conducted targeted campaigns against Buddhist institutions, closing urban monasteries and redistributing their property among officials, forcing monks to retreat to mountainous regions and reorient themselves toward local rituals. The peak of

political pressure came during the Japanese occupation from 1910 to 1945, when the Japanese reorganized Korean sects, seeking to erase national characteristics through forced unification and loyalty to the emperor. After the division of the peninsula into the DPRK, Buddhism found itself under the total supervision of the regime, deprived of any autonomy. Studying the specific development of Buddhism allows us to understand the mechanisms of the preservation and transformation of religious practices under the pressure of political change, colonialism, and modernization, especially in an era of global cultural shifts. The research methodology consists of a comparative historical method and statistical observation.

Keywords: Korea, Buddhism, Joseon, Japanese occupation, seungha (승가), monasticism

Объектом исследования является буддизм в Корее в XVIII-XX веках с акцентом на его политическую историю – от преследований при Чосоне до роли в антиколониальном движении и послевоенной политике.

Цель работы – раскрыть специфику исторического развития буддизма в Корее с XVIII по XX век, оценить его роль в общественных трансформациях и проанализировать влияние на формирование национального культурного ландшафта. Для этого решаются задачи: изучение этапов упадка и возрождения буддизма под чосонским режимом, анализ его вклада в сопротивление японской оккупации

Исследование специфики развития буддизма в Корее в XVIII-XX веках обладает важным теоретическим значением.

Во-первых, оно освещает процессы локализации буддийских доктрин в конфуцианско-доминирующей среде, где в XVIII веке монашество столкнулось с государственными запретами, но сохранилось через народные практики и тайные общины.

Во-вторых, работа подчеркивает роль буддизма в консолидации национального духа: во время японской оккупации (1910–1945) храмы стали центрами антиколониального подполья, а монахи способствовали сохранению корейского языка и фольклора.

В-третьих, анализ демонстрирует, как буддизм эволюционировал в XX веке, адаптируясь к секуляризации и урбанизации, – от реформ под влиянием японского буддизма до поствоенного возрождения как фактора культурного единства.

Практическая ценность исследования специфики буддизма в Корее заключается в применении выводов для современных вызовов.

Во-первых, знания помогут оптимизировать культурный туризм и диалог с буддийскими общинами, учитывая роль храмов в сохранении наследия.

Во-вторых, корейский опыт послужит моделью для стран Азии в балансе традиций и модернизации, показывая, как буддизм стимулировал экологические инициативы и социальную помощь.

В-третьих, результаты актуальны для политики: понимание влияния буддизма на общественное мнение и мирные движения позволит прогнозировать реакции на глобальные кризисы и укреплять межконфессиональный баланс

Буддизм в эпоху позднего Чосона и Корейской Империи

Корейский буддизм насчитывает 1700-летнюю историю и был ввезен в период Трех королевств – Когурё, Пэкче и Силла. Культура значительно расцвела благодаря буддизму, и взгляды людей на жизнь были основаны на буддизме. Когда династия Чосон утвердила конфуцианство в качестве своей официальной доктрины, буддизм отошел на второй план, но глубоко укоренившись в местной культуре, он смог сохранить свою роль и передать богатые традиции своей веры. Вот почему, если мы попытаемся понять корейский исторический и культурный дух, мы обнаружим, что буддизм является фундаментальным компонентом, и он стал, наряду с конфуцианством, основной чертой формирования корейской идентичности как части более широкого азиатского сообщества [1].

Конфуцианство, буддизм и даосизм сосуществовали со времен Трех королевств. Вначале между ними не было каких-либо контрастных черт или попыток разделения и поэтому они гармонично сочетались. Более того, в определенном смысле и конфуцианская, и даосская школы признавали превосходство буддизма. Это утверждение явно подтверждается «Надписью на камне в горах Хвьянгсан в память мастера Чичжина» (회양산 지증대사비명), написанной Чхве Чхивоном¹ (최치원) (предположительная дата рожд. 857), которая гласит: «Конфуций полагался на гуманность и добродетель. Лао-цзы знал, что такое

¹ Чхве Чхивон- был одним из высших чиновников, известным ученым, аристократом из корейского средневекового королевства Силла, был известен своей перепиской с танским Китаем по многим внешним и внутренним вопросам.

белое, но берег черное. И приверженцы двух вероучений считали, что их религии являются примерами для подражания. Однако Будда порицал сравнение своих сил с другими» [2]. Если описывать династию Чосон (1392-1897) всего в нескольких словах, ее можно было бы охарактеризовать как период отказа от буддизма. Однако нельзя сказать, что все короли отреклись от этой веры.

Сам король Тхэджо (태조) (1392-1398), основатель Чосон, хоть и был приверженцем буддизма, осуждал многочисленные злоупотребления буддийской элиты, которые имели место при предыдущей династии. Он был склонен к сокращению числа буддийских сект и конфискации земельных владений. Однако, будучи основателем корейской правящей династии Ли, он оставил эту задачу незавершенной. Третий преемник, король Тхэджон (태종) (1400-1418), продолжил кампанию подавления буддизма. Король Тхэджон присоединился к конфуцианской элите, используя любую возможность для установления дружеских отношений с конфуцианскими учеными и поощряя создание школ. Государственный совет активно выступал против буддизма, аргументируя это тем, что храмы владели обширными земельными участками и рабами [3].

В результате к 1406 году во всей стране осталось только 242 храма, в то время как остальные, несмотря на их протесты, были разрушены [4]. Также сокращали и количество буддийских сект путем их объединения, о чем в 1504 г. пишет ученый-чиновник Сонгхён (성현) в своем сборнике эссе «Ёнчжэчхонхва» (용재총화): «Во время правления короля Тхэджона из династии Чосон двенадцать сект были реформированы, остались только две, а все храмовые земли были уничтожены, но традиции не были утрачены» [5]. Таким образом, из-за неоднократных изменений корейский буддизм, некогда столь широко распространенный, был сведен к минимуму, сохранив лишь свои самые основные черты. С тех пор в истории корейского буддизма началась новая глава, характеризующаяся запустением и многовековым хаосом.

Колоссальные изменения и запреты в корейском буддизме начались в 18 веке. В 1731 году во время правления короля Ёнджо (영조) (1724-1776) 7091 монах из провинции Кёнсан-Намдо были призваны в качестве помощников для строительства крепости Доннэбу (동래부). Храмы, понесшие потери из-за призыва монахов, пытались покрыть свои финансовые расходы за счет попрошайничества, сельского хозяйства, производства и продажи

дрожжей и помола риса. В 1749 году было предложено поручить монахам оборону трех хребтов вдоль реки Туманган (두만강): Чхаюрён (차유령), Мусаллён (무산령), Капхарён. В основном это было направлено на то, чтобы доверить оборону отдаленных районов монахам. Эту политику можно рассматривать как средство контроля за деятельностью буддийских монахов и их изгнания на окраины, тем самым сдерживая буддийскую общину, которая едва начинала процветать. В 1763 было запрещено вешать таблички с пожеланиями в буддийских залах. В 1770 году строительство храмов рядом с королевскими гробницами также было запрещено. В 1776 году в период правления короля Чонджо (정조) (1776-1800) на монахов были наложены дополнительные ограничения, касающиеся их запрета на пребывание в городах. Стали назначаться монахи-надзиратели над настоятелем каждого храма. Если назначались монахи-надзиратели, то в конечном итоге они становились представителями храмов, в результате падал авторитет настоятелей [6].

С точки зрения конфуцианства, все, что выходило за рамки конфуцианства, считалось ересью и отвергалось. В таких условиях сынгхе (승가), буддийской общине, едва удавалось выжить, поэтому они отказались от идеи поддержания отношений с обществом и людьми. Кроме того, когда это было возможно, они прятались далеко в горах и долинах, посвящая себя изучению доктрин и концентрируясь на совершенствовании ума. В начале XIX века храмы все-таки пользовались покровительством мирян различного социального положения и мотивации, чтобы выжить. Примечательно, что дамы из среднего класса и придворные дамы находили в буддийских монастырях свое место в обществе. Это привело к возрождению буддизма династии Чосон в XIX век [7].

Еще одним значимым событием в буддизме Чосона XIX века стало восстановление линии передачи наставлений бхикшу. Мастер Дэын Нанно (대은 낭오) (1780-1841) в начале XIX века возобновил полное посвящение и сформировал линию передачи наставлений. Попытки сынгхи Чосон восстановить линию передачи наставлений развивались на протяжении XIX века, часто реагируя на исторический и религиозный контекст. Особый метод мастера Дэына по восстановлению линий передачи наставлений послужил обоснованием для последующего появления новых линий [8].

Однако в начале правления короля Хонджона (헌종) (1834-1849) с Запада было привезено христианство, в то время как с

Востока во время правления Коджона (고종) (1897-1907) приезжали японские монахи, распространяя свою веру. Даже для конфуцианского общества эпохи Чосон не оставалось иного выбора, кроме как действовать в соответствии с изменениями и проводить новую политику.

С провозглашением Корейской империи в 1897 году было создано Административное бюро по делам храмов и монахов (사사관리서) для управления и надзора за корейским буддизмом. С основанием храма Вонхынса (원흥사) у горы Дэбопсан (대법산) в 1902 году он стал Великим буддийским храмом, поэтому остальные храмы по всей стране подчинялись ему, что ознаменовало начало новой буддийской системы. Главный административный храмовый комплекс в Сеуле управлял делами духовенства по всей стране, в то время как главный храмовый комплекс провинции, принадлежавший горе Чунбопсан (중법산), курировал дела духовенства на провинциальном уровне. В 1904 Административное бюро было упразднено. Теперь сами монахи продолжали самостоятельно управлять религиозными делами [9].

Японское влияние на буддизм колониальной Кореи

Самой неотложной задачей для корейских буддистов в колониальный период было устранение негативных последствий пятисотлетнего запустения при правлении ярлой конфуцианской династии Чосон (1392-1910). Длительное политическое угнетение эпохи Чосон истощило финансовые и людские ресурсы буддизма [10]. При династии Чосон буддизм пережил период изгнания, когда монахи прятались в отдаленных горах. Со временем различия сект начали стираться и буддийский орден остался без структуры. Не было центральной системы сынгхи, которая обеспечивала бы образование монахов и соблюдение монашеской дисциплины. Монахи существовали на задворках общества, не играя никакой роли в обществе. В результате преследований буддийский орден потерял свой социальный престиж и лидерство. Буддийские монахи оказались в одном из низших социальных слоев.

Чтобы воссоединиться с корейским народом и восстановить официальный статус буддизма в обществе как государственной религии, в колониальный период буддийские лидеры подчеркивали важность «современных» реформ и пытались сделать буддизм доступным для общественности [8]. Основными направлениями реформы были монашеское образование и методы пропаганды. В

монастырскую учебную программу стали включать светские предметы, чтобы буддийские монахи могли лучше ориентироваться в обществе. Сынхва также попыталась перенять модели общественной деятельности, используемые христианинами миссионерами, как средство развития чувства связи между Сынхвой, мирянами и обществом в целом.

Корейская сынхва попыталась внедрить современную систему образования для буддийских монахов в начале колониального правления. К 1915 году сынхва завершила создание современной трехступенчатой системы образования, включавшей начальные школы, местные подготовительные школы и центральную среднюю школу, которая служила высшим учебным заведением в Сеуле. Помимо посещения своих собственных буддийских школ, некоторые молодые монахи посещали государственные средние школы в Сеуле, а также зарубежные колледжи в других странах, главным образом в Японии.

Наряду с современным образованием, приобщение населения к вере было одной из основных задач реформации сынхвы. Чтобы сделать религию доступной для широкой публики, каждый монастырский округ открыл в местных деревнях и городах отделения для миссионерской деятельности «пхогёсо» (포교소). К концу 1924 года насчитывалось 72 пхогёсо, в том числе 72 монаха-проповедника и 200 000 мирян. В 1930 году насчитывалось 117 пхогёсо, в которых проживало 122 монаха [11].

Эти цифры свидетельствуют об усилиях буддистов по охвату более широких слоев общества. После реставрации Мэйдзи японские монахи получили возможность официально вступать в брак. Проводя реформы, корейские монахи быстро переняли эту практику браков из японского буддизма, чтобы сделать буддизм доступным для мирян. Браки среди монахов стали широко распространены еще до того, как они были официально одобрены колониальным правительством в 1926 году. К концу колониального периода более 90% корейских монахов были женаты. Такие браки посеяли семена вражды внутри сект.

Небольшая группа монахов решительно сопротивлялась этому влиянию, утверждая, что вступление в брак несовместимо с корейской традицией медитации. Главными представителями этой группы были монахи Ханам (한암) (1876-1951) и Мангон (만공) (1871-1946). О характере Мангона можно судить по рассказу о том, что во время ежегодного банкета для настоятелей главных храмов,

устроенного генерал-губернатором, он был настолько сыт по горло похвалами, что выкрикнул: «Тераучи [предыдущий генерал-губернатор] будет гореть в аду за то, что позволил корейским буддийским монахам жениться, есть мясо и пить спиртное» [12].

До начала Первомартовского движения за независимость в 1919 году, которое безуспешно пыталось свергнуть колониальный режим, главными целями буддийской реформы были выживание сынгхи и защита ее интересов. Колониальное правительство поощряло буддийские реформы, чтобы корейский буддизм стал достаточно сильным для поддержки японской политики на полуострове. Японское правительство пыталось использовать корейских буддистов, которые много лет страдали от антибуддийской политики во времена династии Чосон, как влиятельный слой населения, поддерживающий Японию.

Японский режим издал «Храмовый указ» (사찰령), как только оккупировал Корею. 3 июня 1911 года японское правительство обнародовало семь статей политики «Храмового указа», а в следующем месяце оно опубликовало «Правила исполнения храмового указа». Колониальный режим утверждал, что это постановление было направлено на обеспечение поддержки корейского буддизма и защиту буддийских монастырей. Однако данный закон полностью исключил автономию корейских буддийских храмов. Были учреждены тридцать главных храмов (понса/ 본사) в дополнение к более чем девятистам подчиненным храмам (мальса/ 말사) по всей стране. Более того, появилась должность генерального инспектора храма, которого каждый год вызывали в Сеул, чтобы он присягнул на верность японскому императору. Без одобрения генерального инспектора настоятели не могли по своему усмотрению распоряжаться землей, лесами, зданиями и драгоценными предметами, которые считались собственностью храма [13].

Однако участие корейских монахов в движении 1 марта 1919 года добавило религиозный оттенок к восстанию за восстановление суверенитета Кореи. После общенациональных протестов против японского правления колониальный режим сменил свою политику «принуждения» на так называемую политику «культурного управления» и предоставил корейцам некоторые политические свободы, хотя и в ограниченном объеме. В этих условиях молодые монахи создали буддийские молодежные

ассоциации и начали кампанию против политики «Храмовых указов», требуя самоуправления сынгхи.

Молодые монахи также спорили с настоятелями главных монастырей о руководстве администрации сынгхи и настаивали на массовой практике буддизма (минджунг пульгё/ 민중불교). Благодаря поддержке минджунг пульгё они попытались разорвать давнюю связь своей религии с правительством и распространить ее на более широкие слои общества. Кроме того, они пытались восстановить названия сект и идентичность, которые были утрачены во времена династии Чосон. Это движение за установление идентичности сект переросло в требование по созданию центральной организации для объединения сынгхи. Движение за централизацию, в свою очередь, было формой сопротивления вмешательству правительства в дела буддизма. В 1941 году сынгха была окончательно объединена под руководством центрального храмового управления, расположенного в храме Тхэгоса (태고사), и приняла название Чогеджонг (조계종).

В целом, жизнеспособность корейского буддизма в колониальную эпоху в значительной степени зависела от участия буддистов в общенациональном движении за независимость Кореи. Однако в процессе оккупации корейский буддизм увяз в противоречивых отношениях с японским государством, чтобы не быть навсегда уничтоженным. Стратегия «Храмового указа» и вмешательство правительства в дела сынгхи продолжались до конца японского правления в 1945 году.

В ходе проведенного исследования были тщательно рассмотрены исторические корни буддизма в Корее XVIII-XX веков, а также специфика его развития в условиях политических и социальных трансформаций, этапы упадка и возрождения, ключевые фигуры и школы, сыгравшие значительную роль в сохранении и адаптации этой традиции. Исследование включало сравнительный анализ различных периодов – от гонений при чосонской династии до модернизации в японский колониальный период – что выявило как общие черты преемственности, так и различия в адаптации к вызовам эпохи, позволив глубже понять уникальные аспекты корейского буддизма. Кроме того, в рамках работы было уделено внимание общественно-политическому влиянию буддизма, его роли в формировании культурной идентичности, участии в национальных движениях и социальной

деятельности, что подчеркивает его значимость в контексте корейского общества.

Буддизм в Корее в XVIII-XX веках прошел сложный и многогранный путь эволюции, неразрывно связанный с историческими, социальными и политическими изменениями страны – от строгих ограничений конфуцианства до возрождения в борьбе за независимость и модернизации. Его развитие сопровождалось как поддержкой со стороны интеллектуалов и монашеских общин, так и противодействием со стороны властей, что свидетельствует о многообразии подходов к религиозным вопросам.

Буддизм активно участвовал в культурных и образовательных процессах, поддерживал националистические движения и оказывал влияние на общественные реформы. Его роль в сохранении традиций и адаптации к современности также была значительной, что подчеркивает вклад в развитие корейского общества. Сравнительный анализ показал, что, несмотря на различия в периодах и школах, буддизм внес важный вклад в формирование национальной идентичности и культурных ценностей, что является ключевым аспектом для понимания современного корейского общества.

Список использованной литературы:

1. Шмакова А.С. Трансформация статуса буддизма на корейском полуострове в эпоху Чосон (1392-1910) / А.С. Шмакова, А.Д. Кравцова // Буддологические исследования. 2024.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=77274007>
2. 문경 봉암사 지증대사탑비 [Electronic resources] // 한국사데이터베이스.
https://db.history.go.kr/id/gskh_005_0010_0160_0060
3. 조선왕조실록, 태종 2 년 4 월 22 일 [Electronic resources] // 국사편찬위원회.
https://sillok.history.go.kr/id/kca_10204022_001
4. 조선왕조실록, 태종 6 년 3 월 27 일 [Electronic resources] // 국사편찬위원회.
https://sillok.history.go.kr/id/kca_10603027_001
5. 용재총화 제 8 권 [Electronic resources] // 한국고전종합 DB.

- https://db.itkc.or.kr/dir/item?itemId=BT#/dir/node?dataId=ITKC_BT_1306A_0080_000_0010
6. 조선왕조실록, 정조 즉위년 3 월 18 일 [Electronic resources] // 국사편찬위원회.
https://sillok.history.go.kr/id/kva_10003018_001
 7. Lee Seunghye. The Role of Laity in Rebuilding Buddhist Devotional and Material Culture in the Late Joseon // Korea Journal. 2022.
<https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART002850474>
 8. Lee Jarang. Restoration and Legitimacy of the Bhiksu Precept Lineages in the Late Joseon // Korea Journal. 2022.
<https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART002850475>
 9. Болтач Ю.В. Буддизм в Корее / Ю.В. Болтач // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=49084502>
 10. Park, Pori. Trial and Error in Modernist Reforms: Korean Buddhism under Colonial Rule Institute of East Asian Studies // University of California, Berkeley. 2009.
<https://dokumen.pub/trial-and-error-in-modernist-reforms-korean-buddhism-under-colonial-rule-1557290946-9781557290946.html>
 11. 불교 제 21 호 불교사 [Electronic resources] // 불교기록문화유산 아카이브.
https://kabc.dongguk.edu/viewer/view?dataId=ABC_BM_00013_002_1_T_001
 12. Evon, Gregory N. Contestations over Korean Buddhist Identities: The Introduction to the Kyongho-jip / Gregory N. Evon // The Review of Korean Studies. 2001.
https://www.aks.ac.kr/cop/bbs/selectBoardArticle.do?bbsId=BBSMS_TR_00000000019&nttId=18026&lang=kor&menuNo=2010123100
 13. 사찰령 (寺刹令) [Electronic resources] // 한국민족문화대백과사전.
<https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0025985>

БУДДИЗМ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Волкова А.
ВВГУ, Владивосток, Россия

Научный руководитель Ким А.А. (ВВГУ)

Аннотация: В работе рассматриваются специфики развития буддизма в странах Корейского полуострова после периода японской оккупации, их особенности и положение. Обращено внимание на политические нюансы в истории буддизма, и изменения под их влиянием.

Методология исследования состоит из сравнительно-исторического метода и статистического наблюдения.

Ключевые слова: Буддизм, Республика Корея, КНДР, история, религия

Title: Buddhism on the Korean Peninsula in the Second Half of the 20th Century

Authors: Volkova A.R., Kim A.A., Vladivostok State University, Department of International Relations and Public Administration, Vladivostok, Russia

Abstract: This paper examines the development of Buddhism in the countries of the Korean Peninsula after the Japanese occupation, their characteristics, and their status. Attention is paid to the political nuances in the history of Buddhism and the changes they have influenced.

The research methodology consists of a comparative historical method and statistical observation.

Keywords: Buddhism, Republic of Korea, DPRK, history, religion

Буддизм в Республике Корея

После окончания Второй мировой войны и освобождения Кореи в 1945 году корейские буддисты сосредоточились на очищении религии от всех пережитков колониального прошлого. Возросшие антияпонские настроения среди корейцев помогли сангхе ликвидировать пособников колониализма и отменить созданный японцами «Храмовый указ». Центральная буддийская администрация добровольно ушла в отставку 19 августа 1945 года, чтобы сангха могла начать свою деятельность сначала. Затем состоялись выборы новой администрации, которая, в свою очередь, приняла конституцию корейского буддизма в марте 1946 года. Это сопровождалось изменением названия буддийского ордена с Чогеджонг на Чосон пульгё (조선불교) [1].

Однако новая администрация подверглась критике за вялое проведение реформ. Большинство коллаборационистов колониального правительства были тайно возвращены на важные посты в сангхе. Более того, настоятели тридцати главных монастырей, которые продолжали работать во времена колониального правления, не были затронуты никаким расследованием. Группы добровольных реформаторов, такие как Корейская буддийская молодежная ассоциация (불교청년회), Революционный буддийский альянс (혁명불교도동맹), Корейская буддийская реформаторская ассоциация (불교혁신회) и Корейская буддийская женская молодежная ассоциация (불교여자청년회), которые были созданы буддийскими монахами и мирянами, настаивали на полной чистке колониального буддизма и на социальных реформах. Центральная буддийская администрация, в свою очередь, обвинила реформаторские группы в том, что они являются социалистами.

Вскоре напряженность в отношениях между центральной администрацией и реформаторскими группами переросла в открытый конфликт. В декабре 1946 года реформаторские организации объединились во Всеобщий альянс буддийских реформ (불교혁신총연맹), а в мае 1947 года они провели общенациональную конференцию буддистов. Они также основали свою собственную административную штаб-квартиру, что означало отказ от власти центральной администрации. Это разделение буддийского ордена продолжалось до начала 1948 года. Поляризация послевоенного корейского общества на правых и левых также стала решающим элементом конфликта внутри буддизма. Члены Всеобщего альянса хотели проведения земельной реформы, за которую выступали левые. Реформа предусматривала равное перераспределение земли среди населения без компенсации старым землевладельцам. В отличие от этого, центральная администрация хотела, чтобы перераспределение земли включало компенсацию. Идеологическая конфронтация и политический хаос, непосредственно последовавший за освобождением от оккупации, испортили первоначальные усилия сангхи по очищению буддийского ордена. Ситуация усложнилась еще и тем, что Корея была разделена на две страны силами Советского Союза и Соединенных Штатов. Вскоре страна была охвачена гражданской войной, которая продолжалась с 1950 по 1953 год.

Движение за очищение буддизма 1954-1962 гг. (불교정화운동) стало вторым этапом чистки буддийского ордена, инициированным первым президентом недавно созданного правительства Республики Корея Ли Сын Маном (1948-1960), который в 1954 году внезапно приказал женатому духовенству уйти в отставку. На этот раз процесс очищения сангхи от пережитков колониального прошлого был ограничен вопросом о монашеских браках. Монахи, давшие обет безбрачия, начали кампанию по избавлению от женатого духовенства и обвинили институт «женатых монахов» в том, что он является продуктом японизированного буддизма [2].

Первоначально монахов, принявших целибат, насчитывалось всего шестьсот, и они сражались против женатых священнослужителей, которых было семь тысяч. Из-за того, что их было значительно меньше, они обратились за помощью к правительству. Правительство, в свою очередь, встало на сторону монахов, давших обет безбрачия, и ликвидировало влиятельную группировку женатых. Президент Ли Сын Ман издал первый указ против женатых священнослужителей 20 мая 1954 года. Он не только разжег борьбу, но и на протяжении всего своего президентства стал главной силой в борьбе между этими двумя группировками, неоднократно издавая президентские приказы. Ли использовал стратегию об очищении от колониального прошлого, чтобы укрепить свой слабый политический фундамент. Кроме того, как раз в это время проходил незаконный пересмотр конституции, по итогу которого Ли Сын Ман смог баллотироваться на 4-й президентский срок. Вместо этого внимание общественности переключилось на необычную битву между буддийскими монахами. Как следствие, все женатые священнослужители стали рассматриваться как японские коллаборационисты. Монахи, давшие обет безбрачия, которые в основном были монахами-медитаторами, в отличие от так называемых «доктринальных» монахов, стали ведущей группой в Движении за очищение. Учитывая, что в колониальный период они подверглись притеснениям со стороны влиятельных женатых священнослужителей, а также то, что они потеряли места уединения для своей медитативной практики, привело к тому, что недовольство против власть имущих накапливалось в течение довольно долгого времени. Давшие обет безбрачия обвинили женатых священнослужителей в пренебрежении своими

общественными обязанностями по отношению к общине, такими как обучение учеников и защита имущества сангхи.

Ли Чхондам (이청담) (1902-1971), фактический лидер Движения за очищение буддизма, рассматривал это движение как «войну дхармы» (법전) между добром и злом. Он считал восстановление целибата равносильным возвращению к истине [3]. Таким образом, он придал абсолютную ценность этой «войне дхарме», заявив, что истина находится за пределами времени и пространства и, следовательно, не может быть достигнута путем компромисса [4]. Соответственно, безбрачие должно быть обязательным шагом к тому, чтобы стать буддийским священнослужителем. Оказавшись в оборонительной позиции, женатые монахи утверждали, что они практикуют буддизм для широкой публики (тэджунг пульгё/минджунг пульгё (대중불교/민중불교)), и являются сторонниками современного буддизма.

При неизменной поддержке президента Ли Сын Мана, сторонники целибата продолжали «священную войну» против большинства священнослужителей. Давшие обет безбрачия настаивали на том, чтобы женатые священнослужители были исключены из списка монахов. Монахи также решили, что они возьмут на себя административную власть и что женатые священнослужители должны будут покинуть монастыри в течение десяти лет [5]. Однако женатые монахи выступили против целибата и решили основать отдельную буддийскую секту.

В 1954 году президент Ли Сын Ман продолжал издавать президентские указы, поддерживающие целибат меньшинства [6]. Правительство также непосредственно вмешалось, выступив посредником между двумя группировками. В январе 1955 года Министерство образования организовало создание комитета по вопросам управления храмом. Комитет состоял из пяти представителей монахов, придерживающихся целибата (비구승), и пяти представителей от женатых монахов (대처승). В результате этой встречи 4 февраля традиционные монахи выдвинули требование о «Восьми принципах для монахов» (승려 8 대 원칙), которые включали в себя: бритье головы, целибат, воздержание от употребления мяса, спиртных напитков и табака, отсутствие инвалидности, возраст старше двадцати пяти лет, совместное проживание среди других монахов, не нарушать четыре заповеди жизни и не быть глупцом. Однако компромисс так и не был

реализован из-за сопротивления женатых священнослужителей, которые считали, что эти меры угрожают их выживанию в рамках монашеского ордена [7].

Поскольку конфликт перерос в драку, в дело вмешалась Национальная ассамблея. Ассамблея подняла вопрос о вмешательстве правительства в дела буддистов, заявив, что это является нарушением свободы вероисповедания. Очевидно, Ассамблея с большей симпатией отнеслась к женатому духовенству. В конце концов Ассамблея рекомендовала правительству не вмешиваться в религиозные дела и впредь не обсуждать этот вопрос [8].

Переговоры между фракциями постоянно прерывались, и ни одна из сторон не шла на компромиссы. При безоговорочной поддержке президента 12 августа 1955 года давшие обет безбрачия монахи собрались в Чогеса (조계사), главном храме Сеула, и приняли новую конституцию сангхи. Сторонники celibата назначили на все храмовые должности своих представителей и затем начали захватывать крупные монастыри. На фоне физического захвата монастырей женатые монахи обратилась к судебной системе и начала подавать иски. В июне 1956 года женатые священнослужители одержали победу в окружном суде. Суд объявил, что конституция сангхи, провозглашенная приверженцами celibата, не является законной. В ответ монахи, давшие обет безбрачия, подали апелляцию в верховный суд и 17 сентября 1957 года выиграли свой судебный процесс. Соответственно, ситуация снова стала благоприятной для приверженцев celibата. В конце концов, и правительство, и судебная система встали на сторону традиционных монахов.

Однако женатая фракция начала вновь занимать монастыри после того, как режим Ли Сын Мана был свергнут в результате студенческих и народных протестов 19 апреля 1960 года. 27 апреля того же года женатые священнослужители попытались отбить храм Чогеса, и завязалась кровопролитная драка. В мае 1960 года женатые священнослужители вновь взяли под свой контроль ряд крупных монастырей. К этому времени 16 мая 1961 года был осуществлен военный переворот, и к власти пришел молодой генерал Пак Чон Хи (박정희) (1961-1980). Генерал Пак дважды издавал директивы, призывая буддистов как можно скорее прийти к соглашению и положить конец социальным беспорядкам, вызванным их междоусобицами. Под давлением правительства,

требующего прекращения конфликта, члены двух соперничающих буддийских фракций отказались от своей вражды и согласились принять конституцию сангхи. 25 марта 1962 года община, наконец, приняла пересмотренную конституцию, и 11 апреля 1962 года была официально учреждена объединенная сангха.

Объединенная сангха, однако, вскоре столкнулась с другим конфликтом, связанным с соотношением представителей двух фракций среди членов Буддийского собрания. К этому времени приверженцы целибата численно превосходили женатых. Состоящая в браке фракция хотела быть представленной на равной основе, но ее мнение было проигнорировано. В октябре 1969 года Верховный суд отклонил апелляцию женатых священнослужителей, касающуюся законности обета безбрачия. Это окончательное решение суда способствовало дальнейшему подчинению женатых монахов. Они же в свою очередь решили создать новый орден, который зарегистрировали как Тхэгоджонг (태고종) в мае 1970 года. Пути двух сект разошлись, и после более чем двух десятилетий долгой и ожесточенной борьбы официально закончились. Тем не менее, различные споры вокруг местных монастырей продолжались еще долго после официального разделения двух фракций.

Однако традиционные монахи заплатили определенную цену за свои тесные отношения с правительством и оказанную им поддержку. Сразу же после формирования объединенного собрания в мае 1962 года правительство объявило о принятии «Закона о контроле буддийской собственности» (불교재산관리법) [23]. Этот закон предоставил правительству право назначать настоятелей и управлять имуществом буддистов. Этот закон действовал точно так же, как и «храмовый указ», установленный японским режимом. В результате орден Чоге оказался под жестким политическим контролем и не смог самостоятельно управлять сангхой и ее институтами. Кроме того, из-за своих тесных связей с диктаторскими режимами орден часто подвергался презрению со стороны широкой общественности.

26 октября 1979 года был убит президент Пак Чон Хи и в стране опять произошел военный переворот. Генерал Чон Ду Хван (전두환) (1980-1988), осуществивший переворот, стал президентом. Затем войска безжалостно подавила народное восстание в Кванджу, где в мае 1980 года люди выступили против режима военного положения. Под предлогом поиска сторонников коммунизма и преступников, скрывающихся в монастырях, армия и полиция

провели рейды на территориях монастырей в октябре 1980 года. Некоторые монахи и буддисты-миряне были доставлены на допрос, арестованы, подвергнуты пыткам и тюремному заключению.

При новой военной диктатуре сангха пережила очередной виток ожесточенного внутреннего конфликта. Центральная администрация приняла закон, согласно которому несколько финансово важных монастырей, таких как Пульгукса (불국사), Вольчжонса (월정사) и Синхынса (신흥사), были переданы под ее прямое управление – в первую очередь из-за их функции туристической достопримечательности. Это действие вызвало яростное сопротивление со стороны членов местных монастырей.

По мере того, как продолжался внутренний хаос, сангха все больше подчинялась корейскому правительству. Во время правления Пак Чон Хи, который обеспечил окончательную победу сторонников целибата, сангха стала партнером диктаторского правительства. Например, буддисты участвовали в митингах против коммунистического режима Северной Кореи, поддерживали конституционные изменения, направленные на продление президентских сроков [9].

В результате в 1970-х годах в центре внимания общественности оказалась концепция «защищающий государство буддизм» (хогук пульгё/ 호국불교). При поддержке правительства было подготовлено большое количество научных работ, которые сделали хогук пульгё характерной чертой как традиционного, так и современного корейского буддизма.

В ответ на подъем хогук пульгё новое поколение буддистов создало новое социальное движение. Они присоединились к растущим антиправительственным движениям среди интеллектуалов, студентов колледжей и населения в целом. Молодое поколение священнослужителей и мирян-буддистов начало обращать внимание на политические и экономические проблемы людей. С этой целью они вновь использовали термин «минджунг пульгё» («буддизм для народа») в качестве ключевого слова для своего движения. Подобно молодым священнослужителям колониального периода, которые пропагандировали этот вид популистского буддизма как способ противостоять японскому режим. Новое поколение буддистов попыталось бросить вызов основной идее хогук пульгё и диктаторскому режиму, который ее поддерживал.

В середине 1980-х годов прогрессивное буддийское движение начало набирать обороты. В мае 1985 года буддисты-миряне и духовные лица объединились в «Союз народного буддийского движения» (민중불교 운동연합). Наиболее важными членами-основателями этой ассоциации были Ё Икку (여익구), Коын (고은) и монахи Чингван (진관), Сонгнён (성연) и Хёнги (현기) [25]. Союз пообещал участвовать в демократизации и антиправительственных движениях, а также продвигать дело минджунг пульгё. В 1989 году правительство обвинило Союз в симпатиях к социализму из-за его участия в антиправительственных протестах. Союз народного буддийского движения был окончательно распущен в 1991 году. В июне 1986 года была основана «Национальная ассоциация буддийских монахов за реализацию Чистой Земли» (정토구현전국승가회). Целью ассоциации было продвижение буддизма и политической независимости сангхи. Некоторые из ее членов ушли в отставку из-за различий в политических взглядах, и в 1988 году они основали «Ассоциацию буддийских монахов Махаяны» (대승불교승려협회).

Идеология «буддизм для народа» помогла восстановить подорванный имидж сангхи, участвуя в более широком общественном движении за демократизацию. В 1988 году правительство уступило буддистам и отменило «Закон о контроле буддийской собственности». Вместо этого правительство приняло «Закон о сохранении традиционных храмов» (전통사찰보존법), который должен был гарантировать независимую религиозную деятельность. Несмотря на ряд социальных и политических достижений, минджунг пульгё не мог быть полностью принят консервативными буддистами. Более того, из-за его чрезмерной вовлеченности в мирскую политику он стал объектом критики.

В ответ на изменившиеся политические обстоятельства буддисты начали больше уделять внимания социальной активности. Городские храмы и сельские монастыри начали предлагать ежедневные и сезонные программы медитации, популярность которых стремительно росла по мере того, как все большее число людей сосредотачивалось на благополучии, здоровье и качестве жизни. Буддийские храмы также инициировали программы пребывания в храме (www.templestay.com), которые также открыты для неверующих и иностранцев.

В то время как буддийские учреждения и мероприятия подобного рода помогли увеличить число последователей-мирян и

повысить социальный статус буддизма, они также начали взимать деньги за ретриты и другие программы и постоянно собирать пожертвования на расширение и содержание. Многие храмы конкурируют друг с другом новыми проектами проектами, включая строительство музеев с большими статуями Будд и бодхисаттв [10].

Городская ассоциация «Общество Чистой Земли» (정토회) отличается от других буддийских организаций своими на 100% бесплатными программами социальных работ, проводимыми добровольцами. Цели сообщества представлены девизом «Ясный ум, хорошие друзья, чистая земля» («맑은 마음, 좋은 벗, 깨끗한 땅») [26]. «Общество Чистой Земли» начиналось как экологическая организация в рамках Корейского буддийского центра социального образования (한국불교사회교육원), которая был основана в 1988 году. В 1994 году он был переименован в Корейский буддийский центр экологического образования (한국불교환경교육원), когда стал официальной неправительственной организацией. В 2005 году он получил свое нынешнее название «ЭкоБудда» 에코붓다 (www.ecobuddha.org) [11].

Буддизм Корейской Народно-Демократической Республики

Северокорейская буддийская федерация (조선불교도련맹), созданная 26 декабря 1946 года, выступает центральным административным органом буддизма в КНДР. Политика государства в отношении буддизма полностью реализуется через Центральный комитет северокорейской буддийской федерации (조선불교도련맹 중앙위원회) [24]. С 1962 года деятельность федерации также контролируется Министерством социального обеспечения. Ключевой чертой религиозной политики КНДР является её проведение на государственном уровне посредством партийных структур, то есть религиозные организации находятся под полным контролем государства и обязаны соответствовать основной идеологии, а не религиозным традициям [12].

Основные цели федерации были сформулированы в принципах, принятых в 1949 году: достижение национальной стабильности и суверенитета, противодействие империалистическим агрессорам, охрана интересов народа и государства, воспитание национального духа и укрепление трудовой солидарности среди буддистов. Эти положения идеально отвечали задачам нового северокорейского правительства, то есть

Буддийская федерация изначально создавалась для помощи государству в объединении народа. Позже, к 1955 году, отделения федерации появились при каждом городском и провинциальном комитете, что свидетельствует о расширении системы контроля над буддийской общиной.

Однако это никак не указывает на поддержку буддизма и его служителей со стороны северокорейских властей. Например, 5 марта 1946 года была запущена земельная реформа, в ходе которой в пользу государства конфисковывались все японские земли и «излишки» у корейцев, а затем эти земли перераспределялись среди крестьян. В рамках этой реформы у храмов и церквей были отобраны почти все земли (включая полевые и лесные угодья), что нанесло серьёзный ущерб их экономической базе [13].

В 1958-1959 годах прошла Кампания по идеологической проверке населения, после которой власти КНДР пришли к выводу, что рассчитывать на революцию на Юге не приходится. В начале 1960-х годов было объявлено, что социалистические преобразования завершены успешно – достигнута так называемая «общественная стабильность». В связи с этим религиозные формы мышления стали считаться не соответствующими реальным нуждам общества. В итоге, в ходе целой серии жестоких чисток в религиозной сфере, направленных против тех, кто не разделял партийную идеологию, число буддистов и храмов резко сократилось (см. рисунок 1).

〈표 1〉 북한지역의 불교 현황

구분	분단 이전(~1950년)	분단 이후(1950~2014년)
교역자 수	732명 (비구, 비구니 포함)	300여 명 (비구니 없음)
신도 수	375,488명	10,000명
사찰 수	518개소 (31본산 포함)	67개소 (영통사 2006, 신계사 2007 재건축, 평양 영명사 제외)
주무기관	북조선 불교총무원	조선불교도련맹 중앙위원회 (조선불교도련맹 전국신도회)
비고 (근거자료)	《조선중앙연감》 (1950년권)	월간 《조선》(2004년 8월호) 영명사는 사찰기능으로 사용하지 않고 국가기관 —홍부초대소로 사용됨.

Рисунок 1 – Изменение численности буддистов и храмов в КНДР в XX в.

В 1970-е годы ситуация претерпела некоторые изменения из-за старта усилий по налаживанию диалога с Южной Кореей. В 1972 году в конституции КНДР внесли поправки, официально закрепившие свободу вероисповедания. В 1973 году Буддийская федерация реализовала ряд действий по возведению храмов и организации разнообразных религиозных событий. Вероятно, ключевым фактором, повлиявшим на корректировку религиозной политики, стал Всемирный фестиваль молодежи (세계청년학생축전) в Пхеньяне в 1989 году, после которого КНДР активизировала внешние связи.

В 1989 году запустили Буддийскую академию (불교학원), предназначенную для подготовки монахов и религиозных лидеров. Годом ранее, в мае 1988-го, в храме Похёнса (보현사) на горе Мёхянсан (묘향산) прошла первая буддийская церемония, посвященная Дню рождения Будды. В 1990-е годы делегации монахов из Южной и Северной Кореи постоянно обменивались официальными визитами между Пхеньяном и Сеулом.

Благодаря укреплению связей с буддийскими государствами и Республикой Корея положение буддизма в КНДР существенно улучшилось: отреставрировали храм Похёнса, а также

вернули к жизни храмы Кванбопса (광법사), здание Буддийской федерации (조불련 청사) и Чоннынса (정릉사).

Во времена колониализма (1910–1945 гг.) корейский буддизм сильно искажился под воздействием японского буддизма. К чертам японского влияния относят допуск монахам женитьбы, сохранение контроля по «Храмовому указу» и структуры 30 ключевых храмов. В Южной Корее «Движение за очищение буддизма» помогло частично устранить эти последствия, но в Северной Корее они держались дольше [14].

В Северной Корее преобладали женатые монахи с семьями. До недавнего времени они обходились без духовных имен, не брили голову и предпочитали деловые костюмы вместо традиционной одежды монахов. Корень проблемы, по-видимому, в подходе северокорейского руководства к буддийской общине, где не проводили реформ и возврата к традициям, подобно Южной Корее.

Японцы в колониальный период стимулировали отступление монахов от их традиционных ценностей. Женатые монахи теряли возможность полной аскезы, сосредотачиваясь на семье, что влекло сдвиги в их повседневности. Им приходилось обеспечивать жен и детей, а храмы нередко становились местами продажи мяса и спиртного. В итоге престиж монахов падал, обычаи забывались, иные отращивали волосы, надевали западную одежду [31]. Отсюда следует вывод, что в КНДР не пытались устранять элементы, не соответствующие традициям, но укоренившиеся в колониальную эпоху. Монахи по-прежнему женились, работали для обеспечения семьи, отклоняясь от монашеских предписаний.

Религия в КНДР имела полугосударственный и полурелигиозный тип организации. Северокорейская буддийская федерация первоначально возникла как вспомогательная структура Трудовой партии Кореи для содействия социальным преобразованиям северокорейского правительства. Продолжение ее деятельности определялось потребностью в международных и межкорейских связях, включая религиозные аспекты. Впрочем, до 1990-х годов Федерация преимущественно сохраняла светский уклон, и только после 1996 года, с выпуском первых студентов Буддийской академии, проявились заметные религиозные черты.

В Северной Корее отсутствовали буддийские ордена, и доктрина монахов Федерации опирается на принципы Алмазной сутры. Такое положение дел разделял Пак Тхэхва (박태화) (1919–2005), глава Северокорейской буддийской федерации,

утверждавший, что буддизм КНДР коренится в традиции школы Чоге. Он указывал, что ключевыми текстами ордена, аналогично южнокорейскому варианту, служат Алмазная сутра и Сутра Сердца. По его словам, линия дхармы в северокорейском буддизме идентична южной, а его суть совпадает с орденом Чоге, олицетворяющим буддизм Южной Кореи [13].

По установкам Северокорейской буддийской федерации, в КНДР сохранялся традиционный буддизм школ Сон (선), мастера медитации, и Кё (교), монахи-догматики. Будда – центральная фигура почитания, что способствует «патриотическому буддизму» (эгук пульгё/ 애국불교) эпох Объединенного Силла, Корё и Чосон. Поскольку Северная Корея проводила курс на создание светского общества трудящихся, религия и духовность не были в приоритете.

На формирование образа северокорейского буддизма повлияли активизировавшиеся в 1980-1990-е годы контакты с южнокорейскими буддистами в рамках политики «Солнечного света» (햇볕정책) президента Ким Дэ Чжуна [7]. В частности, ряд терминов северокорейского буддизма заменили на южнокорейские аналоги. К примеру, в 1994 году праздник рождения Будды «Пультаханиль» (불탄일) переименовали в «Пучхоним ошинналь» (부처님오신날) («День прибытия Будды на Землю»). Кроме того, в церемонии Северной Кореи включили сутры из Южной Кореи, а монахи надевали традиционные чосонские одежды с красной мантией поверх западного костюма [13].

Человек мог стать монахом в КНДР, если он завершил обучение на факультете религиоведения в университете имени Ким Ир Сена, отучился в Буддийской академии. Для зачисления в Буддийскую академию требуется связь с одним из храмов, а также рекомендация от храма либо Федерации. Кроме того, чтобы присоединиться к Северокорейской буддийской федерации, кандидат обязан был сдать квалификационный экзамен, который обычно организуется раз в четыре года. Экзамен проверяет знания буддийских текстов, их толкование, понимание истории и сути буддийского учения, а также уделяет внимание личным моральным качествам и вкладу в развитие буддизма. Буддийское монашеское сообщество обладает четкой иерархией, разделенной на пять ступеней: тэсонса (대선사), сонса (선사), тэдок (대덕), чундок (중덕), сондок (선덕). Носителями младших рангов становятся люди старше 25 лет, которые к тому моменту окончили университет и

Буддийскую академию, а также накопили 10-15 лет монашеского опыта. Монахи, члены Буддийской федерации, получают официальную заработную плату наравне с рабочими. Тем не менее монахам младших рангов требуется дополнительное трудоустройство для самообеспечения. Северокорейский буддизм официально не принимает систему монахинь (бхиккхуни) [15].

С момента освобождения от оккупации Северная Корея представляла собой социалистическое государство, опирающееся на принципы независимости, народности, современности и исторического материализма. Все, что противоречило официальной идеологии, считалось лишено культурной ценности, а наследие, полезное для социалистического строительства, тщательно охранялось. В результате ряд буддийских храмов получил статус национального сокровища. В официальной риторике Северной Кореи к ключевым мотивам сохранения буддийских храмов традиционно причисляют несколько аспектов. Прежде всего, это признание их значимости как составной части материального культурного наследия. Ким Ир Сен (1948-1994) выражал эту мысль следующим образом: «Вместо того чтобы использовать эти храмы для популяризации буддизма, мы должны передать будущим поколениям мудрость архитектурных традиций нашего народа». Кроме того, храмы понимались как зоны «культурного отдыха трудящихся» [16].

В 1989 году Буддийская федерация выпустила альбом «Храмы Северной Кореи» (북한의 사찰), содержащий описания 16 храмов с цветными иллюстрациями. Помимо этого, в периодических изданиях вроде «Центрального корейского ежегодника» (조선중앙년감) за 1985 год и «Исследований Северной Кореи» (북한학보) были представлены сведения о 44 действующих храмах, а также о буддийских статуях, пагодах, колоколах и иных артефактах [17].

Буддийское наследие высоко ценится за свою культурную и историческую значимость, что объясняет сохранение связанных с ним структур, сангхи и национальных обычаев. Однако трудно утверждать, что северокорейский буддизм полностью воплощает духовно-нравственное учение, поскольку религиозные институты подчинены государству, а монахи выступают скорее в роли государственных служащих.

Список использованной литературы:

1. Аллаярова А.Е. Становление буддизма в Южной Корее // Корея ведение в России: направление и развитие. 2021.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=45645524>
2. Park, Pori. The Buddhist Purification Movement in Post-Colonial South Korea: Restoring Clerical Celibacy and State Intervention // Transaction Publishers. 2007.
https://www.google.ru/books/edition/Identity_Conflicts/59GDfr1RQNIC?hl=ru&gbpv=0
3. 청담스님 입적 50주기 [Electronic resources] // 불교신문.
<http://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=209759>
4. 동아디지털아카이브 1963년 08월 20일 [Electronic resources] // 동아일보.
<https://www.donga.com/archive/newslibrary/view?ymd=19630820>
5. 불교계분쟁 (佛敎界紛爭)의이면(裏面) [Electronic resources] // 조선일보.
https://newslibrary.chosun.com/view/article_view.html?id=988519541128m10220&set_date=19541128&page_no=2
6. 해방 50년 불교 50년 – 국가관리에 맡겨지는 불교 [Electronic resources] // 법보신문.
<https://www.beopbo.com/news/articleView.html?idxno=21441>
7. 이승만 대통령 유시로 급물살...대처승 퇴출 주도 [Electronic resources] // 불교신문.
<http://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=142447>
8. 국회(國會) 서불교분쟁(佛敎紛爭)에 질의(質疑) [Electronic resources] // 조선일보.
https://newslibrary.chosun.com/view/article_view.html?id=1008519550616m1031&set_date=19550616&page_no=3
9. Sorensen, Henrik. Buddhism and Secular Power in Twentieth-Century Korea // London and New York: Pinter. 1999.
https://vk.com/wall-52136985_47773
10. 윤영해. 한국불교의 도심포교와 대중화 연구 / 윤영해 // 불교연구. 2007.
<https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArticleView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART001054861>
11. 에코붓다 소개 [Electronic resources] // 에코붓다.
<https://www.ecobuddha.org/about>
12. 조선불교도연맹을 알아야 북한불교를 안다 [Electronic resources] // 불교저널.

- <http://www.buddhismjournal.com/news/articleView.html?idxno=20950>
13. 조성렬. 북한불교의 특징과 성격// 북한학연구. 2010.
<https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArticleSearchBean.artiId=ART001522622>
 14. Levi Nicolas, Husarski Roman Buddha under Control. Buddhism's Legacy in North Korea // Acta Asiatica Varsoviensia. 2021.
https://www.academia.edu/68432113/Buddha_under_Control_Buddhisms_Legacy_in_North_Korea
 15. 가까워진 남북관계 같은듯 다른 남북불교 [Electronic resources] // 불교신문.
<http://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=166616>
 16. 이지범. 북한불교의 역사와 현황 [Electronic resources] // 불교평론.
<https://www.budreview.com/news/articleView.html?idxno=1475>
 17. 북한의 성보 북한 국보 불교문화재 현황 [Electronic resources] // 법보신문.
<https://www.beopbo.com/news/articleView.html?idxno=103389>

<참고 1> 한국 인명 지명의 러시아어 표기

자음	홀로도비치 -콘체비치(1966)	모음	홀로도비치 -콘체비치(1966)
ㄱ	К-, -Г-, -к	아	А
ㅋ	КХ, -к	어	О [õ, ɔ]
ㆁ	КК	오	О
ㄷ	Г-, -Д-, -г	우	У
ㅌ	ТХ	으	Ы
ㄸ	ТТ	이	И
ㅃ	П-, -б-, -п	애	Э
ㅍ	ПХ	에	Е
ㅍㅍ	ПП	외	ВЕ
ㅅ	С, -г	위	ВИ
ㅆ	СС, -г	야	Я
ㅈ	Ч-, -дж-, -г	여	Ё/Ю [йõ, йɔ]
ㅊ	ЧХ, -г	요	Ё/Ю
ㅊㅊ	ЧЧ	유	Ю
ㅎ	Х	얘	Йя
ㄴ	Н	예	ЙЕ/-Е
ㄹ	-р-, -ль	와	ВА
ㅁ	М	워	ВО
ㅇ	-н [-нь]	왜	ВЭ
		웨	ВЕ
		의	ЫЙ

- 1) 한국 인명과 지명의 러시아어 표기는 홀로도비치-콘체비치(1966)의 간략전사를 사용하는 것을 원칙으로 한다.
- 2) 특수기호는 사용하지 않는 것을 원칙으로 한다. 한글 복원이 필요한 경우에는 한글을 병기한다.
- 3) 성과 이름을 분리하여 각각의 독립된 단위로 표기한다.
예) 장정진 Чан Джонджин (콘체비치 체계) → Чан Чонджин

<참고 2> CIS (구 소련) 인명 지명의 한글 표기

키릴 문자	한글			키릴 문자	한글		
	모음앞	자음앞	어말		모음앞	자음앞	어말
A	아			P	르	르	
Б	ㅂ	ㅂ, 브	프	C	스	스	
B	ㅂ	ㅂ, 브	프	T	트	스, 트	트
Г	ㄱ	ㄱ, 그	크	У	우		
Д	ㄷ	스, 드	트	Ф	프	ㅂ, 프	프
E	에, 예			X	ㅎ	흐	
Ё	요			Ц	츠	츠	
Ж	ㅈ	즈, 시	시	Ч	츠	치	
З	ㅈ	즈, 스	스	Ш	시	시	
И	이			Щ	시	시	
Й	이			Ъ	-		
К	ㅋ	ㄱ, 크	크	Ы	이		
Л	르, 르르	르		Ь	(이)		
М	ㅁ	ㅁ, 므	ㅁ	Э	에, 예		
Н	ㄴ	ㄴ		Ю	유		
О	오			Я	야		
П	프	ㅂ, 프	프				

- 1) 러시아의 인명, 지명은 “러시아어 외래어 표기법”에 따라 표기한다.
- 2) 우크라이나, 벨라루스, 조지아, 아르메니아, 아제르바이잔, 몰도바, 라트비아, 리투아니아, 에스토니아의 인명과 지명은 자국어의 로마자 표기를 우선으로 하여 한글로 옮긴다.
- 3) 우즈베키스탄, 카자흐스탄, 키르기스스탄, 타지키스탄, 투르크메니스탄의 인명과 지명은 러시아어 표기를 우선으로 하되, 자국어에서 유래한 인명과 지명은 일반적인 외래어 표기법 규정을 따르기도 한다.

<참고 3> 러시아어 외래어 표기법

장호종

카자흐 국제관계 및 세계언어대

이하는 “러시아어 외래어 표기법”(문화관광부 고시 제 2005-32 호, 2005.12.28.)의 내용을 러시아어 화자가 이해하기 쉽게 편집한 것이다.

<표> 러시아어 자모와 한글 대조표

키릴 문자	한글			보기
	모음앞	자음앞	어말	
а	아			Аксаков 악사코프 Абакан 아바칸
б	ㅂ	ㅃ, ㅅ	ㅍ	Болотов 볼로토프 Бобров 보브로프 Курбский 쿠릅스키 Глеб 글레프
в	ㅂ	ㅃ, ㅅ	ㅍ	Веровкин 베렙킨 Достоевский 도스토엠프스키 Владивосток 블라디보스토크 Марков 마르코프
г	ㄱ	ㄲ, ㅋ	ㅋ	Гоголь 고골 Мусоргский 무소르크스키 Богдан 보그단 Андарбаг 안다르마크
д	ㄷ	ㅌ, ㅍ	ㅍ	Дмитрий 드미트리 Бенедиктов 베네딕토프 Находка 나훗카 Восход 보스호트
е	예(자음 뒤) 예(모음 뒤, 어두)			Петров 페트로프 Евгений 예브게니 Алексеев 알렉세예프
ё	요			Соловьёв 솔로비요프 Артём 아르툼

Ж (ДЖ)	ㅈ	즈, 시	시	Жадовская 자돔스카야 Жданов 즈다노프 Лужков 루시코프 Кебеж 케베시
З (ДЗ)	ㅈ	즈, 스	스	Зайчев 자이체프 Кузнецов 쿠즈네초프 Агрыз 아그리스
И	이			Иванов 이바노프 Иосиф 이오시프
Й	이			Юрий 유리 Андрей 안드레이 Белый 벨리
К	ㅋ	ㄱ, ㅋ	ㅋ	Калмык 칼미크 Аксаков 악사코프 квас 크바스
Л	ㄹ, ㄹㄹ	ㄹ		Ленин 레닌 Николай 니콜라이 Крылов 크릴로프 Павел 파벨
М	ㅁ	ㅁ, ㅁ	ㅁ	Михаи́л 미하일 Максим 막심 Мценск 므첸스크
Н	ㄴ	ㄴ		Надя 나다 Стефан 스테판
О	오			Хомяков 호먀코프 Ока 오카
П	ㅍ	ㅍ, ㅍ	ㅍ	Пётр 포트르 Ростопчина 로스토프치나 Псков 프스코프 Майкоп 마이코프
Р	ㄹ	ㄹ		Рыбинск 리빈스크 Лермонтов 레르몬토프 Артём 아르툼
С	ㅅ	스		Василий 바실리 Стефан 스테판 Борис 보리스

т	ㅌ	ㅌ, ㅍ	ㅍ	Татьяна 타티야나 Хватков 흐밧코프 Тверь 트베리 Бурят 부랴트
у	우			Ушаков 우샤코프 Сарапул 사라풀
ф	ㅍ	ㅍ, ㅍ	ㅍ	Фёдор 표도르 Ефремов 예프레모프 Иосиф 이오시프
х	ㅎ	흐		Хабаровск 하바롭스크 Ахматова 아흐마토바 Ойстрах ойстра흐
ц (тс)	ㅈ	ㅈ		Капица 카피차 Цветасва 츠вета예ва Брятск брачск Якутск якучск
ч (тч)	ㅊ	ㅊ		Гончаров 곤차로프 Манечка манечика Якубович якубович
ш	시	시		Шелгунов 셸гну노프 Шишков 시시코프
щ	시	시		Щербаков 세르ба코프 Щирец 시레츠 борщ борси
ъ	-			-
ы	이			Салтыков салтикоф Кыра 키라 Белый 벨ли
ь	(이)			
э	에(자음 뒤) 예(모음 뒤, 어두)			Эртель 예르텔
ю	유			Юрий 유리 Юрга 유르가
я	야			Ясинский 야신스키 Адыгя адиге야

‘표기세칙’

<표> 러시아어 자모와 한글 대조표에 따르고, 다음과 같은 특징을 살려서 적는다.

제1항 п, т, к, б, д, г, ф, в

파열음과 마찰음 ф, в는 무성 자음 앞에서는 앞 음절의 받침으로 적고, 유성 자음 앞에서는 ‘으’를 붙여 적는다.

<보기>	Садко	삿코
	Агрыз	아그리스
	Акбаур	아크바우르
	Ростопчина	로스토프치나
	Акмеизм	아크메이즘
	Рубцовск	룹츠프스크
	Брятск	브랴츠크
	Лопатка	로팻카
	Ефремов	예프레모프
	Достоевский	도스토옙스키

제2항 з, ж

з와 ж는 유성 자음 앞에서는 ‘즈’로 적고 무성 자음 앞에서는 각각 ‘스, 시’로 적는다.

<보기>	Назрань	나즈란
	Нижний Тагил	니즈니타길
	Острогжск	오스트로고시스크
	Лужков	루시코프

제3항 지명의 -град와 -город는 관용을 살려 각각 ‘-그라드’, ‘-고로드’로 표기한다.

<보기>	Волгоград	볼고그라드
	Калининград	칼리닌그라드
	Славгород	슬라브고로드

제4항 자음 앞의 дс는 ‘즈’로 적는다.

<보기>	Петрозаводск	페트로자보츠크
	Вернадский	베르나츠키

제5항 어말 또는 자음 앞의 л은 받침 ‘르’로 적고, 어중의 l이 모음 앞에 올 때에는 ‘르르’로 적는다.

<보기>	Павел	파벨
	Николаевич	니콜라예비치
	Земля	제믈랴
	Цимлянск	치믈랴스츠크

제6항 **ль, м**이 어두 자음 앞에 오는 경우에는 각각 ‘리’, ‘므’로 적는다.

<보기> **Львовна** 리보브나
 Мценск 므첸스크

제7항 같은 자음이 겹치는 경우에는 겹치지 않은 경우와 같이 적는다. 다만, **мм, нн**은 모음 앞에서 ‘**ㅁㅁ**’, ‘**ㄴㄴ**’으로 적는다.

<보기> **Гиппиус** 기피우스
 Аввакум 아바쿰
 Одесса 오데사
 Акколь 아콜
 Соллогуб 솔로구프
 Анна 안나
 Гамма 감마

제8항 **е, э**는 자음 뒤에서는 ‘에’로 적고, 그 외의 경우에는 ‘예’로 적는다.

<보기> **Алексей** 알렉세이
 Егвекинот 예그베키노트

제9항 연음 부호 **ь**

연음 부호 **ь**은 ‘이’로 적는다. 다만 **ль, мь, нь**이 자음 앞이나 어말에 오는 경우에는 적지 않는다.

<보기> **Льбовна** 리보브나
 Игорь 이고리
 Илья 일리야
 Дьяково 디야코보
 Ольга 올가
 Пермь 페름
 Рязань 랴잔
 Гоголь 고골

제10항 **дз, дж**는 각각 **з, ж**와 같이 적는다.

<보기> **Держинский** 제르진스키
 Таджикистан 타지키스탄

<참고 4> CIS(구 소련) 인명의 한글 표기 용례

장호종

카자흐 국제관계 및 세계언어대

이하의 용례는 <외래어 표기 용례집(포르투갈어, 네덜란드어, 러시아어)>과 국립국어원 홈페이지(<http://korean.go.kr>)에서 공개한 외래어 표기 용례 자료 파일에서 인용하였다. “러시아어 외래어 표기법”에 따라 지속적으로 미비한 내용을 보충하고 잘못된 정보를 수정하기로 한다.

각 용례는 “러시아어 표기 / (원어 표기) #1: (영어) / 로마자 표기 #2: 한글 표기 #3: 국가”의 순서로 기술되었다.

<A>

Абальян, Борис Георгиевич #1Abal'yan, Boris (Georgievich) #2 아발리얀, 보리스 (게오르기예비치) #3 러시아

Абдулатипов, Рамазан Гаджимурадович #1Abdulatipov, Ramazan Gadzhimuradovich #2 아브둘라티포프, 라마잔 가지무라도비치 #3 러시아

Абдулбасиров, Магомедтагир Меджидович #1Abdulbasirov, Magomedtagir Medzhidovich #2 아브둘바시로프, 마고메타기르 메지도비치 #3 러시아

Абельцев, Сергей Николаевич #1Abeltsev, Sergei Nikolaevich #2 아벨체프, 세르게이 니콜라예비치 #3 러시아

Абрамов, Александр Сергеевич #1Abramov, Aleksandr Sergeevich #2 아브라모프, 알렉산드르 세르게예비치 #3 러시아

Аввакум Петрович #1Avvakum Petrovich #2 아바쿰 페트로비치 #3 러시아
Авдеев, Александр Алексеевич #1Avdeev, Aleksandr Alekseevich #2 아브데예프, 알렉산드르 알렉세예비치 #3 러시아

Аверчев, Владимир Петрович #1Averchev, Vladimir Petrovich #2 아베르체프, 블라디미르 페트로비치 #3 러시아

Аверченко, Аркадий Тимофеевич #1Averchenko, Arkady Timofeevich #2 아베르첸코, 아르카디 티모페예비치 #3 제정 러시아

Аверченко, Владимир Александрович #1Averchenko, Vladimir Aleksandrovich #2 아베르첸코, 블라디미르 알렉산드로비치 #3 러시아

Агапов, Борис Николаевич #1Agapov, Boris Nikolaevich #2 아가포프, 보리스 니콜라예비치 #3 러시아

Агафонов, Валентин Алексеевич #1Agafonov, Valentin Alekseevich #2 아카포노프, 발렌틴 알렉세예비치 #3 러시아

Адамкус, Валдас #1Adamkus, Valdas #2 아담쿠스, 발다스 #3 리투아니아

- Адамов, Артур #1Adamov, Arthur #2 아다모프, 아르튀르¹ #3 제정 러시아 태생
- Адамов, Евгений Олегович #1Adamov, Yevgeni Olegovich #2 아다모프, 예브게니 올레고비치 #3 러시아
- Адашев, Алексей Фёдорович #1Adashev, Aleksei Fyodorovich #2 아다세프, 알렉세이 표도로비치 #3 제정 러시아
- Азаренко, Виктория (Фёдоровна) / Азаранка, Вікторыя (Фёдараўна) <벨라루스어> #1Azaranka, Viktoryya (Fyodarawna) [Azarenka, Victoria (Feodorovna)] #2 아자란카, 빅토리아 (표다라우나). <러시아어> 아자렌코, 빅토리아 표도로브나. Azarenko, Viktoriya Fyodorovna #3 벨라루스
- Азаров, Николай Янович / Азаров, Микола Янович <우크라이나어> #1Azarov, Mykola (Yanovych) #2 아자로프, 미콜라 (야노비치) #3 우크라이나
- Азарова, Надежда Борисовна #1Azarova, Nadezhda Borisovna #2 아자로바, 나데즈다 보리소브나 #3 러시아
- Акаев, Аскар #1Akayev, Askar A. #2 아카예프, 아스카르 #3 키르기스스탄
- Акилов, Акил #1Akilov, Akil #2 아킬로프, 아킬 #3 타지키스탄
- Аксаков, Иван Сергеевич #1Aksakov, Ivan Sergeevich #2 악사코프, 이반 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Аксаков, Сергей Тимофеевич #1Aksakov, Sergey Timofeyevich #2 악사코프, 세르게이 티모페예비치 #3 러시아
- Аксёненко, Николай Емельянович #1Aksyonenko, Nikolai Emelyanovich #2 악쇼넨코, 니콜라이 예멜랴노비치 #3 러시아
- Аксёнов, Василий (Павлович) #1Aksyonov, Vasily (Pavlovich) #2 악쇼노프, 바실리 (파블로비치) #3 러시아
- Алданов, Марк Александрович / Ландау, Марк Александрович <본명> #1Aldanov, Mark Aleksandrovich #2 알다노프, 마르크 알렉산드로비치. <본명> 란다우, M. A. Landau, M. A. #3 러시아
- Александр Михайлович #1Aleksandr Mikhailovich #2 알렉산드르 미하일로비치 #3 트베리와 블라디미르의 대공후
- Александров, Алексей Иванович #1Aleksandrov, Aleksei Ivanovich #2 알렉산드로프, 알렉세이 이바노비치 #3 러시아
- Алексеев, Алексей Алексеевич #1Alekseev, Aleksei Alekseevich #2 알렉세예프, 알렉세이 알렉세예비치 #3 러시아
- Алексеев, Евгений Иванович #1Alekseev, Evgeni Ivanovich #2 알렉세예프, 예브게니 이바노비치 #3 러시아

¹ “프랑스어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Алексей I Михайлович #1Alexis of Russia / Aleksei I Mikhailovich #2 알렉세이 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Алексей Петрович #1Aleksei Petrovich #2 알렉세이 페트로비치 #3 제정 러시아
- Алексий II #1Aleksiy II #2 알렉시 2 세 #3 러시아
- Аленичев, Дмитрий #1Alenichev, Dmitri #2 알레니체프, 드미트리 #3 러시아
- Алиев, Гейдар (Алиевич) / Əliyev, Heydər Əlirza oğlu <아제르바이잔어> #1Aliyev, Geidar / Aliyev, Heydar #2 알리에프, 게이다르 #3 아제르바이잔
- Алиев, Ильхам (Гейдарович) / Əliyev, İlham Heydər oğlu <아제르바이잔어> #1Aliyev, İlham #2 알리에프, 일함 #3 아제르바이잔
- Алкснис Виктор Имантович #1Alksnis, Viktor Imantovich #2 알크스니스, 빅토르 이만토비치 #3 러시아
- Алтухов, Василий Петрович #1Altukhov, Vasily Petrovich #2 알투호프, 바실리 페트로비치 #3 러시아
- Алфёров, Жорес И. #1Alfyorov, Zhores I. #2 알표로프, 조레스 #3 러시아
- Алханов, Али (Дадашевич) #1Alkhanov, Alu #2 알하노프, 알루 #3 체첸
- Амиров, Курбан-Али Амирович #1Amirov, Kurban-Ali Amirovich #2 아미로프, 쿠르반알리 아미로비치 #3 러시아
- Андреев, Леонид Николаевич #1Andreev, Leonid Nikolaevich #2 안드레예프, 레오니트 니콜라예비치 #3 러시아
- Андреев, Сергей Юрьевич #1Andreev, Sergei Yurievich #2 안드레예프, 세르게이 유리에비치 #3 러시아
- Андрей Ярославич #1Andrei Yaroslavich #2 안드레이 야로슬라비치 #3 수즈달 공국
- Андропов, Юрий Владимирович #1Andropov, Yurii Vladimirovich #2 안드로포프, 유리 블라디미로비치 #3 소련
- Анна Ивановна #1Anna Ivanovna #2 안나 이바노브나 #3 제정 러시아
- Анна Леопольдовна #1Anna Leopoldovna #2 안나 레오폴도브나 #3 제정 러시아
- Анохин, Павел Викторович #1Anokhin, Pavel Viktorovich #2 아노힌, 파벨 빅토로비치 #3 러시아
- Антонова, Ирина (Александровна) #1Antonova, Irina #2 안토노바, 이리나 #3 러시아
- Арбатов, Алексей Георгиевич #1Arbatov, Aleksei Georgievich #2 아르바토프, 알렉세이 게오르기예비치 #3 러시아
- Арбузов, Алексей Николаевич #1Arbuzov, Aleksei Nikolaevich #2 아르부조프, 알렉세이 니콜라예비치 #3 소련

- Арбузов, Борис Александрович #1Arbuzov, Boris Aleksandrovich #2 아르부조프, 보리스 알렉산드로비치 #3 러시아
- Аренский, Антон Степанович #1Arensky, Anton Stepanovich #2 아렌스키, 안톤 스테파노비치 #3 제정 러시아
- Архипенко, Александр (Порфирьевич) #1Archipenko, Alexander #2 아르키펡코, 알렉산더² #3 제정 러시아 태생
- Арцыбашев, Михаил Петрович #1Artsybashev, Mikhail Petrovich #2 아르치바셰프, 미하일 페트로비치 #3 러시아
- Астафьев, Виктор Петрович #1Astafyev, Viktor Petrovich #2 아스타피예프, 빅토르 페트로비치 #3 러시아
- Атамбаев, Алмазбек (Шаршенович) #1Atambaev, Almazbek (Sharshenovich) #2 아탐바예프, 알마즈베크 (샤르세노비치) #3 키르기스스탄
- Аулов, Александр Петрович #1Aulov, Aleksandr Petrovich #2 아울로프, 알렉산드르 페트로비치 #3 러시아
- Афанасьев, Евгений Владимирович #1Afanasyev, Evgeni Vladimirovich #2 아파나시예프, 예브게니 블라디미로비치 #3 러시아
- Ахмадулина, Белла Ахатовна #1Akhmadulina Bella Akhatovna #2 아흐마둘리나, 벨라 아하토브나 #3 러시아
- Ахматова, Анна Андреевна #1Akhmatova, Anna Andreevna #2 아흐마토바, 안나 안드레예브나. <본명> 안나 고렌코(Anna Gorenko). #3 러시아
- Ашкенази, Владимир (Давидович) #1Ashkenazi, Vladimir #2 아시케나지, 블라디미르 #3 러시아

<Б>

- Бабель, Исаак Эммануилович #1Babel, Isaak Emmanuilovich #2 바벨, 이사크 엠마누일로비치 #3 소련
- Бабичев, Владимир #1Babychev, Vladimir #2 바비체프, 블라디미르 #3 러시아
- Багрицкий, Эдуард Георгиевич #1Bagritskii, Eduard Georgievich #2 바그리츠키, 예두아르트 게오르기예비치 #3 러시아
- Баженов, Василий Иванович #1Bazhenov, Vasilii Ivanovich #2 바제노프, 바실리 이바노비치 #3 러시아
- Бакиев, Курманбек (Салиевич) #1Bakiyev, Kurmanbek #2 바키예프, 쿠르만베크 (살리예비치) #3 키르기스스탄
- Бакрадзе, Давид (Шукриевич) / ბაქრაძე, დავით <조지아어> #1Bakradze, Davit #2 바크라제, 다비트 #3 조지아

² “영어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Бакст, Леон Николаевич #1Bakst, Leon Nikolaevich #2 박스트, 레온 니콜라예비치 #3 러시아
- Бакунин, Михаил Александрович #1Bakunin, Mikhail Aleksandrovich #2 바쿠닌, 미하일 알렉산드로비치 #3 러시아
- Балакирев, Милий Алексеевич #1Balakirev, Milii Alekseevich #2 발라키레프, 밀리 알렉세예비치 #3 러시아
- Баланчин, Джордж / Баланчивадзе, Георгий (Мелитонович) / ბალანჩივაძე, გომრგო <조지아어> #1Balanchin, George #2 발란친, 게오르게 #3 제정 러시아 태생
- Балгимбаев, Нурлан (Утебович) / Балғымбаев, Нұрлан Өтепұлы <카자흐어> #1Balgimbayev, Nurlan (Utebovich) #2 발김바예프, 누를란 (우테보비치) #3 카자흐스탄
- Балмонт, Константин Дмитриевич #1Bal'mont, Konstantin Dmitrievich #2 발몬트, 콘스탄틴 드미트리예비치 #3 러시아
- Баратынский, Евгений Абрамович #1Baratynski, Evgenii Abramovich #2 바라틴스키, 예브게니 아브라모비치 #3 러시아
- Бартольд, Василий Владимирович #1Bartol'd, Vasilii Vladimirovich #2 바르톨트, 바실리 블라드미로비치 #3 러시아
- Баршай, Рудольф (Борисович) #1Barshai, Rudol'f (Borisovich) #2 바르샤이, 루돌프 (보리소비치) #3 러시아 출신
- Басин, Ефим (Владимирович) #1Basin, Yefim (Vladimirovich) #2 바신, 예핌 (블라디미로비치) #3 러시아
- Басов, Николай Геннадьевич #1Basov, Nikolai Gennadijevich #2 바소프, 니콜라이 겐나디예비치 #3 러시아
- Бату / Батый #1Batu #2 바투 #3 킵차크 한국(汗國)
- Батурин, Юрий Михайлович #1Baturin, Yuri Mikhailovich #2 바투린, 유리 미하일로비치 #3 러시아
- Батышков, Константин Николаевич #1Batyushkov, Konstantin Nikolaevich #2 바투시코프, 콘스탄틴 니콜라예비치 #3 러시아
- Бахтин, Михаил Михайлович #1Bakhtin, Mikhail Mikhailovich #2*바흐친, 미하일 미하일로비치 #3 러시아
- Бедный, Демьян / Придворов, Ефим Алексеевич <본명> #1Bedny, Dem'yan #2 베드니, 데미얀. <본명> 프리드보로프, 예핌 알렉세예비치. Pridvorov, Efim Alekseevich #3 러시아
- Безбородов, Николай Максимович #1Bezborodov, Nikolai Maksimovich #2 베즈보로도프, 니콜라이 막시모비치 #3 러시아
- Белинский, Виссарион Григорьевич #1Belinskii, Vissarion Grigorievich #2 벨린스키, 비사리온 그리고리예비치 #3 러시아

- Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич #1 Bellingshausen, Fabian Gottlieb von #2 벨링스하우젠, 파비안 고틀리프 폰. <러시아어> Bellinsgauzen, Faddei Faddeevich 벨린스가우젠, 파데이 파데예비치 #3 러시아
- Белый, Андрей / Бугаев, Борис Николаевич #1 Bely, Andrei #2 벨리, 안드레이. <본명> 부가예프, 보리스 니콜라예비치. Bugaev, Boris Nikolaevich #3 러시아
- Белый, Михаил (Михайлович) #1 Bely, Mikhail (Mikhailovich) #2 벨리, 미하일 (미하일로비치) #3 러시아
- Бенуа, Александр Никлаевич #1 Benua, Aleksandr Nikolaevich #2 베누아, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 러시아
- Бердымухамедов, Гурбангулы (Мяликгулыевич) #1 Berdymukhammedov, Gurbanguly (Myalikgulyyevich) #2 베르디무함메도프, 구르반굴리 (말리크굴리예비치) #3 투르크메니스탄
- Бердяев, Николай Александрович #1 Berdyayev, Nikolai Aleksandrovich #2 베르다예프, 니콜라이 알렉산드로비치 #3 러시아
- Березовский, Борис (Абрамович) #1 Berezovsky, Boris (Abramovich) #2 베레좁스키, 보리스 (아브라모비치) #3 러시아
- Берзиньш, Андрис #1 Berzinš, Andris #2 베르진시, 안드리스 #3 라트비아
- Беринг, Витус (Ионассен) #1 Bering, Vitus (Jonassen) #2 베링, 비투스 (요나센) #3 덴마크 태생의 러시아 탐험가
- Берия, Лаврентий Павлович #1 Beriya, Lavrentii Pavlovich #2 베리야, 라브렌티 파블로비치 #3 소련
- Берлявски-Невельсон, Луиза #1 Nevelson, Louise #2 니벨슨, 루이즈³ #3 소련 태생
- Бесчастных, Владимир #1 Beschastnykh, Vladimir #2 베스차스트니흐, 블라디미르 #3 러시아
- Бйков, Владимир Иванович #1 Bykov, Vladimir Ivanovich #2 비코프, 블라디미르 이바노비치 #3 러시아
- Биндюков, Николай Гаврилович #1 Bindyukov, Nikolai Gavrilovich #2 빈дю코프, 니콜라이 가브릴로비치 #3 러시아
- Блаватская, Елена Петровна #1 Blavatsky, Helena Petrovna #2 블라바츠키, 헬레나 페트로브나 #3 우크라이나 태생
- Блок, Александр Александрович #1 Blok, Aleksandr Aleksandrovich #2 블로크, 알렉산드르 알렉산드로비치 #3 러시아
- Блюллов, Карл Павлович #1 Bryullov, Karl Pavlovich #2 브룰로프, 카를 파블로비치 #3 러시아

³ “영어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Богалий-Титовец, Анна (Ивановна) #1 Bogaliy-Titovets, Anna (Ivanovna) #2 보갈리티토베츠, 안나 (이바노브나) #3 러시아
- Боголюбский, Андрей Юрьевич #1 Bogolyubsky, Andrei Yurievich #2 보골류프스키, 안드레이 유리에비치 #3 블라디미르 수즈달 공국
- Большаков, Алексей Алексеевич #1 Bolshakov, Aleksey (Alekseevich) #2 볼샤코프, 알렉세이 (알렉세예비치) #3 러시아
- Бондарчук, Сергей Фёдорович #1 Bondarchuk, Sergei Fyodorovich #2 본다르추크, 세르게이 표도로비치 #3 소련
- Боннэр, Елена Георгиевна #1 Bonner, Elena (Georgievna) #2 본네르, 엘레나 (게오르기예브나) #3 러시아
- Бордюжа, Николай #1 Bordyuzha, Nikolai #2 보르듀자, 니콜라이 #3 러시아
- Бородин, Александр (Порфирьевич) #1 Borodin, Aleksandr (Porfirevich) #2 보로딘, 알렉산드르 (포르피리예비치) #3 러시아
- Ботка, Николай Петрович #1 Botka, Nikolai Petrovich #2 봇카, 니콜라이 페트로비치 #3 러시아
- Брагиш, Дмитрий (Петрович) #1 Braghis, Dumitru #2 브라기슈, 두미트루 #3 몰도바
- Бразаускас, Альгирдас (Миколас) #1 Brazauskas, Algirdas #2 브라자우스카스, 알기르다스 #3 리투아니아
- Брежнев, Леонид Ильич #1 Brezhnev, Leonid Il'ich #2 브레즈네프, 레오니트 일리치 #3 소련
- Брин, Сергей (Михайлович) #1 Brin, Sergey #2 브린, 세르게이 #3 러시아 출신
- Бродский, Иосиф Александрович #1 Brodsky, Joseph #2 브로드스키, 조지프.⁴ <본명> Brodskii, Iosif Aleksandrovich. 브룟스키, 이오시프 알렉산드로비치 #3 러시아 태생
- Брусникин, Николай Юрьевич #1 Brusnikin, Nikolai Yurievich #2 브루스니킨, 니콜라이 유리에비치 #3 러시아
- Брынцалов, Владимир Алексеевич #1 Bryntsalov, Vladimir Alekseevich #2 브린찰로프, 블라디미르 알렉세예비치 #3 러시아
- Брюсов, Валерий Яковлевич #1 Bryusov, Valerii Yakovlevich #2 브류소프, 발레리 야코블레비치 #3 러시아
- Бубка, Сергей (Назарович) / Бубка, Сергій (Назарович) <우크라이나어> #1 Bubka, Sergei #2 붓카, 세르게이 #3 우크라이나
- Будажаров, Сергей Пурбуевич #1 Budazhapov, Sergei Purbuevich #2 부다자포프, 세르게이 푸르부예비치 #3 러시아

⁴ “영어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Бударин, Николай (Михайлович) #1Budarin, Nikolai #2 부다린, 니콜라이 #3 러시아
- Бузникин, Максим #1Buznikin, Maxim #2 부즈니킨, 막심 #3 러시아
- Булаев, Николай Иванович #1Bulaev, Nikolai Ivanovich #2 블라예프, 니콜라이 이바노비치 #3 러시아
- Булатов, Виктор#1Bulatov, Victor #2 블라토프, 빅토르 #3 러시아
- Булгак, Владимир Борисович #1Bulgak, Vladimir Borisovich #2 불가크, 블라디미르 보리소비치 #3 러시아
- Булгаков, Михаил Афанасьевич #1Bulgakov, Mikhail Afanasievich #2 불가코프, 미하일 아파나시예비치 #3 러시아
- Булгаков, Сергей Николаевич #1Bulgakov, Sergei Nikolaevich #2 불가코프, 세르게이 니콜라예비치 #3 러시아
- Булганин, Николай Александрович #1Bulganin, Nikolai Aleksandrovich #2 불가닌, 니콜라이 알렉산드로비치 #3 소련
- Бунин, Иван Алексеевич #1Bunin, Ivan Alekseevich #2 부닌, 이반 알렉세예비치 #3 러시아
- Бунин, Станислав (Станиславович) #1Bunin, Stanislav (Stanislavovich) #2 부닌, 스타니슬라프 (스타니슬라보비치) #3 러시아
- Бурбулис, Геннадий (Эдуардович) #1Burbulis, Gennadii (Eduardovich) #2 부르불리스, 겐나디 (에두아르도비치) #3 러시아
- Бурджанадзе, Нино (Анзоровна) / ბურჯანაძე, ნინო <조지아어> #1Burjanadze, Nino #2 부르자나제, 니노 #3 조지아
- Бут, Виктор (Анатолевич) #1Bout, Viktor (Anatolyevich) #2 부트, 빅토르 (아나톨리예비치) #3 러시아
- Буткявичюс, Альгирдас #1Butkevičius, Algirdas #2*부트케비추스, 알기르다스 #3 리투아니아
- Бутлеров, Александр Михайлович #1Butlerov, Aleksandr Mikhailovich #2 부틀레로프, 알렉산드르 미하일로비치 #3 러시아
- Бухарин, Николай Иванович #1Bukharin, Nikolai Ivanovich #2 부하린, 니콜라이 이바노비치 #3 소련
- Бэр, Карл Эрнст фон #1Baer, Karl Ernst von #2 베어, 카를 에른스트 폰⁵ #3 러시아 태생

- Вавилов, Николай Иванович #1Vavilov, Nikolai Ivanovich #2 바빌로프, 니콜라이 이바노비치 #3 소련

⁵ “독일어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Ваксман, Зельман Абрахама #1 Waksman, Selman Abraham #2 왁스먼, 셀먼
에이브러햄 #3 우크라이나 태생
- Варга, Евгений Самуилович #1 Varga, Evgenii Samuilovich #2 바르가, 예브
게니 사무일로비치 #3 헝가리 태생의 소련 경제학자
- Василевская, Ванда Львовна #1 Vasilevskaya, Vanda L'vovna #2 바실렙스카
야, 반다 리보브나 #3 폴란드 태생의 소련 작가
- Василий II Васильевич Тёмный #1 Vasily II of Moscow / Vasilii II Vasilievich
Тюмну #2 바실리 바실리예비치 톰니 2 세 #3 모스크바의 대공
- Василий III Иванович #1 Vasili III of Russia / Vasilii III Ivanovich #2 바실리
이바노비치 3 세 #3 블라디미르와 모스크바의 대공후
- Василий IV Шуйский / Василий Иванович Шуйский #1 Vasili IV of Russia /
Vasilii Ivanovich Shuisky #2 바실리 이바노비치 슈이스키 #3 제정 러시아
- Василий I Дмитриевич #1 Vasily I of Moscow / Vasilii I Dmitrievich #2 바실
리 드미트리예비치 #3 블라디미르 대공국
- Василий Ярославич #1 Vasily of Kostroma / Vasilii Yaroslavich #2 바실리 야
로슬라비치 #3 블라디미르의 대공후
- Васильев, Владимир (Викторович) #1 Vasiliev, Vladimir (Viktorovich) #2 바
실리예프, 블라디미르 (빅토로비치) #3 러시아
- Вассиан Кошка #1 Vassian Koshka #2 바시안 코시카 #3 러시아
- Вассиан Патрикеев #1 Vassian Patrikeev #2 바시안 파트리케예프 #3 러시아
- Вахтангов, Евгений #1 Vakhtangov, Evgenii #2 바흐탄고프, 예브게니 #3 소
련
- Вебер, Карл Иванович #1 Veber, Karl Ivanovich #2 베베르, 카를 이바노비치
#3 제정 러시아
- Венгеров, Максим (Александрович) #1 Vengerov, Maxim (Aleksandrovich)
#2 벤게로프, 막심 (알렉산드로비치) #3 러시아-이스라엘
- Вересаев, Викентий #1 Veresaev, Vikenti #2 베레사예프, 비켄티 #3 소련
- Верещетин, Владлен (Степанович) #1 Vereshchetin, Vladlen (Stepanovich) #2
베레세틴, 블라들렌 (스테파노비치) #3 러시아
- Вертов, Дзига #1 Vertov, Dziga #2 베르토프, 지가 #3 소련
- Вертов, Константин Владимирович #1 Vertov, Konstantin Vladimirovich #2
베르토프, 콘스탄틴 블라디미로비치 #3 러시아
- Вике-Фрейберга, Вайра #1 Viķe-Freiberga, Vaira #2 비케프레이베르가, 바
이라 #3 라트비아
- Виктор, Хлыстун #1 Viktor, Khlystun #2 빅토르, 흘리스툰 #3 러시아
- Виноградов, Иван Матвеевич #1 Vinogradov, Ivan Matreevich #2 비노그라
도프, 이반 마트베예비치 #3 소련

- Виноградов, Павел Гаврилович #1 Vinogradoff, Paul⁶ Gavrilovich #2 비노그라도프, 폴 가브릴로비치 #3 제정 러시아 태생
- Висковатый, Иван Михайлович #1 Viskovaty, Ivan Mikhailovich #2 비스코바티, 이반 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Витте, Сергей Юлиевич #1 Vitte, Sergei Yulievich #2 비테, 세르게이 율리에비치 #3 제정 러시아
- Владимир I Святославич #1 Vladimir Sviatoslavich the Great / Vladimir I #2 블라디미르 1 세 #3 키예프 대공국
- Владимир Всеволодович Мономах II #1 Vladimir II Monomakh / Vladimir Vsevolodovich Monomakh #2 블라디미르 프세볼로도비치 모노마흐 2 세 #3 키예프의 대공후
- Владиславлев, Александр Павлович #1 Vladislavlev, Aleksandr Pavlovich #2 블라디슬라블레프, 알렉산드르 파블로비치 #3 러시아
- Внуков, Константин #1 Vnukov, Konstantin #2 브누코프, 콘스탄틴 #3 러시아
- Внуков, Константин (Васильевич) #1 Vnukov, Konstantin (Vasil'evich) #2 브누코프, 콘스탄틴 (바실리에비치) #3 러시아
- Воевода, Алексей (Иванович) #1 Voevoda, Alexey (Ivanovich) #2 보예보다, 알렉세이 (이바노비치) #3 러시아
- Воеводский, Владимир #1 Voevodsky, Vladimir #2 보예보츠키, 블라디미르 #3 러시아 출신
- Вознесенский, Андрей Андреевич #1 Voznesensky, Andrei Andreevich #2 보즈네센스키, 안드레이 안드레예비치 #3 소련
- Волков, Андрей Романович #1 Volkov, Andrei Romanovich #2 볼코프, 안드레이 로마노비치 #3 러시아
- Волков, Фёдор Григорьевич #1 Volkov, Fyodor Grigorievich #2 볼코프, 표도르 Гри고리예비치 #3 러시아
- Володин, Вячеслав Викторович #1 Volodin, Vyacheslav Viktorovich #2 볼로딘, 바체슬라프 빅토로비치 #3 러시아
- Волосожар, Татьяна (Андреевна) / Волосожар, Тетяна (Андріївна) <우크라이나어> #1 Volosozhar, Tetyana (Andriyivna) #2 볼로소자르, 테타나 (안드리아브나) #3 우크라이나
- Волочкова, Анастасия (Юрьевна) #1 Volochkova, Anastasia #2 볼로치코바, 아나스타샤 #3 러시아
- Воронин, Владимир (Николаевич) #1 Voronin, Vladimir #2 보로닌, 블라디미르 #3 몰도바
- Воронцов, Юлий М. #1 Vorontsov, Yuli M. #2 보론초프, 율리 #3 러시아

⁶ 영어 이름에 따라 표기함.

- Ворошилов, Климент Ефремович #1Voroshilov, Kliment Efremovich #2 보
로실로프, 클리멘트 예프레모비치 #3 소련
- Врангель, Пётр Николаевич #1Wrangel, Pyotr Nikolaevich #2 브란겔, 포트
르 니콜라예비치 #3 제정 러시아
- Всеволод I Ярославич #1Vsevolod I of Kiev / Vsevolod I Yaroslavich #2 프
세볼로트 야로슬라비치 1 세 #3 키예프의 대공후
- Всеволод II Олегович #1Vsevolod II of Kiev / Vsevolod II Olegovich #2 프세
볼로트 올레고비치 2 세 #3 체르니고프 공후, 키예프의 대공후
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо / Всеволод III Юрьевич #1Vsevolod the
Big Nest / Vsevolod III Yurievich #2 프세볼로트 유리예비치 3 세 #3 블라
디미르의 대공후
- Высоцкий, Владимир Семёнович #1Vysotsky, Vladimir Semyonovich #2 비
소츠키, 블라디미르 세묘노비치 #3 소련
- Вышинский, Андрей Януарьевич #1Vyshinskii, Andrey Yanuar'evich #2 비
신스키, 안드레이 야누아리예비치 #3 소련

<Г>

- Габо, Наум #1Gabo, Naum #2 가보, 나움 #3 제정 러시아 태생
- Габуня, Георги #1Gabuniya, Georgi #2 가부니야, 게오르기 #3 러시아
- Гагарин, Юрий Алексеевич #1Gagarin, Yurii Alekseevich #2 가가린, 유리
알렉세예비치 #3 소련
- Газизуллин, Фарит Рафикович #1Gazizullin, Farit Rafikovich #2 가지줄린,
파리트 라피코비치 #3 러시아
- Гайдар, Аркадий Петрович #1Gaidar, Arkadii Petrovich #2 가이다르, 아르
카디 페트로비치 #3 소련
- Гайдар, Егор (Тимурович) #1Gaidar, Yegor (Timurovich) #2 가이다르, 예고
르 (티무로비치) #3 러시아
- Галушкин, Василий Иванович #1Galushkin, Vasily Ivanovich #2 갈루시킨,
바실리 이바노비치 #3 러시아
- Гамзатова, Хаписат Магомедовна #1Gamzatova, Khapisat Magomedovna #2
감자토바, 하피사트 마고메도브나 #3 러시아
- Гапон, Георгий Аполлонович #1Gapon, Georgii Apollonovich #2 가폰, 게오
르기 아폴로노비치 #3 제정 러시아
- Гаршин, Всеволод Михайлович #1Garshin, Vsevolod Mikhailovich #2 가르
신, 프세볼로트 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Гачинский, Артур (Андреевич) #1Gachinskii, Artur (Andreevich) #2 가친스
키, 아르투르 (안드레예비치) #3 러시아
- Гейм, Андрей (Константинович) #1Geim, Andre #2 가임, 안드레. <러시아
어> 게이, 안드레이 (콘스탄티노비치) #3 러시아 출신

- Гельфанд, Израиль Моисеевич / Гельфанд Израїль Мойсейович <우크라이나어> #1Gel'fand, Israel' Moiseevich #2 겔판트, 이즈라엘 모이세예비치 #3 러시아
- Генералов, Сергей Владимирович #1Generalov, Sergei Vladimirovich #2 게네랄로프, 세르게이 블라디미로비치 #3 러시아
- Генералов, Сергей Всеволодович #1Generalov, Sergei Vsevolodovich #2 게네랄로프, 세르게이 프세볼로도비치 #3 러시아
- Герасимов, Александр Михайлович #1Gerasimov, Aleksandr Mikhailovich #2 게라시모프, 알렉산드르 미하일로비치 #3 소련
- Герасимов, Иннокентий Петрович #1Gerasimov, Innokentii Petrovich #2 라시모프, 인노켄티 페트로비치 #3 소련
- Гермоген #1Germogen #2 게르모젠 #3 카자흐 출신
- Герцен, Александр Иванович #1Gertsen, Aleksandr Ivanovich #2 게르첸, 알렉산드르 이바노비치 #3 제정 러시아
- Гесс, Герман Иванович #1Hess, Germain Henri #2 헤스, 게르마인 헨리 #3 스위스 태생의 제정 러시아 화학자
- Гилельс, Эмиль Григорьевич #1Gilel's, Emil' Grigor'evich #2 길렐스, 에밀 그리고리에비치 #3 소련
- Гинзбург, Виталий (Лазаревич) #1Ginzburg, Vitaly (Lazarevich) #2 긴즈부르크, 비탈리 (라자레비치) #3 러시아
- Гитри, Саша #1Gitry, Sacha #2 기트리, 사샤 #3 제정 러시아 태생
- Гладков, Фёдор Васильевич #1Gladkov, Fyodor Vasilievich #2 글랏코프, 표도르 바실리에비치 #3 소련
- Глазунов, Александр Константинович #1Glazunov, Aleksandr Konstantinovich #2 글라주노프, 알렉산드르 콘스탄티노비치 #3 제정 러시아
- Глазунов, Илья Сергеевич #1Glazunov, Il'ya Sergeevich #2 글라주노프, 일리야 세르게예비치 #3 러시아
- Глинка, Михаил Иванович #1Glinka, Mikhail Ivanovich #2 글린카, 미하일 이바노비치 #3 제정 러시아
- Глинская, Елена Васильевна #1Glinskaya, Yelena Vasilyevna #2 글린스카야, 엘레나 바실리에브나 #3 제정 러시아.
- Гнесин, Михаил Фабьянович #1Gnesin, Mikhail Fabianovich #2 그네신, 미하일 파비아노비치 #3 러시아
- Гоголь, Николай Васильевич #1Gogol', Nikolai Vasilievich #2 고골, 니콜라이 바실리에비치 #3 제정 러시아
- Годунов, Борис (Фёдорович) #1Godunov, Boris #2 고두노프, 보리스 #3 제정 러시아

- Годунов, Фёдор Борисович #1 Godunov, Fyodor Borisovich #2 고두노프, 표도르 보리소비치 #3 제정 러시아
- Голдман, Эмма #1 Goldmann, Emma #2 골드만, 엠마 #3 소련
- Головлев, Владимир Иванович #1 Golovlev, Vladimir Ivanovich #2 골로블레프, 블라디미르 이바노비치 #3 러시아
- Гончар, Николай Николаевич #1 Gonchar, Nikolai Nikolaevich #2 곤차르, 니콜라이 니콜라예비치 #3 러시아
- Гончаров, Иван Александрович #1 Goncharov, Ivan Aleksandrovich #2 곤차로프, 이반 알렉산드로비치 #3 제정 러시아
- Горбачёв, Михаил Сергеевич #1 Gorbachyov, Mikhail Sergeevich #2 고르바초프, 미하일 세르게예비치 #3 소련
- Горбачёва, Раиса Максимовна #1 Gorbachyova, Raisa Maksimovna #2 고르바초바, 라이사 막시모브나 #3 소련
- Горки, Аршилль #1 Gorky, Arshile #2 고키, 아실 #3 아르메니아 태생
- Горовиц, Владимир (Самойлович) #1 Horowitz, Vladimir #2 호로비츠, 블라디미르 #3 소련 태생
- Горчаков, Александр Михайлович #1 Gorchakov, Aleksandr Mikhailovich #2 고르차코프, 알렉산드르 미하일로비치 #3 제정 러시아의 외교관, 정치가(1798~1883). #4 표준
- Горячева, Светлана Петровна #1 Goryacheva, Svetlana Petrovna #2 고랴체바, 스펜틀라나 페트로브나 #3 러시아
- Гостев, Руслан Георгиевич #1 Gostev, Ruslan Georgievich #2 고스테프, 루슬란 게오르기예비치 #3 러시아
- Грачев, Владимир Александрович #1 Grachev, Vladimir Aleksandrovich #2 그라체프, 블라디미르 알렉산드로비치 #3 러시아
- Грачев, Иван Дмитриевич #1 Grachev, Ivan Dmitrievich #2 그라체프, 이반 드미트리예비치 #3 러시아
- Греков, Борис Дмитриевич #1 Grekov, Boris Dmitrievich #2 그레코프, 보리스 드미트리예비치 #3 소련
- Гречаная, Зинаида Петровна #1 Greceanii, Zinaida #2 그레체아느이, 지나이다. <러시아어> Grechanaya, Zinaida Petrovna 그레체나야, 지나이다 페트로브나 #3 몰도바
- Грибаускайте, Даля #1 Grybauskaitė, Dalia #2 그리바우스카이테, 달리아 #3 리투아니아
- Грибоедов, Александр Сергеевич #1 Griboedov, Aleksandr Sergeevich #2 그리보예도프, 알렉산드르 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Григорович, Юрий Николаевич #1 Grigorovich, Jurij Nikolajevich #2 그리고로비치, 유리 니콜라예비치 #3 러시아

- Грин, Александр Степанович #1Grin, Aleksandr Stepanovich #2 그린, 알렉산드르 스테파노비치 #3 폴란드계의 소련 소설가
- Гришин, Виктор Иванович #1Grishin, Viktor Ivanovich #2 그리신, 빅토르 이바노비치 #3 러시아
- Громыко, Андрей Андреевич #1Gromyko, Andrei Andreevich #2 그로미코, 안드레이 안드레예비치 #3 소련
- Гроссман, Василий Семёнович #1Grossman, Vasili Semyonovich #2 그로스만, 바실리 세묘노비치 #3 러시아
- Грызлов, Борис #1Gryzlov, Boris #2 그리즐로프, 보리스 #3 러시아
- Гумилёв, Николай Степанович #1Gumilyov, Nikolai Stepanovich #2 구밀료프, 니콜라이 스테파노비치 #3 러시아
- Гурвич, Георгий (Давидович) #1Gurvitch, Georges #2 귀르비치, 조르주⁷ #3 제정 러시아 태생
- Гургенидзе, Владимир (Ираклиевич) / გურგენიძე, ვლადიმერ [ლადო] <조지아어> #1Gurgenidze, Vladimer “Lado” #2 구르게니제, 블라디메르 “라도” #3 조지아 총리
- Гурджиев, Георгий Иванович #1Gurdzhiev, Georgii Ivanovich #2 구르지에프, 게오르기 이바노비치 #3 소련
- Гуров, Александр Иванович #1Gurov, Aleksandr Ivanovich #2 구로프, 알렉산드르 이바노비치 #3 러시아
- Гусев, Ролан #1Gusev, Rolan #2 구세프, 롤란 #3 러시아
- Гусенков, Владимир Петрович #1Gusenkov, Vladimir Petrovich #2 구센코프, 블라디미르 페트로비치 #3 러시아
- Густов, Вадим Анатольевич #1Gustov, Vadim Anatolievich #2 구스토프, 바딤 아나톨리에비치 #3 러시아

<Д>

- Давыдов, Олег (Дмитриевич) #1Davydov, Oleg (Dmitriyevich) #2 다비도프, 올레크 (드미트리예비치) #3 러시아
- Дасев, Вячеслав #1Daev, Vyacheslav #2 다예프, 바체슬라프 #3 러시아
- Даль, Владимир Иванович #1Dal, Vladimir Ivanovich #2 달, 블라디미르 이바노비치 #3 제정 러시아
- Даниил #1Daniil #2 다닐 #3 모스크바와 러시아의 총대주교
- Даниил Александрович #1Daniil Aleksandrovich #2 다닐 알렉산드로비치 #3 모스크바의 대공후
- Даниил Чёрный #1Daniil Chyorny #2 다닐 초르니 #3 러시아

⁷ “프랑스어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Данилевский, Николай Яковлевич #1Danilevskii, Nikolai Yakovlevich #2 다닐레프스키, 니콜라이 야코블레비치 #3 제정 러시아
- Данченко, Борис Иванович #1Danchenko, Boris Ivanovich #2 단첸코, 보리스 이바노비치 #3 러시아
- Даргомыжский, Александр Сергеевич #1Dargomyzhskii, Aleksandr Sergeevich #2 다르고미시스키, 알렉산드르 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Дашкова, Екатерина Романовна #1Dashkova, Ekaterina Romanovna #2 다시코바, 예카테리나 로마노브나 #3 러시아
- Деборин, Абрам Моисеевич #1Deborin, Abram Moiseevich #2 데보린, 아브람 모이세예비치 #3 소련
- Дементьева, Наталья Леонидовна #1Dementyeva, Natalya Leonidovna #2 데멘티예바, 나탈리아 레오니도브나 #3 러시아
- Деникин, Антон Иванович #1Denikin, Anton Ivanovich #2 데니킨, 안톤 이바노비치 #3 소련
- Державин, Гаврила Романович #1Derzhavin, Gavrila Romanovich #2 데르자빈, 가브릴라 로마노비치 #3 제정 러시아
- Десятников, Василий Алексеевич #1Desyatnikov, Vasily Alekseevich #2 데샤트니코프, 바실리 알렉세예비치 #3 러시아
- Дзержинский, Феликс Эдмундович #1Dzerzhinskii, Feliks Edmundovich #2 제르진스키, 펠릭스 에드문도비치 #3 소련
- Дмитриева, Оксана Генриховна #1Dmitrieva, Oksana Genrikhovna #2 드미트리예바, 옥사나 겐리호브나 #3 러시아
- Дмитриева, Татьяна #1Dmitrieva, Tatyana #2 드미트리예바, 타티야나 #3 러시아
- Дмитрий Александрович #1Dmitri Aleksandrovich #2 드미트리 알렉산드로비치 #3 노브고로드의 공후와 블리디미르의 대공후
- Добжанский, Феодосий (Григорьевич) #1Dobzhansky, Theodosius #2 도브잔스키, 테오도시우스⁸ #3 소련 태생
- Добролюбов, Николай Александрович #1Dobrolyubov, Nikolai Aleksandrovich #2 도브롤류보프, 니콜라이 알렉산드로비치 #3 제정 러시아
- Добрынин, Анатолий (Фёдорович) #1Dobrynin, Anatoly (Fyodorovich) #2 도브리닌, 아나톨리 (표도로비치) #3 러시아
- Добрынин, Анатолий Фёдорович #1Dobrynin, Anatoly Fyodorovich #2 도브리닌, 아나톨리 표도로비치 #3 소련

⁸ 영어 이름에 따라 표기함.

- Довженко, Александр (Петрович) #1Dovzhenko, Aleksandr (Petrovich) #2 도브젠코, 알렉산드르 (페트로비치) #3 소련
- Домнина, Оксана (Александровна) #1Domnina, Oksana (Alexandrovna) #2 돔니나, 옥사나 (알렉산드로브나) #3 러시아
- Дондуков, Александр Николаевич #1Dondukov, Aleksandr Nikolaevich #2 돈두코프, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 러시아
- Донской, Дмитрий Иванович #1Donskoy, Dmitri Ivanovich #2 돈스코이, 드미트리 이바노비치 #3 모스크바와 블라디미르의 대공후
- Достоевский, Фёдор Михайлович #1Dostoevskii, Fyodor Mikhailovich #2 도스토옙스키, 표도르 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Дроздов, Юрий #1Drozdov, Yuri #2 드로즈도프, 유리 #3 러시아
- Дубинин, Сергей К. #1Dubinin, Sergei K. #2 두비닌, 세르게이 #3 러시아
- Дубов, Владимир Матвеевич #1Dubov, Vladimir Matveevich #2 두보프, 블라디미르 마트베예비치 #3 러시아
- Дудаев, Джохар Мусаевич #1Dudayev, Dzhokhar (Musayevich) #2 두다예프, 조하르 (무사예비치) #3 체첸
- Дурова, Надежда Андреевна #1Durova, Nadezhda Andreevna #2 두로바, 나데즈다 안드레예브나 #3 제정 러시아
- Душевина, Вера (Евгеньевна) #1Dushevina, Vera (Yevgenyevna) #2 두셰비나, 베라 (예브게니예브나) #3 러시아
- Дьяченко, Татьяна (Борисовна) #1Diyachenko, Tatiyana (Borisovna), #2 디야첸코, 타티야나 (보리소브나) #3 러시아
- Дягилев, Сергей Павлович #1Dyagilev, Sergei Pavlovich #2 дя길레프, 세르게이 파블로비치 #3 제정 러시아

<E>

- Евтушенко, Евгений Александрович #1Evtushenko, Yevgeny Aleksandrovich #2 엠티셴코, 예브게니 알렉산드로비치 #3 러시아
- Егоров, Владимир #1Egorov, Vladimir #2 예고로프, 블라디미르 #3 러시아
- Екатерина #1Ekaterina #2 예카테리나 #3 제정 러시아
- Елизавета Петровна #1Elizaveta Petrovna #2 엘리자베타 페트로브나 #3 제정 러시아
- Ельцин, Борис Николаевич #1Yel'tsin, Boris Nikolaevich #2 엘친, 보리스 니콜라예비치 #3 러시아
- Ермак, Тимофеевич #1Ermak, Timofeevich #2 예르마크, 티모페예비치 #3 제정 러시아 카자흐의 수령
- Ермошин, Владимир Васильевич / Ярмошын, Уладзімір (Васілевіч) <벨라루스어> #1Yermoshin, Vladimir (Vasilevich) #2 예르모신, 블라디미르 #3 벨라루스

Есенин, Сергей Александрович #1Esenin, Sergei Aleksandrovich #2 예세닌, 세르게이 알렉산드로비치 #3 제정 러시아의 시인(1895~1925). #4 표준
Ехануров, Юрий Иванович / Єхануров, Юрій (Іванович) <우크라이나어>
#1Yekhanurov, Yury #2 예하누로프, 유리 #3 우크라이나

<Ж>

Жданов, Андрей Александрович #1Zhdanov, Andrei Aleksandrovich #2 즈다노프, 안드레이 알렉산드로비치 #3 소련
Жданов, Юрий (Андреевич) #1Zhdanov, Yurii (Andreevich) #2 즈다노프, 유리 (안드레예비치) #3 러시아
Жириновский, Владимир В. #1Zhirinovskiy, Vladimir V. #2 지리놉스키, 블라디미르 #3 러시아
Жукеев, Тулеген #1Zhukeyev, Tulegen T. #2 주케예프, 툴레겐 #3 카자흐스탄
Жуков, Георгий Константинович #1Zhukov, Georgii Konstantinovich #2 주코프, 게오르기 콘스탄티노비치 #3 소련
Жуковский, Василий Аднреевич #1Zhukovskii, Vasilii Andreevich #2 주콥스키, 바실리 안드레예비치 #3 제정 러시아
Жуковский, Николай Егорович #1Zhukovskiy, Nikolai Egorovich #2 주콥스키, 니콜라이 예고로비치 #3 제정 러시아

<З>

Забелин, Иван Егорович #1Zabelin, Ivan Egorovich #2 자벨린, 이반 예고로비치 #3 제정 러시아
Заверюха, Александр К. #1Zaveryukha, Aleksandr K. #2 자베류하, 알렉산드르 #3 러시아
Задорнов, Михаил Михайлович #1Zadornov, Mikhail Mikhailovich #2 자도르노프, 미하일 미하일로비치 #3 러시아
Зайков, Лев. Н. #1Zaikov, Lev N. #2 자이코프, 레프 #3 소련
Зайцева, Ольга (Алексеевна) #1Zaitseva, Olga (Alekseyevna) #2 자이체바, 올가 (알렉세예브나) #3 러시아
Западнава, Наталья Леонидова #1Zapadnova, Natal'ya Leonidova #2 자파드노바, 나탈리야 레오니도바 #3 러시아
Засулич, Вера Ивановна #1Zasulich, Vera Ivanovna #2 자술리치, 베라 이바노브나 #3 제정 러시아
Затлерс, Валдис #1Zatlers, Valdis #2 자틀레르스, 발디스 #3 라트비아
Зельманов, Ефим (Исаакович) #1Zel'manov, Efim (Isaakovich) #2 젤마노프, 예핌 (이사코비치) #3 러시아

- Зиновьев, Григорий Евсеевич #1Zinovyev, Grigorii Evseevich #2 지노비예프, Григорий Епсее비치 #3 소련
- Зорькин, Валерий (Дмитриевич) #1Zorkin, Valery (Dmitrievich) #2 조르킨, 발레리 (드미트리예비치) #3 러시아
- Зощенко, Михаил Михайлович #1Zoshchenko, Mikhail Mikhailovich #2 조셴코, 미하일 미하일로비치 #3 소련
- Зубков, Александр (Юрьевич) #1Zubkov, Alexandr (Yuryevich) #2 줌코프, 알렉산드르 (유리예비치) #3 러시아
- Зубков, Виктор (Алексеевич) #1Zubkov, Viktor (Alekseyevich) #2 줌코프, 빅토르 (알렉세예비치) #3 러시아
- Зуганов, Геннадий А. #1Zhuganov, Gennadiy A. #2 주가노프, 겐나디 #3 러시아
- Зурабишвили, Саломе (Левановна) / ზურაბიშვილი, სალომე <조지아어> #1Zurabishvili, Salome #2 주라비슈빌리, 살로메 #3 조지아
- Зыкина, Людмила Георгиевна #1Zykina, Lyudmila (Georgievna) #2 지키나, 류드밀라 (게오르기예브나) #3 러시아

<И>

- Ибрагимбеков, Рустам (Мамед Ибрагим оглы) / İbrahimbəyov, Rüstəm <아제르바이잔어> #1Ibrahimbeyov, Rustam #2 이브라힘베요프, 뤼스탐. <러시아어> 이브라김베코프, 루스탐. Ibragimbekov, Rustam #3 아제르바이잔
- Иван #1Ivan #2 이반 #3 '존(John)'의 러시아 어명.
- Иван I #1Ivan 1 세 #2 이반 1 세 #3 모스크바 공국
- Иван I Данилович Калита #1Ivan I of Moscow / Ivan Danilovich Kalita #2 이반 다닐로비치 칼리타 / 이반 1 세 #3 제정 러시아
- Иван II Иванович Красный #1Ivan II of Moscow / Ivan II Ivanovich Krasny #2 이반 이바노비치 크라스니 / 이반 2 세 #3 제정 러시아
- Иван III Васильевич / Иван Великий #1Ivan III Vasilievich #2 이반 바실리예비치 3 세 #3 제정 러시아
- Иван IV Васильевич / Иван Грозный #1Ivan 4 세 #2 이반 4 세 #3 제정 러시아
- Иван IV Васильевич / Иван Грозный #1Ivan IV Vasilievich #2 이반 바실리예비치 4 세 #3 제정 러시아
- Иван V Алексеевич #1Ivan V Alekseevich #2 이반 알렉세예비치 5 세 #3 제정 러시아
- Иван VI Антонович #1Ivan VI Antonovich #2 이반 안토노비치 6 세 #3 제정 러시아

- Иванишвили, Бидзина (Григорьевич) / ივანიშვილი ბიძინა <조지아어>
#1Ivanishvili, Bidzina #2 이바니슈빌리, 비지나 #3 조지아
- Иванов, Александр Андреевич #1Ivanov, Aleksandr Andreevich #2 이바노프, 알렉산드르 안드레예비치 #3 제정 러시아 고전주의
- Иванов, Всеволод Вячеславович #1Ivanov, Vsevolod Vyacheslavovich #2 이바노프, 프세볼로트 바체슬라보비치 #3 소련
- Иванов, Вячеслав Иванович #1Ivanov, Vyacheslav Ivanovich #2 이바노프, 바체슬라프 이바노비치 #3 소련
- Иванов, Игорь Сергеевич #1Ivanov, Igor' Sergeevich #2 이바노프, 이고리 세르게예비치 #3 러시아
- Иванов, Лев Иванович #1Ivanov, Lev Ivanovich #2 이바노프, 레프 이바노비치 #3 제정 러시아
- Иванов, Сергей Борисович #1Ivanov, Sergei Borisovich #2 이바노프, 세르게이 보리소비치 #3 러시아
- Ивашенцов, Глев #1Ivashentsov, Glev #2 이바셴초프, 글레프 #3 러시아
- Игнатенко, Виталий Н. #1Ignatenko, Vitaly N. #2 이그나텐코, 비탈리 #3 러시아
- Игнатий #1Ignaty #2 이그나티 #3 그리스 출신의 모스크바와 전 러시아 총대주교
- Игнатъев, Николай Павлович #1Ignatiev, Nikolai Pavlovich #2 이그나티예프, 니콜라이 파블로비치 #3 제정 러시아
- Игнатъев, Сергей (Михайлович) #1Ignatiev, Sergey (Mikhailovich) #2 이그나티예프, 세르게이 (미하일로비치) #3 러시아
- Игнашов, Алексей (Викторович) / Ігнашоў, Аляксей <벨라루스어>
#1Ignashov, Alexey #2 이그나쇼프, 알렉세이 #3 벨라루스
- Игорь I #1Igor' 1 세 #2 이고리 1 세 #3 키예프 대공
- Измайлов, Марат #1Izmailov, Marat #2 이즈마일로프, 마라트 #3 러시아
- Изяслав Мстиславич #1Izyaslav Mstislavich #2 이자슬라프 므스티슬라비치 #3 키예프의 공후
- Изяслав Ярославич #1Izyaslav Yaroslavich #2 이자슬라프 야로슬라비치 #3 키예프의 공후
- Ильвес, Тоомас Хендрик #1Ilves, Toomas Hendrik #2 일베스, 토마스 헨드릭 #3 에스토니아
- Ильин, Михаил #1Il'in, Mikhail #2 일린, 미하일 #3 소련
- Ильюшин, Владимир (Сергеевич) #1Ilyushin, Viktor #2 일류신, 빅토르 #3 러시아
- Ильюшин, Сергей Владимирович #1Il'yushin, Sergei Vladimirovich #2 일류신, 세르게이 블라디미로비치 #3 소련

- Илюмжинов, Кирсан (Николаевич) #1 Pyumzhinov, Kirsan (Nikolayevich) #2
일룸지노프, 키르산 (니콜라예비치) #3 러시아 연방 칼미크공화국
- Илюхина, Екатерина (Сергеевна) #1 Pyukhina, Ekaterina (Sergeyevna) #2 일
류히나, 예카테리나 (세르게예브나) #3 러시아
- Иоаким (Патриарх Московский) / #1 Patriarch Joachim of Moscow / Savelov,
Ivan Petrovich #2 사벨로프, 이반 페트로비치 #3 러시아와 모스크바의
대주교
- Иоасаф I #1 Ioasaf 1 세 #2 이오아사프 1 세 #3 모스크바와 러시아 총대주교
- Иоасаф II #1 Ioasaf 2 세 #2 이오아사프 2 세 #3 모스크바와 러시아의 총대
주교
- Иосиф Волоцкий #1 Iosif Volotsky #2 이오시프 볼로츠키 #3 제정 러시아
- Иоффе, Адольф Абрамович #1 Ioffe, Adolf Abramovich #2 이오페, 아돌프 아
브라모비치 #3 소련
- Ипполитов-Иванов, Михаил Михайлович #1 Ippolitov Ivanov, Mikhail
Mikhailovich #2 이폴리토프 이바노프, 미하일 미하일로비치 #3 소련
- Исабеков, Азим #1 Isabekov, Azim #2 이사베코프, 아짐 #3 키르기스스탄
- Исидор #1 Isidor #2 이시도르 #3 러시아의 대주교

<K>

- Кабаета, Алина #1 Kabaeva, Alina #2 카바예바, 알리나 #3 러시아
- Кабалевский, Дмитрий Борисович #1 Kabalevskii, Dmitrii Borisovich #2 카
발렙스키, 드미트리 보리소비치 #3 소련
- Каверин, Вениамин Александрович #1 Kaverin, Veniamin Aleksandrovich #2
카베린, 베니아민 알렉산드로비치 #3 소련
- Кадыров, Ахмат (Абдулхамидович) / Къадири, Абдулхамидан кIант
Ахьмад-Хьажи <체첸어> #1 Kadyrov, Akhmad #2 카디로프, 아흐마트 #3
체첸
- Кадыров, Рамзан (Ахматович) / Къадири, Ахьмадан кIант Рамзан <체첸어
> #1 Kadyrov, Ramzan (Akhmadovich) #2 카디로프, 람잔 (아흐마트비치)
#3 체첸
- Казак, Юрий Павлович #1 Kazakov, Yurii Pavlovich #2 카자코프, 유리 파
블로비치 #3 소련
- Калашников, Михаил #1 Kalashnikov, Mikhail #2 칼라시니코프, 미하일 #3
러시아
- Калашников, Сергей #1 Kalashnikov, Sergei #2 칼라시니코프, 세르게이 #3
러시아
- Калашников, Сергей (Вячеславович) #1 Karashnikov, Sergei #2 카라시니코
프, 세르게이 (바체슬라보비치) #3 러시아
- Калинин, Михаил Иванович #1 Kalinin, Mikhail Ivanovich #2 칼리닌, 미하
일 이바노비치 #3 소련

- Каллас, Сийм #1Kallas, Siim #2 칼라스, 심 #3 에스토니아
Каменев, Лев Борисович #1Kamenev, Lev Borisovich #2 카메네프, 레프 보
리소비치 #3 소련
Камилов, Абдулазиз #1Kamilov, Abdulaziz K. #2 카밀로프, 압둘라지즈 #3
우즈베키스탄
Кандинский, Василий #1Kandinskii, Vasilii #2 칸딘스키, 바실리 #3 소련
Кантемир, Антиох Дмитриевич #1Kantemir, Antiokh Dmitrievich #2 칸테미
르, 안티오희 드미트리예비치 #3 제정 러시아
Кантемир, Дмитрий Константинович #1Kantemir, Dmitri Konstantinovich #2
칸테미르, 드미트리 콘스탄티노비치 #3 제정 러시아
Канторович, Леонид Витальевич #1Kantorovich, Leonid Vitalievich #2 칸토
로비치, 레오니트 비탈리예비치 #3 소련
Кануни, Юнис #1Qanuni, Yunis #2 카누니, 유니스 #3 타지크 출신
Капица, Пётр Леонидович #1Kapitsa, Pyotr Leonidovich #2 카피차, 표트르
레오니도비치 #3 소련
Каплер, Алексей (Яковлевич) / Каплер, Лазарь (Яковлевич) <본명>
#1Kapler, Aleksei (Yakovlevich) #2 카플레르, 알렉세이 (야코블레비치).
<본명> 카플레르, 라자리 (야코블레비치). Kapler, Lazar' (Yakovlevich)
#3 소련
Караваева, Ирина #1Karavaeva, Irina #2 카라바예바, 이리나 #3 러시아
Караев, Алан (Таймуразович) #1Karaev, Alan #2 카라예프, 알란 #3 러시아
Карамзин, Николай Михайлович #1Karamzin, Nikolai Mikhailovich #2 카람
진, 니콜라이 미하일로비치 #3 제정 러시아
Карахан, Лев Михайлович #1Karakhan, Lev Mikhailovich #2 카라한, 레프
미하일로비치 #3 소련
Каримов, Ислам #1Karimov, Islam A. #2 카리모프, 이슬람 #3 우즈베키스
탄
Карпин, Валерий #1Karpin, Valeri #2 카르핀, 발레리 #3 러시아
Карпов, Фёдор Иванович #1Karpov, Fyodor Ivanovich #2 카르포프, 표도르
이바노비치 #3 제정 러시아
Каррер, Пауль #1Karrer, Paul #2 카러, 파울 #3 소련 태생
Карсавина, Тамара Платоновна #1Karsavina, Tamara Platonovna #2 카르사
비나, 타마라 플라토노브나 #3 제정 러시아 태생
Каспаров, Гарри (Кимович) #1Kasparov, Garri (Kimovich) #2 카스파로프,
가리 (키모비치) #3 러시아
Касьянов, Михаил М. #1Kas'yanov, Mikhail M. #2 카시야노프, 미하일 #3
러시아
Катаев, Валентин Петрович #1Kataev, Valentin Petrovich #2 카타예프, 발렌
틴 페트로비치 #3 소련

- Кафельников, Евгений #1Kafelnikov, Yevgeny #2 카펠니코프, 예브게니 #3 러시아
- Качалов, Василий Иванович #1Kachalov, Vasilii Ivanovich #2 카찰로프, 바실리 이바노비치 #3 소련
- Келдибеков, Ахматбек #1Keldibekov, Akhmatbek #2 켈디베코프, 아흐마트 베크 #3 키르기스스탄
- Кёппен, Владимир Петрович #1Köppen, Wladimir Peter #2 쾨펜, 블라디미르 페터 #3 러시아 태생
- Керенский, Александр Фёдорович #1Kerenskii, Aleksandr Fyodorovich #2 케렌스키, 알렉산드르 표도로비치 #3 소련
- Кінах, Анатолій Кириллович / Кінах Анатолій (Кирилович) <우크라이나어> #1Kinah, Anatoliy (Kyrylovych) #2 키나흐, 아나톨리 (키릴로비치) #3 우크라이나
- Кинелёв, Владимир Г. #1Kinelyov, Vladimir G. #2 키넬료프, 블라디미르 #3 러시아
- Киреевский Иван Васильевич #1Kireevsky, Ivan Vasilievich #2 키레옙스키, 이반 바실리예비치 #3 제정 러시아
- Кириенко, Сергей Владиленович #1Kirienko, Sergei Vladilenovich #2 키리엔코, 세르게이 블라딜레노비치 #3 러시아
- Кириленко, Мария (Юрьевна) #1Kirilenko, Maria (Yuryevna) #2 키릴렌코, 마리아 (유리예브나) #3 러시아
- Кирилл (Патриарх Московский) / Митрополит Кирилл / Гундяев, Владимир Михайлович <속명> #1Metropolitan Kirill #2 키릴 대주교. <속명> 군다예프, 블라디미르 미하일로비치. Gundyayev, Vladimir Mikhailovich #3 러시아 정교회 제 16 회 총주교
- Киркилас, Гедиминас #1Kirkilas, Gediminas#2 키르킬라스, 게디미나스 #3 리투아니아
- Киров, Сергей Миронович #1Kirov, Sergei Mironovich #2 키로프, 세르게이 미로노비치 #3 소련
- Кирпичников, Валерий #1Kirpichnikov, Valerii #2 키르피치니코프, 발레리 #3 러시아
- Кирпичников, Михаил Петрович #1Kirpichnikov, Mikhail Petrovich #2 키르피치니코프, 미하일 페트로비치 #3 러시아
- Киселева, Мария #1Kiseleva, Mariya #2 키셀레바, 마리아 #3 러시아
- Китаенко, Дмитрий (Георгиевич) #1Kitaenko, Dmitri (Georgievich) #2 키타엔코, 드미트리 (게오르기예비치) #러시아
- Кишенко, Артур (Николаевич) #1Kyshenko, Artur #2 키셴코, 아르투르 #3 우크라이나

- Клейбанова, Алиса (Михайловна) #1Kleybanova, Alisa (Mikhaelovna) #2 클레이바노바, 알리사 (미하일로브나) #3 러시아
- Кличко, Виталий Владимирович / Кличко Віталій Володимирович <우크라이나어> #1Klychko [Klitschko], Vitalij [Vitali] (Volodymyrovych) #2 클리치코, 비탈리 (볼로디미로비치) #3 우크라이나
- Клишина, Дарья #1Klishina, Dar'ya #2 클리시나, 다리야 #3 러시아
- Клочкова, Яна Александровна / Клочкова Яна (Олександрівна) <우크라이나어> #1Klochkova, Yana #2 클로치코바, 야나 #3 우크라이나
- Клуг, Аарон #1Klug, Sir Aaron #2 클루그, 에런 경 #3 리투아니아 태생
- Ковалёв, Валентин #1Kovalyov, Valentin #2 코발료프, 발렌틴 #3 러시아
- Ковалёв, Николай #1Kovalyov, Nikolai #2 코발료프, 니콜라이 #3 러시아
- Ковалевская, София Васильевна #1Kovalevskaya, Sofiya Vasilievna #2 코발렘스카야, 소피야 바실리에브나 #3 제정 러시아
- Ковтун, Юрий #1Kovtun, Yuri #2 콥툰, 유리 #3 러시아
- Коган, Ксения #1Kogan, Ksenia #2 코간, 크세니야 #3 러시아
- Коган, Леонид Борисович #1Kogan, Leonid Borisovich #2 코간, 레오니트 보리소비치 #3 소련
- Козлов, Пётр Кузьмич #1Kozlov, Pyotr Kuzimich #2 코즐로프, 표트르 쿠지미치 #3 소련
- Кокойты, Эдуард Джабеевич / Кокойты, Джабейы фырт Эдуард <오세티야어> #1Kokoity, Eduard (Dzhabeyevich) #2 코코이티, 에두아르트 (자베예비치) #3 남오세티야
- Коллонтай, Александра Михайловна #1Kollontai, Aleksandra Mikhailovna #2 콜론타이, 알렉산드라 미하일로브나 #3 소련
- Колмогоров, Андрей Николаевич #1Kolmogorov, Andrei Nikolaevich #2 콜모고로프, 안드레이 니콜라예비치 #3 소련
- Колосков, Вячеслав Иванович #1Koloskov, Vyacheslav (Ivanovich) #2 콜로스코프, 바체슬라프 (이바노비치) #3 러시아
- Кольцов, Алексей Васильевич #1Koltsov, Aleksei Vasilievich #2 콜초프, 알렉세이 바실리에비치 #3 제정 러시아
- Кондратьев, Николай Дмитриевич #1Kondratiev, Nikolai Dmitrievich #2 콘드라티예프, 니콜라이 드미트리예비치 #3 소련
- Корбут, Ольга #1Korbut, Ol'ga #2 코르부트, 올가 #3 러시아
- Корнейчук, Александр Евдокимович #1Korneichuk, Aleksandr Evdokimovich #2 코르네이추크, 알렉산드르 에브도키모비치 #3 소련
- Корнилов, Лавр Георгиевич #1Kornilov, Lavr Georgievich #2 코르닐로프, 라브르 게오르기예비치 #3 제정 러시아
- Королёв, Сергей Павлович #1Korolyov, Sergei Pavlovich #2 코롤료프, 세르게이 파블로비치 #3 소련

- Короленко, Владимир Галактионович #1Korolenko, Vladimir Galaktionovich #2 코롤렌코, 블라디미르 갈락티오노비치 #3 제정 러시아
- Корсаков, Сергей Сергеевич #1Korsakov, Sergei Sergeevich #2 코르사코프, 세르게이 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Косыгин, Алексей Николаевич #1Kosygin, Aleksei Nikolaevich #2 코시긴, 알렉세이 니콜라예비치 #3 소련
- Кочарян, Роберт (Седракович) / Քոչարյան, Ռոբերտ (Սեդրակյի) <아르메니아어> #1Kocharyan, Robert #2 코차란, 로베르트 #3 아르메니아
- Крамской, Николай Иванович #1Kramskoj, Nikolai Ivanovich #2 크람스코이, 니콜라이 이바노비치 #3 제정 러시아
- Крашенинников, Павел Владимирович #1Krasheninnikov, Pavel Vladimirovich #2 크라세닌니코프, 파벨 블라디미로비치 #3 러시아
- Криштопанс, Вилис #1Kristopans, Vilis #2 크리스토판스, 빌리스 #3 라트비아
- Кропоткин, Пётр Алексеевич #1Kropotkin, Pyotr Alekseevich #2 크로폿킨, 포트르 알렉세예비치 #3 제정 러시아
- Крупская, Надежда Константиновна #1Krupskaya, Nadezhda Konstantinovna #2 크롭스카야, 나데즈다 콘스탄티노브나 #3 소련
- Крылов, Иван Анреевич #1Krylov, Ivan Andreevich #2 크릴로프, 이반 안드레예비치 #3 제정 러시아
- Крюков, Никита (Валерьевич) #1Kriukov, Nikita (Valeryevich) #2 크류코프, 니키타 (발레리예비치) #3 러시아
- Кудрин, Алексей (Леонидович) #1Kudrin, Aleksei (Leonidovich) #2 쿠드린, 알렉세이 (레오니도비치) #3 러시아
- Кудрявцева, Яна (Алексеевна) #1Kudryavtseva, Yana (Alekseevna) #2 쿠드랴체바, 야나 (알렉세예브나) #3 러시아
- Кузнец, Саймон Смит / Кузнец, Сямён Абрамавіч <벨라루스어> #1Kuznets, Simon Smith #2 쿠즈네츠, 사이먼 스미스 #3 벨라루스 태생
- Кузнецов, Анатолий Васильевич #1Kuznetsov, Anatoli Vasilievich #2 쿠즈네초프, 아나톨리 바실리예비치 #3 소련
- Кукрыниксы #1Kukryniksy #2 쿠크리닉시 #3 소련
- Кулибин, Иван Петрович #1Kulibin, Ivan Petrovich #2 쿨리빈, 이반 페트로비치 #3 제정 러시아
- Кулик, Геннадий Васильевич #1Kulik, Gennady Vasilievich #2 쿨리크, 겐나디 바실리예비치 #3 러시아
- Куликов, Анатолий С. #1Kulikov, Anatoly S. #2 쿨리코프, 아나톨리 #3 러시아
- Куназе, Георгий #1Kunaze, Georgiy #2 쿠나제, 게오르기 #3 러시아

Куприн, Александр Иванович #1Kuprin, Aleksandr Ivanovich #2 쿠프린, 알렉산드르 이바노비치 #3 제정 러시아
Курбский, Андрей Михайлович #1Kurbsky, Andrei Mikhailovich #2 쿠릅스키, 안드레이 미하일로비치 #3 제정 러시아
Курникова, Анна #1Kurnikova, Anna #2 쿠르니코바, 안나 #3 러시아
Куропаткин, Алексей Николаевич #1Kuropatkin, Aleksei Nikolaevich #2 쿠로파트킨, 알렉세이 니콜라예비치 #3 제정 러시아
Кусевцкий, Сергей #1Kussevitzky, Sergei #2 쿠세비츠키, 세르게이 #3 러시아 태생
Кутузов, Михаил Илларионович #1Kutuzov, Mikhail Illarionovich #2 쿠투조프, 미하일 일라리오노비치 #3 제정 러시아
Кучма, Леонид Данилович / Кучма, Леонід (Данилович) <우크라이나어> #1Kuchma, Leonid #2 쿠치마, 레오니트 #3 우크라이나

<Л>

Лаар, Март #1Laar, Mart #2 라르, 마르트 #3 에스토니아
Лавров, Сергей (Викторович) #1Lavrov, Sergei (Viktorovich) #2 라브로프, 세르게이 (빅토로비치) #3 러시아
Ландау, Лев Давидович #1Landau, Lev Davidovich #2 란다우, 레프 다비도비치 #3 아제르바이잔
Ландсбергис, Витаутас #1Landsbergis, Vytautas #2 란즈베르기스, 비타우타스 #3 리투아니아
Лебедев, Пётр Николаевич #1Lebedev, Pyotr Nikolaevich #2 레베데프, 표트르 니콜라예비치 #3 제정 러시아
Лебедев, Сергей Васильевич #1Lebedev, Sergei Vasilievich #2 레베데프, 세르게이 바실리예비치 #3 소련
Левитан, Исаак Ильич #1Levitan, Isaak Il'ich #2 레비탄, 이사크 일리치 #3 제정 러시아
Левитин, Игорь (Евгеньевич) #1Levitin, Igor' (Evgen'evich) #2 레비틴, 이고리 (예브게니예비치) #3 러시아
Лем, Станислав #1Lem, Stanisław #2 램, 스타니스와프⁹ #3 우크라이나 리비프(L'viv) 태생.
Ленин, Николай / Ульянов, Владимир Ильич <본명> #1Lenin, Nikolai #2 레닌, 니콜라이. <본명> 울리야노프, 블라디미르 일리치. Ulyanov, Vladimir Ilyich #3 소련

⁹ “폴란드어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Ленц, Якоб Михаэль Рейнхольд #1Lenz, Jakob Michael Reinhold #2 렌츠, 야코프 미하엘 라인홀트¹⁰ #3 제정 러시아 태생
- Леонов, Евгений Павлович #1Leonov, Yevgeny Pavlovich #2 레오노프, 예브게니 파블로비치 #3 소련
- Леонов, Леонид Максимович #1Leonov, Leonid Maximovich #2 레오노프, 레오니트 막시모비치 #3 소련
- Леонтьев, Василий (Васильевич) #1Leontief, Wassily #2 레온티예프, 바실리 #3 러시아 태생
- Леонтьев, Константин Николаевич #1Leontief, Konstantin Nikolaevich #2 레온티예프, 콘스탄틴 니콜라예비치 #3 제정 러시아
- Лермонтов, Михаил Юрьевич #1Lermontov, Mikhail Yurievich #2 레르мон토프, 미하일 유리에비치 #3 제정 러시아
- Лесков, Николай Семёнович #1Leskov, Nikolai Semyonovich #2 레스코프, 니콜라이 세묘노비치 #3 제정 러시아
- Лесья Украинка #1Ukrainka, Lesya #2 우크라인카, 레샤 #3 우크라이나
- Лившиц, Александр #1Livshits, Aleksandr #2 립시츠, 알렉산드르 #3 러시아
- Лиги, Юрген #1Ligi, Jürgen #2 리기, 위르겐 #3 에스토니아
- Липницкая, Юлия (Вячеславовна) #1Lipnitskaya, Yuliya (Vyacheslavovna) / Lipnitskaia, Julia (Viacheslavovna) #2 리프니츠키야, 율리야 (바체슬라보브나) #3 러시아
- Липшиц, Жак #1Lipchitz, Jacques #2 립시츠, 자크 #3 제정 러시아 태생
- Литвинов, Максим Максимович #1Litvinov, Maksim Maksimovich #2 리트비노프, 막심 막시모비치 #3 소련
- Лихачёв, Дмитрий Сергеевич #1Likhachyov, Dmitri Sergeevich #2 리하초프, 드미트리 세르게예비치 #3 러시아
- Лобачевский, Николай Иванович #1Lobachevskii, Nikolai Ivanovich #2 로바첵스키, 니콜라이 이바노비치 #3 제정 러시아
- Лобов, Олег #1Lobov, Oleg #2 로보프, 올레크 #3 러시아
- Ломоносов, Михаил Васильевич #1Lomonosov, Mikhail Vasilievich #2 로모노소프, 미하일 바실리예비치 #3 제정 러시아
- Лопаткина, Ульяна (Вячеславовна) #1Lopatkina, Ul'yana (Vyacheslavovna) #2 로파트키나, 율리야나 (바체슬라보브나) #3 러시아
- Лосев, Алексей Фёдорович #1Losev, Aleksei Fyodorovich #2 로세프, 알렉세이 표도로비치 #3 소련
- Лошков, Александр #1Loshkov, Aleksandr P. #2 로시코프, 알렉산드르 #3 러시아

¹⁰ “독일어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

Лужков, Юрий М. #1Luzhkov, Yuriy M. #2 루시코프, 유리 #3 러시아
Лукашенко, Александр Григорьевич / Аляксандр Рыгоровіч Лукашэнка <벨라루스어> #1Lukashenko, Aleksandr (Grigoryevich) #2 루카셴코, 알렉산드르 #3 벨라루스
Луначарский, Анатолий Васильевич #1Lunacharskii, Anatorii Vasilievich #2 루나차르스키, 아나토리 바실리예비치 #3 소련
Лунгу, Ирина #1Lungu, Irina #2 룬구, 이리나 #3 몰도바
Лунтовский, Георгий (Иванович) #1Luntovsky, Georgy (Ivanovich) #2 룬톱스키, 게오르기 (이바노비치) #3 러시아
Лурія, Александр Романович #1Luriya, Aleksandr Romanovich #2 루리야, 알렉산드르 로마노비치 #3 소련
Лучинский, Пётр (Кириллович) #1Lucinski, Petru #2 루친스키, 페트루 #3 몰도바 공화국
Лысенко, Трофим Денисович #1Lysenko, Trofim Denisovich #2 리센코, 트로피름 데니소비치 #3 소련

<M>

Майков, Аполлон Николаевич #1Maikov, Apollon Nikolaevich #2 마이코프, 아폴론 니콜라예비치 #3 제정 러시아
Майстоун, Льюис #1Milestone, Lewis #2 마일스톤, 루이스¹¹ #3 제정 러시아 태생
Макаренко, Антон Семёнович #1Makarenko, Anton Semyonovich #2 마카렌코, 안톤 세묘노비치 #3 소련
Макарова, Екатерина (Валерьевна) #1Makarova, Ekaterina (Valeryevna) #2 마카로바, 예카테리나 (발레리예브나) #3 러시아
Макарова, Наталия Романовна #1Makarova, Nataliya (Romanovna) #2 마카로바, 나탈리야 (로마노브나) #3 러시아
Макаров, Степан Осипович #1Makarov, Stepan Osipovich #2 마카로프, 스테판 오시포비치 #3 제정 러시아
Максим Горький / Пешков, Алексей Максимиович <본명> #1Gor'kii, Maksim #2 고리키, 막심. <본명> 페시코프 알렉세이 막시모비치 #3 제정 러시아
Максим Грек #1Maximus the Greek / Maksim Grek #2 막심 그레크 #3 제정 러시아
Максимова, Екатерина (Сергеевна) #1Maksimova/Maximova, Ekaterina (Sergeevna) #2 막시모바, 예카테리나 (세르게예브나) #3 러시아
Малевич, Казимир Северинович #1Malevich, Kazimir Severinovich #2 말레비치, 카지미르 세베리노비치 #3 소련

¹¹ “영어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Маленков, Георгий Максимильянович #1Malenkov, Georgii Maksimil'yanovich #2 말렌코프, 게오르기 막시밀리야노비치 #3 소련
- Малиновский, Родион Яковлевич #1Malinovskii, Rodion Yakovlevich #2 말리놉스키, 로디온 야코블레비치 #3 소련
- Маргарян, Андраник (Наапетович) / Մարգարյան, Անդրանիկ <아르메니아어> #1Margaryan, Andranik #2 마르가랴, 안드라니크 #3 아르메니아
- Маргвелашвили, Георгий / მარგველაშვილი, გიორგი <조지아어> #1Margvelashvili, Giorgi #2 마르그벨라슈빌리, 기오르기 #3 조지아
- Маргелов, Михаил #1Margelov, Mikhail #2 마르겔로프, 미하일 #3 러시아
- Марков, Андрей Андреевич #1Markov, Andrei Andreevich #2 마르코프, 안드레이 안드레예비치 #3 제정 러시아
- Марковников, Владимир Васильевич #1Markovnikov, Vladimir Vasilyevich #2 마르코브니코프, 블라디미르 바실리예비치 #3 제정 러시아
- Март, Николай Яковлевич #1Marr, Nikolai Yakovlevich #2 마르, 니콜라이 야코블레비치 #3 소련
- Масимов, Карим (Кажымканович) / Мәсімов, Кәрім (Қажымқанұлы) <카자흐어> #1Massimov, Karim (Qajymqanuly) #2 마시모프, 카림 (카짐카눌리) #3 카자흐스탄
- Маслюков, Юрий Дмитриевич #1Maslyukov, Yuri Dmitrievich #2 마슬류코프, 유리 드미트리예비치 #3 러시아
- Масхадов, Аслан (Алиевич) #1Maskhadov, Aslan #2 마스하도프, 아슬란 #3 체첸
- Матвиенко, Валентина Ивановна #1Matvienko, Valentina Ivanovna #2 마트비엔코, 발렌티나 이바노브나 #3 러시아
- Маяковский, Владимир Владимирович #1Mayakovskii, Vladimir Vladimirovich #2 마야콥스키, 블라디미르 블라디미로비치 #3 소련
- Медведев, Дмитрий Анатольевич #1Medvedev, Dmitri (Anatolyevich) #2 메드베데프, 드미트리 (아나톨리예비치) #3 러시아
- Медведцева, Ольга (Валерьевна) #1Medvedtseva, Olga (Valeryevna) #2 메드벳체바, 올가 (발레리예브나) #3 러시아
- Менделеев, Дмитрий Иванович #1Mendeleev, Dmitrii Ivanovich #2 멘델레예프, 드미트리 이바노비치 #3 제정 러시아
- Мейерхольд, Всеволод Эмильевич #1Meierkhol'd, Vsevolod Emil'evich #2 메이예르홀트, 프세볼로드 에밀리예비치 #3 소련
- Меликян, Геннадий (Георгиевич) #1Melikyan, Gennady (Georgievich) #2 멜리칸, 겐나디 (게오르기예비치) #3 러시아
- Меншиков, Александр Данилович #1Menshikov, Aleksandr Danilovich #2 멘시코프, 알렉산드르 다닐로비치 #3 제정 러시아

- Мережковский, Дмитрий Сергеевич #1Merezhkovskii, Dmitrii Sergeevich #2
메레시콥스키, 드미트리 세르게예비치 #3 소련
- Мери, Леннарт #1Meri, Lennart #2 메리, 렌나르트 #3 에스토니아
- Мессерер, Асаф (Михайлович) #1Messerer, Asaf (Mikhailovich) #2 메세레
르, 아사프 #3 리투아니아
- Мечников, Илья (Ильич) #1Metchnikoff, Élie #2 메치니코프, 엘리 #3 우크
라이나 태생
- Мечников, Илья Ильич #1Metchnikoff, Il'ya Il'ich #2 메치니코프, 일리야 일
리치 #3→메치니코프, 엘리(Metchnikoff, Élie)
- Миклухо-Маклай, Николай Николаевич #1Miklukho-Maklai, Nikolai
Nikolaevich #2 미클루호마클라이, 니콜라이 니콜라예비치 #3 소련
- Микоян, Анастас Иванович #1Mikoyan, Anastas Ivanovich #2 미코얀, 아나
스타시 이바노비치 #3 소련
- Миллер, Алексей #1Miller, Aleksei #2 밀레르, 알렉세이 #3 러시아
- Милюков, Павел Николаевич #1Milyukov, Pavel Nikolaevich #2 밀류코프,
파벨 니콜라예비치 #3 소련
- Минковский, Герман #1Minkowskii, Hermann #2 민코프스키, 헤르만 #3 제
정 러시아 태생
- Мирзиёев, Шавкат Мираманович #1Mirziyoyev, Shavkat (Miromonovich) #2
미르지요예프, 샹카트 (미로모노비치) #3 우즈베키스탄
- Миронов, Сергей Михайлович #1Mironov, Sergei (Mikhailovich) #2 미로노
프, 세르게이 (미하일로비치) #3 러시아
- Михайлов, Виктор Н. #1Mikhailov, Viktor N. #2 미하일로프, 빅토르 #3 러
시아
- Михайлов, Вячеслав (Александрович) #1Mikhailov, Vyacheslav
(Aleksandrovich) #2 미하일로프, 바체슬라프 (알렉산드로비치) #3 러시
아
- Михайловский, Николай Константинович #1Mikhailovskii, Nikolai
Konstantinovich #2 미하일롭스키, 니콜라이 콘스탄티노비치 #3 제정 러
시아
- Михалков, Никита Сергеевич #1Mikhalkov, Nikita Sergeevich #2 미할코프,
니키타 세르게예비치 #3 러시아
- Михалков, Сергей Владимирович #1Mikhalkov, Sergei Vladimirovich #2 미
할코프, 세르게이 블라디미로비치 #3 러시아
- Михельсон, Леонид (Викторович) #1Mikhel'son, Leonid (Viktorovich) #2 미
헬손, 레오니트 (빅토로비치) #3 러시아
- Мичурин, Иван Владимирович #1Michurin, Ivan Vladimirovich #2 미추린,
이반 블라디미로비치 #3 소련

- Моисеев, Игорь Александрович #1Moiseev, Igor' Aleksandrovich #2 모이세예프, 이고리 알렉산드로비치 #3 러시아
- Молотов, Вячеслав Михайлович #1Molotov, Vyacheslav Mihailovich #2 몰로토프, 바체슬라프 미하일로비치 #3 소련
- Мориллов, Николай (Сергеевич) #1Morilov, Nikolay (Sergeyevich) #2 모릴로프, 니콜라이 (세르게예비치) #3 러시아
- Морозов, Борис Иванович #1Morozov, Boris Ivanovich #2 모로조프, 보리스 이바노비치 #3 제정 러시아
- Мостовой, Александр #1Mostovoi, Aleksandr #2 모스토보이, 알렉산드르 #3 러시아
- Мохаммади, Джума #1Mohammadi, Juma #2 모하마디, 주마 #3 타지크 태생
- Мравинский, Евгений Александрович #1Mravinski, Evgeni Aleksandrovich #2 므라빈스키, 예브게니 알렉산드로비치 #3 소련
- Мстислав Владимирович Великий / Мстислав Владимирович I #1Mstislav I Vladimirovich the Great / Mstislav Vladimirovich 1 세 #2 므스티슬라프 블라디미로비치 1 세 #3 키예프 공국
- Мстислав, Пётр Тимофеевич #1Mstislav, Pyotr Timofeevich #2 므스티슬라프, 표트르 티모페예비치 #3 러시아
- Муравьев-Амурский, Николай Николаевич #1Murav'yov-Amurskii, Nikolai Nikolaevich #2 무라비요프아무르스키, 니콜라이 니콜라예비치 #3 제정
- Мусаси, Гегард / Մուսասի, Գեղարդ <아르메니아어> #1Mousasi, Gegard #2 무사시, 게가르 #3 아르메니아
- Мусоргский, Модест Петрович #1Musorgskii, Modest Petrovich #2 무소르크스키, 모데스트 페트로비치 #3 제정 러시아
- Мхитарян, Генрих Гамлетович / Մխիթարյան, Հենրիխ Համլետի <아르메니아어> #1Mkhitaryan, Henrikh (Hamleti) #2 므히타랴, 헨리흐 (함레티) #3 아르메니아
- Мясин, Леонид (Фёдорович) #1Myasin, Leonid (Fyodorovich) / Massine, Léonide #2 마신, 레오니트 #3 소련
- Мясковский, Николай Яковлевич #1Myaskovskii, Nikolai Yakovlevich #2 마스콥스키, 니콜라이 야코블레비치 #3 소련

<Н>

- Набиуллина, Эльвира Сахипзадовна / Нәбиуллина Эльвира Сәхипзадәқызы <타타르어> #1Nabiullina, El'vira S(akhipzadovna) [Nabiullina, Elvira S(akhipzadovna)] #2 나비울리나, 엘비라 (사히프자도브나) #3 러시아
- Набоков, Владимир Владимирович #1Nabokov, Vladimir Vladimirovich #2 나보코프, 블라디미르 블라디미로비치 #3 소련 태생

- Навальный, Алексей #1Navalny, Alexey #2 나발니, 알렉세이 #3 러시아
Назарбаев, Нурсултан (Абишевич) / Назарбаев, Нұрсұлтан (Әбішұлы) <카자흐어> #1Nazarbayev, Nursultan A. #2 나자르바예프, 누르술탄 #3 카자흐스탄
- Нарышкин, Сергей Евгеньевич #1Naryshkin, Sergei E(vgen'evich) #2 나리시킨, 세르게이 (예브게니예비치) #3 러시아
- Неверов, Александр Сергеевич #1Neverov, Aleksandr Sergeevich #2 네베로프, 알렉산드르 세르게예비치 #3 소련
- Невский, Александр (Ярославич) #1Nevskii, Aleksandr (Yaroslavich) #2 넵스키, 알렉산드르 (야로슬라비치) #3 러시아의 대공
- Некрасов, Николай Алексеевич #1Nekrasov, Nikolai Alekseevich #2 네크라스오프, 니콜라이 알렉세예비치 #3 제정 러시아
- Некрутенко, Виктор Юрьевич #1Nekrutenko, Viktor Yurievich #2 네크루텐코, 빅토르 유리예비치 #3 러시아
- Немирович-Данченко, Владимир Иванович #1Nemirovich-Danchenko, Vladimir Ivanovich #2 네미로비치단첸코, 블라디미르 이바노비치 #3 소련
- Немов, Алексей #1Nemov, Alexei #2 네모프, 알렉세이 #3 러시아
- Немцов, Борис Ефимович #1Nemtsov, Boris Yefimovich #2 넴초프, 보리스 예피모비치 #3 러시아
- Несмеянов, Александр Николаевич #1Nesmeyanov, Aleksandr Nikolaevich #2 네스메야노프, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 소련
- Нестеренко, Татьяна Геннадьевна #1Nesterenko, Tat'yana Gennad'evna #2 네스테렌코, 타티야나 겐나디예브나 #3 러시아
- Нестор #1Nestor #2 네스토르 #3 러시아의 성직자
- Нечаев, Сергей Геннадьевич #1Nechaev, Sergei Gennadievich #2 네차예프, 세르게이 겐나디예비치 #3 제정 러시아
- Нигматуллин, Руслан #1Nigmatullin, Ruslan #2 니그마툴린, 루슬란 #3 러시아
- Нижинский, Вацлав Фомич #1Nizhinskii, Vatslav Fomich #2 니진스키, 바츨라프 포미치 #3 소련
- Никитин, Афанасий #1Nikitin, Afanacii #2 니키티, 아파나시 #3 트베리
- Никифоров, Николай (Анатольевич) #1Nikiforov, Nikolai (Anatol'evich) #2 니키포로프, 니콜라이 (아나톨리예비치) #3 러시아
- Никифоров, Юрий #1Nikiforov, Yuri #2 니키포로프, 유리 #3 러시아
- Николаева, Галина Евгеньевна #1Nikolaeva, Galina Evgen'evna #2 니콜라예바, 갈리나 예브게니예브나 #3 소련
- Николай II #1Nicholas II of Russia / Nikolai 2 세 #2 니콜라이 2 세 #3 제정 러시아

- Николай I Nicholas I of Russia / #1Nikolai 1 세 #2 니콜라이 1 세 #3 제정 러시아
- Никон #1Nikon #2 니콘 #3 제정 러시아
- Нил Сорский #1Nilus of Sora / Nil Sorsky #2 닐 소르스키 #3 제정 러시아
- Ниязов, Сапармурат #1Niyazov, Saparmurat A. #2 니야조프, 사파르му라트 #3 투르크메니스탄
- Новак, Александр (Валентинович) #1Novak, Aleksandr (Valentinovich) [Novak, Alexander (Valentinovich)] #2 노바크, 알렉산드르 (발렌티노비치) #3 러시아
- Новиков, Николай Иванович #1Novikov, Nikolai Ivanovich #2 노비코프, 니콜라이 이바노비치 #3 제정 러시아
- Новосёлов, Константин Сергеевич #1Novoselov, Konstantin (Sergeevich) #2 노보셀로프, 콘스탄틴 (세르게예비치) #3 러시아 출신
- Ногаидели, Зураб (Теймуразович) / ნოღაიდელი, ზურაბ <조지아어> #1Noghaideli, Zurab #2 노가이델리, 주라브 (즈바니아) #3 조지아
- Нуреев, Рудольф #1Nureyev, Rudolf #2 누레예프, 루돌프 #3 소련 태생

<O>

- Овечкин, Валентин Владимирович #1Ovechkin, Valentin Vladimirovich #2 오베치킨, 발렌틴 블라디미로비치 #3 소련
- Огарёв, Николай Платонович #1Ogaryov, Nikolai Platonovich #2 오가료프, 니콜라이 플라토노비치 #3 제정 러시아
- Одоевский, Александр Иванович #1Odoevskii, Aleksandr Ivanovich #2 오도엠프스키, 알렉산드르 이바노비치 #3 제정 러시아의 시인(1802~1839). #4 표준
- Одоевский, Владимир Фёдорович #1Odoevskii, Vladimir Fyodorovich #2 오도엠프스키, 블라디미르 표도로비치 #3 제정 러시아
- Ожешко, Элиза #1Orzeszkowa, Eliza #2 오제슈코바, 엘리자¹² #3 리투아니아 태생
- Ойстрах, Давид Фёдорович #1Oistrakh, David Fyodorovich #2 오이스트라흐, 다비트 표도로비치 #3 소련
- Окуджава, Булат Шалвович #1Okudzhava, Bulat Shalvovich #2 오쿠자바, 블라트 살보비치 #3 조지아 출신
- Олег #1Oleg #2 올레크 #3 러시아 공국
- Олеша, Юрий Карлович #1Olesha, Yurii Karlovich #2 올레샤, 유리 카를로비치 #3 소련
- Онопко, Виктор #1Onopko, Viktor #2 오놉코, 빅토르 #3 러시아

¹² “폴란드어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

Опарин, Александр Иванович #1Oparin, Aleksandr Ivanovich #2 오파린, 알렉산드르 이바노비치 #3 소련
Ослябя Родион #1Oslyabya Rodion #2 오슬랴바 로디온 #3 삼위일체 세르기 수도원의 수도사
Островский, Александр Николаевич #1Ostrovskii, Aleksandr Nikolaevich #2 오스트롭스키, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 제정
Островский, Николай Алексеевич #1Ostrovskii, Nikolai Alekseevich #2 오스트롭스키, 니콜라이 알렉세예비치 #3 소련
Отунбаева, Роза (Исаковна)#1Otunbayeva, Roza (Isakovna) #2 오툰바예바, 로자 (이사코브나) #3 키르기스스탄

<II>

Павел I #1Pavel I #2 파벨 1 세 #3 제정 러시아
Павлов, Валентин С. #1Pavlov, Valentin S. #2 파블로프, 발렌틴 #3 소련
Павлов, Иван Петрович #1Pavlov, Ivan Petrovich #2 파블로프, 이반 페트로비치 #3 소련
Павлова, Анна Павловна #1Pavlova, Anna Pavlovna #2 파블로바, 안나 파블로브나 #3 제정 러시아
Павлюченкова, Анастасия (Сергеевна) #1Pavlyuchenkova, Anastasia (Sergeyevna) #2 파블류첸코바, 아나스타시야 (세르게예브나) #3 러시아
Пак, Жиновий #1Pak, Zinovy #2 파크, 지노비 #3 러시아
Паксас, Роландас #1Paksas, Rolandas #2 팍사스, 롤란다스 #3 리투아니아
Панжинский, Александр (Эдуардович) #1Panzhinskiy, Alexander (Eduardovich) #2 판진스키, 알렉산드르 (에두아르도비치) #3 러시아
Панов, Александр #1Panov, Aleksandr N. #2 파노프, 알렉산드르 #3 러시아
Панова, Вера Фёдоровна #1Panova, Vera Fyodorovna #2 파노바, 베라 표도로브나 #3 소련
Пастернак, Борис Леонидович #1Pasternak, Boris Leonidovich #2 파스테르나크, 보리스 레오니도비치 #3 소련
Паустовский, Константин Георгиевич #1Paustovskii, Konstantin Georgievich #2 파우스톱스키, 콘스탄틴 게오르기예비치 #3 소련
Певзнер, Антуан #1Pevsner, Antoine #2 페프스너, 앙투안 #3 제정 러시아 태생
Перельман, Григорий (Яковлевич) #1Perelman, Grigori (Yakovlevich) #2 페렐만, 그리고리 (야코블레비치) #3 러시아
Перов, Василий Григорьевич #1Perov, Vasilii Grigorievich #2 페로프, 바실리 그리고리예비치 #3 제정 러시아
Петипа, Мариус (Иванович) #1Petipa, Marius #2 페티파, 마리우스 #3 프랑스 태생의 제정 러시아 무용가

- Пётр I Алексеевич #1Pyotr I Alekseevich #2 포트르 알렉세예비치 1 세 #3
제정 러시아
- Пётр II Алексеевич #1Pyotr II Alekseevich #2 포트르 알렉세예비치 2 세 #3
제정 러시아
- Пётр III Фёдорович #1Pyotr III Fyodorovich #2 포트르 표도로비치 3 세 #3
제정 러시아.
- Пётр Великий #1Peter the Great #2 포트르 대제 #3 제정 러시아. →Пётр I
Алексеевич
- Петрашевский, Михаил Васильевич #1Petrashevsky, Mikhail Vasilievich #2
페트라셴스키, 미하일 바실리예비치 #3 제정 러시아
- Петренко, Кирилл #1Petrenko, Kirill #2 페트렌코, 키릴 #3 러시아
- Петров-Водкин, Кузьма Сергеевич #1Petrov-Vodkin, Kuz'ma Sergeevich #2
페트로프보트킨, 쿠지마 세르게예비치 #3 소련
- Петров, Виталий (Александрович) #1Petrov, Vitaly (Aleksandrovich) #2 페
트로프, 비탈리 (알렉산드로비치) #3 러시아
- Петрова, Надя / Петрова Надежда Викторовна <본명> #1Petrova, Nadya #2
페트로바, 나다 <본명> 페트로바, 나테즈다 빅토로브나. Petrova,
Nadezhda Viktorovna #3 러시아
- Петухов, Алексей Евгеньевич #1Petukhov, Alexey (Yevgenyevich) #2 페투
호프, 알렉세이 (예브게니예비치) #3 러시아
- Пиебалгс, Андрис #1Piebalgs, Andris #2 피에발그스, 안드리스 #3 라트비아
- Пильняк, Борис Андреевич #1Pilnyak, Boris Andreevich #2 필냐크, 보리스
안드레예비치 #3 소련
- Писарев, Дмитрий Иванович #1Pisarev, Dmitrii Ivanovich #2 피사레프, 드
미트리 이바노비치 #3 제정 러시아
- Писемский, Алексей Феофилактович #1Pisemski, Aleksei Feofilaktovich #2
피셈스키, 알렉세이 페오필락토비치 #3 제정 러시아
- Пичкунов, Александр (Николаевич) #1Pichkunov, Aleksandr #2 피치쿠노프,
알렉산드르 #3 러시아
- Платонов, Андрей Платонович #1Platonov, Andrei Platonovich #2 플라토노
프, 안드레이 플라토노비치 #3 소련
- Плетнев, Михаил #1Pletnev, Mikhail #2 플레트네프, 미하일 #3 러시아
- Плеханов, Георгий Валентинович #1Plekhanov, Georgii Valentinovich #2 플
레하노프, 게오르기 발렌티노비치 #3 제정 러시아
- Плисецкая, Майя Михайловна #1Plisetskaja, Majja Mikhajlovna #2 플리세
츄카야, 마이야 미하일로브나 #3 러시아
- Плющенко, Евгений (Викторович) #1Plushenko, Evgeni (Viktorovich) #2 플
류셴코, 예브게니 (빅토로비치) #3 러시아

- Погорилая, Анна Алексеевна #1Pogorilaya, Anna (Alekseevna) #2 포고릴라야, 안나 (알렉세예브나) #3 러시아
- Подгорный, Николай Викторович #1Podgorny, Nikolai Viktorovich #2 포드고르니, 니콜라이 빅토로비치 #3 소련
- Пожарский, Дмитрий Михайлович #1Pozharsky, Dmitri Mikhailovich #2 포자르스키, 드미트리 미하일로비치 #3 중세 러시아
- Полевой, Борис Николаевич #1Polevoi, Boris Nikolaevich #2 폴레보이, 보리스 니콜라예비치 #3 소련
- Полевой, Николай Алексеевич #1Polevoy, Nikolai Alekseevich #2 폴레보이, 니콜라이 알렉세예비치 #3 제정 러시아
- Ползунов, Иван Иванович #1Polzunov, Ivan Ivanovich #2 폴주노프, 이반 이바노비치 #3 제정 러시아의 열공학자. 화력 발동기 고안자(1728~1766). #4 용례집
- Полоцкий, Симеон #1Polotsky, Simeon #2 폴로츠키, 시메온 #3 제정 러시아
- ПонTRYгин, Лев Семёнович #1Pontryagin, Lev Semyonovich #2 폰트랴긴, 레프 세묘노비치 #3 소련
- Попов, Александр Степанович #1Popov, Aleksandr Stepanovich #2 포포프, 알렉산드르 스테파노비치 #3 제정 러시아
- Попов, Денис #1Popov, Denis #2 포포프, 데니스 #3 러시아
- Попович, Павел (Романович) / Попович Павло (Романович) <우크라이나어> #1Popovich, Pavel (Romanovich) #2 포포비치, 파벨 (로마노비치) #3 러시아
- Порошенко, Пётр (Алексеевич) / Порошенко, Петро (Олексійович) <우크라이나어> #1Poroshenko, Petro (Oleksijovych) #2 포로셴코, 페트로 (올렉시요비치) #3 우크라이나
- Потанин, Владимир #1Potanin, Vladimir #2 포타닌, 블라디미르 #3 러시아
- Потёмкин, Григорий Александрович #1Potyomkin, Grigori Aleksandrovich #2 포툼킨, 그리고리 알렉산드로비치 #3 제정 러시아
- Пржевальский, Николай Михайлович #1Przheval'skii, Nikolai Mikhailovich #2 프르제발스키, 니콜라이 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Пригожин, Илья (Романович) #1Prigogine, Илья #2 프리고진, 일리야 #3 러시아 태생
- Примаков, Евгений Максимович #1Primakov, Evgeni Maksimovich #2 프리마코프, 예브게니 막시모비치 #3 러시아
- Пришвин, Михаил Михайлович #1Prishvin, Mikhail Mikhailovich #2 프리시빈, 미하일 미하일로비치 #3 소련
- Прокопович, Феофан #1Prokopovich, Feofan #2 프로코포비치, 페오판 #3 제정 러시아

- Прокофьев, Сергей Сергеевич #1Prokofiev, Sergei Sergeevich #2 프로코피예프, 세르게이 세르게예비치 #3 소련
- Прохоров, Александр Михайлович #1Prokhorov, Aleksandr Mikhailovich #2 프로호로프, 알렉산드르 미하일로비치 #3 러시아
- Прохоров, Михаил (Дмитриевич) #1Prokhorov, Mikhail (Dmitrievich) #2 프로호로프, 미하일 (드미트리예비치) #3 러시아
- Пугачёв, Эмельян Иванович #1Pugachov, Emelyan Ivanovich #2 푸가초프, 에멜리안 이바노비치 #3 제정 러시아
- Пугачёва, Алла Борисовна #1Pugachyova, Alla Borisovna #2 푸가초바, 알라 보리소브나 #3 러시아
- Пудовкин, Всеволод Илларионович #1Pudovkin, Vsevolod Illarionovich #2 푸둡킨, 프세볼로트 일라리오노비치 #3 소련
- Пустухов, Борис Николаевич #1Pastukhov, Boris Nikolaevich #2 파스투호프, 보리스 니콜라예비치 #3 러시아
- Путин, Владимир Владимирович #1Putin, Vladimir Vladimirovich #2 푸틴, 블라디미르 블라디미로비치 #3 러시아
- Пушкин, Александр Сергеевич #1Pushkin, Aleksandr Sergeevich #2 푸시킨, 알렉산드르 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Пятигорский, Грегор #1Piatigorsky, Gregor #2 파티고르스키, 그레고르 #3 러시아 태생

<P>

- Радионова, Елена (Игоревна) #1Radionova, Elena (Igorевна) #2 라디오노바, 엘레나 (이고레브나) #3 러시아
- Радищев, Александр Николаевич #1Radishchev, Aleksandr Nikolaevich #2 라디셰프, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 제정
- Радлов, Василий Васильевич #1Radlov, Vasilii Vasilievich #2 라들로프, 바실리 바실리예비치 #3 독일 태생의 제정 러시아 동양학자
- Разин, Степан Тимофеевич #1Razin, Stepan Timofeevich #2 라진, 스테판 티모페예비치 #3 제정 러시아
- Разм, Мохаммад Алем #1Razm, Mohammad Alim #2 라즘, 모하마드 알림 #3 우즈베크 출신
- Рамишвили, Теймураз #1Ramishvili, Teymuraz #2 라미시빌리, 테이무라스 #3 러시아
- Расизаде, Артур (Таир оглы) #1Rasizade, Artur (Tahir oğlu) #2 라시자데, 아르투르 #3 아제르바이잔
- Распутин, Валентин Григорьевич #1Rasputin, Valentin Grigorievich #2 라스푸틴, 발렌틴 그리고리예비치 #3 러시아

- Распутин, Григорий Ефимович #1Rasputin, Grigorii Efimovich #2 라스푸틴, 그리고리 예피모비치 #3 제정 러시아
- Растрелли, Варфоломей Варфоломеевич / Растрелли, Бартоломео Франческо #1Rastrelli, Varfolomei Varfolomeevich #2 라스트렐리, 바르폴로메이 바르폴로메예비치 #3 제정 러시아
- Рахманинов, Сергей Васильевич #1Rakhmaninov, Sergei Vasil'evich #2 라흐마니노프, 세르게이 바실리에비치 #3 소련
- Рахманов, Амангельды #1Rakhmanov, Amangeldy #2 라흐마노프, 아만겔디 #3 투르크메니스탄
- Рахмон, Эмомали #1Rahmon, Emomalii #2 라흐몬, 에모말리 #3 타지키스탄
- Рахмонов, Эмомали #1Rakhmonov, Emomali S. #2 라흐모노프, 에모말리 #3 타지키스탄
- Резник, Михаил / Резнік, Михайло (Борисович) <우크라이나어> #1Reznik, Mykhailo (Borisovich) #2 레즈니크, 미하일로 #3 우크라이나
- Репин, Илья Ефимович #1Repin, Il'ya Efimovich #2 레핀, 일리야 예피모비치 #3 제정 러시아
- Римский-Корсаков, Николай Андреевич #1Rimskii-Korsakov, Nikolai Andreevich #2 림스키코르사코프, 니콜라이 안드레예비치 #3 제정 러시아
- Родионов, Игорь #1Rodionov, Igor' #2 로디오노프, 이고리 #3 러시아
- Рождественский, Геннадий Николаевич #1Rozhdestvenski, Gennadi Nikolayevich #2 로즈데스트벤스키, 겐나디 니콜라예비치 #3 러시아
- Рождественский, Роберт Иванович #1Rozhdestvensky, Robert Ivanovich #2 로즈데스트벤스키, 로베르트 이바노비치 #3 소련
- Розанов, Василий Васильевич #1Rozanov, Vasilii Vasilievich #2 로자노프, 바실리 바실리에비치 #3 제정 러시아
- Романов #1Romanov #2 로마노프 #3 러시아
- Романов, Александр Михайлович #1Romanov, Aleksandr Mikhailovich #2 로마노프, 알렉산드르 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Романов, Алексей Александрович #1Romanov, Aleksei Aleksandrovich #2 로마노프, 알렉세이 알렉산드로비치 #3 제정 러시아
- Романов, Алексей Николаевич #1Romanov, Aleksei Nikolaevich #2 로마노프, 알렉세이 니콜라예비치 #3 제정 러시아
- Романов, Кирилл Владимирович #1Romanov, Kirill Vladimirovich #2 로마노프, 키릴 블라디미로비치 #3 제정 러시아
- Романов, Михаил Фёдорович #1Romanov, Mikhail Fyodorovich #2 로마노프, 미하일 표도로비치 #3 제정 러시아
- Романова, Елизавета Фёдоровна #1Romanova, Elizaveta Fyodorovna #2 로마노바, 엘리자베타 표도로브나 #3 제정 러시아

- Романова, Татьяна Николаевна #1Romanova, Tat'yana Nikolaevna #2 로마노바, 타티야나 니콜라예브나 #3 제정 러시아
- Романцев, Олег #1Romantsev, Oleg #2 로만체프, 올레크 #3 러시아
- Ростовцев, Михаил Иванович #1Rostovtzeff, Michael Ivanovich #2 로스토프체프, 미하일 이바노비치 #3 제정 러시아 태생
- Ростропович, Мстислав Леопольдович #1Rostropovich, Mstislav Leopoldovich #2 로스트로포비치, 므스티슬라프 레오폴도비치 #3 아제르바이잔
- Рубинштейн, Антон Григорьевич #1Rubinshtein, Anton Grigorievich #2 루빈시테인, 안톤 그리고리예비치 #3 제정 러시아
- Рубинштейн, Ида (Львовна) #1Rubinstein, Ida (Lvovna) #2 루빈시테인, 이다 #3 소련
- Рубинштейн, Николай Григорьевич #1Rubinshtein, Nikolai Grigorievich #2 루빈시테인, 니콜라이 그리고리예비치 #3 제정 러시아
- Рублёв, Андрей #1Rublyov, Andrei #2 루블료프, 안드레이 #3 중세 러시아
- Румянцев, Александр #1Rumyantsev, Aleksandr #2 루만체프, 알렉산드르 #3 러시아
- Рутковский, Олег #1Rutkovsky, Oleg #2 룻콥스키, 올레크 #3 러시아
- Рушайло, Владимир (Борисович) #1Rushailo, Vladimir (Borisovich) #2 루샤일로, 블라디미르 (보리소비치) #3 러시아
- Рыжков, Николай #1Ryzhkov, Nikolai #2 리시코프, 니콜라이 #3 소련
- Рыков, Алексей Иванович #1Rykov, Aleksei Ivanovich #2 리코프, 알렉세이 이바노비치 #3 소련
- Рылеев, Кондратий Фёдорович #1Ryleev, Kondraty Fyodorovich #2 릴레예프, 콘드라티 표도로비치 #3 제정 러시아
- Рэнд, Айн / Розенбаум, Алиса Зиновьевна <본명> #1Rand, Ayn #2 랜드, 에인. ¹³ <본명> 로젠바움, 알리사 지노비예브나. Rosenbaum, Alisa Zinov'yevna #3 러시아 태생
- Рюйтель, Арнольд #1Rüütel, Arnold #2 뤼텔, 아르놀트 #3 에스토니아
- Рюрик #1Ryurik #2 류리크 #3 러시아의 건국자(?~879). #4 표준

<C>

- Саакашвили, Михаил (Николозович) / სააკაშვილი, მიხეილ <조지아어> #1Saakashvili, Mikhail #2 사카슈빌리, 미하일 #3 조지아
- Савинков, Борис Викторович #1Savinkov, Boris Viktorovich #2 사빈코프, 보리스 빅토로비치 #3 소련

¹³ “영어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Сазонов, Сергей Дмитриевич #1Sazonov, Sergei Dmitrievich #2 사조노프, 세르게이 드미트리예비치 #3 소련
- Салтыков, Михаил Евграфович #1Saltykov, Mikhail Eevgrafovich #2 살티코프, 미하일 예브그라포비치 #3 제정 러시아
- Сапиро, Евгений Саулович #1Sapiro, Evgenii Saulovich #2 사피로, 예브게니 사올로비치 #3 러시아
- Саргсян, Вазген (Завенович) / Մարգարյան, Վազգեն #1Sarkisyan, Vazgen (Zavenovich) #2 사르키샨, 바즈겐 #3 아르메니아
- Саргсян, Серж (Азатович) / Մարգարյան, Սերժ (Ազատի) <아르메니아어> #1Sargsyan, Serzh (Azati) #2 사르키샨, 세르지 (아자티) #3 아르메니아
- Саргсян, Тигран (Суренович) / Մարգարյան, Տիգրան <아르메니아어> #1Sargsyan, Tigran #2 사르키샨, 티그란 #3 아르메니아
- Саррот, Натали / Черняк, Наталья Ильинична <본명> #1Sarraute, Nathalie #2 사로트, 나탈리. <본명> 체르냐크, 나탈리야 일리니치나. Chernyak, Nathaliya Ilinichna #3 러시아 이바노보(Ivanovo) 태생
- Сарьян, Мартирос (Сергеевич) / Մարյան, Մարտիրոս <아르메니아어> #1Sariyan, Martiros (Sergeevich) #2 사리얀, 마르티로스 (세르게예비치) #3 아르메니아
- Сахаров, Андрей Дмитриевич #1Sakharov, Andrei Dmitrievich #2 사하로프, 안드레이 드미트리예비치 #3 소련
- Святослав I Игоревич #1Sviatoslav I of Kiev / Svyatoslav Igorevich #2 스바토슬라프 이고레비치 #3 고대 러시아
- Святослав II Ярославич #1Sviatoslav II of Kiev / Svyatoslav II Yaroslavich #2 스바토슬라프 야로슬라비치 2 세 #3 키예프 공국
- Севастова, Анастасия #1Sevastova, Anastasija #2 세바스토바, 아나스타시야 #3 라트비아
- Сёдергран, Эдит Ирене #1Södergran, Edith Irene #2 쇠데르그란, 에디트 이레네¹⁴ #3 러시아 태생
- Селезнёв, Геннадий (Николаевич) #1Seleznyov, Gennady (Nikolayevich) #2 셀레즈노프, 겐나디 (니콜라예비치) #3 러시아
- Семак, Сергей #1Semak, Sergei #2 세마크, 세르게이 #3 러시아
- Семён Иванович Гордый #1Semyon Ivanovich Gordy #2 세몬 이바노비치 고르디 #3 모스크바와 블라디미르의 대공후
- Семёнов, Виктор Александрович #1Semyonov, Viktor Aleksandrovich #2 세묘노프, 빅토르 알렉산드로비치 #3 러시아

¹⁴ 현재 핀란드어는 별도의 외래어 표기법이 마련되어 있지 않으나, 일반적인 외래어 표기법에 따라 표기함.

- Семёнов, Николай Николаевич #1Semyonov, Nikolai Nikolaevich #2 세묘노프, 니콜라이 니콜라예비치 #3 제정 러시아
- Серрапион Печерский #1Serapion Vladimirsky #2 세라피온 블라디미르스키 #3 고대 러시아
- Серафимович, Александр #1Serafimovich, Aleksandr #2 세라피모비치, 알렉산드르 #3 소련
- Сергеев, Игорь Дмитриевич #1Sergeev, Igor' Dmitrievich #2 세르게예프, 이고리 드미트리예비치 #3 러시아
- Сергий Радонежский #1Sergius of Radonezh/ Sergy Radonezhsky #2 세르기 라도네시스키 #3 중세 러시아
- Сердюков, Анатолий (Эдуардович) #1Serdyukov, Anatoly (Eduardovich) #2 세르дю코프, 아나톨리 (에두아르도비치) #3 러시아
- Серов, Валерий Михайлович #1Serov, Valery (Mikhailovich) #2 세로프, 발레리 (미하일로비치) #3 러시아
- Сечин, Игорь (Иванович) #1Sechin, Igor' (Ivanovich) #2 세친, 이고리 (이바노비치) #3 러시아
- Сидорский, Сергей (Сергеевич) / Сідорські, Сяргей (Сяргеевіч) <벨라루스어> #1Sidorovsky, Sergei #2 시도르스키, 세르게이 #3 벨라루스
- Сикорский, Игорь Иванович #1Sikorsky, Igor' Ivanovich #2 시코르스키, 이고리 이바노비치 #3 소련 태생
- Силуанов, Антон (Германович) #1Siluanov, Anton (Germanovich) #2 실루아노프, 안톤 (게르마노비치) #3 러시아
- Симкин, Даниил #1Simkin, Daniil #2 심킨, 다닐 #3 러시아
- Скобрев, Иван (Александрович) #1Skobrev, Ivan (Aleksandrovich) #2 스크обре프, 이반 (알렉산드로비치) #3 러시아
- Скрынник Елена (Борисовна) #1Skrynnik, Elena (Borisovna) #2 스크린니크, 엘레나 (보리소브나) #3 러시아
- Скрябин, Александр Николаевич #1Skryabin, Aleksandr Nikolaevich #2 스크라빈, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 제정
- Слепцова, Светлана (Юрьевна) #1Sleptsova, Svetlana (Yuryevna) #2 슬렙초바, 스베틀라나 (유리예브나) #3 러시아
- Слущкая, Ирина #1Slutskaya, Irina #2 슬루츠키야, 이리나 #3 러시아
- Смертин, Алексей #1Smertin, Alexei #2 스메르틴, 알렉세이 #3 러시아
- Собчак, Анатолий Александрович #1Sobchak, Anatoly Aleksandrovich #2 슝차크, 아나톨리 알렉산드로비치 #3 러시아
- Собянин, Сергей (Семёнович) #1Sobyanin, Sergei (Semyonovich) #2 소바닌, 세르게이 (세묘노비치) #3 러시아
- Солженицын, Александр Исаевич #1Solzhenitsyn, Aleksandr Isajevich #2 솔제니친, 알렉산드르 이사예비치 #3 러시아

- Соловьёв, Владимир Сергеевич #1Solov'yov, Vladimir Sergeevich #2 솔로비요프, 블라디미르 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Соловьёв, Николай Николаевич #1Soloviyov, Nikolai Nikolaevich #2 솔로비요프, 니콜라이 니콜라예비치 #3 러시아
- Соловьёв, Сергей Михайлович #1Solov'yov, Sergei Mikhailovich #2 솔로비요프, 세르게이 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Сологуб, Фёдор #1Sologub, Fyodor #2 솔로구프, 표도르 #3 제정 러시아
- Соломатин, Андрей #1Solomatин, Andrei #2 솔로마틴, 안드레이 #3 러시아
- Сорокин, Питрим Александрович #1Sorokin, Pitirim Alexandrovich #2 소로킨, 피티림 알렉산드로비치 #3 제정 러시아 태생
- Спасский, Борис Васильевич #1Spassky, Boris Vasilyevich #2 스파스키, 보리스 바실리예비치 #3 러시아
- Сперанский, Михаил Михайлович #1Speranski, Mikhail Mikhailovich #2 스페란스키, 미하일 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Спиваков, Владимир (Теодорович) #1Spivakov, Vladimir (Teodorovich) #2 스피바코프, 블라디미르 (테오도로비치) #3 러시아
- Сталин, Иосиф Виссарионович #1Stalin, Iosif Vissarionovich #2 스탈린, 이오시프 비사리오노비치 #3 소련
- Станиславский, Константин Сергеевич #1Stanislavskii, Konstantin Sergeevich #2 스타니스랍스키, 콘스탄틴 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Станкевич, Николай Владимирович #1Stankevich, Nikolai Vladimirovich #2 스타нке비치, 니콜라이 블라디미로비치 #3 제정 러시아
- Станюта, Мелитина (Дмитриевна) / Станюта, Меліціна (Дзмітрыеўна) <벨라루스어> #1Stanyuta, Myelitsina (Dzmitryewna) [Staniouta, Melitina] . #2 스타뉴타, 멜리치나 (즈미트리예우나). <러시아어> 스타뉴타, 멜리치나 드미트리예브나 Stanyuta, Melitina Dmitrievna #3 벨라루스
- Стародубов, Владимир #1Starodubov, Vladimir #2 스타로두보프, 블라디미르 #3 러시아
- Стасов, Владимир Васильевич #1Stasov, Vladimir Vasilievich #2 스타소프, 블라디미르 바실리예비치 #3 제정 러시아
- Степашин, Сергей Вадимович #1Stepashin, Sergei Vadimovich #2 스테파신, 세르게이 바디모비치 #3 러시아
- Стерн, Исаак / Исаак Штерн <우크라이나어> #1Stern, Isaac #2 스텐, 아이작¹⁵ #3 우크라이나 태생
- Столыпин, Пётр Аркадьевич #1Stolypin, Pëtr Arkad'evich #2 스톨리핀, 표트르 아르카디예비치 #3 제정 러시아

¹⁵ “영어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Стравинский, Игорь Фёдорович #1Stravinsky, Igor' Fedorovich #2 스트라빈스키, 이고리 페도로비치 #3 제정 러시아 태생
- Строганов, Павел Александрович #1Stroganov, Pavel Aleksandrovich #2 스트로가노프, 파벨 알렉산드로비치 #3 제정 러시아
- Строев, Егор Семёнович #1Stroev, Yegor (Semyonovich) #2 스트로예프, 예고르 (세묘노비치) #3 러시아
- Суворов, Александр Петрович #1Suvorov, Aleksandr Petrovich #2 수보로프, 알렉산드르 페트로비치 #3 제정 러시아
- Султанов, Уткир (Тухтамурадович) #1Sultanov, Utkir (Tukhtamuradovich) #2 술타노프, 윗키르 (투흐타무라도비치) #3 우즈베키스탄
- Сумароков, Александр Петрович #1Sumarokov, Aleksandr Petrovich #2 수마로코프, 알렉산드르 페트로비치 #3 제정 러시아
- Суриков, Василий Иванович #1Surikov, Vasilii Ivanovich #2 수리코프, 바실리 이바노비치 #3 제정 러시아
- Сурков, Владислав (Юрьевич) #1Surkov, Vladislav (Yur'evich) #2 수르코프, 블라디슬라프 (유리예비치) #3 러시아
- Суслов, Михаил Андреевич #1Suslov, Mikhail Andreevich #2 수슬로프, 미하일 안드레예비치 #3 소련
- Сутин, Хаим Соломонович #1Soutine, Chaim #2 수틴, 생¹⁶ #3 제정 러시아 태생
- Сысуюев, Олег Николаевич #1Sysuyev, Oleg Nikolaevich #2 시수예프, 올레크 니콜라예비치 #3 러시아

<Т>

- Таиров, Александр Яковлевич #1Tairov, Aleksandr Yakovlevich #2 타이로프, 알렉산드르 야코블레비치 #3 소련
- Тамерлан / Тимур #1Timour #2 티무르 #3 티무르 왕조
- Тамм, Игорь Евгеньевич #1Tamm, Igor' Jevgen'jevich #2 탐, 이고리 예브게니예비치 #3 소련
- Тарковский, Андрей Арсеньевич #1Tarkovsky, Andrei Arsen'evich #2 타르콥스키, 안드레이 아르세니예비치 #3 소련
- Тасмагамбетов, Имангали #1Tasmagambetov, Imangali #2 타스마감베토프, 이망갈리 #3 카자흐스탄
- Татишвили, Анна (Дмитриевна) / ტატიშვილი, ანა <조지아어> #1T'at'ishvili, Ana [Tatishvili, Anna] #2 타티슈빌리, 아나 #3 조지아
- Татищев, Василий Никитич #1Tatishchev, Vasilii Nikitich #2 타티셰프, 바실리 니키티치 #3 제정 러시아

¹⁶ “프랑스어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

- Татлин, Владимир Евграфович #1Tatlin, Vladimir Evgrapovich #2 타틀린, 블라디미르 예브그라포비치 #3 소련
- Твардовский, Александр Трифонович #1Tvardovskii, Aleksandr Trifonovich #2 트바르둡스키, 알렉산드르 트리포노비치 #3 소련
- Текебаев, Омурбек #1Tekebayev, Omurbek #2 테케바예프, 오무르베크 #3 키르기스스탄
- Тёмкин, Дмитрий (Зиновьевич) #1Tyomkin, Dmitri #2 툼킨, 드미트리 #3 제정 러시아 태생
- Темучин #1Temuchin #2 테무친 #3 칭기즈 칸(Chingiz Khan)의 본명.
- Тендряков, Владимир Фёдорович #1Tendryakov, Vladimir Fyodrovich #2 텐드랴코프, 블라디미르 표드로비치 #3 소련
- Терешкова, Валентина #1Tereshkova, Valentina #2 테레시코바, 발렌티나 #3 러시아
- Тетрадзе, Омари #1Tetradze, Omari #2 테트라제, 오마리 #3 러시아
- Тимирязев, Климент Аркадьевич #1Timiryazev, Kliment Arkadievich #2 티미랴제프, 클리멘트 아르카디예비치 #3 제정 러시아
- Тимофти, Николае (Васильевич) #1Timofti, Nicolae #2 티모프티, 니콜라에 #3 몰도바
- Тимошенко, Юлия (Владимировна) / Тимошенко Юлія (Володимирівна) <우크라이나어> #1Tymoshenko, Yuliya #2 티모셴코, 율리아 #3 우크라이나
- Титов, Егорь #1Titov, Egor' #2 티토프, 예고리 #3 러시아
- Тихон (Патриарх Московский) #1Tikhon #2 티혼 #3 제정 러시아
- Тихонов, Александр Николаевич #1Tikhonov, Aleksandr Nikolaevich #2 티호노프, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 러시아
- Тихонов, Николай Семёнович #1Tikhonov, Nikolai Semyonovich #2 티호노프, 니콜라이 세묘노비치 #3 소련
- Токаев, Касым-Жомарт (Кемелевич) / Тоқаев, Қасым-Жомарт (Кемелұлы) #1Tokayev, Kasymzhomart K. #2 토카예프, 카심조마트 #3 카자흐스탄
- Толорая, Георгий (Давидович) #1Toloraya, Georgii (Davidovich) #2 톨로라야, 게오르기 (다비도비치) #3 러시아
- Толстой, Алексей Николаевич #1Tolstoi, Aleksei Nikolaevich #2 톨스토이, 알렉세이 니콜라예비치 #3 소련
- Толстой, Лев Николаевич #1Tolstoi, Lev Nikolaevich #2 톨스토이, 레프 니콜라예비치 #3 제정 러시아
- Траньков, Максим (Леонидович) #1Tran'kov, Maxim (Leonidovich) #2 트란코프, 막심 (레오니도비치) #3 러시아
- Тренин, Дмитрий (Витальевич) #1Trenin, Dmitri #2 트레닌, 드미트리 #3 러시아 태생

- Третьяков, Александр (Владимирович) #1Tret'yakov, Alexander (Vladimirovich) #2 트레티야코프, 알렉산드르 (블라디미로비치) #3 러시아
- Третьяков, Павел Михайлович #1Tret'yakov, Pavel Mikhailovich #2 트레티야코프, 파벨 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Третьяков, Сергей Михайлович #1Tret'yakov, Sergei Mikhailovich #2 트레티야코프, 세르게이 미하일로비치 #3 제정 러시아
- Троцкий, Леон #1Trotskii, Leon #2 트로츠키, 레온 #3 소련
- Трояновский, Олег А. #1Trojanovsky, Oleg A. #2 트로야놉스키, 올레크 #3 소련
- Туктамышева, Елизавета (Сергеевна) #1Tuktamysheva, Elizaveta (Sergeevna [Sergeyevna]) #2 툃타미셰바, 엘리자베타 (세르게예브나) #3 러시아
- Туполев, Алексей #1Tupolev, Aleksej #2 투폴레프, 알렉세이 #3 러시아
- Туполев, Андрей Николаевич #1Tupolev, Andrei Nikolaevich #2 투폴레프, 안드레이 니콜라예비치 #3 소련
- Тургенев, Иван Сергеевич #1Turgenev, Ivan Sergeevich #2 투르게네프, 이반 세르게예비치 #3 제정 러시아
- Тухачевский, Михаил Николаевич #1Tukhachevskii, Mikhail Nikolaevich #2 투하첵스키, 미하일 니콜라예비치 #3 소련
- Тютчев, Фёдор Иванович #1Tyutchev, Fyodor Ivanovich #2 튜체프, 표도르 이바노비치 #3 제정 러시아의 시인(1803~1873). #4 표준

<У>

- Улицкая, Людмила (Евгеньевна) #1Ulitskaya, Lyudmila (Evgen'evna) #2 울리츠키야, 류드밀라 (예브게니예브나) #3 러시아
- Улугбек #1Ulugh Beg #2 울루그베그 #3 티무르 왕조
- Ульянова, Ольга #1Ul'yanova, Ol'ga #2 울리아노바, 올가 #3 러시아
- Уринсон, Яков Моисеевич #1Urinson, Yakov Moiseevich #2 우린손, 야코프 모이세예비치 #3 러시아
- Успенский, Глеб Иванович #1Uspenskii, Gleb Ivanovich #2 우스펜스키, 글레프 이바노비치 #3 제정 러시아
- Устинов, Александр #1Ustinov, Alexander #2 우스티노프, 알렉산드르 #3 러시아
- Устюгов, Евгений (Романович) #1Ustyugov, Evgeny (Romanovich) #2 우스튜고프, 예브게니 (로마노비치) #3 러시아
- Ушаков, Симон Федорович #1Ushakov, Simon Fyodorovich #2 우샤코프, 시몬 표도로비치 #3 제정 러시아
- Ушаков, Фёдор #1Ushakov, Fyodor #2 우샤코프, 표도르 #3 제정 러시아

<Ф>

- Фадеев, Александр Александрович #1 Fadeev, Aleksandr Aleksandrovich #2
파데예프, 알렉산드르 알렉산드로비치 #3 소련
- Федин, Константин Александрович #1 Fedin, Konstantin Aleksandrovich #2
페딘, 콘스탄틴 알렉산드로비치 #3 소련
- Федков, Андрей #1 Fedkov, Andrei #2 펫코프, 안드레이 #3 러시아
- Фёдор Алексеевич #1 Fyodor Alekseevich #2 표도르 알렉세예비치 #3 제정
러시아
- Фёдор Иванович #1 Fyodor Ivanovich #2 표도르 이바노비치 #3 제정 러시아
- Фёдоров, Борис #1 Fyodorov, Boris #2 표도로프, 보리스 #3 러시아
- Фёдоров, Борис (Григорьевич) #1 Fyodorov, Boris #2 표도로프, 보리스 #3
러시아
- Фёдоров, Иван #1 Fyodorov, Ivan #2 표도로프, 이반 #3 제정 러시아
- Федотов, Павел Андреевич #1 Fedotov, Pavel Andreevich #2 페도토프, 파벨
안드레예비치 #3 제정 러시아
- Фен, Виталий #1 Fen, Vitaly #2 펜, 비탈리 #3 우즈베키스탄
- Феофан Грек #1 Theophanes the Greek / Grek Feofan #2 페오판 그레크 #3 러
시아에서 활동한 그리스 화가
- Фет, Афанасий Афанасьевич #1 Fet, Afanasii Afanasievich #2 페트, 아파나
시 아파나시예비치 #3 제정 러시아
- Филат, Владимир (Васильевич) #1 Filat, Vlad #2 필라트, 블라드 <본명> 필
라트, 블라디미르. Filat, Vladimir #3 몰도바
- Филимонов, Александр #1 Filimonov, Aleksandr #2 필리모노프, 알렉산드르
#3 러시아
- Филипов, Владимир #1 Filipov, Vladimir #2 필리포프, 블라디미르 #3 러시
아
- Филипп / <본명> #1 Filipp #2 필리프 <본명> 콜리체프, 표도르 스테파노비
치. Kolychev, Fyodor Stepanovich #3 제정 러시아
- Флоренский, Павел Александрович #1 Florensky, Pavel Aleksandrovich #2 플
로렌스키, 파벨 알렉산드로비치 #3 제정 러시아
- Фокин, Михаил Михайлович #1 Fokin, Mihail Mihailovich #2 포킨, 미하일
미하일로비치 #3 소련 태생
- Фонвизин, Денис Иванович #1 Fonvizin, Denis Ivanovich #2 폰비진, 데니스
이바노비치 #3 제정 러시아
- Фрадков, Михаил (Ефимович) #1 Fradkov, Mikhail #2 프랏코프, 미하일 #3
러시아
- Франк, Илья Михайлович #1 Frank, Il'ja Mikhailovich #2 프란크, 일리야 미
하일로비치 #3 소련

Франк, Сергей Оттович #1 Frank, Sergei Ottovich #2 프란크, 세르게이 오토비치 #3 러시아

Фриче, Владимир Максимович #1 Friche, Vladimir Maksimovich #2 프리체, 블라디미르 막시모비치 #3 소련

Фрунзе, Михаил Васильевич #1 Frunze, Mikhail Vasilievich #2 프룬제, 미하일 바실리예비치 #3 소련

Фурманов, Дмитрий Андреевич #1 Furmanov, Dmitrii Andreevich #2 푸르마노프, 드미트리 안드레예비치 #3 소련

<X>

Хазова Ирина (Викторовна) #1 Khazova, Irina (Viktorovna) #2 하조바, 이리나 (빅토로브나) #3 러시아

Халсман, Филипп / Halsmans, Filips <라트비아어> #1 Halsman, Philippe #2 홀스먼, 필리프 #3 라트비아 태생

Харитонов, Сергей (Валерьевич) #1 Kharitonov, Sergei (Valerievich) #2 하리토노프, 세르게이 (발레리예비치) #3 러시아

Хатятурян, Арам Ильич #1 Khachaturyan, Aram Ilich #2 하타투랴, 아람 일리치 #3 소련

Хватков, Николай #1 Khvatkov, Nikolai #2 흐박코프, 니콜라이 #3 러시아

Хейфец, Яша / Хейфец, Иóсиф Рувíмович #1 Heifetz, Jascha #2 하이페츠, 야샤 #3 소련 태생

Хлебников, Велемир Владимирович #1 Khlebnikov, Velemir Vladimirovich #2 흘레브니코프, 벨레미르 블라디미로비치 #3 제정 러시아

Хлестов, Дмитрий #1 Khlestov, Dmitri #2 흘레스토프, 드미트리 #3 러시아

Ходорковский, Михаил (Борисович) #1 Khodorkovsky, Mikhail (Borisovich) #2 호도르콥스키, 미하일 (보리소비치) #3 러시아

Ходырев, Геннадий #1 Khodyrev, Gennady #2 호디레프, 겐나디 #3 러시아

Хомяков, Алексей Степанович #1 Khomyakov, Aleksei Stepanovich #2 호마코프, 알렉세이 스테파노비치 #3 제정 러시아

Хохлов, Дмитрий #1 Khokhlov, Dmitri #2 호홀로프, 드미트리 #3 러시아

Христенко, Виктор Борисович #1 Khristenko, Viktor Borisovich #2 흐리스텐코, 빅토르 보리소비치 #3 러시아

Хрусталёва, Елена (Владимировна) #1 Khrustaleva, Elena (Vladimirovna) #2 흐루스탈료바, 엘레나 (블라디미로브나) #3 러시아

Хрущёв, Никита Сергеевич #1 Khrushchyov, Nikita Sergeevich #2 흐루쇼프, 니키타 세르게예비치 #3 소련

Хрущёв, Сергей #1 Khrushchyov, Sergei #2 흐루쇼프, 세르게이 #3 소련

<Ц>

Цадкин, Осип #1 Zadkine, Ossip #2 자킨, 오시 #3 제정 러시아 태생

Цах, Николай П. #1 Tsakh, Nikolai P. #2 차흐, 니콜라이 #3 러시아
Цветаев, Иван Владимирович #1 Tsvetaev, Ivan Vladimirovich #2 츠베타예프, 이반 블라디미로비치 #3 제정 러시아
Цветаева, Марина Ивановна #1 Tsvetaeva, Marina Ivanovna #2 츠베타예바, 마리나 이바노브나 #3 제정 러시아
Циолковский, Константин Эдуардович #1 Tsiolkovskii, Konstantin Eduardovich #2 치올콥스키, 콘스탄틴 에두아르도비치 #3 소련

<Ч>

Чаадаев, Пётр Яковлевич #1 Chaadaev, Pyotr Yakovlevich #2 차다예프, 표트르 야코블레비치 #3 제정 러시아
Чагатай #1 Chaghatai #2 차가타이 #3 차가타이 한국(汗國)
Чайка, Юрий (Яковлевич) #1 Chaika, Yuri (Yakoblevich) #2 차이카, 유리 (야코블레비치) #3 러시아
Чайковский, Пётр Ильич #1 Chaikovskii, Pyotr Il'ich #2 차이콥스키, 표트르 일리치 #3 제정 러시아
Чебышёв, Пафнутий Львович #1 Chebyshov, Pafnuti L'vovich #2 체비쇼프, 파프누티 리보비치 #3 제정 러시아
Чебышёв, Пафнутий Львович #1 Chebyshov, Pafnuti Lvovich #2 체비쇼프 #3 제정 러시아
Черезов, Иван (Юрьевич) #1 Tcherezov, Ivan (Yuryevich) #2 체레조프, 이반 (유리예비치) #3 러시아
Черенков, Алексеевич Павел #1 Cherenkov, Alekseyevich Pavel #2 체렌코프, 알렉세예비치 파벨 #3 소련
Чермный, Михаил Всеволодович #1 Chermny, Mikhail Vsevolodovich #2 체름니, 미하일 프세볼로도비치 #3 키예프의 대공후
Черненко, Константин Устинович #1 Chernenko, Konstantin Ustinovich #2 체르넨코, 콘스탄틴 우스티노비치 #3 소련
Чернов, Виктор Михайлович #1 Chernov, Viktor Mikhailovich #2 체르노프, 빅토르 미하일로비치 #3 제정 러시아
Черномырдин, Виктор С. #1 Chernomyrdin, Viktor S. #2 체르노미르딘, 빅토르 #3 러시아
Чернышевский, Николай Гаврилович #1 Chernyshevsky, Nikolay Gavrilovich #2 체르니셴스키, 니콜라이 가브릴로비치 #3 제정 러시아
Чехов, Антон Павлович #1 Chekhov, Anton Pavlovich #2 체호프, 안톤 파블로비치 #3 제정 러시아
Чингисхан #1 Chingiz Khan #2 칭기즈 칸 #3 몽고국
Чубайс, Анатолий #1 Chubais, Anatoly B. #2 추바이스, 아나톨리 #3 러시아
Чугайнов, Игорь #1 Chugainov, Igor' #2 추가이노프, 이고리 #3 러시아

- Чудинов, Игорь Витальевич #1Igor' Vitalyevich Chudinov #2 추디노프, 이
고리 비탈리예비치 #3 키르기스스탄
- Чудов, Максим (Александрович) #1Tchoudov, Maxim (Alexandrovich) #2 추
도프, 막심 (알렉산드로비치) #3 러시아
- Чуковский, Корней Иванович #1Chukovskii, Kornei Ivanovich #2 추콥스키,
코르네이 이바노비치 #3 제정 러시아

<Ш>

- Шабалин, Максим (Андреевич) #1Shabalin, Maxim (Andreevich) #2 샤발린,
막심 (안드레예비치) #3 러시아
- Шагал, Марк (Захарович) #1Chagall, Marc #2 샤갈, 마르크 #3 러시아 태생
- Шагинян, Мариетта Сергеевна #1Shaginyan, Marietta Sergeevna #2 샤기냘,
마리예타 세르게예브나 #3 소련
- Шаляпин, Фёдор Иванович #1Chaliapin, Fyodor Ivanovich #2 샬라핀, 표도
르 이바노비치 #3 소련
- Шан, Бен #1Shahn, Ben #2 샨, 벤 #3 제정 러시아 태생
- Шаповальянц, Андрей Георгиевич #1Shapoval'yants, Andrei Georgievich #2
샤포발리안츠, 안드레이 게오르기예비치 #3 러시아
- Шарапова, Мария (Юрьевна) #1Sharapova, Maria (Yuryevna) #2 샤라포바,
마리아 (유리예브나) #3 러시아
- Шверник, Николай Михайлович #1Shvernik, Nikolai Mikhailovich #2 시베
르니크, 니콜라이 미하일로비치 #3 소련
- Шеварднадзе, Эдуард (Амвросиевич) / შევარდნაძე, ედუარდ <조지아어
> #1Shevardnadze, Eduard (Amvrosijevich) #2 셰바르드나제, 예두아르트
(암브로시예비치) #3 조지아
- Шевченко, Тарас Григорьевич / Шевченко Тарас Григорович <우크라이나
어> #1Shevchenko, Taras Grigorievich #2 셰프첸코, 타라스 그리고리예비
치 #3 우크라이나
- Шейк, Ирина / Шайхлисламова, Ирина Валерьевна <본명> #1Sheik
[Shayk] , Irina #2 셰이크, 이리나. <본명> 샤이홀리슬라모바, 이리나
발레리예브나. Shajkhislamova, Irina Valer'evna #3 러시아
- Шемета, Альгирдас #1Šemeta, Algirdas (Gediminas) #2 셰메타, 알기르다스
(게디미나스) #3 리투아니아
- Шестов, Лев Исакович #1Shestov, Lev Isakovich #2 셰스토프, 레프 이사코
비치 #3 제정 러시아
- Шилов, Александр Александрович #1Shilov, Aleksandr Aleksandrovich #2
실로프, 알렉산드르 알렉산드로비치 #3 러시아
- Шиманов, Александр Алексеевич #1Shimanov, Aleksandr Alekseevich #2 시
마노프, 알렉산드르 알렉세예비치 #3 러시아

- Шипулин, Антон (Владимирович) #1 Shipulin, Anton (Vladimirovich) #2 시폴린, 안톤 (블라디미로비치) #3 러시아
- Шишкин, Иван Иванович #1 Shishkin, Ivan Ivanovich #2 시시킨, 이반 이바노비치 #3 제정 러시아
- Шкеле, Андрис #1 Skele, Andris #2 슈켈레, 안드리스 #3 라트비아
- Шкловский, Виктор Борисович #1 Shklovskii, Viktor Borisovich #2 시클롭스키, 빅토르 보리소비치 #3 소련
- Шматко, Сергей Иванович #1 Shmatko, Sergei (Ivanovich) #2 시맛코, 세르게이 (이바노비치) #3 러시아
- Шмидт, Отто Юрьевич #1 Schmidt, Otto Iurievich #2 시미트, 오토 유리예비치 #3 소련
- Шоигу, Сергей Кужугетович #1 Shoigu, Sergei Kuzhugetovich #2 쇼이구, 세르게이 쿠주게토비치 #3 러시아
- Шолохов, Михаил Александрович #1 Sholokhov, Mikhail Aleksandrovich #2 솔로호프, 미하일 알렉산드로비치 #3 소련
- Шостакович, Дмитрий Дмитриевич #1 Shostakovich, Dmitrii Dmitrievich #2 쇼스타코비치, 드미트리 드미트리예비치 #3 소련
- Штыков, Терентий Фомич #1 Shtykov, Terenty Fomich #2 시티코프, 테렌티포미치 #3 소련
- Шубин, Федот Иванович #1 Shubin, Fedot Ivanovich #2 슈빈, 페도트 이바노비치 #3 제정 러시아
- Шувалов, Игорь (Иванович) #1 Shuvalov, Igor' (Ivanovich) #2 슈발로프, 이고리 (이바노비치) #3 러시아
- Шукшин, Василий Макарович #1 Shukshin, Vasily Makarovich #2 숙신, 바실리 마카로비치 #3 소련

<Щ>

- Щёголев, Игорь (Олегович) #1 Shchyogolev, Igor' (Olegovich) #2 쇼콜레프, 이고리 (올레고비치) #3 러시아
- Щепкин, Михаил Семёнович #1 Shchepkin, Mikhail Semyonovich #2 쉘킨, 미하일 세묘노비치 #3 제정 러시아
- Щербатской, Фёдор Ипполитови #1 Shcherbatskoi, Fyodor Ippolitovich #2 셔바츠코이, 표도르 이폴리토비치 #3 소련

<Э>

- Эйзенштейн, Сергей Михайлович #1 Eisenstein, Sergei Mikhailovich #2 예이젠스테인, 세르게이 미하일로비치 #3 소련
- Эйхенбаум, Борис Михайлович #1 Eikhenbaum, Boris Mikhailovich #2 예이헨바움, 보리스 미하일로비치 #3 소련

Эльман, Михаил (Саулович) #1Elman, Mischa #2 엘먼, 미샤 #3 러시아 태생

Эренбург, Илья Григорьевич #1Erenburg, Il'ya Grigorevich #2 예렌부르크, 일리야 그리고리예비치 #3 소련

<Ю>

Южанов #1Yuzhanov #2 유자노프 #3 러시아

Юрий Владимирович Долгорукий #1Yuri Vladimirovich Dolgoruky #2 유리 블라디미로비치 돌고루키 #3 키예프의 대공후

Юрий Данилович #1Yuri Danilovich #2 유리 다닐로비치 #3 모스크바의 공후

Ющенко, Виктор (Андреевич) / Ющенко, Віктор (Андрійович) <우크라이나어> #1Yushchenko, Viktor #2 유셴코, 빅토르 #3 우크라이나

<Я>

Явлинский, Григорий А. #1Yavlinskiy, Grigory A. #2 야블린스키, 그리고리 #3 러시아

Яacobсон, Роман (Осипович) #1Jakobson, Roman #2 야콥슨, 로만 #3 제정 러시아 태생

Яковлев, Александр Николаевич #1Yakovlev, Aleksandr Nikolayevich #2 야코블레프, 알렉산드르 니콜라예비치 #3 소련

Яковлев, Александр Сергеевич #1Yakovlev, Aleksandr Sergeevich #2 야코블레프, 알렉산드르 세르게예비치 #3 소련

Янукович, Виктор (Фёдорович) / Янукович, Віктор (Федорович) <우크라이나어> #1Yanukovych, Viktor #2 야누코비치, 빅토르 #3 우크라이나

Ярви, Пааво #1Järvi, Paavo #2 예르비, 파보 #3 에스토니아 출신

Ярема, Виталий (Григорьевич) / Ярема, Віталій (Григорович) <우크라이나어> #1Jarema, Vitalij [Yarema, Vitaly] #2 야레마, 비탈리 #3 우크라이나

Ярослав Всеволодович #1Yaroslav Vsevolodovich #2 야로슬라프 프세볼로도비치 #3 키예프의 대공, 블라디미르의 대공

Ярослав Мудрый #1Yaroslav Mudry #2 야로슬라프 무드리 #3 키예프 러시아 시기의 대공후

Ясин, Евгений Г. #1Yasin, Yevgeny G. #2 야신, 예브게니 #3 러시아 연방

Яcина, Ирина (Евгеньевна) #1Yasina, Irina (Evgen'evna) #2 야시나, 이리나 (예브게니예브나) #3 러시아

Яценюк, Арсений Петрович / Яценюк, Арсеній Петрович <우크라이나어> #1Jatsenyuk, Arsenij (Petrovych) [Yatsenyuk, Arseniy (Petrovych)] #2 야체뉴크, 아르세니 (페트로비치) #3 우크라이나

<참고> CIS(구 소련) 인명의 한글 표기 용례

이상의 용례를 인용한 자료의 상세 정보는 다음과 같다.

- 국립국어원(2005), <외래어 표기 용례집(포르투갈어, 네덜란드어, 러시아어)>, 국립국어원, 233p.
- 국립국어원 홈페이지 (<http://korean.go.kr>). 외래어 표기 용례 자료 – 로마지명(2014.12.12.), 로마인명(2015.03.27.).

다음의 내용을 참고하여 용례를 활용하도록 한다.

- 가) *가 붙은 표기는 “러시아어 외래어 표기법”에 맞지 않으나 관례에 따른 것이다.
- 나) 소련 해체 이후 우크라이나, 벨라루스, 조지아, 아르메니아, 아제르바이잔, 몰도바, 라트비아, 리투아니아, 에스토니아 등의 인명은 러시아어보다는 자국어의 로마자 표기를 우선으로 하여 한글로 옮기기 때문에 “러시아어 외래어 표기법” 외에 일반적인 외래어 표기법 규정을 따르는 경우가 있다.
- 다) 우즈베키스탄, 카자흐스탄, 키르기스스탄, 타지키스탄, 투르크메니스탄 등의 인명은 러시아어 표기를 우선으로 하되, 자국어에서 유래한 인명은 “러시아어 외래어 표기법”이 아닌 일반적인 외래어 표기법 규정을 따르는 경우가 있다.
- 라) 색인의 편의를 위해 “성 - 이름 - (부칭)”의 순으로 표기하는 것을 기본으로 하되, 한국에서 외국 인명은 “이름 - 성”의 순서로 표기하므로 “성, 이름”과 같이 “,”를 사용하여 성과 이름을 구분한다. 예를 들어, Толстой Лев Николаевич 는 “톨스토이, 레프 (니콜라예비치)”로 표기되어 있으나, 실제 한국어에서는 “레프 톨스토이”로 표기하는 것이 일반적이다.
- 마) 추후 로마자 표기를 하나의 체계로 통일하기로 한다.

<참고 5> CIS(구 소련) 지명의 한글 표기 용례

장호종

카자흐 국제관계 및 세계언어대

이하의 용례는 <외래어 표기 용례집(포르투갈어, 네덜란드어, 러시아어)>과 국립국어원 홈페이지(<http://korean.go.kr>)에서 공개한 외래어 표기 용례 자료 파일에서 인용하였다. “러시아어 외래어 표기법”에 따라 지속적으로 미비한 내용을 보충하고 잘못된 정보를 수정하기로 한다.

각 용례는 “러시아어 표기 / (원어 표기) #1: (영어) / 로마자 표기 #2: 한글 표기 #3: 국가”의 순서로 기술되었다.

<A>

- Абакан #1Abakan #2 아바칸 #3 러시아
- Абхазия #1Abkhaz #2 압하스 #3 조지아
- Агинск Бурят #1Aginsk Buryat #2 아긴스크부랴트 #3 러시아
- Аджария #1Adzhariya #2 아자리야 #3 조지아
- Адыгея #1Adygeya #2 아디게야 #3 러시아
- Азербайджан #1Azerbaijdzhan #2 아제르바이잔 #3 소비에트연방
- Азов #1Azov #2 아조프 #3 러시아
- Айтеке-Би #1Ayteke Bi #2 아이테케비 #3 카자흐스탄
- Академгородок #1Akademgorodok #2 아카뎬고로도크 #3 러시아
- Акмолa #1Akmola #2 아크몰라 #3 카자흐스탄. ‘아스타나(Astana)’의 옛 이름
- Акмолинск #1Akmolinsk #2 아크몰린스크 #3 카자흐스탄. ‘아스타나(Astana)’의 옛 이름
- Актогай #1Aktogai #2 악토가이 #3 러시아
- Актюбинск #1Aktjubinsk #2 악튜빈스크 #3 카자흐스탄
- Алдан #1Aldan #2 알단 #3 러시아
- Александров #1Aleksandrov #2 알렉산드로프 #3 러시아
- Александровск-Сахалинский #1Aleksandrovsk-Sakhalinskii #2 알렉산드롭스크사할린스키 #3 러시아
- Алексин #1Aleksin #2 알렉신 #3 러시아
- Алма-Ата #1Alma Ata #2 알마아타 #3 카자흐스탄. ‘알마티(Almaty)’의 옛 이름
- Алмалык / Olmaliq <우즈베크어> #1Almalyk #2 알말리크 #3 우즈베키스탄
- Алматы #1Almaty #2 알마티 #3 카자흐스탄
- Алтай #1Altai #2 알타이 #3 러시아 →Gorno-Altai(고르노알타이)

Алтайские горы #1Altai Mountains #2 알타이 산맥 #3 러시아
 Альметьевск #1Al'met'yevsk #2 알메티옌스크 #3 러시아
 Амга #1Amga River #2 암가 강 #3 러시아
 Амгунь #1Amgun' River #2 암군 강 #3 러시아
 Аму-Дарья #1Amu Darya River #2 아무다리야 강 #3 중앙아시아
 Аму (река) #1Amu River #2 아무 강 #3 중앙아시아. →아무다리야(Amu Darya) 강
 Амур #1Amur #2 아무르 #3 러시아
 Амур (река) #1Amur River #2 아무르 강 #3 러시아
 Анадырь #1Anadyr' #2 анадыри #3 러시아
 Анапа #1Anapa #2 아나파 #3 러시아
 Ангара #1Angara River #2 안가라 강 #3 러시아
 Ангарск #1Angarsk #2 안가르스크 #3 러시아
 Андижан #1Andizhan #2 안디잔 #3 우즈베키스탄
 Анжу (Острова) #1Anzhu Islands #2 안주 제도 #3 러시아
 Анива (мыс) #1Aniva, (Cape) #2 아니바 곶 #3 러시아
 Апука #1Apuka #2 아푸카 #3 러시아
 Аральское море #1Aral Sea #2 아랄 해 #3 카자흐스탄, 우즈베키스탄
 Аргун (река) #1Argun River #2 아르군 강 #3 러시아, 조지아
 Аргунь (река) #1Argun' River #2 아르군 강 #3 러시아, 중국
 Арзамас #1Arzamas #2 아르자마스 #3 러시아
 Армавир #1Armavir #2 아르마비르 #3 러시아
 Армения / Հայաստան <아르메니아어> #1Armenia #2 아르메니아 #3 소비에트연방
 Арсеньев #1Arsen'ev #2 아르세니예프 #3 러시아
 Архангельск #1Arkhangel'sk #2 아르한겔스크 #3 러시아
 Астана #1Astana #2 아스타나 #3 카자흐스탄
 Астаринский район #1Astara District #2 아스타라 구 #3 아제르바이잔
 Астраханское ханство #1Astrakhan 한국 #2 아스트라한한국 #3 킵차크한국
 Астрахань #1Astrakhan' #2 아스트라한 #3 러시아
 Атамурат #1Atamurat #2 아타му라트 #3 투르크메니스탄
 Атбасар #1Atbasar #2 앳바사르 #3 카자흐스탄
 Атрём #1Artyom #2 아르툼 #3 러시아
 Афрасиаб / Afrosiyob <우즈베크어> #1Afrasiab #2 아프라시아브 #3 우즈베키스탄. 현대 지명으로는 아프로시요브(Afrosiyob / Афросиёб)
 Ачинск #1Achinsk #2 아친스크 #3 러시아
 Ашгабат #1Ashgabat #2 아시가바트 #3 투르크메니스탄
 Аягуз / Аягөз <카자흐어> #1Ayaguz #2 아야구스 #3 카자흐스탄
 Аян #1Ayan #2 아얀 #3 러시아

<Б>

- Багратионовск #1Bagrationovsk #2 바그라티오놉스크 #3 러시아
Базардюзі #1Bazardyuzi 산 #2 바자르듀지 산 #3 러시아, 아제르바이잔
Байкал (озеро) #1Baikal 호 #2 바이칼 호 #3 러시아
Байконур #1Baikonur #2 바이코누르 #3 카자흐스탄
Бактра #1Bactra #2 박트라 #3 중앙아시아
Баку #1Baku #2 바쿠 #3 아제르바이잔
Балаклава #1Balaklava #2 발라클라바 #3 우크라이나
Балаково #1Balakovo #2 발라코보 #3 러시아
Балашов #1Balashov #2 발라쇼프 #3 러시아
Балта #1Balta #2 발타 #3 우크라이나
Балтийск #1Baltiysk #2 발티스크 #3 러시아
Балтийское море #1Baltic Sea #2 발트 해 #3 북유럽
Балхаш #1Balkhash 호 #2 발하슈 호 #3 카자흐스탄
Барановичи / Баранавічы <벨라루스어> #1Baranovichi #2 바라노비치 #3 벨라루스
Баргузин #1Barguzin #2 바르구진 #3 러시아
Баренцево море #1Barrents 해. #2 바렌츠 해 #3 러시아, 노르웨이
Барнаул #1Barnaul #2 바르나울 #3 러시아
Батайск #1Bataysk #2 바타이스크 #3 러시아
Башкир / Башкирия #1Bashkir #2 바시키르 #3 러시아
Башкортостан #1Bashkortostan #2 바시코르토스탄 #3 러시아. →Bashkir(바시키르)
Белая (река) #1Belaya River #2 벨라야 강 #3 러시아
Белгород #1Belgorod #2 벨고로트 #3 러시아
Белогорск #1Belogorsk #2 벨로그르스크 #3 러시아 / 우크라이나
Белое (озеро) #1Beloye, (Lake 호) #2 벨로예 호 #3 러시아
Белое море #1Beloe more #2 벨로에모레 #3 러시아. ‘백해’의 러시아어 이름
Белорецк #1Beloretsk #2 벨로레츠크 #3 러시아
Белореченск #1Belorechensk #2 벨로레첸스크 #3 러시아
Белорусь #1Belarus #2 벨라루스 #3 소비에트연방
Белуха (гора) #1Belukha Mountain #2 벨루하 산 #3 러시아, 카자흐스탄
Беннетта, (Остров) #1Bennetta Island #2 벤네타 섬 #3 러시아
Бердичев #1Berdichev #2 베르디체프 #3 우크라이나
Березники #1Berezniki #2 베레즈니키 #3 러시아
Березово #1Berezovo #2 베레조보 #3 러시아
Беринга, (Остров) #1Beringa Island #2 베링가 섬 #3 러시아

- Берингов пролив #1Bering Strait #2 베링 해협 #3 러시아, 미국
Берингово море #1Bering Sea #2 베링 해 #3 러시아
Бийск #1Biisk #2 비스크 #3 러시아
Биробиджан #1Birobidzhan #2 비로비잔 #3 러시아
Бишкек #1Bishkek #2 비슈케크 #3 키르기스스탄
Благовещенск #1Blagoveshchensk #2 블라고베셴스크 #3 러시아
Бобруйск / Бабруйск <벨라루스어> #1Bobruisk #2 보브루이스크 #3 벨라루스
Бодайбо #1Bodaibo #2 보다이보 #3 러시아
Большевик (остров) #1Bol'shevik Island #2 볼셰비크 섬 #3 러시아
Борзя #1Borzya #2 보르자 #3 러시아
Борисовка #1Borisovka #2 보리쇼프카 #3 러시아 / 카자흐스탄
Борисоглебск #1Borisoglebsk #2 보리소글렙스크 #3 러시아
Боровичи #1Borovichi #2 боро비чи #3 러시아
Бородино #1Borodino #2 бородино #3 러시아
Босфор, (Пролив) #1Bosporus Strait #2 보스포루스 해협 #3 아시아, 유럽
Братск #1Bratsk #2 브라츠크 #3 러시아
Брест-Литовск (река) / Брэст-Літоўск <벨라루스어> #1Brest Litovsk #2 브레스트리토프스크 #3 벨라루스, '브레스트(Brest)'의 옛 이름.
Брянск #1Bryansk #2 브랴н스크 #3 러시아
Бугульма / Бөгөлмә (타타르어) #1Bugul'ma #2 부굴마 #3 러시아
Бугуруслан #1Buguruslan #2 부구루슬란 #3 러시아
Будёновск #1Budyonovsk #2 부도놉스크 #3 러시아
Бузулук #1Buzuluk #2 부줄루크 #3 러시아
Буковина #1Bukovina #2 부코비나 #3 우크라이나, 루마니아
Бурья (река) #1Bureya River #2 부레야 강 #3 러시아
Бурят-монгол #1Buryat Mongol #2 부랴트몽골 #3 러시아. '부랴트(Buryat)'의 옛 이름
Бурятия, (Республика) / Буряад Орон <부랴트어> #1Republic of Buryatia / Buryat #2 부랴트 #3 러시아
Бутурлиновка #1Buturlinovka #2 부투를리놉카 #3 러시아
Бухара #1Bukhara #2 부하라 #3 우즈베키스탄
Бухарское ханство #1Khanate of Bukhara #2 부하라한국 #3 우즈베키스탄
-
Вайгач (остров) #1Vaigach Island #2 바이가치 섬 #3 러시아
Валга #1Walk #2 발크 #3 러시아
Валдай #1Valdai #2 발다이 #3 러시아
Великая (река) #1Velikaya River #2 벨리카야 강 #3 러시아

Великие Луки #1Velikie Luki #2 벨리키예루키 #3 러시아
Великий Устюг #1Velikiy Ustyug #2 벨리키우스튜크 #3 러시아
Верноленинск #1Vernoleninsk #2 베르놀레닌스크 #3 우크라이나
Верхнеудинск #1Verkhneudinsk #2 베르흐네우딘스크 #3 러시아. ‘울란우
데(Ulan-Uda)’의 옛 이름
Верхоянск #1Verkhoyansk #2 베르호얀스크 #3 러시아
Ветлуга (река) #1Vetluga River #2 베틀루가 강 #3 러시아
Вильна #1Vilna #2 빌나 #3 리투아니아. ‘빌뉴스(Vil'nyus)’의 옛 이름.
Вильнюс #1Vil'nyus #2 빌뉴스 #3 리투아니아
Вильчека, (Остров) #1Wilczek Island / Zemlya Wilczek #2 제믈랴빌체크 섬
#3 러시아
Вилой (река) #1Vilyui River #2 빌류이 강 #3 러시아
Виллойск #1Vilyuisk #2 빌류이스크 #3 러시아
Виндава / Ventspils <라트비아어> #1Ventspils #2 벤츠피스 #3 라트비아
Винница / Вінниця <우크라이나어> #1Vinnitsa #2 빈니차 #3 우크라이나
Витебск / Віцебск <벨라루스어> #1Vitebsk #2 비텟스크 #3 벨라루스
Витим #1Vitim River #2 비탐 강 #3 러시아
Вичуга #1Vichuga #2 비추가 #3 러시아
Владивосток #1Vladivostok #2 블라디보스토크 #3 러시아
Владикавказ #1Vladikavkaz #2 블라디캅카스 #3 러시아
Владимир #1Vladimir #2 블라디미르 #3 러시아
Волга (река) #1Volga River #2 볼가 강 #3 러시아
Волго-Балтийский водный путь #1Volga-Baltic Waterway #2 볼가발트 수
로 #3 러시아
Волгоград #1Volgograd #2 볼고그라드 #3 러시아
Волжский #1Volzhskiy #2 볼시스키 #3 러시아
Вологда #1Vologda #2 볼로그다 # 러시아
Волхов #1Volkhov #2 볼호프 #3 러시아
Вольск #1Vol'sk #2 볼스크 #3 러시아
Воркута #1Vorkuta #2 보르쿠타 #3 러시아
Воронеж #1Voronezh #2 보로네시 #3 러시아
Ворошилов #1Voroshilov #2 보로실로프 #3 러시아. ‘우수리스크(Ussuriisk)’
의 옛 이름
Ворошиловград #1Voroshilovgrad #2 보로실로브그라드 #3 우크라이나. ‘루
간스크(Lugansk)’의 옛 이름
Ворскла (река) #1Vorskla River #2 보르스클라 강 #3 러시아, 우크라이나
Воскресенск #1Voskresensk #2 보스크레센스크 #3 러시아
Восток (атолл) #1Vostok Island #2 보스토크 (섬) #3 태평양
Воткинск #1Votkinsk #2 붓킨스크 #3 러시아

Врангеля (Остров) #1 Wrangel Island / Vrangelya Island #2 브란젤라 섬 #3 러시아

Выборг #1 Vyborg #2 비보르크 #3 러시아

Выкса #1 Vyksa #2 빅사 #3 러시아

Вытегра #1 Vytegra #2 비테그라 #3 러시아

Вычегда (река) #1 Vychedga River #2 비체그다 강 #3 러시아

Вышний Волочек #1 Vyshniy Volochek #2 비시니볼로체크 #3 러시아

Вязьма #1 Vyaz'ma #2 바지마 #3 러시아

Вятка #1 Vyatka #2 뵤카 #3 러시아

<Г>

Гагарин #1 Gagarin #2 가가린 #3 러시아

Галич #1 Galich #2 갈리치 #3 러시아

Гатчина #1 Gatchina #2 가치나 #3 러시아

Георгиевск #1 Georgiyevsk #2 게오르기엠펙스크 #3 러시아

Гижига #1 Gizhiga #2 기지가 #3 러시아

Гиндукуш #1 Hindu Kush Range #2 힌두쿠시 산맥 #3 중앙아시아

Глазов #1 Glazov #2 글라조프 #3 러시아

Горловка #1 Gorlovka #2 고틀로프카 #3 우크라이나

Горно-Алтай #1 Gorno-Altai #2 고르노알타이 #3 러시아

Горно-Алтайск #1 Gorno-Altaysk #2 고르노알타이스크 #3 러시아

Горький #1 Gor'kii #2 고리키 #3 러시아. '니즈니노브고로드(Nizhni Novgorod)'의 옛 이름

Гродно / Гродна <벨라루스어> #1 Grodno #2 그로드노 #3 벨라루스

Грозный #1 Groznyi #2 그로즈니 #3 러시아

Грузия #1 Georgia #2 조지아 #3 소비에트연방

Губкин #1 Gubkin #2 굽킨 #3 러시아

Гурьев #1 Gurev #2 구레프 #3 카자흐스탄. '아티라우'의 옛 이름

Гусев #1 Gusev #2 구세프 #3 러시아

Гусь-Хрустальный #1 Gus'-Khrustal'nyy #2 구시호루스탈니 #3 러시아

Гыданский полуостров #1 Gydan Peninsula #2 기단 반도 #3 러시아

Гюмри / Գյումրի <아르메니아어> #1 Kumayri #2 쿠마이리 #3 아르메니아. '큐므리'의 옛 이름

Гянджа / Գəncə <아제르바이잔어> #1 Gandzha #2 간자 #3 아제르바이잔

<Д>

Дагестан #1 Dagestan #2 다게스탄 #3 러시아

Дальнереченск #1 Dal'nerechensk #2 달네레첸스크 #3 러시아

Даугавпилс #1 Daugavpils #2 다우가프필스 #3 라트비아

Двина (река) #1Daugava River / Dvina River #2 드비나 강 #3 러시아, 벨라루스, 라트비아, 리투아니아, 에스토니아
Двинск #1Dvinsk #2 드빈스크 #3 라트비아. ‘다우가프필스(Daugavpils)’의 러시아어 이름
Двинская губа #1Dvina Bay #2 드비나 만 #3 러시아
Де-Лонга, (Острова) #1De-Longa Islands #2 데롱가 제도 #3 러시아
Дежнёв, (мыс) #1Dezhnyov (Cape) #2 데즈뇨프 곶 #3 러시아
Дербент #1Derbent #2 데르벤트 #3 러시아
Десна (река) #1Desna River #2 데스나 강 #3 러시아, 우크라이나
Джамбул #1Dzhambul #2 잠불 #3 카자흐스탄
Дзержинск #1Dzerzhinsk #2 제르진스크 #3 러시아, 우크라이나
Диксон (остров) #1Dikson Island #2 딕슨 섬 #3 러시아
Димитровград #1Dimitrovgrad #2 디미트로브그라드 #3 러시아
Дмитров #1Dmitrov #2 드미트로프 #3 러시아
Днепр (река) #1Dnepr River #2 드네프르 강 #3 러시아, 벨라루스, 우크라이나
Днепродзержинск / Дніпродзержинськ <우크라이나어> #1 #2 드네프로제르진스크. <우크라이나어> 드니프로제르진시크 #3 우크라이나
Днепропетровск #1Dnepropetrovsk #2 드네프로페트로프스크 #3 우크라이나
Днестр (река) #1Dnestr River #2 드네스트르 강 #3 우크라이나
Долинск #1Dolinsk #2 돌린스크 #러시아
Дон #1Don River #2 돈 강 #3 러시아
Донец (река) #1Donets River #2 도네츠 강 #3 러시아
Донецк #1Donetsk #2 도네츠크 #3 우크라이나
Донецкий бассейн #1Donets Basin #2 도네츠 분지 #3 러시아, 우크라이나
Дрогович #1Drogobych #2 드로고비치 #3 우크라이나
Дубна #1Dubna #2 두브나 #3 러시아
Душанбе #1Dushanbe #2 두샨베 #3 타지키스탄
Дюшамбе #1Dyushambe #2 듀삼베 #3 타지키스탄. ‘두샨베(Dushanbe)’의 옛 이름

<E>

Европа #1Europe #2 유럽 #3 유럽
Европейская часть России #1Europe Russia #2 유럽 러시아 #3 러시아
Егорьевск #1Yegor'yevsk #2 예고리엠프스크 #3 러시아
Ейск #1Yeysk #2 예이스크 #3 러시아
Екатеринбург #1Ekaterinburg #2 예카테린부르크 #3 러시아

Екатеринодар #1Ekaterinodar #2 에카테리노다르 #3 러시아. ‘크라스노다르(Krasnodar)’의 옛 이름
Елабуга / Алабуга <타타르어> #1Elabuga #2 엘라부가 #3 러시아
Елец #1Yelets #2 엘레츠 #3 러시아
Енисей (река) #1Enisei River #2 예니세이 강 #3 러시아
Енисейск #1Eniseisk #2 예니세이스크 #3 러시아
Ереван / Երևան <아르메니아어> #1Erevan #2 예레반 #3 아르메니아

<Ж>

Жданов #1Zhdanov #2 주다노프 #3 우크라이나
Железнодорожск #1Zheleznogorsk #2 켈레즈노고르스크 #3 러시아
Житомир #1Zhitomir #2 지토미르 #3 우크라이나

<З>

Зайсан (озеро) #1Zaisan, (Lake) #2 자이산 호 #3 중앙아시아
Западная Двина #1Zapadnaya Dvina #2 자파드나야드비나 #3 러시아
Западный Буг (#1Bug River #2 부크 강 #3 우크라이나
Запорожье #1Zaporozhe #2 자포로제 #3 우크라이나
Зеленодольск #1Zelenodol'sk #2 켈레노돌스크 #3 러시아
Земля Франца Иосифа #1Zemlya Frantsa Iosifa #2 제믈랴프란차이오시파 #3 러시아
Зея (река) #1Zeya River #2 제야 강 #3 러시아
Зима #1Zima #2 지마 #3 러시아
Златоуст #1Zlatoust #2 즐라토우스트 #3 러시아
Зырянка #1Zyryanka #2 지랴нка #3 러시아

<И>

Ивано-Франковск / Івано-Франківськ <우크라이니아어> #1Ivano-Frankovsk #2 이바노프란코프스크 #3 우크라이나
Иваново #1Ivanovo #2 이바노보 #3 러시아
Ивдель #1Ivdel' #2 이브델 #3 러시아
Игарка #1Igarka #2 이가르카 #3 러시아
Ижевск #1Izhevsk #2 이젠프스크 #3 러시아
Ижма (река) #1Izhma River #2 이즈마 강 #3 러시아
Или (река) / Іле <카자흐어> #1Ili River #2 일리 강 #3 카자흐스탄, 중국
Илимск #1Ilimsk #2 일림스크 #3 러시아
Ильмень (озеро) #1Il'men', (Lake) #2 일멘 호 #3 러시아
Ильское ханство #1Ilkhanate #2 일한 #3 몽골
Имандра (озеро) #1Imandra (Lake) #2 이만드라 호 #3 러시아

Ингуш / Ингушетия #1Ingush #2 인구시 #3 러시아
Индиگیرка (река) #1Indigirka River #2 인디기르카 강 #러시아
Инта #1Inta #2 인타 #3 러시아
Йошкар-Ола #1Ioshkar-Ola #2 요시카르올라 #3 러시아
Ирбит #1Irbit #2 이르비트 #3 러시아
Иркутск #1Irkutsk #2 이르쿠츠크 #3 러시아
Иртыш (река) #1Irtysh River #2 이르티시 강#3 러시아
Искитим #1Iskitim #2 이스키팀 #3 러시아
Иссык-Куль (озеро) / Ысык-Көл <키르기스어> #1Issyk Kul, (Lake) #2 이식
쿨 호 #3 키르기스스탄
Ишим #1Ishim #2 이십 #3 러시아

<K>

Кавказ #1Kavkaz #2 캅카스 #3 러시아. ‘코카서스(Caucasia)’의 러시아어 이
름
Казаки #1Cossack #2 코사크 #3 카자흐스탄. ‘카자흐스탄(Kazakhstan)’의
영어 이름
Казанское ханство #1Khanate of Kazan #2 카잔한국 #3 러시아
Казань #1Kazan’ #2 카잔 #3 러시아
Казах #1Kazakh #2 카자흐 #3 카자흐스탄
Казахстан #1Kazakhstan #2 카자흐스탄 #3 소비에트연방
Казбек / კაზბეკის მთები <조지아어> #1Kazbek, (Mount) #2 카즈
베크 산 #3 러시아, 조지아
Калач-на-Дону #1Kalach-na-Donu #2 칼라치나도누 #3 러시아
Калининград #1Kaliningrad #2 칼리닌그라드 #3 러시아
Калмык / Калмыкия #1Kalmyk #2 칼미크 #3 러시아
Калуга #1Kaluga #2 칼루가 #3 러시아
Кама #1Kama 강 #2 카마 강 #3 러시아
Каменск-Уральский #1Kamensk-Ural’skiy #2 카멘스크우랄스키 #3 러시아
Каменск-Шахтинский #1Kamensk-Shakhtinskiy #2 카멘스크샤흐틴스키 #3
러시아
Каменское #1Kamenskoe #2 카멘스코예 #3 우크라이나. ‘드네프로제르진
스크’의 옛 이름
Камчатка #1Kamchatka Peninsula #2*캄차카 반도 #3 러시아
Камышин #1Kamyshin #2 카미신 #3 러시아
Канаш #1Kanash #2 카나시 #3 러시아
Кандалакша #1Kandalaksha #2 칸달락샤 #3 러시아
Кандалакша #1Kandalaksha 만 #2 칸달락샤 만 #3 러시아

- Кандыагаш / Қандыағаш <카자흐어> #1Kandyagash #2 칸디아가슈 #3 카자흐스탄
- Канини полуостров #1Kanin 반도 #2 카닌 반도 #3 러시아
- Канск #1Kansk #2 칸스크 #3 러시아
- Кара-Богаз-гол #1Kara-Bogaz-Gol #2 카라보가스골 만 #3 투르크메니스탄
- Кара #1Kara 해 #2 카라 해 #3 러시아
- Караганда #1Karaganda #2 카라간다 #3 카자흐스탄
- Карагинский (остров) #1Karaginskii Island #2 카라긴스키 섬 #3 러시아
- Каракалпакия #1Karakalpak #2 카라칼파크 #3 우즈베키스탄
- Каракорум (горная система) #1Karakoram range #2 카라코람 산맥 #3 중앙아시아
- Каракумский канал #1Kara Kum Canal #2 카라쿰 운하 #3 투르크메니스탄
- Каракумы #1Kara Kum Desert #2 카라쿰 사막 #3 투르크메니스탄
- Караханиды #1Kara-Khanid Khanate #2 카라한 왕조 #3 중앙아시아
- Карачаево-Черкесия #1Karachaevo-Cherkesskaya #2 카라차예보체르케스카야 #3 러시아
- Карачаевск #1Karachayevsk #2 카라차예프스크 #3 러시아
- Карелия #1Kareliya #2 카렐리야 #3 러시아
- Карело Финн #1Karelo Finn #2 카렐로핀 #3 러시아. ‘카렐리야(Kareliya)’의 옛 이름
- Каркалинск #1Karkalinsk #2 카르칼린스크 #3 카자흐스탄
- Каркаралинск / Қарқаралы <카자흐어> #1Karkaralinsk / Karkaraly #2 카르카랄린스크 <카자흐어> 카르카랄리 #3 카자흐스탄
- Карсақпай / Қарсақпай <카자흐어> #1Karsakpai #2 카르사파이 #3 카자흐스탄
- Карские Ворота #1Karskiye Strait #2 카르스키예 해협 #3 러시아
- Карское море #1Karskoye Sea #2 카르스코예 해 #3 러시아
- Карталы #1Kartaly #2 카르탈리 #3 러시아
- Карши / Qarshi <우즈베크어> #1Karshi #2 카르시 #3 우즈베키스탄
- Касимов #1Kasimov #2 카시모프 #3 러시아
- Каспийское море #1Caspian Sea #2→카스피 해 #3 중앙아시아
- Кашира #1Kashira #2 카시라 #3 러시아
- Кашкадарьинская область / Qashqadaryo viloyati <우즈베크어> #1Kashkadarya Region #2 카슈카다리아 주 #3 우즈베키스탄
- Кемерово #1Kemerovo #2 케메로보 #3 러시아
- Кемь #1Kem' #2 켄 #3 러시아
- Кёнигсберг #1Königsberg #2 쾨니히스베르크 #3 러시아. ‘칼리닌그라드(Kaliningrad)’의 옛 독일어명
- Керки #1Kerki #2 케르키 #3 투르크메니스탄. ‘아타무라트’의 옛 이름.

Керчь #1Kerch' #2 케르치 #3 우크라이나
Кеть (река) #1Ket' River #2 케티 강 #3 러시아
Кзыл-Орда / Кызылорда #1Kzyl-Orda #2 크질오르다 #3 카자흐스탄
Киев #1Kiev #2 키예프 #3 우크라이나
Кизи #1Kizhi #2 키지 #3 러시아
Кизел #1Kizel #2 키젤 #3 러시아
Кизил-Кум / Кызылкум #1Kyzyl Kum #2 키질쿰 사막 #3 중앙아시아
Кизил #1Kyzyl #2 키질 #3 러시아
Кизляр #1Kizlyar #2 키즐랴르 #3 러시아
Кызыл-Арват #1Kyzyl-Arvat #2 키질아르바트 #3 투르크메니스탄. ‘세르다르(Сердар)’의 옛 이름
Кимовск #1Kimovsk #2 키몹스크 #3 러시아
Кимры #1Kimry #2 캄리 #3 러시아
Кингисепп #1Kingisepp #2 킨기세프 #3 러시아
Кинель #1Kinel' #2 키넬 #3 러시아
Кинешма #1Kineshma #2 키네시마 #3 러시아
Киргыз #1Kirgiz #2 키르기스 #3 키르기스스탄(Kirgizstan).
Киргызстан / Кыргызстан #1Kirgizstan #2 키르기스스탄 #3 소비에트연방
Киренск #1Kirensk #2 키렌스크 #3 러시아
Киров #1Kirov #2 키로프 #3 러시아. ‘뱃카(Vyatka)’의 옛 이름
Кировабад #1Kirovabad #2 키로바바트 #3 아제르바이잔. ‘간자’의 옛 이름
Кирово-Чепецк #1Kirovo-Chepetsk #2 키로보체페츠크 #3 러시아
Кировоград #1Kirovograd #2 키로보그라드 #3 우크라이나
Кировск #1Kirovsk #2 키롭스크 #3 러시아
Кирсанов #1Kirsanov #2 키르사노프 #3 러시아
Киселевск #1Kiselevsk #2 키셀렙스크 #3 러시아
Кисловодск #1Kislovodsk #2 키슬로보츠크 #3 러시아
Кихчик #1Kikhchik #2 키흐치크 #3 러시아
Кишинёв #1Chişinău #2 키시너우 #3 몰도바. 구칭 키시뇨프. Kishinyov(1940~91)
Клайпеда / Klaipėda <리투아니아어> #1Klaipeda #2 클라이페다 #3 리투아니아
Клин #1Klin #2 클린 #3 러시아
Клинцы #1Klintsy #2 클린치 #3 러시아
Ключевская #1Klyuchevskaya Sopka #2 클류첵스카야 산 #3 러시아
Клязьма (река) #1Klyaz'ma River #2 클라지마 강 #3 러시아
Ковель #1Kovel' #2 코벨 #3 우크라이나
Ковно #1Kaunas #2 카우나스 #3 리투아니아

- Ковно #1Kovno #2 코브노 #3 리투아니아. ‘카우나스(Kaunas)’의 러시아어 이름
- Ковров #1Kovrov #2 코브로프 #3 러시아
- Коканд #1Kokand #2 코칸트 #3 우즈베키스탄
- Кокандское ханство #1Khanate of Kokand #2 코칸트한국 #3 우즈베키스탄
- Кокчетав / Көкшетау <카자흐어> #1Kokchetav #2 콕체타프. <카자흐어> 콕세타우. Kokshetau #3 카자흐스탄
- Колгуев (остров) #1Kolguev Island #2 콜구예프 섬 #3 러시아
- Коломна #1Kolomna #2 콜롬나 #3 러시아
- Колпашево #1Kolpashevo #2 콜파셰보 #3 러시아
- Колыма (река) #1Kolyma River #2 콜리마 강 #3 러시아
- Кольский полуостров #1Kola Peninsula #2 콜라 반도 #3 러시아
- Командорские острова #1Komandorskie Islands #2 코만도르스키예 제도 #3 러시아
- Коми-Перм #1Komi-Perm #2 코미페름 #3 러시아
- Коми #1Komi #2 코미 #3 러시아
- Комсомолец (остров) #1Komsomolets Island #2 콤소몰레츠 섬 #3 러시아
- Комсомольск-на-Амуре #1Komsomol'sk na Amure #2 콤소몰스크나아무레 #3 러시아 →Komsomol'sk(콤소몰스크)
- Комсомольск #1Komsomol'sk #2 콤소몰스크 #3 러시아
- Конотоп #1Konotop #2 코노토프 #3 우크라이나
- Коноша #1Konosha #2 코노샤 #3 러시아
- Коркино #1Korkino #2 코르키노 #3 러시아
- Коростень #1Korosten' #2 코로스텐 #3 우크라이나
- Корсаков #1Korsakov #2 코르사코프 #3 러시아
- Корф #1Korf #2 코르프 #3 러시아
- Коряк #1Koryak #2 코랴크 #3 러시아
- Корякская Сопка #1Koryak Sopka #2 코랴크 산 #3 러시아
- Корякское нагорье #1Koryak Mountains #2 코랴크 산맥 #3 러시아
- Кострома #1Kostroma #2 코스트로마 #3 러시아
- Кострома (река) #1Kostroma River #2 코스트로마 강 #3 러시아
- Котельнич #1Kotel'nich #2 코텔니치 #3 러시아
- Котельный (остров) #1Kotel'nyy Island #2 코텔니 섬 #3 러시아
- Котлас #1Kotlas #2 코틀라스 #3 러시아
- Кранотурьинск #1Krasnotur'insk #2 크라스노투린스크 #3 러시아
- Красноводск #1Krasnovodsk #2 크라스노봇스크 #3 투르크메니스탄. ‘투르크멘바시(Türkmenbaşy)’의 옛 이름
- Краснодар #1Krasnodar #2 크라스노다르 #3 러시아
- Красное #1Krasnoye #2 크라스노예 #3 러시아

Краснокамск #1Krasnokamsk #2 크라스노캄스크 #3 러시아
Краснококшайск #1Krasnokokshaisk #2 크라스노콕샤이스크 #3 러시아. ‘요시카르올라(Ioshkar-Ola)’의 옛 이름
Красноуфимск #1Krasnoufimsk #2 크라스노우핌스크 #3 러시아
Красноярск #1Krasnoyarsk #2 크라스노야르스크 #3 러시아
Красный #1Krasny #2 크라스니 #3 러시아. ‘키질(Kyzyl)’의 러시아어 이름
Красный Сулин #1Krasnyu Sulin #2 크라스니술린 #3 러시아
Кремль (Московский) #1Kremlin (Moscow) #3*크렘린 (궁전)
Кривой Рог #1Krivoi Rog #2 크리보이로크 #3 우크라이나
Крильон (мыс) #1Kril'on, (Cape) #2 크릴리온 콧 #3 러시아
Кронштадт #1Kronshtadt #2 크론시타트 #3 러시아
Кропоткин #1Kropotkin #2 크로폿킨 #3 러시아
Крым (полуостров) #1Crimean Peninsula #2 크림 반도 #3 러시아, 우크라이나
Крымское ханство #1Crimean Khanate #2 크림한국 #3 러시아, 우크라이나
Кубань (река) #1Kuban' River #2 쿠반 강 #3 러시아
Кубенское озеро #1Kubenskoye, (Lake) #2 쿠벤스코예 호 #3 러시아 볼로그다(Vologda) 주 중서부에 있는 호수. #4 용례집
Кузбасс #1Kuzbass #2 쿠즈마스 #3 러시아. ‘케메로보’ 주(Kemerovo Region)의 옛 이름
Кузнецк #1Kuznetsk #2 쿠즈네츠크 #3 러시아
Куйбышев #1Kuibyshev #2 쿠이비셰프 #3 러시아
Кулунда #1Kulunda #2 쿨룬다 #3 러시아
Кунашир (остров) #1Kunashir Island #2 쿠나시르 섬 #3 러시아
Кунград / Qo'ng'iro't <우즈베크어> #1Kungrad #2 쿤그라드 #3 우즈베키스탄
Кунгур #1Kungur #2 쿤구르 #3 러시아
Курган #1Kurgan #2 쿠르간 #3 러시아
Курильские острова #1Kuril Islands #2 쿠릴 열도 #3 러시아
Курск #1Kursk #2 쿠르스크 #3 러시아
Кустанай / Қостанай <카자흐어> #1Kustanai #2 쿠스타나이 #3 카자흐스탄
Кушка #1Kushka #2 쿠슈카 #3 투르크메니스탄
Кыпчакское ханство #1Kipchakkhan #2 킵차크한 #3 중앙아시아
Кяхта #1Kyakhhta #2 카흐타 #3 러시아

<Л>

Лабинск #1Labinsk #2 라빈스크 #3 러시아
Ладожское озеро #1Ladoga (Lake) #2 라도가 호 #3 러시아
Лаптевых море #1Laptev Sea #2 랍테프 해 #3 러시아

Латвия #1Latvia #2*라트비아 #3 소비에트연방
Лебапский вেলাят / Lebap welaýaty <투르크멘어> #1Lebap Region #2 레바프 주 #3 투르크메니스탄
Лена (река) #1Lena River #2 레나 강 #3 러시아
Ленина, (Пик) / Ленин Чокусу <키르기스어> #1Lenin Peak #2 레닌 산 #3 키르기스스탄, 타지키스탄
Ленинабад #1Leninabad #2 레니나바트 #3 타지키스탄. ‘호젠트(Zhozhent)’의 옛 이름
Ленинград #1Leningrad #2 레닌그라드 #3 러시아. ‘상트페테르부르크 (Sankt Peterburg)’의 옛 이름
Лениногорск #1Leninogorsk #2 레니노고르스키 #3 러시아
Ленинск-Кузнецкий #1Leninsk-Kuznetskii #2 레닌스크쿠즈네츠키 #3 러시아
Ленинск #1Leninsk #2 레닌스크 #3 러시아
Ливны #1Livny #2 리브니 #3 러시아
Липая / Липяја <라트비아어> #1Lipaya #2 리예파야 #3 라트비아
Липецк #1Lipetsk #2 리페츠크 #3 러시아
Лиски #1Liski #2 리스키 #3 러시아
Лисянского, (Остров) #1Lisianski Island #2 리시안스키 (섬) #3 태평양
Литва #1Lithuania #2 리투아니아 #3 소비에트연방
Ловать (река) #1Lovat' River #2 로바티 강 #3 러시아
Лопатка (мыс) #1Lopatka (Cape) #2 로파트카 곶 #3 러시아
Луга #1Luga #2 루가 #3 러시아
Луганск #1Lugansk #2 루간스크 #3 우크라이나
Лысьва #1Lys'va #2 리시바 #3 러시아
Львов / Львів <우크라이나어> #1L'viv #2 리비프 #3 우크라이나
Люберцы #1Lyubertsy #2 류베르치 #3 러시아
Ляховские острова #1Lyakhovsky Islands / Lyakhov Islands #2 라호프 제도 #3 러시아

<M>

Магадан #1Magadan #2 마가단 #3 러시아
Магнитогорск #1Magnitogorsk #2 마그니토고르스크 #3 러시아
Майкоп #1Maikop #2 마이코프 #3 러시아
Макеевка #1Makeevka #2 마케예프카 #3 우크라이나
Малая Русь #1Little Russia #2 소러시아 #3 우크라이나
Малоярославец #1Maloyaroslavets #2 말로야로슬라베츠 #3 러시아
Мараканда #1Maracanda #2 마라칸다 #3 우즈베키스탄. ‘사마르칸트 (Samarkand)’의 옛 이름

Мари Эль #1Mari-El #2 마리엘 #3 러시아
Мариуполь #1Mariupol #2 마리우폴 #3 우크라이나
Марыйский вেলাят / Mary welaýaty <투르크멘어> #1Mary Region #2 마리주 #3 투르크메니스탄
Маточкин Шар #1Matochkin Strait #2 마토치킨 해협 #3 러시아
Махачкала #1Makhachkala #2 마하치칼라 #3 러시아
Мая (река) #1Maya River #2 마야 강 #3 러시아
Медвежьегорск #1Medvezh'yegorsk #2 메드베지예고르스크 #3 러시아
Медвежьи острова #1Medvezh'i Islands #2 메드베지 제도 #3 러시아
Мезень #1Mezen' #2 메젠 #3 러시아
Мезень (река) #1Mezen River, Mezen' 강 #2 메젠 강 #3 러시아
Мелитополь / Мелітополь <우크라이나어> #1Melitopol #2 멜리토폴 #3 우크라이나
Мерв / Мары #1Merv #2 메르프 #3 투르크메니스탄
Миллерово #1Millerovo #2 밀레로보 #3 러시아
Минск / Мінск <벨라루스어> #1Minsk #2 민스크 #3 벨라루스
Минусинск #1Minusinsk #2 미누신스크 #3 러시아
Мирный (антарктическая станция) #1Mirny Station #2 미르니 기지 #3 러시아
Михайловка #1Mikhaylovka #2 미하일롭카 #3 러시아
Мичуринск #1Michurinsk #2 미추린스크 #3 러시아
Могилёв #1Mogilyov #2 모길료프 #3 러시아
Могоча #1Mogocha #2 모고차 #3 러시아
Можайск #1Mozhaysk #2 모자이스크 #3 러시아
Моздок #1Mozdok #2 모즈도크 #3 러시아
Мозырь / Мазыр <벨라루스어> #1Mozyr' #2 모지리 #3 벨라루스
Молдова #1Moldova #2 몰도바 #3 소비에트연방
Молотов #1Molotov #2 몰로토프 #3 러시아. '페름(Perm)'의 옛 이름
Монерон (остров) #1Moneron Island #2 모네론 섬 #3 러시아
Мончегорск #1Monchegorsk #2 몬체고르스크 #3 러시아
Мордовия #1Mordova #2 모르도바 #3 러시아
Моршанск #1Morshansk #2 모르샨스크 #3 러시아
Москва #1Moscow #2 모스크바 #3 러시아
Москва (река) #1Moskva River #2 모스크바 강 #3 러시아
Москвы, (Канал имени) #1Moscow Canal #2 모스크바 운하 #3 러시아
Московское княжество #1Grand Duchy of Moscow / Moskovskoe Velikoe Knyazhestvo #2 모스크바 대공국 #3 러시아
Мраморное море #1Marmara Sea #2 마르마라 해 #3 아시아, 유럽
Мста (река) #1Msta River #2 므스타 강 #3 러시아

Мунку-Сардык #1Munku-Sardyk #2 문쿠사르디크 #3 러시아, 몽골
Мурманск #1Murmansk #2 무르만스크 #3 러시아
Муром #1Murom #2 무롬 #3 러시아
Мытищи #1Mytishchi #2 미티시 #3 러시아

<Н>

Набережные Челны #1Naberezhnyye Chelny #2 나베레즈니예첼니 #3 러시아
Наварин (мыс) #1Navarin, (Cape) #2 나바린 곶 #3 러시아
Нагорный Карабах #1Nagorno-Karabakh #2 나고르노카라бах #3 아제르바이잔
Назрань #1Nazran' #2 나즈란 #3 러시아
Нальчик #1Nal'chik #2 날치크 #3 러시아
Наманган #1Namangan #2 나망간 #3 우즈베키스탄
Нарва #1Narva #2 나르바 #3 에스토니아
Нарва (река) #1Narva River #2 나르바 강 #3 러시아, 에스토니아
Нарвское водохранилище #1Narva Reservoir #2 나릅스코예 호 #3 러시아
Наро-Фоминск #1Naro-Fominsk #2 나로포민스크 #3 러시아
Народная (гора) #1Narodnaya (Mount) #2 나로드나야 산 #3 러시아
Нарын #1Naryn #2 나린 #3 키르기스스탄
Нарьян-Мар #1Nar'yan-Mar #2 나리얀마르 #3 러시아
Нахичеванская Автономная Республика / Naхçıvan Muxtar Respublikası <아제르바이잔어> #1Nakhchivan Autonomous Republic #2 나히체반 (자치공화국) #3 아제르바이잔
Находка #1Nakhodka #2 나훗카 #3 러시아
Небитдаг #1Nebit-Dag #2 네비트다크 #3 투르크메니스탄. '발카나바트'의 옛 이름
Нева (река) #1Neva River #2 네바 강 #3 러시아
Невинномысск #1Nevinnomyssk #2 네빈노미스크 #3 러시아
Нежин / Ніжин <우크라이나어> #1Nezhin #2 네진 #3 우크라이나
Неман (река) #1Neman River #2 네만 강 #3 벨라루스
Ненец #1Nenets #2 네네츠 #3 러시아
Нерчинск #1Nerchinsk #2 네르친스크 #3 러시아
Нерюнгри / Нүөрүнгүрү <사하어> #1Neryungri / Нэрюнгри #2 네룽그리 #3 러시아
Нижегород #1Nizhegorod #2 니제고로드 #3 러시아
Нижевартовск #1Nizhnevartovsk #2 니즈네바르토프스크 #3 러시아
Нижекамск #1Nizhnekamsk #2 니즈네캅스크 #3 러시아
Нижеудинск #1Nizhneudinsk #2 니즈네우딘스크 #3 러시아

Нижний Новгород #1Nizhni Novgorod #2 니즈니노브고로드 #3 러시아
Нижний Тагил #1Nizhnii Tagil #2 니즈니타길 #3 러시아
Нижняя Тунгуска (река) #1Nizhnyaya Tunguska River #2 니즈냐야툰구스카강 #3 러시아
Николаев #1Nikolaev #2 니콜라예프 #3 우크라이나
Николаевск-на-Амуре #1Nikolaevsk-na-Amure #2 니콜라엡스크나아무레 #3 러시아
Николаевск #1Nikolaevsk #2 니콜라엡스크 #3 러시아. ‘푸가초프(Pugachyov)’의 옛 이름
Никольск #1Nikolsk #2 니콜스크 #3 러시아
Никольское #1Nicol'skoye #2 니콜스코예 #3 러시아
Никополь #1Nikopol #2 니코폴 #3 우크라이나
Новая земля (острова) #1Novaya Zemlya Island #2 노바야제믈랴 섬 #3 러시아
Новая Сибирь (остров) #1Novaya Sibir' Island #2 노바야시비리 섬 #3 러시아
Новгород #1Novgorod #2 노브고로드 #3 러시아
Новгородская республика #1Novgorod Republic #2 노브고로드 공국 #3 러시아
Новозыбков #1Novozybkov #2 노보집코프 #3 러시아
Новоказалинск #1Novokazalinsk #2 노보카잘린스크 #3 카자흐스탄. ‘아이테케비(Айтеке-Би)’의 옛 이름
Новокузнецк #1Novokuznetsk #2 노보쿠즈네츠크 #3 러시아
Новомосковск #1Novomoskovsk #2 노보모스콥스크 #3 러시아
Новороссийск #1Novorossiysk #2 노보로시스크 #3 러시아
Новосибирск #1Novosibirsk #2 노보시비르스크 #3 러시아
Новосибирские острова #1New Siberian Islands / Novosibirskiye Islands #2 노보시비르스키 제도 #3 러시아
Новошахтинск #1Novoshakhtinsk #2 노보샤흐틴스크 #3 러시아
Ногинск #1Noginsk #2 노긴스크 #3 러시아
Норильск #1Noril'sk #2 노릴스크 #3 러시아
Нукус #1Nukus #2 누쿠스 #3 우즈베키스탄

<O>

Обнинск #1Obninsk #2 오브닌스크 #3 러시아
Обская губа #1Gulf of Ob' / Obskaya Gulf #2 옵스카야 만 #3 러시아
Обь (река) #1Ob' River #2 오비 강 #3 러시아
Оготайское ханство #1House of Ögedei / Ogotai Khanate #2 오고타이 한국 #3 몽골

Одесса #1Odessa #2 오테사 #3 우크라이나
Озерновский #1Ozernovskii #2 오제르노프스키 #3 러시아
Оймякон #1Oimyakon #2 오이마크 #3 러시아
Оирот-Тула #1Oivot-Tula #2 오이로트툴라 #3 러시아. ‘고르노알타이스크 (Gorno-Altaiisk)’의 옛 이름
Ока (река) #1Oka River #2 오카 강 #3 러시아
Оксуз #1Oxus River #2 옥수스 강 #3 중앙아시아. ‘아무다리아(Amu Dar’ya) 강’의 옛 이름
Октябрьский #1Oktyabr’skiy #2 옥타브리츠키 #3 러시아
Октябрьской Революции, (Остров) #1October Revolution Island / Oktyabr’skoy Revolyutsii Island #2 옥타브리스코이레볼류치 섬 #3 러시아
Олѣкма (река) #1Olyokma River #2 올료크마 강 #3 러시아
Оленѣк (река) #1Olenyok River #2 올레노크 강 #3 러시아
Ольга (порт) #1Ol’ga #2 올가 #3 러시아
Олюторский (мыс) #1Olyutorskii, (Cape) #2 올류토르스키 곶 #3 러시아
Омолон (река) #1Omolon River #2 옴몰론 강 #3 러시아
Омск #1Omsk #2 옴스크 #3 러시아
Онега #1Onega #2 오네가 #3 러시아
Онега (река) #1Onega River #2 오네가 강 #3 러시아
Онежское озеро #1Onega, (Lake) #2 오네가 호 #3 러시아
Онон (река) #1Onon River #2 오논 강 #3 러시아, 몽골
Орджоникидзе #1Ordzhonikidze #2 오르조니키제 #3 러시아 ‘블라디캅카스 (Vladikavkaz)’의 옛 이름
Орджоникидзе #1Ordzhonikidze #2 오르조니키제 #3 우크라이나
Орѣл #1Oryol #2 오를 #3 러시아
Оренбург #1Orenburg #2 오렌부르크 #3 러시아
Орехово-Зуево #1Orekhovo-Zuyevo #2 오레호보주예보 #3 러시아
Орск #1Orsk #2 오르스크 #3 러시아
Орша #1Orsha #2 오르샤 #3 벨라루스
Оскол (река) #1Oskol River #2 오스콜 강 #3 러시아
Оссора #1Ossora #2 오소라 #3 러시아
Осташков #1Ostashkov #2 오스타시코프 #3 러시아
Островское #1Ostrovskoye #2 오스트롭스코예 #3 러시아
Оха #1Okha #2 오하 #3 러시아
Охотск #1Okhotsk #2 오희츠크 #3 러시아
Охотское море #1Okhotsk, (Sea of) #2 오희츠크 해 #3 러시아

<II>

- Павловск #1Pavlovsk #2 파블롭스크 #3 러시아
Павлодар #1Pavlodar #2 파블로다르 #3 카자흐스탄
Палана #1Palana #2 팔라나 #3 러시아
Памир (горная система) #1Pamir Mountains #2 파미르 고원 #3 중앙아시아
Парамушир (остров) #1Paramushir Island #2 파라무시르 섬 #3 러시아
Партизанск #1Partizansk #2 파르티잔스크 #3 러시아
Певек / Пээкин <축치어> #1Pevек #2 페베크 #3 러시아 #4 보유 2
Пенжинская губа #1Penzhina Bay / Penzhinskaya Bay #2 펜진스카야 만 #3
러시아
Пенза #1Penza #2 펜자 #3 러시아
Первоуральск #1Pervoural'sk/Первоуральск #2 페르보우랄스크 #3 러시아
Перевальное / Перевальне <우크라이나어> #1Pereval'noe / Pereval'ne #2 페
레발노예. <우크라이나어> 페레발네 #3 러시아, 우크라이나
Перекоп #1Perekop #2 페레코프 #3 러시아, 우크라이나
Переславль-Залесский #1Pereslavl'-Zalessskiy #2 페레슬라블잘레스키 #3 러
시아
Пермь #1Perm' #2 페름 #3 러시아
Перовск #1Perovsk #2 페로프스크 #3 카자흐스탄. ‘크질오르다(Kzyl-Orda)’
의 옛 이름
Петербург #1Peterburg #2 페테르부르크 #3 러시아 →Sankt Peterburg(상트
페테르부르크)
Петра Великого, (Залив) #1Peter the Great Gulf / Petra Velikogo Gulf #2 페
트라벨리코고 만 #3 러시아
Петра Великого, (Залив) #1Peter the Great Gulf / Pyotr Velikogo Gulf #2 포
트르 대제 만 #3 러시아
Петровск-Порт #1Petrovsk-Port #2 페트로프스크포트 #3 러시아. ‘마하치칼
라(Makhachkala)’의 옛 이름
Петроград #1Petrograd #2 페트로그라드 #3 러시아. ‘상트페테르부르크
(Sankt Peterburg)’의 옛 이름
Петродворец #1Petrodvorets #2 페트로드보레츠 #3 러시아
Петрозаводск #1Petrozavodsk #2 페트로자보츠크 #3 러시아
Петропавловск-Камчатский #1Petropavlovsk-Kamchatskii #2 페트로파블롭
스크캄차츠키 #3 러시아
Петропавловск #1Petropavlovsk #2 페트로파블롭스크 #3 러시아. ‘페트로
파블롭스크캄차츠키(Petropavlovsk-Kamchatskii)’의 옛 이름
Печенга #1Pechenga #2 페첸가 #3 러시아
Печора (река) #1Pechora River #2 페초라 강 #3 러시아
Печорская губа #1Pechora Bay #2 페초라 만 #3 러시아
Печорское море #1Pechora Sea #2 페초라 해 #3 러시아

Пинега (река) #1Pinega River #2 피네가 강 #3 러시아
Пинск / Пінск <벨라루스어> #1Pinsk #2 핀스크 #3 벨라루스
Плесецк (космодром) #1Plesetsk Cosmodrome #2 플레세츠크 우주 기지 #3
러시아
Повенец #1Povenets #2 포베네츠 #3 러시아
Подкаменная Тунгуска (река) #1Podkamennaya Tunguska River #2 쏫카멘
나야툰구스카 강 #3 러시아
Подольск #1Podol'sk #2 포돌스크 #3 러시아
Покровск #1Pokrovsk #2 포크롭스크 #3 러시아
Полоцк / Полацк <벨라루스어> #1Polotsk #2 폴로츠크 #3 벨라루스
Полтава #1Poltava #2 폴타바 #3 우크라이나
Полярный #1Polyarnyi #2 폴랴르니 #3 러시아
Поронайск #1Poronaysk #2 포로나이스크 #3 러시아
Поти / ფოთი <조지아어> #1Poti #2 포티 #3 조지아
Прибалтика #1Baltic states #2 발트 삼국 #3 에스토니아, 라트비아, 리투아
니아
Прилуки #1Priluki #2 프릴루키 #3 우크라이나
Приморск #1Primorsk #2 프리모르스크 #3 러시아
Приморский #1Primorskiy #2 프리모르스키 #3 러시아
Приозерск #1Priozersk #2 프리오제르스크 #3 러시아
Провиденция #1Provideniya #2 프로비데니야 #3 러시아
Прокопьевск #1Prokop'evsk #2 프로코피엠프스크 #3 러시아
Прут (река) #1Prut River #2 프루트 강 #3 우크라이나, 몰도바, 루마니아
Псков #1Pskov #2 프스코프 #3 러시아
Псковско-Чудское озеро #1Peipus, (Lake) #2 페이푸스 호 #3 러시아, 에스
토니아
Псковское озеро #1Pskov 호 #2 프스코프 호 #3 러시아, 에스토니아
Пугачёв #1Pugachyov #2 푸가초프 #3 러시아
Пушкино #1Pushkino #2 푸시키노 #3 러시아
Пятигорск #1Pyatigorsk #2 파이티고르스크 #3 러시아

<P>

Ревда #1Revda #2 레브다 #3 러시아
Репино #1Repino #2 레피노 #3 러시아
Ржев #1Rzhev #2 르제프 #3 러시아
Рига #1Riga #2 리가 #3 라트비아
Рижский залив #1Riga, (Gulf of) #2 리가 만 #3 라트비아, 에스토니아
Ровно #1Rovno #2 로브노 #3 우크라이나
Рославль #1Roslavl' #2 로슬라블 #3 러시아

Россия #1Russia #2 러시아 #3 소비에트연방
Ростов-на-Дону #1Rostov-na-Donu #2 로스토프나도누 #3 러시아
Ростов #1Rostov #2 로스토프 #3 러시아
Рубцовск #1Rubtsovsk #2 룬츠프스크 #3 러시아
Рыбачий полуостров #1 Rybachi Peninsula / Rybachi Poluostrov #2 리바치
폴루오스트로프 반도 #3 러시아
Рыбинск #1Rybinsk #2 리빈스크 #3 러시아
Рыбинское водохранилище #1Rybinsk Reservoir / Rybinsk Sea #2 리빈스크
호 #3 러시아
Рязань #1Ryazan' #2 랴잔 #3 러시아

<C>

Салехард #1Salekhard #2 살레하르트 #3 러시아
Сальск #1Sal'sk #2 살스크 #3 러시아
Самара #1Samara #2 사마라 #3 러시아
Самара (река) #1Samara River #2 사마라 강 #3 러시아
Самарканд #1Samarkand #2 사마르칸트 #3 우즈베키스탄
Санкт-Петербург #1Saint Petersburg / Sankt Peterburg #2 상트페테르부르크
#3 러시아
Сараи #1Sarai #2 사라이 #3 러시아
Саранск #1Saransk #2 사란스크 #3 러시아
Сарапуль #1Sarapul #2 사라풀 #3 러시아
Саратов #1Saratov #2 사라토프 #3 러시아
Сатка #1Satka #2 샷카 #3 러시아
Сафоново #1Safonovo #2 사포노보 #3 러시아
Саха #1Sakha #2 사하 #3 러시아
Сахалин #1Sakhalin #2 사할린
Саяны / Саянские горы #1Sayan Mountains #2 사얀 산맥 #3 러시아
Свердловск #1Sverdlovsk #2 스베르들롭스크 #3 러시아
Свободный #1Svobodnyy #2 스보보드니 #3 러시아
Севастополь #1Sevastopol #2 세바스토폴 #3 러시아, 우크라이나
Северная Двина (река) #1Severnaya Dvina River #2 세베르나야드비나 강 #3
러시아
Северная Земля #1Severnaya Zemlya #2 세베르나야제믈랴 제도 #3 러시아
Северо-Курильск #1Severo-Kuril'sk #2 세베로쿠릴스크 #3 러시아
Северо-Осетия #1Severo-Osetiya #2 세베로오세티야 #3 러시아
Северодвинск #1Severodvinsk #2 세베로드빈스크 #3 러시아
Североморск #1Severomorsk #2 세베로모르스크 #3 러시아
Сейм (река) #1Seym River #2 세임 강 #3 러시아

- Семей #1Semey #2 세메이 #3 카자흐스탄
Семёнов-баши #1Semenov Mountain #2 세묘노프 산 #3 키르기스탄
Семипалатинск #1Semipalatinsk #2 세미팔라틴스크 #3 카자흐스탄. ‘세메이’의 옛 이름
Серафимович #1Serafimovich #2 세라피모비치 #3 러시아
Сергиев Посад #1Sergiev Posad #2 세르기예프포사트 #3 러시아
Сердоболь #1Serdobol #2 세르도볼 #3 러시아. ‘소르타발라’의 옛 이름
Серов #1Serov #2 세로프 #3 러시아
Серпухов #1Serpukhov #2 세르푸호프 #3 러시아
Сибирское ханство #1Khanate of Sibir #2 시비르한국 #3 러시아
Сибирь #1Siberia #2*시베리아 #3 러시아
Симбирск #1Simbirsk #2 심비르스크 #3 러시아
Симферополь #1Simferopol #2 심페로폴 #3 우크라이나
Сихоте-Алин #1Sikhote-Alin #2 시호테알린 산맥 #3 러시아
Славгород #1Slavgorod #2 슬라브고로드 #3 러시아
Славянск-на-Кубани #1Slavyansk-na-Kubani #2 슬라반스크나쿠바니 #3 러시아
Славянск #1Slavyansk #2 슬라반스크 #3 우크라이나
Смоленск #1Smolensk #2 스몰렌스크 #3 러시아
СНГ #1CIS #2 독립국가연합 #3CIS. ‘Commonwealth of Independent States’의 번역
Совет #1Soviet #2*소비에트 #3 소비에트연방
Советск #1Sovetsk #2 소비츠크 #3 러시아
Советская #1Sovetskaya #2 소비츠키야 #3 러시아
Советская Гавань #1Sovetskaya Gavan’ #2 소비츠키야가반 #3 러시아
Согдиана #1Sogdiana #2 소그디아나 #3 중앙아시아
Сокол #1Sokol #2 소콜 #3 러시아
Соликамск #1Solikamsk #2 솔리캄스크 #3 러시아
Соль-Илецк #1Sol’-Iletsk #2 솔일레츠크 #3 러시아
Сортавала #1Sortavala #2 소르타발라 #3 러시아
Сосна (река) #1Sosna River #2 소스나 강 #3 러시아
Сосьва (река) #1Sos’va River #2 소시바 강 #3 러시아
Сочи #1Sochi #2 소치 #3 러시아
Союз Советских Социалистических Республик #1Union of Soviet Socialist Republics #2 소련 #3 소비에트연방
Спасск-Дальний #1Spassk-Dál’niy #2 스파스크달니 #3 러시아
Средний хребет #1Srednij Range #2 스투드니 산맥 #3 러시아
ССР #1SSR #2 에스에스아르 #3 소비에트연방
СССР #1USSR #2 유에스에스아르 #3 소비에트연방

Ставрополь #1Stavropol' #2 스타브로폴 #3 러시아
Сталинабад #1Stalinabad #2 스탈리나바드 #3 타지키스탄. '두산베(Dushanbe)'의 옛 이름
Сталинград #1Stalingrad #2 스탈린그라드 #3 러시아. '볼고그라드(Volgograd)'의 옛 이름
Сталино #1Stalino #2 스탈리노 #3 우크라이나. '도네츠크(Donetsk)'의 옛 이름
Сталинск #1Stalinsk #2 스탈린스크 #3 러시아. '노보쿠즈네츠크(Novokuznetsk)'의 옛 이름
Становой хребет #1Stanovoy Range #2 스타노보이 산맥 #3 러시아
Старая Русса #1Staraya Russa #2 스타라야루사 #3 러시아
Стародуб #1Starodub #2 스타로두프 #3 러시아
Старый Оскол #1Staryy Oskol #2 스타리오스콜 #3 러시아
Стерлитамак #1Sterlitamak #2 스테를리타마크 #3 러시아
Ступино #1Stupino #2 스투피노 #3 러시아
Суда (река) #1Suda River #2 수다 강 #3 러시아
Суздаль #1Suzdal' #2 수즈달 #3 러시아
Сумгаит / Sumqayit <아제르바이잔어> #1Sumgait #2 숨가이트 #3 아제르바이잔
Сумы / Суми <우크라이나어> #1Summy #2 수미 #3 우크라이나
Сургут #1Surgut #2 수르구트 #3 러시아
Сухона (река) #1Sukhona River #2 수호나 강 #3 러시아
Сухуми / Ақәа <압하스어> / სუბუმი <조지아어> #1Sukhumi #2 수후미 #3 조지아
Сызрань #1Syzran' #2 시즈란 #3 러시아
Сыктывкар #1Syktyvkar #2 식팁카르 #3 러시아
Сыр-Дарья (река) #1Syr Dar'ya River #2 시르다리아 강 #3 중앙아시아
Сыр (река) #1Syr River #2 시르 강 #3 중앙아시아 →시르다리아(Syr Darya) 강

<Т>

Тавда #1Tavda #2 타브다 #3 러시아
Тавда (река) #1Tavda River #2 타브다 강 #3 러시아
Таганрог #1Taganrog #2 타간로크 #3 러시아
Таганрогский залив #1Taganrog Bay #2 타간로크 만 #3 러시아, 우크라이나
Таджик #1Tadzhik #2 타지크 #3 타지키스탄
Таджикистан #1Tadzhikistan #2 타지키스탄 #3 소비에트연방
Таз (река) #1Taz River #2 타스 강 #3 러시아
Таймыр (река) #1Taimyr River #2 타이미르 강 #3 러시아

- Таймырский автономный округ #1Taimyr Autonomous Okrug #2 타이미르 자치구 #3 러시아
- Таймырский полуостров #1Taumyr Peninsula #2 타이미르 반도 #3 러시아
- Тайшет #1Taishet #2 타이세트 #3 러시아
- Такла-Макан #1Taklamakan Desert #2 타클라마칸 사막 #3 중앙아시아
- Талды-Курган / Талдыкорған <카자흐어> #1Taldy-Kurgan #2 탈디쿠르간 #3 카자흐스탄
- Таллин #1Tallinn #2 탈린 #3 에스토니아
- Тамбов #1Tambov #2 탐보프 #3 러시아
- Тамбовская область #1Tambov Oblast #2 탐보프 주 #3 러시아
- Танну-Ола #1Tannu-Ola Mountains #2 탄누올라 산맥 #3 러시아, 몽골
- Танну Тува #1Tannu Tuva #2 탄누투바 #3 러시아. ‘투바(Tuva)’의 옛 이름
- Тарту #1Tartu #2 타르투 #3 에스토니아
- Татар / Татария #1Tatar #2 타타르 #3 러시아
- Татарск #1Tatarsk #2 타타르스크 #3 러시아
- Татарский пролив #1Tatar Strait #2 타타르 해협 #3 러시아
- Татарстан #1Tatarstan #2 타타르스탄 #3 러시아 →Tatar(타타르)
- Ташкент #1Tashkent #2 타슈켄트 #3 우즈베키스탄
- Тбилиси / თბილისი <조지아어> #1Tbilisi #2 트빌리시 #3 조지아
- Тверь #1Tver' #2 트베리 #3 러시아
- Тельпосиз #1Tel'posiz Mountain #2 텔포시스 산 #3 러시아, 카자흐스탄
- Темиртау / Теміртау <카자흐어> #1Temirtau #2 테미르타우 #3 카자흐스탄
- Темрюк #1Temryuk #2 템류크 #3 러시아
- Терек (река) #1Terek River #2 테레크 강 #3 러시아, 조지아
- Термез / Termiz <우즈베크어> #1Termez #2 테르메스 #3 우즈베키스탄
- Тернополь #1Ternopol' #2 테르노폴 #3 우크라이나
- Терпения, (Залив) #1Gulf of Patience / Terpeniya, (Zaliv) #2 테르페니아 만 #3 러시아
- Тикси / Тиксии <야쿠트어> #1Tiksi #2 틱시 #3 러시아
- Тирасполь / #1Tiraspol' #2 티라스폴 #3 몰도바
- Тиса (река) #1Tisza, (Lake) #2 티서¹ 강 #3 우크라이나, 헝가리
- Тифлис #1Tiflis #2 티플리스 #3 조지아. ‘트빌리시(Tbilisi)’의 옛 이름
- Тихвин #1Tikhvin #2 티흐빈 #3 러시아
- Тихорецк #1Tikhoretsk #2 티호레츠크 #3 러시아
- Тобол (река) / Тобыл <카자흐어> #1Tobol River #2 토볼 강 #3 러시아, 카자흐스탄
- Тобольск #1Tobol'sk #2 토볼스크 #3 러시아

¹ “헝가리어 외래어 표기법”에 따른 표기임.

Тольятти #1Tol'yatti #2 톨리야티 #3 러시아
Томск #1Tomsk #2 톰스크 #3 러시아
Торжок #1Torzhok #2 토르조크 #3 러시아
Троицк #1Troitsk #2 트로이츠크 #3 러시아
Туапсе #1Tuapse #2 투압세 #3 러시아
Тува #1Tuva #2 투바 #3 러시아
Тула #1Tula #2 톨라 #3 러시아
Тулун #1Tulun #2 톨룬 #3 러시아
Тура #1Tura #2 투라 #3 러시아
Тура (река) #1Tura River #2 투라 강 #3 러시아
Туран #1Turan #2 투란 #3 러시아
Туранская низменность #1Turan Depression #2 투란 저지 #3 중앙아시아
Туркестан / Түркiстан <카자흐어> #1Turkistan #2 투르키스탄 #3 카자흐스
탄
Туркмен #1Turkmen #2 투르크멘 #3 투르크메니스탄
Туркменабат / Түркменабат <투르크멘어> #1Türkmenabat #2 투르크메나
바트 #3 투르크메니스탄
Туркменбашы / Türkmenbaşy <투르크멘어> #1Turkmenbashi #2 투르크멘
바시 #3 투르크메니스탄
Туркменистан #1Turkmenistan #2 투르크메니스탄 #3 소비에트연방
Тюмень #1Tyumen' #2 튜멘 #3 러시아

<У>

Углегорск #1Uglegorsk #2 우글레고르스크 #3 러시아
Удмуртия #1Udmurt #2 우드무르트 #3 러시아
Ужгород #1Uzhgorod #2 우주고로트 #3 우크라이나
Узбек #1Uzbek #2 우즈베크 #3 우즈베키스탄
Узбекистан / O'zbekiston <우즈베크어> #1Uzbekistan #2 우즈베키스탄 #3
소비에트연방
Украина / Україна <우크라이나어> #1Ukraine #2 우크라이나 #3 소비에트
연방
Улан-Уде #1Ulan-Ude #2 울란우데 #3 러시아
Ульяновск #1Ul'yánovsk #2 울리야놉스크 #3 러시아
Урал #1Ural #2 우랄 #3 러시아
Урал (река) #1Ural River #2 우랄 강 #3 러시아, 카자흐스탄
Уральск / Урал #1Ural'sk #2 우랄스크 #3 카자흐스탄
Уральские горы #1Ural Mountains #2 우랄 산맥 #3 러시아, 카자흐스탄
Ургенч #1Urgench #2 우르겐치 #3 우즈베키스
Уруп (остров) #1Urup Island #2 우루프 섬 #3 러시아

Уса (река) #1Usa River #2 우사 강 #3 러시아
Уссури (река) #1Ussuri River #2 우수리 강 #3 러시아
Уссурийск #1Ussuriisk #2 우수리스크 #3 러시아
Уссурийский залив #1Ussuri Bay #2 우수리 만 #3 러시아
Усть-Абаканское #1Ust'-Abakanskoe #2 우스티아바칸스코예 #3 러시아.
'아바칸(Abakan)'의 옛 이름
Усть-Илимск #1Ust'-Ilimsk #2 우스티일림스크 #3 러시아
Усть-Камчатск #1Ust'-Kamchatsk #2 우스티캄차츠크 #3 러시아
Усть-Кут #1Ust'-Kut #2 우스티쿠트 #3 러시아
Усть-Нера #1Ust'-Nera #2 우스티네라 #3 러시아
Усть-Ордынский #1Ust'-Ordynskiy #2 우스티오르딘스키 #3 러시아
Усть-Ордынский Бурят #1Ust'-Ordynskiy Buryat #2 우스티오르딘스키부랴트 #3 러시아
Усть-Сысольск #1Ust'-Sysol'sk #2 우스티시술스크 #3 러시아. '식팁카르(Syktyvkar)'의 옛 이름
Усть-Цильма #1Ust'-Tsil'ma #2 우스티칠마 #3 러시아
Устюрт (плато) #1Ustyurt Plateau #2 우스티류르트 고원 #3 중앙아시아
Утхолок (река) #1Utkholok River #2 웃홀로크 강 #3 러시아
Уфа #1Ufa #2 우파 #3 러시아
Уфа (река) #1Ufa River #2 우파 강 #3 러시아
Ухта #1Ukhta #2 우흐타 #3 러시아

<Ф>

Федченко, (Ледник) #1Fedchenko Glacier #2 페드첸코 빙하 #3 타지키스탄
Феодосия / Феодосія <우크라이나어> #1Feodosiya #2 페오도시야 #3 러시아, 우크라이나
Фергана #1Fergana #2 페르가나 #3 우즈베키스탄
Ферганская долина #1Fergana Valley #2 페르가나 분지 #3 중앙아시아
Форт-Шевченко #1Fort Shevchenko #2 포트셰프첸코 #3 카자흐스탄
Фрунзе #1Frunze #2 프룬제 #3 키르기스스탄. '비슈케크(Bishkek)'의 옛 이름

<X>

Хабаровск #1Khabarovsk #2 하바롭스크 #3 러시아
Хазария #1Khazar #2 하자르 #3 카프카스(Kavkaz)와 볼가(Volga) 강, 돈(Don) 강의 중간 지역. #4 편수지명, 용지
Хакас / Хакасия #1Khakas #2 하카스 #3 러시아
Хан-Тенгри #1Khan-Tengri Peak #2 한텡그리 산 #3 중앙아시아
Ханка (озеро) #1Khanka, (Lake) #2 한카 호 #3 러시아, 중국

Ханты-Манси #1Khanty-Mansi #2 한티만시 #3 러시아
Ханты-Мансийск #1Khanty-Mansiysk #2 한티만시스크 #3 러시아
Харьков #1Khar'kov #2 하리코프 #3 우크라이나
Хасавюрт #1Khasavyurt #2 하사뷰르트 #3 러시아
Хатанга #1Khatanga #2 하탄가 #3 러시아
Хатанга (река) #1Khatanga River #2 하탄가 강 #3 러시아
Херсон #1Kherson #2 헤르손 #3 우크라이나
Хета (река) #1Kheta River #2 헤타 강 #3 러시아
Хива #1Khiva #2 히바 #3 우즈베키스탄
Хивинское ханство #1Khanate of Khiva #2 히바한국 #3 중앙아시아
Хийумаа (остров) / Hiiuamaa <에스토니아어> #1Khiuma Island #2 히우마 섬
#3 에스토니아
Хилок #1Khilok #2 힐로크 #3 러시아
Химки #1Khimki #2 힘키 #3 러시아
Ходжент #1Zhozhent #2 호젠트 #3 타지키스탄
Холм #1Kholm #2 홀름 #3 러시아
Холмск #1Kholmск #2 홀름스크 #3 러시아
Хорезм #1Khorazm #2 호라즘 #3 중앙아시아
Хорог #1Khorog #2 호로크 #3 타지키스탄

<Ц>

Царицын #1Tsaritsyn #2 차리친 #3 러시아. ‘볼고그라드(Volgograd)’의 옛 이름
Целиноград #1Tselinograd #2 첼리노그라드 #3 카자흐스탄
Центральная Азия #1Central Asia #2 중앙아시아 #3 중앙아시아
Цимлянское водохранилище #1Tsimlyansk Reservoir #2 치믈랴스크 호 #3 러시아

<Ч>

Чагатайское ханство #1Chagatai Khanate #2 차가타이한국 #3 몽골
Чаны (озеро) #1Chany, (Lake) #2 차니 호 #3 러시아
Чапаевск #1Chapayevsk #2 차파옴스크 #3 러시아
Чарджоу / Чэржев <투르크멘어> #1Chardzhou #2 차르조우 #3 투르크메니스탄. ‘투르크메나바트’의 옛 이름
Чебоксары #1Cheboksary #2 체복사리 #3 러시아
Челюскин (мыс) #1Chelyuskin, (Cape) #2 첼류스킨 곶 #3 러시아
Челябинск #1Chelyabinsk #2 첼랴빈스크 #3 러시아
Черемхово #1Cheremkhovo #2 체렘호보 #3 러시아
Череповец #1Cherepovets #2 체레포베츠 #3 러시아

Черкесия / Адыгэ Хэку <адыгейский> #1Circassia #2 시르카시아 #3 러시아
Черкесск #1Cherkessk #2 체르케스크 #3 러시아
Чернигов #1Chernigov #2 체르니고프 #3 우크라이나
Чернобыль #1Chernobyl #2 체르노빌 #3 우크라이나
Черновцы #1Chernovtsy #2 체르노프치 #3 우크라이나
Черногорск #1Chernogorsk #2 체르노고르스크 #3 러시아
Чёрное море #1Black Sea #2 흑해 #3 아시아, 유럽
Черняховск #1Chernyakhovsk #2 체르냐хов스크 #3 러시아
Черские горы #1Cherski Mountains #2 체르ски 산맥 #3 러시아
Чечня #1Chechen #2 체첸 #3 러시아
Чёшская губа #1Chosha Bay / Cheshskaya Bay #2 체시스카야 만 #3 러시아
Чимкент / Шымкент <카자흐어> #1Chimkent #2 침켄트 #3 카자흐스탄
Чистополь #1Chistopol' #2 치스토폴 #3 러시아
Чита #1Chita #2 치타 #3 러시아
Чкалов #1Chkalov #2 치칼로프 #3 러시아. ‘오렌부르크(Orenburg)’의 옛 이름
Чу (река) / Шу <카자흐어> #1Chu River #2 추 강 #3 카자흐스탄
Чуваш / Чувашия #1Chuvash #2 추바시 #3 러시아
Чудско-Псковское озеро #1Peipus, (Lake) #페이푸스 호 #3 러시아, 에스토니아
Чудское озеро #1Chudskoe, (Lake) #2 추트스코예 호 #3 러시아, 에스토니아
Чукотский автономный округ / Чукчи #1Chukotka Autonomous Okrug / Chukchi #2 चुकि #3 러시아
Чулым (река) #1Chulym River #2 чулым 강 #3 러시아
Чусовая (река) #1Chusovaya River #2 추소바야 강 #3 러시아
Чусовой #1Chusovoy #2 추소보이 #3 러시아

<Ш>

Шадринск #1Shadrinsk #2 샤드린스크 #3 러시아
Шантар (остров) #1Shantar Island #2 샤타르 섬 #3 러시아
Шантарские острова #1Shantar Islands / Shantarskie Ostrova #2 샤타르스키예 제도 #3 러시아
Шара-Мурэн #1Xar Moron River / Shira Muren River #2 시라무렌 강 #3 중앙아시아
Шахты #1Shakhty #2 샤흐티 #3 러시아
Шексна (река) #1Sheksna River #2 셰кс나 강 #3 러시아
Шелагский (мыс) #1Shelagskiy, (Cape) #2 셸락스키 곶 #3 러시아
Шелихова, (Залив) #1Shelikhova Gulf #2 셸리호바 만 #3 러시아

Шелковый путь #1 Silk Road #2 실크로드 #3 중앙아시아
Шикотан (остров) #1 Shikotan Island #2 시코탄 섬 #3 러시아
Шимановск #1 Shimanovsk #2 시마놉스크 #3 러시아
Шуя #1 Shuya #2 슈야 #3 러시아
Шяуляй / Šiauliai <리투아니아어> #1 Shaulyai #2 샤울라이 #3 리투아니아

<Ш>

Шекино #1 Shchekino #2 셰키노 #3 러시아
Шелково #1 Shchelkovo #2 셸코보 #3 러시아

<Э>

Эвенкий #1 Evenkiy #2 예벤키 #3 러시아
Элиста #1 Elista #2 엘리스타 #3 러시아
Эльбрус (стратовулкан) #1 El'brus, (Mount) #2 엘브루스 산 #3 러시아
Эмба (река) / Жем (өзен) <카자흐어> #1 Emba #2 엠바 (강) #3 카자흐스탄
Энгельс #1 Engel's #2 엔겔스 #3 러시아
Эстония #1 Estonia #2 에스토니아 #3 소비에트연방

<Ю>

Южно-Сахалинск #1 Yuzhno-Sakhalinsk #2 유즈노사할린스크 #3 러시아
Юрга #1 Yurga #2 유르가 #3 러시아
Юрьев #1 Yuriev #2 유리에프 #3 에스토니아. ‘타르투(Tartu)’의 옛 이름

<Я>

Яблонный хребет #1 Yablonoi Mountains / Yablonovyi Khrebet #2 야블로노비 산맥 #3 러시아
Яксарт #1 Jaxartes #2 약사르테스 강 #3 중앙아시아. ‘시르다리아(Syr Dar'ya) 강’의 옛 이름
Якут / Якутия #1 Yakut #2 야쿠트 #3 러시아. ‘사하(Sakha)’의 옛 이름
Якутск #1 Yakutsk #2 야쿠츠크 #3 러시아
Ялта #1 Yalta #2 알타 #3 러시아, 우크라이나
Ялуторовск #1 Yalutorovsk #2 알루토롭스크 #3 러시아
Ямал (полуостров) #1 Yamal Peninsula #2 야말 반도 #3 러시아
Ямало-Ненец #1 Yamalo-Nenets #2 야말로네네츠 #3 러시아
Ямбург #1 Yamburg #2 얀부르크 #3 러시아. ‘킨기세프(Kingisepp)’의 옛 이름
Яна (река) #1 Yana River #2 야나 강 #3 러시아
Ярославль #1 Yaroslavl' #2 야로슬라블 #3 러시아
Ярцево #1 Yartsevo #2 야르체보 #3 러시아

이상의 용례를 인용한 자료의 상세 정보는 다음과 같다.

- 국립국어원(2005), <외래어 표기 용례집(포르투갈어, 네덜란드어, 러시아어)>, 국립국어원, 233p.
- 국립국어원 홈페이지 (<http://korean.go.kr>). 외래어 표기 용례 자료 – 로마지명(2014.12.12.), 로마인명(2015.03.27.).

다음의 내용을 참고하여 용례를 활용하도록 한다.

- 가) *가 붙은 표기는 “러시아어 외래어 표기법”에 맞지 않으나 관례에 따른 것이다.
- 나) 소련 해체 이후 우크라이나, 벨라루스, 조지아, 아르메니아, 아제르바이잔, 몰도바, 라트비아, 리투아니아, 에스토니아 등의 지명은 러시아어보다는 자국어의 로마자 표기를 우선으로 하여 한글로 옮기기 때문에 “러시아어 외래어 표기법” 외에 일반적인 외래어 표기법 규정을 따르는 경우가 있다.
- 다) 우즈베키스탄, 카자흐스탄, 키르기스스탄, 타지키스탄, 투르크메니스탄 등의 지명은 러시아어 표기를 우선으로 하되, 자국어에서 유래한 지명은 “러시아어 외래어 표기법”이 아닌 일반적인 외래어 표기법 규정을 따르는 경우가 있다.
- 라) 추후 로마자 표기를 하나의 체계로 통일하기로 한다.

<지명 관련 용어>

автономная область #1 autonomous region #2 자치주
автономный округ #1 autonomous okrug #2 자치구
административный центр #1 administrative center #2 주도
архипелаг #1 archipelago #2 제도 / 군도
атолл #1 atoll #2 섬 / 산호섬
бассейн #1 basin #2 분지
водный путь #1 waterway #2 수로
водохранилище #1 reservoir #2 호 / 저수지
гора #1 mountain #2 산
горная система #1 range #2 산맥
город #1 city #2 시
горы #1 mountains #2 산맥
губа #1 bay #2 만
залив #1 gulf #2 만

канал #1canal #2 운하
край #1region #2 지방
ледник #1glacier #2 빙하
мыс #1cape #2곶
нагорье #1highland #2 고원 / 고지
низменность #1lowland #2 저지
область #1region #2 주
озеро #1lake #2 호 / 호수
остров #1island #2 섬
острова #1islands #2 제도
пик #1peak #2 산 / 봉
плато #1plateau #2 고원
полуостров #1peninsula #2 반도
посёлок #1town #2 마을
пролив #1strait #2 해협
пустыня #1desert #2 사막
район #1district #2 구 / 군
река #1river #2 강
Республика #1Republic #2 공화국
село #1village #2 마을
сопка #1stratovolcano #2 산 / 화산
столица #1capital city #2 수도
федеральный город #1federal city #2 연방시
ханство #1Khanate #2 한 / 한국
хребет #1mountains #2 산맥
шар #1strait #2 해협

참고문헌 작성 예시

Образец оформления библиографического описания в списке источников

December 10, 2018

Center for Korean Studies, Ablai Khan University

1. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С.240-253.
 2. Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы, 2005. 303с.
 3. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 320с.
 4. Борантаева Ф.Ж. Корея Республикасының «жұмсақ күш» саясатындағы Корей толқынының орны // Корееведение Казастана б. Алматы: Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ, Корейтану Орталығы, 2017. бб.126-133.
 5. Баймолдаев Т.М. Білім беру жүйесін басқарудың әдіснамалық негізі: Білім беру ұйымдарының басшыларына және білім жүйесі қызметкерлеріне арналған. Алматы, 2013. 356бет.
 6. 장호중. 카자흐스탄 한국학의 현황과 과제 // 카자흐스탄 한국학 8. 알마티: 카자흐 국제관계 및 세계언어대 한국학센터, 2018. pp.135-145.
 7. 하치근. 우리말의 형태와 의미. 서울: 경진, 2009. 387p.
 8. King, Ross. An Introduction to Soviet Korean // Language Research 23-2. Seoul: Language Education Institute of Seoul National University, 1987. pp.233-277.
 9. Chomsky, Noam. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1965. 251p.
 10. Хангыль // Википедия.
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D1%8B%D0%BB%D1%8C>
 11. Корей толқыны мен қазақ жастары // Yvision.kz.
<https://yvision.kz/post/327199>
 12. 고려말 // 한국민족문화대백과.
<https://terms.naver.com/entry.nhn?docId=3327164&cid=46674&categoryId=46674>
- 참고문헌은 위와 같이 ., :// - 외의 기호를 사용하지 않는 것을 원칙으로 한다. Кроме знаков ., :// - принято за основное правило не использовать иные знаки препинания и символы.

목차

(R 은 러시아어, E 는 영어, K 는 카자흐어. 논문은 필자의 러시아어 알파벳 순.)

1. 악탄베르겐 아얀, 김 알비나. 한국의 전설과 현대 문화에 나타난 선덕여왕 이미지의 재현 (R).....	5
2. 악탄베르겐 아얀. 한국어와 카자흐어에서의 언어문화학 용어 형성.....	14
3. 악탄베르겐 아얀. 대한제국(1897-1910): 근대화 과정과 역사적 의의 (R).....	24
4. 아이트자노프 루슬란, 구마르 아만. 한국과 카자흐스탄의 사이버문화: 게이머에서 메타버스까지 (R).....	39
5. 베케노바 아델리야. 현대 한국 미디어에 나타난 사회문제: 불평등한 계층 구조와 다문화 인물 재현을 중심으로.....	78
6. 체르니쇼프 티모페이, 그레벤시코바 예카테리나. 중국의 경쟁력 향상에 대처하는 세계 전기차 시장에서의 대한민국 전략 (R).....	87
7. 이사예바 소피야, 테가이 크세니야. 속어 번역 전략 연구 - 웹툰을 중심으로 (R).....	100
8. 카이르베코바 아루잔, 변 야나. 외교 담화에서의 민족문화적 현실어 번역: 유엔에서의 대한민국 대표 연설을 중심으로 (R).....	115
9. 칼릴라예바 다나. 남한의 이미지 정책: 외국인 유학생 증가를 통한 소프트 파워 전략 (R).....	126
10. 칼리바예바 아디나, 최 알리나, 백솔타노바 자밀라. 한러 언어쌍에서의 무등가성 번역 양상 (R).....	138
11. 김 아나스타샤, 김 예카테리나, 슬라이마노바 카리나. K-pop 현상: 소프트 파워, 세계화, 그리고 카자흐스탄 문화 공간에 대한 영향 (R).....	149
12. 김미영. 한국의 ‘소프트 파워’가 경제적·정치적 위상에 미친 영향 (R).....	159
13. 미로시나 알렉산드라. 소련/러시아와의 상호작용을 중심으로 본 조선민주주의인민공화국의 문화외교 (R).....	170
14. 파노바 엘리자베타, 몰디바예바 토미리스. 한국의 성씨 종족 집단과 카자흐스탄의 루(ru) 문화 특성 비교 분석 (R).....	181
15. 포시사예바 엘리자베타. 문화정책의 혁신: 현대적 경향이 전통문화 요소에 미친 영향 (R).....	194
16. 시오슈빌리 마리암. 현대 조지아어와 한국어에서의 영어 차용어 연구 (E).....	207
17. 최 야나, 스마글로바 사비나. 한국 언론 뉴스 제목의 특징과 러시아어 번역 양상 (R).....	214

18. 불코바 아나스타샤. 한국 불교: 조선 후기부터 일제강점기까지 (R)	225
19. 불코바 아나스타샤. 20 세기 후반 한반도의 불교 (R)	236
<참고 1> 한국 인명 지명의 러시아어 표기	252
<참고 2> CIS(구 소련) 인명 지명의 한글 표기	253
<참고 3> 러시아어 외래어 표기법	254
<참고 4> CIS(구 소련) 인명의 한글 표기 용례	259
<참고 5> CIS(구 소련) 지명의 한글 표기 용례	311
참고문헌 작성 예시	342
목차	343

CIS 대학생 한국학 논문집 13

편집대표

박 벨리 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

책임편집

장호중 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

편집위원

백태현 (중앙아시아 한국대학교)

고호윤 (나자르바예프대학교)

한 벨리 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

김 울리야나 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

쿠르만베코바 발렌티나 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

보란타예바 파리자 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

악사날리에바 자밀라 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

편집간사

자일라우오바 아루잔 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

슬람가지예바 디아나 (카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교)

Korean Studies for CIS Students Vol. 13.

Almaty: Center for Korean Studies of Ablai Khan University. 2026. 346 p.

ISSN 2415-752X

발행일: 2026년 2월 20일

발행기관: 카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교 한국학센터

발행처: 카자흐 아블라이 한 국제관계 및 세계언어대학교 출판부

주소: Muratbayev Str. 200, Kazakh Ablai Khan University of

International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstn

Center for Korean Studies

**Kazakh Ablai Khan University
of International Relations
and World Languages**

카자흐 아블라이 한
국제관계 및 세계언어대학교
한국학센터

CIS 대학생 한국학 논문집 13

2026

“이 학술지는 2021 년도 대한민국 교육부와 한국학중앙연구원(한국학진흥사업단)의 해외한국학중핵대학육성사업의 지원을 받아 수행된 연구임 (AKS-2021-OLU-2250007)”